

САЙМОН ГАРФИЛД

Время – высшая ценность, которая у нас есть

Саймон Гарфилд
Хранители времени: как мир стал
одержим временем

© Бавин С.П., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

Очень-очень рано или очень-очень поздно

Мы в Египте. Не в древнем Египте, что было бы весьма логично для начала книги о времени, а в современном из журнала *Condé Nast Traveller* – с прекрасными пляжами, туристами, пирамидами и палящим средиземноморским солнцем. Мы сидим в ресторане над бухтой близ Александрии и на краю пляжа видим местного рыбака, который ловит себе на ужин что-то наверняка вкусное. Может, барабульку.

У нас был тяжелый год, и теперь мы в отпуске. Пообедав, мы неспешно направляемся в сторону рыбака. Он немного говорит по-английски. Он показывает свой улов – не очень богатый пока, но рыбак не теряет надежды. Поскольку нам кое-что известно о рыбалке, мы замечаем, что он мог бы перебраться вон к тем скалам неподалеку, на более глубокое место по сравнению с тем, где сидит сейчас на своем складном стульчике. Там, вероятно, больше шансов быстрее наловить рыбы.

– А зачем? – спрашивает он.

Мы говорим, что если он быстрее наловит много рыбы, то ему хватит не только на ужин, но останется кое-что и для продажи на местном рынке, а в результате можно будет купить себе удочку получше и новый ящик со льдом для хранения улова.

– А зачем?

– Так ты сможешь быстрее ловить больше рыбы, продавать ее, быстро заработать деньги, чтобы купить лодку, а это даст возможность выходить в море и ловить еще больше рыбы за то же время, ловить сетью, как на рыболовных траулерах. На самом деле ты сможешь приобрести собственный траулер, и люди станут называть тебя капитаном.

– А зачем? – повторяет он упрямо и раздражающе.

Мы живем в современном мире, где ценятся амбиции и расторопность, поэтому, пытаясь скрыть нетерпение, продолжаем настаивать на своей идее.

– Если у тебя будет траулер, ты будешь добывать такие уловы, что станешь королем рынка, сможешь диктовать свои цены, покупать новые суда, нанимать работников, а потом, реализуя заветную мечту, пораньше отойдешь от дел и сможешь спокойно сидеть на бережку и ловить рыбку.

– Примерно так, как сейчас?

* * *

А теперь вкратце коснемся истории Уильяма Стрейчи. Стрейчи родился в 1819 году и со школьных лет мечтал поступить на государственную службу. В середине 1840-х годов он уже был сотрудником Министерства колоний в Калькутте. Там у него сложилось убеждение, что у индийцев, и у жителей Калькутты в особенности, самые точные часы (лучшие часы в Индии в то время, скорее всего, были английскими, но это неважно). Через пять лет, вернувшись в Англию, он решил продолжать жить по калькуттскому времени: смелый поступок, поскольку оно опережало лондонское на пять с половиной часов.

Уильям Стрейчи был дядюшкой Литтона Стрейчи, известного писателя, литературного критика и биографа викторианской эпохи. Майкл Холройд, биограф самого Литтона, отмечал, что Уильям был одним из самых эксцентричных представителей семейства, а это кое о чем говорит, учитывая характерную причудливость поведения всего клана Стрейчи^[1].

Уильям Стрейчи дожил почти до 85 лет, более полувека живя в Англии по калькуттскому времени. То есть завтракал он во время вечернего чая, обед при свечах проходил ночью; ему приходилось

производить сложные вычисления, когда дело касалось расписания поездов и прочих повседневных забот, типа посещения магазинов и банков. Но в 1884 году все стало еще сложнее, поскольку в Калькутте перевели стрелки часов на 24 минуты вперед относительно большей части Индии, и сутки Стрейчи стали начинаться на 5 часов 54 минуты раньше, чем в Лондоне. Иногда было просто невозможно понять, когда для него очень-очень рано, а когда – очень-очень поздно.

Большинство друзей Стрейчи (впрочем, друзей было не так много), привыкли к его причудам, но самое суровое испытание терпению семьи он подкинул в 1867 году, приобретя на Всемирной выставке в Париже механическую кровать. К кровати прилагался часовой механизм, настроенный так, что в назначенное время будил владельца путем переворачивания кровати. Стрейчи разместил кровать так, чтобы при переворачивании вываливаться непосредственно в ванну. Он все хорошо спланировал, но в первый же раз, когда оказался таким образом в воде, пришел в ярость и расколошматил часы, чтобы такого пробуждения больше не повторялось. По словам Холройда, последние годы жизни Уильям Стрейчи проходил в галошах, а перед смертью завещал племяннику значительный ассортимент цветного нижнего белья.

* * *

Между умиротворенностью рыбака и безумством Стрейчи располагается жизнь каждого из нас, полная компромиссов. Что нам больше нравится – жить по часам или как тот рыбак? Пожалуй, и то, и другое. Мы можем завидовать беззаботному существованию, но у нас нет времени, чтобы жить долго именно таким образом. Нам хочется, чтобы в сутках было больше часов, но мы боимся растратить их впустую. Мы работаем непрерывно, чтобы со временем работать меньше. Мы изобрели «личное время», чтобы

отличать его от остального времени. Мы кладем часы в изголовье кровати, но потом нам больше всего хочется раздавить их.

Время, когда-то пассивное, стало агрессивным. Оно определяет нашу жизнь таким образом, что первым часовых дел мастерам это показалось бы невыносимым. Мы считаем, что время убегает от нас. Технологии ускоряют жизнь, а поскольку мы уверены, что в будущем все должно быть быстрее, современные скорости нас уже не устраивают. Разница во времени, которая имела такое большое значение для Уильяма Стрейчи, при наличии интернета превратилась практически в анахронизм. Но самое странное заключается вот в чем: часовые мастера прошлого, если бы могли, напомнили бы нам, что маятники качаются с прежней скоростью, а календари остаются неизменными на протяжении многих веков. Мы сами опрокинули на себя этот котел спешки. Нам только кажется, что время идет быстрее.

Эта книга – про одержимость временем и стремление измерять его, контролировать, продавать, запечатлевать, останавливать мгновения и придавать ему значимость. В ней говорится о том, как за последние 250 лет время заняло такое важное и неотъемлемое место в нашей жизни и почему, после тысяч лет созерцания небес в поисках смутных и переменчивых указаний, мы теперь нуждаемся в атомной точности, которую предоставляют смартфоны и компьютеры, причем обращаемся к ним не один-два раза в сутки, а постоянно и импульсивно. У этой книги две простые цели: поведать несколько показательных историй и понять, не сошли ли мы окончательно с ума.

Недавно я купил Wunderlist – приложение для смартфона. Оно предназначено «сортировать и синхронизировать ваши дела дома, на работе и между», дает возможность «быстро просматривать список дел» и «переключаться между любыми приложениями, чтобы заглянуть в перечень дел с помощью опции Today». Выбрать именно это приложение оказалось непросто, потому что были еще такие варианты, как *Tick Task Pro*, *Eisenhower Planner Pro*, *gTasks*, *iDo Notepad*

Pro, Tiny Timer, 2Day 2Do, Little Alarms, 2BeDone Pro, Calendar 366 Plus, Howler Timer, Tasktopus, Effectivator и много-много других. В январе 2016 года приложения в области «Бизнес и производительность» – подавляющее большинство которых ориентировано на экономию и организацию времени, а также на повышение быстроты и эффективности действий во всех сферах жизни – занимали большую долю приложений для смартфонов, чем приложения в областях «Образование», «Развлечения», «Путешествия», «Книги», «Здоровье и фитнес», «Спорт», «Музыка», «Фото» и «Новости», каждое из которых тоже так или иначе ориентировано на повышение эффективности и более быстрое выполнение задач. Да, среди вышеперечисленных было название *Tasktopus*^[2]. Как мы дошли до такой кошмарной и увлекательной жизни?

* * *

Книга «Хранители времени» и пытается это выяснить. Мы рассмотрим несколько значимых моментов. Компанию нам в этом составят свидетели разных времен, среди которых немало замечательных художников, спортсменов, изобретателей, композиторов, кинорежиссеров, писателей, ораторов, обществоведов и, разумеется, часовщиков. В различных главах рассматривается скорее практическое, нежели философское отношение ко времени – времени как главному персонажу нашей жизни и порой единственному, ценность которого определяем мы сами. Мы проанализируем отдельные моменты, когда отношение к преходящим явлениям существенно обогащает, сдерживает или изменяет нашу жизнь. Книга не укоряет за спешку, хотя некоторые персонажи могут подсказать, как использовать тормоза. И эта книга не имеет отношения к теоретической физике, поэтому мы не станем разбираться в реальном и воображаемом времени и в том, что было до Большого взрыва; зато внимательно приглядимся к тому, что

последовало после большого взрыва промышленной революции. Мы не станем затрагивать область научно-фантастической литературы или не укладывающуюся в сознании механику путешествий во времени: все это может убить вашего дедушку^[3] и занести нас на Поле золотой парчи^[4]. Это я оставляю физикам и поклонникам *Доктора Кто*; мне больше по душе рациональное отношение ко всему этому Граучо Маркса: время летит как стрела, а фрукты летят как бананы^[5].

«Хранители времени» следят за полетом стрелы времени в современную эпоху. Ее скорость увеличивается с появлением железных дорог и фабрик, но путешествие наше скорее культурологическое и отчасти философское, получающее ускорение от симфоний Бетховена и фанатичных традиций швейцарских часовщиков. Вкраплениями будут попадаться мудрые мысли ирландских и еврейских комедиантов. Временная шкала окажется скорее циклической, нежели линейной, поскольку у времени есть манера повторяться (например, здесь сначала идет речь о заре кинематографа, а потом – о заре фотографии). Но, соблюдать хронологию или нет, неизбежно одно: рано или поздно мы найдем человека, ответственного за рекламный слоган «Часы Patek Philippe принадлежат не вам; вы просто храните их для следующего поколения», и постараемся не убить его. Чуть позже книга оценит мудрость знатоков в области экономии времени, исследует, почему компакт-диски служат столько, сколько положено, и объяснит, почему надо очень серьезно подумать, прежде чем отправиться в путешествие 30 июня.

Но начнем мы с футбольного матча – события, где время решает все.

Глава первая

Случайность времени

I. Теряя опору

Вам знакомо выражение, что комедия – это трагедия плюс немного времени? Суть в том, что любую кошмарную неудачу через некоторое время, необходимое для того, чтобы прийти в себя и пересмотреть ситуацию, можно представить в забавном виде. Кинорежиссер Мел Брукс (который решил, что временной промежуток позволяет ему посмеяться над Гитлером в комедии «Продюсеры») предложил свою версию: «Если я отрежу себе палец – это трагедия. Если вы свалитесь в канализационный люк и разобьетесь насмерть – это комедия».

* * *

Мы были на футбольном матче. После трех минут дополнительного времени мы с моим сыном Джейком отцепили велосипеды от ограждения и покатали в сторону Гайд-парка. Первый матч «Челси» в сезоне оказался несложным: победа со счетом 2:0 над «Лестером», голы забили Коста и Азар, приятное возвращение на поле после летней паузы. Поездка домой тоже выглядела приятной: вечернее августовское солнце, парк полон туристов.

День матча стал известен еще два месяца назад, когда опубликовали расписание; начало матча определили телевизионные компании примерно через месяц после этого. Но в день игры все проходило по давно устоявшемуся ритуалу: когда встречаемся, когда обедаем, какого размера пиццу заказываем, сколько времени надо, чтобы получить билеты, дойти до стадиона, выстоять очередь у турникетов, прослушать музыку через динамики (в те времена всегда Parklife группы Blur) в сопровождении кадров былых побед на больших экранах. А затем сама игра: как долго тянется матч,

когда ты побеждаешь и ждешь финального свистка, и как быстро летит время, когда проигрываешь.

Мы ушли на минуту раньше, чтобы избежать толпы, тоже после некоторых размышлений: как соотносить возможность увидеть гол на последних секундах с экономией каких-то десятка минут, потраченных в столпотворении? Многие на стадионах предпочитают уходить чуть-чуть пораньше, что почти дискредитирует цель посещения. Мы пробирались на своих велосипедах сквозь толпу на Фулхэм-роуд. Мой младший сын Джейк, которому было 24, полный сил, катил немного впереди по Эксибишен-роуд, мимо Альберт-холла. Что хорошо в Гайд-парке, так это современное разделение дорожек: половина для велосипедистов, другая – для пешеходов. Мы ехали мимо галереи Серпентайн, где выставлялся художник, имени которого я никогда не слышал, и вдруг я чувствую, что по лицу течет кровь, под глазом пульсирует рана, правый локоть свело от тупой боли. Вокруг – озабоченные лица людей, по выражению которых я догадываюсь, что травма головы у меня, наверное, серьезная. Кто-то вызывает скорую помощь, кто-то протягивает бумажные салфетки промокнуть рану, и они моментально окрашиваются алым.

Про такие ситуации обычно и говорят: время словно замедлилось. Я вижу падение не совсем так, как в замедленной съемке, а как бы растянуто, каждый мельчайший момент, связанный с аварией, растягивается и застывает, словно последний, мое падение с велосипеда выглядит как элегантный полет, а не как неловкое, паническое столкновение. Вокруг звучат слова «врача надо, врача». Скорая приезжает через шесть долгих минут или около того, видимо, с трудом пробившись сквозь толпу сочувствующих. Помню, я забеспокоился о велосипеде и подумал о том, кто сообщит жене. Один из медиков разрезал рукав моей куртки и нахмурился, увидев состояние локтя. Кости не торчали, но он стал размером с тарелку. Врач сказал: «Надо делать рентген, но я и так вижу, что сломан». Меня повезли в клинику на Фулхэм-роуд, которую мы миновали

каких-то 15 минут назад. Я спросил, не надо ли включить сирену, а он поинтересовался, как все произошло.

Мне помешало время. Ехал я не быстро, потому что на тротуарах было полно народу. Джейк уехал вперед, слева от нас шло много людей, и одна туристка, как мы выяснили позже, из Португалии, случайно шагнула чуть в сторону от своей компании и оказалась у меня на пути. Я понял, что столкновение неизбежно, даже раньше, чем оно произошло, но времени затормозить или хотя бы протянуть руку не хватило; велосипед словно исчез подо мной, а я полетел вперед. Эта португалка, лет двадцати с небольшим, выглядела шокированной и встревоженной, Джейк взял номер ее мобильного телефона, но мы не знаем, куда он подевался. Даже в тот момент, сидя на траве перед галереей Серпентайн, я подумал, что могло быть и хуже, например разбившиеся солнечные очки могли повредить глаза и я потерял бы зрение.

Нейробиологи, наверное, уже устали выслушивать истории о том, как замедляется восприятие времени в моменты аварий, и могут многое рассказать о том, почему нам так кажется. Авария – тревожная и страшная ситуация. Мозг человека, падающего с велосипеда или в обрыв, находит много места для новых ощущений, которые запечатлеваются в кортексе. Мы помним их как значительные события с множеством ярких подробностей, а когда мысленно восстанавливаем ситуацию или рассказываем о ней другим, кажется, что произошло так много всего, что это должно было занять гораздо больше времени, чем те доли секунды, за которые оно случилось в действительности. По сравнению с другими событиями, которые закрепились в кортексе настолько, что мы больше о них не думаем (поездка в магазин на машине, во время

которой мысли наши заняты совершенно другим – такая рутина, что, как говорится, мы можем делать это во сне), неожиданное новое событие требует от мозга гораздо большего внимания. Фигура неизвестной женщины, заступившей за нарисованную белую линию, россыпь чипсов на дорожке, скрип тормозов и крики прохожих – необычные события, требующие осмысления от того, кто пытается ограничить ущерб лишь израненной плотью.

Но что на самом деле происходит в такие мгновения? Как эти мгновения сочетаются с длительной экспозицией – ведь кажется, что такое невозможно? Реакцией мозга на кризисные ситуации управляют две небольшие группы сверхчувствительных нервных узлов, так называемые миндалевидные тела, расположенные в височных долях и отвечающие в первую очередь за память и принятие решений. Именно они под воздействием страха и внезапного шока «растягивают» секундное падение на пять и более секунд, запечатлевая его в лимбической системе так, что мы никогда уже этого не забудем. Но искажение воспринимаемой длительности на этом заканчивается; реальное время на самом деле не растягивается и не предоставляет нам паузы. Дело в том, что миндалевидные тела сохраняют память в чрезвычайно ярких образах, и искажение времени возникает у нас только в ретроспекции. Нейробиолог Дэвид Иглман, который провел множество экспериментов с восприятием времени и в детстве испытал такое же «растяжение» времени, когда упал с крыши, называет это «фокусом памяти, записывающей *рассказ* о реальности». Нейронные механизмы постоянно стремятся оценивать и представлять нам окружающий мир в доступном нарративе, причем в кратчайшие сроки. Тем же занимаются авторы художественных произведений, ибо что такое литература, как не перестановка времени, и что такое история, как не взгляд в прошлое на события, оцениваемые с позиции наших дней?

Не скажу, что я мог все это объяснить в карете скорой помощи по дороге в клинику. Не делал я этого и в отделении травматологии, где

просидел, кажется, вечность. Мои миндалевидные тела вернулись в нормальное состояние, и возникло новое ощущение растяжения времени – эти два с чем-то часа тянулись бесконечно долго от скуки разглядывания других пациентов и размышлений о том, как быть с кучей дел, запланированных на ближайшую неделю. Джейк собирался последним вечерним поездом уехать в Сент-Айвс, но поезд уйдет без него. Через некоторое время появилась моя жена Жюстина, и я рассказал ей обо всем происшедшем, по-прежнему прикрывая глаз окровавленной салфеткой. А потом уже все пошло как полагается: меня отвезли на каталке в огороженное экранами помещение, медсестра попросила сжать кулак. Почти в полночь они начали запаковывать локоть в гипс, чтобы предохранить от движений во время операции. После часа ночи появился добрый доктор; у него закончилась смена, он сказал, что надо бы ехать домой к жене, которая сидит с трехнедельным ребенком, но он решил сделать операцию сам, не доверяя молодому, потому что рана у меня серьезная.

Около трех часов ночи я наконец оказался один в недрах Челси и Вестминстера. Жена с сыном погрузили велосипеды в багажник машины и уехали домой. Койку в палате мне еще не определили, и я лежал в затемненной комнате в пестром халате с завязочками за спиной; загипсованная рука на груди, под глазом девять швов, внутри – болеутоляющие. Я пытался понять, как долго я здесь нахожусь, как долго делали операцию, слушал звук капель воды из крана, вдалеке – чей-то голос, зовущий медсестру, и постепенно начал замерзать.

Мне казалось, что я чувствую каждую крупницу времени. Был август 2014 года, но дата казалась несущественной и случайной. Падение заставило раскрыться мой перегруженный мозг, и все оказалось перевернуто с ног на голову. В больничной тишине чудилось, что я уплываю в состояние, где время приобретает не только новую актуальность, но и новую неопределенность. Я словно вернулся в колыбель, где время не принадлежит мне, и я попробовал осознать,

до какой степени. Все случайно или все предопределено? Не теряем ли мы контроль над тем, что создаем сами? Если бы мы уехали со стадиона на полминуты раньше, или чуть сильнее крутили педали, хотя бы на один оборот колеса быстрее, или светофор на Ройял Альберт-холл задержал нас, или та португалка провела бы днем чуть больше времени за ланчем или, что еще лучше, вообще не приезжала бы в Лондон, тогда ничего этого не случилось бы, Джейк успел бы на поезд, я посмотрел бы вечером по телевизору обзор матчей дня, а доктор пораньше вернулся домой, чтобы помочь жене. Все, что происходило во время этой ситуации, было самоорганизовано и самоопределено: современный порядок, который постепенно складывался поколениями. И я задумался: как сформировался такой альянс. Время регулирует транспорт, развлечения, спорт, медицинский диагноз, все что угодно. Люди и процессы, которые приводят в действие эти связи, и являются сюжетом этой книги.

II. Скоротечность жизни и как с этим жить

Тому, кто сегодня лежит в больничной палате и жалеет себя, полезно вспомнить о Сенеке, который жил 2000 лет назад. В трактате «О скоротечности жизни» он советует жить с умом, то есть не расточительно. Он смотрит вокруг, и ему не нравится, как люди тратят свое время: «Один погряз в ненасытной алчности, другой – в суеде бесконечных трудов и бесплодной деятельности; один насасывается, как губка, вином, другой дремлет в беспробудной лени»^[6]. Большая часть существования, утверждает он, не жизнь, а «просто время». Сам Сенека в 68 лет лишил себя жизни^[7], перерезав вены в ванне.

Самое знаменитое изречение Сенеки находится в начале упомянутого трактата. Он вспоминает выражение древнегреческого врача Гиппократ: «Жизнь коротка, искусство длинно». Точное его значение – до сих пор тема для толкований (но, скорее всего, он имел в виду не очереди на концерт Макса Рихтера, а время, необходимое для того, чтобы стать специалистом в какой-то области), и использование этого выражения Сенекой подтверждает, что природа времени была темой, чрезвычайно популярной среди древнегреческих и римских мыслителей.

Примерно в 350 г. до н. э. Аристотель рассматривал время скорее как форму порядка, нежели измерения, порядка, в котором все вещи связаны между собой. Он представлял настоящее не как что-то фиксированное, а как нечто движущееся, как компонент непрерывных изменений, всегда находящихся в зависимости от прошлого и будущего (и, что характерно, как компонент души). Около 160 г. Марк Аврелий писал о текучести времени: «Время есть река проходящих событий, стремительный поток. Лишь появится что-нибудь на виду, как уже пронесется мимо, а на его месте появляется другое. Но и его смывает потоком». Святой Августин

Иппонийский, проживший долгую жизнь с 354 по 430 год, подметил текущую сущность времени, которую гораздо позже увидели квантовые физики: «Что, в таком случае, время? Если меня никто не спрашивает, я знаю, что это. Если я хочу объяснить это тому, кто спрашивает, – я не знаю».

Мой локоть возник летом 1959 года, а разбился накануне моего 55-летия. Рентген показал, что теперь он похож на мозаику: кости сустава раскололись и разбежались, как пленники из тюрьмы. Во время предстоящей операции, которая, как меня заверили, является рутинным делом, осколки соберут заново и закрепят на месте кусочками проволоки.

Часы, которые были у меня на руке во время этого инцидента, тоже появились на свет в 1950-е годы. Они отстают от 4 до 10 минут в сутки – в зависимости от того, как часто я завожу их, и от других моментов. Мне нравится, что они старые (можно доверять старым часам, потому что они много лет делают одно и то же). Чтобы не опаздывать на встречи, мне приходится высчитывать, на сколько минут они отстали. У меня появляется мысль отдать их в ремонт и настроить, но всегда не хватает времени. Больше всего мне нравится, что они аналоговые – все эти шестеренки, пружинки, маховики, для которых не нужны батарейки. Но еще больше мне нравится мысль о том, что время не может определять, как я проживаю свою жизнь. Время может быть чрезвычайно разрушительной силой, и если кто-то способен защитить себя от его губительного воздействия, то можно достичь определенной степени контроля, определенной степени управления собственной судьбой, по крайней мере, на почасовом уровне. Разумеется, лучше всего было бы, стремясь к абсолютной свободе от времени, вообще отказаться от часов или выкинуть их из окна быстро идущего поезда.

Четыре минуты, вперед или назад – об этом хорошо поразмышлять, лежа на спине в полубессознательном состоянии в темной палате, болтаясь в лодке среди камышей, выискивая, куда бы пристать, чтобы обменять ракушки на перья, как говорилось в той

песне Клайва Джеймса. Мне нравится оптимизм Аристотеля: «Мы живем поступками, а не годами; мыслями, а не дыханием; чувствами, а не цифрами на циферблате. Мы должны отсчитывать время ударами сердца». Мне хотелось взять отпуск от времени; я разделяю мысль Д. Б. Пристли^[8] о том, что хороший отдых – тот, что проведен с людьми, чье ощущение времени менее остро, чем твое.

На следующее утро мне делали операцию. К полудню я уже ощущал сухость во рту, рядом со мной стоял хирург, а медсестра измеряла давление и пульс. Процедура прошла успешно, и мне пообещали, что недель через восемь гибкость сустава восстановится процентов на девяносто, если я буду усердно заниматься физиотерапией.

Между процедурами я гораздо больше, чем обычно, смотрел телевизор, гораздо чаще, чем обычно, злился и много пользовался своим Kindle, потому что обычные книги с помощью одной руки читать трудно, как и часы заводить. Я читал «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» – пространное описание духовного дорожного путешествия Роберта Пирсига, книгу, которая стала феноменальным бестселлером^[9] благодаря удачному проникновению в своеобразный западный культурный Zeitgeist – дух времени. Очень своевременная книга, подвергающая переосмыслению наши представления о культурных ценностях. В данном случае «Дзен» подвергает сомнению предположение, что нам хочется всего побольше и побыстрее – более материалистичной, быстрой и более контактной жизни, большей надежды на вещи, неподвластные нашему контролю или пониманию.

Но по сути «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» – книга о времени. Она начинается с фразы «По часам я мог понять, что сейчас половина девятого утра, даже не отрывая левой руки от руля». На протяжении последующих 400 страниц хватка практически не ослабевает: идет исследование того, что человек ценит и бережет в своей жизни, что человек видит и чувствует во время путешествия.

Поездка на мотоцикле по пустынному ландшафту очень быстро все это проявляет. Путешественники – сам автор, его сын Крис и несколько их приятелей – едут по Центральным равнинам в Монтану и далее, и весьма быстро. «Мы хотели хорошо провести время, но для нас в данный момент акцент сместился на слово *хорошо*, а не на *время*, а когда происходит такое смещение, ты ко всему начинаешь относиться иначе».

Я думал о человеке, который сориентировал меня на слово и книгу, о школьном учителе английского по имени Джон Купер. Мистер Купер разрешил принести на семинар перед выпускными экзаменами текст песни Боба Дилана *Desolation Row* и проанализировать его, будто это стихи Шелли, хотя он был явно лучше. Однажды Купер во время утреннего собрания в нашем актовом зале поднялся на возвышение и произнес речь о времени. Помню, он начал с цитирования знаменитых высказываний: «Время, проведенное в смехе, это время, проведенное с Богом» (автор неизвестен); «Остерегайся пустоты занятой жизни» (Сократ). Затем он начал читать по бумажке. Мне запомнилось примерно так: «Время. Его можно тратить, получать, терять, экономить, упускать, замедлять, ускорять, побеждать, соразмерять, иметь, уделять, убивать». Были еще какие-то изысканные варианты, но финальная мысль заключалась в том, что за нами преимущество молодости, время работает на нас, а поскольку время никого не ждет, то, чем бы мы ни занимались в отпущенное нам время, мы не должны его тратить бездумно. Это мне запомнилось, но по такому правилу трудно жить.

Иногда мне кажется, что могу разметить свое детство промежутками времени. Наверное, все так могут. Когда мне было три или четыре года, отец принес домой золотые каретные часы в коробке, обшитой мятым малиновым бархатом, и когда мой пальчик нажал на кнопку сверху, колокольчик отбил время. Были еще школьные часы в актовом зале, кухонные часы, а в спальне у меня стоял будильник под названием «Биг-Бен» фирмы Westclox^[10].

Как-то мы включили телевизор, чтобы посмотреть ирландского комика Дэйва Аллена. Это было рискованно, но у нас в доме это никого не смущало. Аллен был «опасным» комиком, часто задевал чувства религиозных групп, пил и курил в прямом эфире, растягивал свои истории допоздна. У него была сомнительная репутация и отсутствовал кончик указательного пальца на левой руке; он говорил, что лишился его при чрезвычайно смешных обстоятельствах, но потом мы узнали, что в шесть лет он просто сунул его в работающую мельницу.

Однажды вечером он встал из высокого кресла, опрокинул свой граненый стакан и начал говорить о том своеобразном способе, каким мы организуем собственную жизнь. «Я имею в виду, – сказал он, – как мы живем по времени... как мы живем по часам. Мы воспитаны по часам, мы воспитаны в уважении к часам, в восхищении часами. В пунктуальности. Мы подчиняем нашу жизнь часам. – Аллен взмахнул правой рукой, словно изумляясь всему этому безумству. – Вы начинаете работу по часам, заканчиваете по часам, приходите домой по часам. Едите по часам, пьете по часам, ложитесь спать по часам... Вы делаете это на протяжении сорока лет взрослой жизни, уходите на пенсию и что вам дарят на прощанье? Чертовы часы!»

Его грубость вызвала шквал телефонных звонков от зрителей (во время программы Аллена были люди, которые просто *держали руку* на телефоне, словно участники телевикторины). Но она не забылась, равно как и идеальный комический ритм, каждая пауза в котором была как такт в соло на барабане.

Восстанавливаясь, я тратил много времени на айфон. Как-то вечером, лежа в постели, я ощутил острую потребность посмотреть фильм с Биллом Найи. Я уменьшил яркость экрана, переключился на YouTube, погрузился в фильмы Ричарда Кертиса и в пьесу Дэвида Хэа «Окно в крыше», а после этого совершил нечто непростительное: заплатил за загрузку «Бойфренда из будущего». Довольно абсурдная вещь о том, как сын главы семьи, которого

играет Найи, оказывается способным путешествовать во времени, исправлять ошибки прошлого – неловкое слово там, неудачную встречу здесь – и все заканчивается любовью и счастьем. Как заметил кинокритик Энтони Лейн, весьма разумным шагом было бы посмотреть газеты определенного дня, вернуться в прошлое на день раньше и поставить на лошадь, победившую в скачках. Как раз в стиле бойфренда из будущего, но, как известно, на протяжении более чем столетней истории таких художественных выдумок самые хитрые очень редко совершали путешествия во времени. Разумеется, я пожалел, что не могу вернуться немного в прошлое, чтобы не кликать кнопку «купить».

Но Найи привлекает меня не только своими работами в кино. Однажды я ужинал с ним и его тогдашней женой Дайаной Куик и обнаружил, что в жизни он точно такой же, как в большинстве своих фильмов и пьес: безукоризненный костюм, очки в тяжелой оправе и безупречно учтивые благородные английские манеры, которые заставляют тебя почувствовать, что все, что он говорит, либо пронизательно, либо остроумно. И особенно понравилось мне в нем то, что его жизнь, кажется, идеально расписана надолго вперед. На мой вопрос, как он проводит свободное время, Билл сказал, что смотрит много футбола по телевизору, особенно матчи Лиги чемпионов. Его просто восхищает Лига чемпионов. Он еще добавил, что измеряет время, оставшееся ему на земле, количеством сезонов Лиги чемпионов, которые он сможет посмотреть. Если футбольный клуб «Барселона» сможет ближайшие 25 лет сохранять свою быструю игру в пас и придерживаться строгого правила, введенного в раздевалке, что каждый может владеть мячом не более семи секунд, тем самым доставляя удовольствие этой утонченной, но утомленной душе, то для него это будет самым фантастическим проведением жизни.

Восстанавливаясь после той аварии и чувствуя, что локоть постепенно приходит в нормальное состояние и я снова могу держать в руках нормальные книги, я обнаружил, что почти во всем,

с чем сталкиваюсь, в каждой статье, в каждой книге, так или иначе проводится исследование времени. И в каждом фильме тоже: каждый сюжет либо чувствителен к времени, либо зависит от него, и все, что не вписывается в воображаемое время, является историей. А в газетах и по телевизору достойным освещением являлось лишь то, что имело отношение к той или иной годовщине.

И доминировало одно слово. Каждые три месяца Оксфордский словарь английского языка (OED) добавляет около 2500 новых и пересмотренных слов и выражений в онлайн-версию третьего издания (в бумажной форме второе издание состоит из 20 томов и содержит 615 000 записей). Многие новые слова приходят из сленга, многие другие – из поп-культуры и цифровых технологий. Но помимо новых слов OED составляет список старых слов, которыми мы пользуемся чаще всего. Перечень вполне ожидаемый: *the, be, to, of* и, конечно, *and*. А какие наиболее употребляемые существительные? На сороковом месте – «месяц». На девятом – «жизнь». На пятом – «день», на третьем – «год». «Личность» занимает второе место, а наиболее употребляемым существительным в английском языке является слово «время»^[11].

OED отмечает, что в нашем лексиконе «время» – не просто слово, а целая философия: с «временем» связано больше действий и выражений, чем с любым другим словом. *Time* не только «час» или «срок», но и «жизнь», и «возраст», и часть футбольного матча, и музыкальный ритм... Перечень можно продолжать бесконечно. Нет сомнений, время неоспоримо присутствует во всей нашей жизни. И, читая первые примеры бесконечного списка, можно подумать, что мы зашли слишком далеко или идем слишком быстро к тому, чтобы изобрести новое время или остановить его вовсе. Но как раз в следующей главе мы убедимся, что подобные идеи не только возможны, но и желанны.

Глава вторая

Как французы перекраивали календарь

Гриб-дождевик, орех, форель, краб, сафлор, выдра, корзинка с золотом, трюфель, клен сахарный, винный пресс, плуг, апельсин, ворсянка, василек, льня. В конце января 2015 года Рут Эван разместила последний из 360 объектов в большом светлом помещении с видом на лондонскую Финчли-роуд и попробовала повернуть время вспять. Эван, родившаяся в 1980 году в Абердине, – художница, которую очень интересует время и его основной смысл. Ее новый проект, озаглавленный «Назад в поля», представлял собой настолько дерзкий и озадачивающий акт исторической инверсии, что у случайного посетителя вполне могла зародиться мысль о колдовстве или психическом расстройстве.

Это действительно было похоже на колдовство. Среди объектов, размещенных преимущественно на паркетном полу, можно было увидеть еще и гигантскую тыкву, поручейник, алтей, козелец испанский, корзинку с хлебом и лейку для цветов. Часть свежих продуктов в закрытом помещении быстро портилась, и в экспозиции временами возникали пробелы. Например, виноград гниет быстро, и художнице или кому-то из ее помощников из Центра искусств Кэмдена приходилось отправляться в ближайший супермаркет и закупать новый. Объекты напоминали гигантский церковный праздник урожая, хотя ничего религиозного в нем не было. И выбраны и организованы они были не случайно. Озимый ячмень, к примеру, сознательно был отделен от ячменя многорядного лососем и туберозой, а шампиньоны и лук-шалот разделяли целых 60 предметов.

Все предметы группировались по 30 единиц и представляли собой дни месяца. Каждый месяц разделялся на три недели по десять дней в каждой, при этом количество дней в году было привычным – 365 или 366. Пяти- или шестидневный дефицит в новом календаре заполнялся праздничными днями – Добродетели, Таланта, Труда, Убежденности, Юмора и, в високосные годы, Революции. Революционной была сама идея. Это был не просто продуманный и

провокационный художественный объект; это была яркая демонстрация мысли о том, что время можно начать заново и что на полях природы бушует современность.

Рут Эван воссоздала календарь Французской республики. Он был политическим и научным отрицанием *ancien régime* (Старого порядка), а также практическим выводом из умозрительной теории о том, что традиционный христианский григорианский календарь должен быть взят штурмом наряду с Бастилией и Тюильри.

Удивительно, но новый календарь продержался некоторое время (а может, в этом не было ничего удивительного, ведь гильотина все еще поблескивала под осенним солнцем). Он был официально введен в действие 24 октября (*Poire de Brumaire*) 1793 года, хотя началом нового летоисчисления назначили 22 сентября (*Raisin de Vendémiaire*) 1792 года, когда начался первый год Республики. Это радикальное новшество просуществовало более 12 лет, пока 1 января 1806 года Наполеон Бонапарт (предположительно) не сказал: *ça suffit* (хватит).

За пределами этого сельскохозяйственного, отражающего разные времена года помещения на северо-западе Лондона можно было встретить вторую реконструкцию Рут Эван, расположенную высоко на стене: часы с циферблатом, на котором размещались цифры от 1 до 10. В основе этого творения – еще один революционный и безуспешный французский эксперимент по реформатированию времени – децимализация циферблата, полностью изменяющая представление о сутках.

Четырьмя годами ранее Эван пыталась оснастить целый город своими «неправильными» часами. На Фолкстонском триеннале 2011 года, – событии, полностью основанном на убеждении, что время течет нормально и предсказуемо, – был представлен десяток ее часов, и размещены они были в стратегически важных точках, в том числе на здании универсама «Дебнемз», на городской ратуше, в букинистическом магазине и в одной машине местного такси.

На первый взгляд, циферблат с 10-часовым форматом имеет смысл, по крайней мере, не меньший, чем 12-часовой. В сутках оказывается 10 часов, каждый час состоит из 100 минут, а каждая минута – из 100 секунд. (Таким образом, 1 революционный час равняется 2 нормальным часам и 24 стандартным минутам, а 1 революционная минута содержит в себе 1 стандартную минуту и 26,4 стандартных секунды). Цифра 10 означает время полночи и размещена наверху, цифра 5 – это полдень, и расположена внизу циферблата, и если вы привыкли к стандартному 12-часовому формату, то указать, где на революционном циферблате будет, например, без восьми четыре, вам, скорее всего, не удастся. Французы, или, по крайней мере, те немногие французские граждане, для которых в 1790-е годы точное время имело значение и они могли себе позволить приобретать новые часы государственного образца, мучились с нововведением в течение 17 месяцев, а потом отмахнулись от него как от дурного сна. Оно осталось историческим анахронизмом, хотя из разряда тех, о которых периодически вспоминают особо одержимые личности наподобие желающих разместить Австралию на вершине глобуса^[12].

Эван рассказывала мне, что решила создать такие часы, потому что ей было интересно, как они могут выглядеть. Она знала о наличии одного действующего экземпляра в швейцарском музее и нескольких во Франции. Но когда она стала обращаться к часовым мастерам со своей идеей, ее просто высмеивали. Обзвонив шесть или семь мастеров, она нашла заинтересованную фирму под названием Cumbria Clock Company (на сайте указано, что они специализируются на башенных часах, и говорится, что мастера с удовольствием занимаются как смазкой шестеренок на самых маленьких церквушках, так и решением более крупных проблем, в том числе с часами на кафедральном соборе в Солсбери и на Биг-Бене). Компания также предлагает такие услуги, как «ночное глушение». Но они никогда еще изготавливали часовой механизм с 10-часовым форматом, не говоря уже о десятке подобных.

Бунтарское шоу Эван в Фолкстоне имело блестящее название: «Мы могли бы быть кем угодно». Эван позаимствовала его из песни к фильму «Багси Мэлоун», в которой ей больше всего нравится строка «меняться никогда не поздно». Часы были «старой вещью, но такой, что могла предсказать возможное будущее, – говорит Эван, указывая непосредственно на природу самого времени. – Я хотела намекнуть, что мы однажды уже отказались от таких часов, но они еще могут вернуться».

Определить, какое время показывали эти часы, расположенные в людных местах, было невероятно сложно. «Многие вглядывались и говорили – ага, все понятно, но потом соображали, что понимают далеко не все: они воспринимали циферблат как 20-часовой формат времени, а не 10-часовой. За сутки часовая стрелка совершала не два, а один оборот».

Пока мы беседовали, энергичная увлеченность Рут Эван временем не снизилась ни на градус. Она как раз взялась за работу в качестве художницы в Кембридже, где, наряду со специалистами по растениям, анализировала знаменитые цветочные часы Карла Линнея 1751 года. Линней, шведский ботаник, предложил глубоко продуманную композицию из растений, расположенных в виде циферблата. Они должны были раскрывать и закрывать свои цветки в естественное для них время суток и обеспечивать (хотя бы приблизительно) представление о времени дня или ночи. Под влиянием освещения, температуры, дождей и влажности растения, выбранные Линнеем, не расцветают в Уппсале (60° с. ш.) так, как он предполагал, поэтому его часы – как показали многие попытки практической демонстрации – оставались в XIX веке преимущественно теоретической моделью. Но это был век перерождения и переосмысления, и названия их компонентов создают примерно такую же сладкозвучную атмосферу, как названия дней, придуманных во Франции 40 лет спустя: козлотородник луговой (цветы распускаются в 3 часа утра), скерда двулетняя (в 4 утра), цикорий обыкновенный (в 4–5 утра), пазник

стержнекорневой (в 6 утра), бодяк болотный (в 7 утра), ноготки (в 3 часа пополудни).

Художник, решивший создать новое времяисчисление, сталкивается с дилеммой, незнакомой, например, художнику по тканям или керамисту. Самым сложным в календаре Эван «Назад в поля» оказалось приобрести малоизвестные растения и предметы, которые более чем за два века утратили былую популярность. «Сначала я думала, что в интернете можно приобрести все что угодно, – признавалась Эван. – Но теперь поняла, что это не так». Последним объектом, необходимым для экспозиции, оказалась ручная веялка, нечто типа корзинки. «Не так давно они, наверное, были повсюду, но найти мы смогли лишь одну, и то в частной коллекции корзин одного профессора из Оксфорда. Таковую можно увидеть на одной из картин Милле. Ее в буквальном смысле использовали для отсеивания зерна от плевел».

Среди посетителей экспозиции Эван в Центре искусств Кэмдена был человек, который больше других знал о попытках дислокации времяисчисления. Мэттью Шоу, куратор Британской библиотеки, защитил диссертацию по послереволюционной Франции и на ее основе опубликовал книгу, а потом еще и составил 45-минутную лекцию-экскурсию, которую начинал с оптимизмом Вордсворта^[13]: «Блаженством было встретить тот рассвет, но встретить молодым – райское блаженство!». Шоу объяснял, что этот календарь был попыткой вырвать всю нацию из существующей приземленной хронологии, начать историю заново и дать каждому гражданину общую и конечную память; это был хороший способ навести порядок в стране, где царили разброд и шатания.

Шоу исследовал светские элементы календаря (из него исключались религиозные праздники и дни поминовения святых) и подчеркивал его внутреннюю трудовую этику – способ новой организации времени для того, чтобы доиндустриальная Франция оказалась более успешной на сельскохозяйственных полях и полях сражений. Месяц делился на три десятидневки – *décades*, таким

образом выходной приходился лишь на каждый десятый день, а не на седьмой, как раньше. С отменой субботы население обнаружило, что новый день отдыха несет с собой много деятельных обязательств. «Самые наблюдательные из вас могут заметить систему, – говорил Шоу экскурсантам. – Каждый пятый и десятый день слегка выпадают из последовательности – они названы либо животным, либо утварью. На десятый день полагается собираться всей деревней, петь патриотические песни, читать вслух законы, устраивать большую совместную трапезу – и знакомиться с киркомотыгой».

Возможно, это отчасти объясняет итоговую несостоятельность календаря. Но были и другие причины, астрономического свойства – такие, как смещение равноденствия. К тому же этот календарь был больше чем календарь: он был политическим, радикально аграрным и обладал своим весомым историческим смыслом. Кроме того, как отмечал Шоу, «по нему было весьма сложно управлять империей». Чтобы усложнить ситуацию еще больше, 12 месяцев получили новые названия, которые придумал эксцентричный поэт и драматург Фабр д'Эглантин (вскоре его отправили на гильотину за мелкие финансовые прегрешения и связь с Робеспьером; он скончался в день латука). *Brumaire* (Туман) длился с 22 октября (день яблока) до 20 ноября (день валика), а месяц *Nivôse* (Снег) длился с 21 декабря (день торфа) до 19 января (день сита). Все очень просто, если вдуматься, но мало кто из французских граждан это делал или хотя бы проявлял желание.

Шоу завершал экскурсию, и публика начинала расходиться, покачивая головами. Он останавливался у 15 февраля, представленного фундуком. «Очень кстати, поскольку мы только что узнали, что Микеле Ферреро^[14] скончался в возрасте 89 лет, а свое состояние он сделал на Nutella». Предпоследнюю остановку в зале Шоу делал у 10-го термидора. В республиканском календаре это макушка лета и день казни Робеспьера (28 июля 1794 г.). Террор пожирал своих детей. День в календаре был представлен лейкой^[15].

Безумный и удивительный в своем роде, утопический календарь Французской республики находился, пожалуй, вне времени. Глядя из наших дней, с учетом глобализации и свободного обращения валюты, он кажется абсурдом, но только практика и само время позволяют нам сделать такое заключение. На планете существует множество календарей, у каждого – своя система, в каждом есть своя логика, своя связь с естествознанием и своя субъективность. Календарная система времяисчисления, которая наделяет нашу жизнь неким подобием прогресса и, возможно, даже содержательным смыслом, – отнюдь не то, что можно убедительно доказать или на что можно опираться. Однажды мы можем проснуться, как жители Оверни или Аквитании, и обнаружить, что четверг не там, где ему полагается быть, а октября вообще не существует.

Республиканский календарь был необычен и еще в одном смысле. Он стал историческим переворотом, поскольку был совершенно не похож на то, что существовало до него. Он уничтожил то, что историки календаря любят называть «полной стабильностью» всех прежних концепций^[16]. Ранее (по крайней мере нам так хочется думать) календари Европы и цивилизованного античного мира постепенно совершенствовались согласно новым астрономическим наблюдениям и математическим вычислениям. Религиозные календари тоже были связаны между собой и имели общими основаниями такие явления, как солнцестояние, равноденствие и затмения. Но было бы несправедливо утверждать, что французский республиканский календарь первым придал политическую окраску каждому дню года. Все календари в разной степени вносят порядок и контроль и все в определенном смысле имеют политический оттенок (в особенности религиозные).

Например, календарь древних майя – совершенно прекрасное и загадочное творение, искусно отражающее параллельно два года – один из 365 дней, а другой – из 260. 260-дневный цикл, или Священный Круг, содержал 20 названий дней, например Маник, Ик,

Бен, Этцнаб и другие. Они располагались по периметру круга из 13 чисел, и год заканчивался на 13-м Ахау. Календарь из 365 дней содержал 18 месяцев по 20 дней, но поскольку в сумме это давало лишь 360 и не совпадало с солнечным и лунным циклами, недостающие пять дней считались «несчастливыми», и в этот период майя предпочитали оставаться в жилищах и молиться богам, чтобы избежать больших неприятностей. С этими днями были связаны страшные *религиозные* предсказания, указывающие на великую власть жрецов.

Календарь ацтеков XV – нач. XVI веков содержал сходные циклы и подразумевал организационный контроль: время в разбросанных провинциях огромной империи сознательно унифицировалось религиозными праздниками и прочими датами. (Кульминацией календаря ацтеков были церемонии Нового Огня, которые проходили в конце полного цикла каждые 52 года.)

Нам больше знакомы юлианский календарь (принятый в 45 году до н. э. и состоящий из 12 месяцев и 365,25 дня, основанный на солнечном годе), и его григорианская реформа 1582 года, при которой сохранились юлианские месяцы и общая продолжительность, но слегка сократилась длительность года (на 0,002 %), чтобы более точно соответствовать движению небесных светил и возвращению празднования Пасхи к ее первоначальной дате^[17]. Григорианский календарь был признан не сразу, при сильном сопротивлении католических государств, что некоторое время вносило большую сумятицу в европейскую жизнь. Эдмонд Галлей 22 апреля 1715 года наблюдал в Лондоне полное солнечное затмение, но для большей части Европы это событие происходило 3 мая. Великобритания и ее американские колонии перешли на новый календарь в 1752 году, но не без сильного возмущения народа, требовавшего «вернуть нам наши одиннадцать дней!». Япония перешла в 1872 году^[18], большевистская Россия – в конце Первой мировой войны^[19], а Греция – в 1923 году. Турция держалась за свой исламский календарь до 1926 года.

Откровенная субъективность того, как мы структурируем свою жизнь, хорошо спародирована Б. Д. Новаком^[20] в рассказе «Человек, который изобрел календарь», опубликованном еженедельником New Yorker в ноябре 2013 года. Его персонаж объясняет великую логику своего изобретения: «Тысяча дней в году, поделенная на 25 месяцев по 40 дней. Почему это раньше никому не пришло в голову?» Поначалу с новым календарем все шло хорошо, но через четыре недели разразился первый кризис. «Люди терпеть не могут январь и хотят, чтобы он побыстрее закончился, – отмечает изобретатель. – Я пытался объяснить, что это всего лишь название, и окончание его ничего не значит, но никто меня не слушал». 9 октября изобретатель записывает: «Не могу поверить, что я не писал так долго! Лето было удивительным. Урожай был потрясающий... Этот год был потрясающим, а ведь только октябрь! Есть еще ноябрь, декабрь, латрембрь, фаунус, рогибус, нептембрь, стонк...». В итоге он решил закончить год раньше, чем планировал, и получил горячее одобрение от друзей. Но было одно беспокойство в канун Рождества: «25 декабря. Почему мне так одиноко сегодня?» и «26 декабря. Что это я так растолстел?»

До второй французской революции 1830 года никто не осмеливался предлагать новые календари или циферблаты^[21]. Францию начала XIX века, кажется, охватила другая страсть, которая нашла отражение в журналах приема психоаналитиков: сертифицируемым заболеванием стало желание оглядываться в прошлое. В медицинских работах 1820–1830-х годов отражен настоящий взрыв *ностальгии*.

Один из первых случаев связан с пожилым гражданином, арендовавшим жилье на Рю-де-ля-Арп (rue de la Harpe) в Латинском квартале. Этот человек очень дорожил своей квартирой и очень расстроился, когда узнал, что дом собираются сносить ради улучшения уличного движения. Он так сокрушался, что слег в постель и, несмотря на заверения домовладельца в том, что новое жилье будет лучше и светлее, отказывался сдвинуться с места. «Это

будет не мое жилье, – причитал он, – не то, которое я так любил и украшал собственными руками»^[22]. Перед сносом дома его обнаружили в своей постели мертвым. Согласно заключению, он «задохнулся от отчаяния».

Другой пример тоже имел место в Париже. Двухлетний мальчик по имени Эжен тяжело переживал расставание со своей кормилицей. Вернувшись к родителям, он стал вялым и бледным и неотрывно смотрел на дверь, за которой она исчезла. Воссоединившись с кормилицей, он засиял от радости. Такие случаи делали французов бесполезными для государства. Историк культуры Майкл Рот характеризовал ностальгию как «недуг, определяемый врачами как потенциально смертельный, заразный и каким-то образом глубоко связанный с французской жизнью середины XIX века». Распространенным случаем была чрезмерная привязанность человека к ранним воспоминаниям, а в век интенсивной модернизации ностальгия превращала пациента в изгоя, которому место в сумасшедшем доме или тюрьме.

Заболевание впервые классифицировал в 1688 году швейцарский медик Иоганнес Хофер, который соединил греческие слова νόστος (возвращение на родину) и άλγος (боль). Ранее в том же веке заболевание *mal de corazon* диагностировали у группы солдат во время Тридцатилетней войны (1618–1648). Их пришлось отправить на родину; похоже, это заболевание было особо распространено в армии. Швейцарские солдаты, наверное, заливались слезами при звуках коровьих колокольчиков, которые напоминали им о родных пастбищах, не говоря уж о молочной песенке Khue-Reyen. Она действовала настолько расслабляюще, что каждый, кто играл ее или сознательно мурлыкал себе под нос, подлежал расстрелу. Сегодня мы можем испытывать тоску по дому или грусть. Но ностальгия – первое заболевание, ассоциируемое со временем: его жертвы страдали по прошедшим дням^[23].

Тем не менее ностальгия не болезнь прошлого. Сегодня мы ностальгируем по множеству вещей, даже если кушетку

психоаналитика прибегаем для более серьезных случаев. Нам нравится *ретро* и *винтаж*, мы заботимся о наследии и любим историю (истории как объекта, достойного научного и художественного внимания, до Французской революции практически не существовало). Интернет процветает на стремлении людей среднего возраста (преимущественно мужчин, надо заметить) купить себе ушедшую юность, будь то аукционные игрушки или подержанные автомобили (время не портит эти вещи, только повышает перепродажную стоимость). Ностальгия все чаще рассматривается не как порицаемый недуг, а как элемент консюмеризма, и само слово во многом утратило свою негативную коннотацию. Как мы увидим в следующей главе, желание повернуть время вспять становится популярным образом жизни. Медленная жизнь (в том числе медленное питание, задумчивость, желание вернуться к «исконно-посконному») давно уже превратилась из дилетантского увлечения в монетизируемое движение.

Французская традиция перенаправить традиционное течение времени жива и по сей день, хотя и приносит столь же неэффективные результаты. Задачи ставятся более кардинальные, действия больше похожи на самопародию и направлены не просто на реформирование календаря, а на его полную отмену.

В канун нового, 2005 года группа протестующих под названием «Фонакон» собралась в небольшом приморском городке близ Нанта с целью остановить наступление 2006 года. Их было всего несколько сотен, и аргументы они выдвигали простые: 2005-й год был не очень удачным, 2006-й, судя по всему, обещает быть еще хуже, поэтому они постараются символически остановить время. Для этого нужно петь определенные песни и разбить несколько дедовских часов. Удивительно, но это не помогло. Они повторили на следующий год: еще несколько ни в чем не повинных часов прекратили свое существование, но в глобальном смысле часы продолжали тикать. Еще через год последовала третья попытка – с тем же результатом.

Это была веселая анархия и доказательство, если хотите, того, что французы способны протестовать против чего угодно.

Однако в связи с этим вспоминается более серьезный инцидент, который произошел более ста лет назад. 15 февраля 1894 года на территории Королевской обсерватории в Гринвиче, традиционном месте эмпирических наблюдений за временем, несчастная судьба поджидала одного французского анархиста по кличке Бурден-вожак (Martial Bourdin). При нем была бомба, которая неожиданно сдетонировала; взрывом Бурдену оторвало руку и пробило дыру в животе. Двое сотрудников обсерватории, выбежавшие на звук взрыва, нашли Бурдена еще живым. Но прожил он лишь полчаса. Полиция, обыскавшая тело, нашла при нем значительную сумму денег. Они предположили, что злоумышленник после совершения своей миссии намеревался немедленно бежать обратно во Францию. Но в чем именно она заключалась? Домыслы будоражили Лондон не одну неделю; впоследствии история стала сюжетом романа Джозефа Конрада «Секретный агент». Мотив Бурдена остался неясным. Он мог нести бомбу для соучастника. Мог просто хотеть посеять хаос и панику, как делают современные террористы. Но самая романтичная гипотеза, равно как и самая французская, заключается в том, что у него могло быть желание остановить время.

Публика из группы «Фонакон» не считала Бурдена героем, тем более для наших дней. Но его амбиции, возможно, им были близки. В конце 2008 года «Фонакон» еще раз попыталась остановить время. На этот раз у них был лозунг: «Сейчас было лучше!» Как объяснял один человек по имени Мари-Габриэль, «мы говорим *нет* тирании времени, *нет* безжалостному натиску календаря, мы за то, чтобы остался 2008-й!» Протест в Париже оказался самым массовым: тысячи людей вышли на Елисейские Поля, чтобы сказать «бу-у!» наступающему году. Куранты отбили полночь, протестующие разбили еще несколько часов, а затем, *merde*, настал 2009 год.

Мысль о том, что время можно остановить, можно считать забавной и достойной художественных фильмов. Если в

революционной Франции это казалось приемлемым, то такое желание можно объяснить оптимизмом и энтузиазмом, а еще тем, что другая революция, революция в путешествиях, еще была впереди. Скоро появится паровоз, и это будет ощутимо и неопровержимо. В смысле времени паровоз действительно все изменит.

Глава третья

Изобретение расписания

I. Самое быстрое из всего, что вы видели

Вы планируете прожить еще два с половиной года? Если да, можете начинать строить «Маллард». Этот величественный британский паровой локомотив ярко-синего цвета с обтекаемыми формами доступен для сооружения каждую неделю в ближайшем газетном киоске, и если вам хватит духу на 130 недель и вы купите все необходимые детали и соберете их, у вас появится полуметровый паровоз с тендером, весящий около 2 килограммов.

«Маллард» первоначально был построен в Донкастере в 1938 году, а в 2013 году издательский дом Hachette предложил конструкторам-любителям возможность построить исключительно точную масштабную копию из готовых деталей, способную передвигаться по железнодорожной колее шириной 32 миллиметра («рельсы не прилагаются»). Детали изготавливаются из латуни, белого металла, травленого металла замысловатым способом литья по выплавляемым моделям. Сборка требует не только существенного терпения и навыков, но и инструментов, в том числе круглогубцев, кусачек и плоскогубцев; при работе рекомендуется надевать защитные очки и перчатки. Закончив собирать модель, вы можете ее раскрасить (краски не прилагаются).

Выпуск № 1, оцененный всего в 50 пенсов, содержит первые металлические детали и буклет, в котором немного рассказывается об истории «Малларда» и великих железнодорожных строительствах, таких как Транссибирская магистраль. В буклете пробиты отверстия для удобства хранения. Через несколько недель эти буклеты следует складывать в папку (первая папка и разделители прилагаются бесплатно ко второму выпуску; последующие папки не прилагаются).

Первый выбор, который вам предстоит сделать, – склеивать или паять детали (припой не прилагается и спайка не рекомендуется). Инструкция на первую неделю, в ходе которой предстоит собрать

кабину машиниста, состоит из двенадцати разделов и предполагает использование кусачек для удаления заусениц со всех деталей, сухую и влажную наждачную бумагу для полировки краев; затем в каждой пластине надо пробить по три отверстия под заклепки и поставить в нужное положение переднее левое окно кабины с помощью плоскогубцев. Если вы действительно любите это дело, вам очень понравится лупа моделиста, чтобы рассмотреть мельчайшие детали (если ответите в течение десяти дней), и черно-белая репродукция формата А3 настоящего «Малларда», несущегося вниз по склону.

Выпуск № 2, который стоит всего 3,99 фунта, содержит следующие детали вашей модели (носовая секция и часть парового котла) и буклет о компании West Highland Line. Если вы подписались, вам полагается еще потрясающий набор металлических подставок для напитков с логотипом «Маллард». Третий выпуск не представляет собой ничего особенного, в нем вы получите главный котел, а стоимость подскочит до 7,99 фунта (стандартная цена для всех последующих выпусков). Зато в 4-м выпуске вам полагается бесплатно «Набор инструментов моделиста», в который входят линейка из нержавеющей стали и две маленькие струбцины. В 5-м выпуске расскажут, как сделать, чтобы ваш «Маллард» ездил после завершения сборки (двигатель не прилагается)^[24].

Сборная модель «Маллард» – дорогое удовольствие. Если вы решите собрать ее полностью (а на 10-м, 50-м или 80-м выпуске наверняка возникнут сомнения), то надо будет купить все 130 выпусков, которые обойдутся вам в 1027,21 фунта. Оригинальный локомотив из Донкастера длиной 21,34 м и весом 165 тонн, который за 25 лет экспрессом перевез сотни тысяч пассажиров из Лондона в Шотландию и обратно, пройдя в целом более 2 млн километров, стоил 8500 фунтов. Дешевле будет купить набор непосредственно в компании DJN Model Loco в Консетте, графство Дарем. Все детали вы получите сразу, в одной коробке, и всего за 664 фунта. Для тех, кто очень спешит, они предлагают даже такую услугу, как сборку в

течение пары недель, но тогда, конечно, теряется весь смысл. Для «Малларда» всегда главным было время. Время – это то, ради чего он был создан.

Попробуйте представить себе «Маллард», несущийся по рельсам в воскресенье 3 июля 1938 года. Паровоз, тендер и вагоны – ярко-синего цвета, хотя сможете ли вы рассмотреть их цвет на такой скорости – большой вопрос. Первое время в составе еще была шаткая коричневая платформа, которую называли динамометрической, а на ней располагались мужчины с секундомерами и приборами, отдаленно напоминающими примитивные детекторы лжи и кардиостимуляторы. На огромной скорости локомотив немного раскачивался из стороны в сторону, он «рыскал» на ходу, как говорили инженеры, словно выискивал кратчайший путь к месту назначения и, кажется, был готов, при необходимости, перепрыгнуть на другую колею. Его целью был Лондон, но перегрелся он значительно раньше.

Вы наблюдаете за поездом в местечке Сток Бэнк, недалеко от Грантема. Чувствуется угроза войны. Двенадцатилетняя Маргарет Робертс учится в школе недалеко от железной дороги. Образ мчащегося поезда, как и воспоминания о веселых сборищах охотников в загородных поместьях, быстро станет одним из символов довоенного времени, когда над Британией еще не сгустился мрак. То, что ему предстоит совершить, превзойти окажется невозможно, и останется лишь отмечать годовщины – 25 лет, 50, 60 и так далее. Те, кто любит локомотивы, любит этот локомотив как никакой другой.

В серии паровозов *A4 Pacifics*, созданных инженером Найджелом Грезли (1876–1941), было, помимо «Малларда», еще несколько, которым их конструктор дал сходные птичьи названия: *Wild Swan*, *Herring Gull*, *Guillemot*, *Bittern* и *Seagull*. Грезли в свои 62 года, с пошатнувшимся здоровьем, уже состоялся как создатель локомотивов, которым подражали и которые получили международное признание за высокий комфорт и безопасность,

включая знаменитый *Flying Scotsman* («Летучий шотландец»). Как инженера его вполне можно поставить в один ряд со Стефенсоном и Брюнелем^[25]. Однако «Маллард», с его динамичными очертаниями, цилиндрами повышенного давления, новыми тормозными клапанами, двойной дымовой трубой и воздуходувом, максимально увеличивающим производство пара, был для Грезли, безусловно, любимым детищем^[26].

В районе Сток Бэнк у него появился шанс. Через Грантем поезд шел медленно из-за состояния железнодорожного полотна, но на возвышенности Сток он набрал скорость 75 миль (120 километров) в час и начал ускорение на длинном пологом спуске. В конце каждой мили скорость фиксировалась: она составляла 87¹/₂, 96¹/₂, 104, 107, 111¹/₂, 116 и 119 миль в час (191,5 км/ч). Дальше замеры делались на полумильных отрезках: 120³/₄, 122¹/₂, 123, 124¹/₄ (199,96 км/ч)^[27]. Машинистом «Малларда» в тот день был 61-летний Джо Даддингтон, англичанин из Донкастера, работавший в компании «Лондонские и Северо-Восточные железные дороги» с ее основания в 1921 году. Пронесясь мимо деревни Литтл-Байтон в графстве Линкольншир, он еще поддал пару. «Машина прыгнула вперед, как живая! – вспоминал он несколько лет спустя. – Люди на [динамометрической] платформе затаили дыхание». Поезд достиг максимальной скорости 125,88 мили в час (202,58 км/ч). Этот рекорд для локомотивов с паровым двигателем не побит по сей день.

Прошло время. Спустя 75 лет в Национальном железнодорожном музее в Йорке состоялось грандиозное собрание девяностолетних стариков, чтобы поговорить о том, как гоняли на «Малларде», как работали в депо, и посмотреть другое грандиозное собрание в главном зале – все шесть (из 35) сохранившихся локомотивов серии A4, огромных, блестящих, сделанных в Англии: *Mallard*, *Dominion of Canada*, *Bittern*, *Union of South Africa*, *Sir Nigel Gresley* и *Dwight D. Eisenhower*. Все они были прекрасными машинами, но у «Малларда» неоспоримый статус звезды. Самый быстрый,

единственный, который можно приобрести в 130 деталях, любимец своего создателя. Казалось, он действительно сияет ярче других, словно Мэрилин Монро или Кэри Грант в свое время. И старики, которые всякого повидали, рядом с машинами вздыхали, как в присутствии кинозвезд, словно сами ничего не значили, а паровозы были представителями расы иных, высших существ. Железные, созданные человеком, они одновременно были божествами, сияющими высоко над нашими головами. Я постоял в очереди, чтобы подняться на площадку перед котлом, и был готов облачиться в комбинезон и кепку и начать шуровать уголь, если бы мне разрешили.

Локомотивы, и паровозы в особенности, – словно олицетворение давних мечтаний, преимущественно для мужчин. У людей, которым далеко за семьдесят, выражение «былые времена» обычно вызывает в памяти задымленные станции, свистки, паровозную сажу. Огромный зал, полный мужчин, тянущих за собой усталых жен, множество пластиковых пакетов с кучей сувениров – это детство, заглянувшее в железнодорожный музей. Французы упрятали бы вас куда подальше за такую ностальгию.

Я специально подошел послушать одного из ветеранов по имени Альф Смит. Ему 92 года, но он веселый и стройный, работал кочегаром и смазчиком на «Малларде» почти четыре года. «У меня не было ни одного плохого дня, ни одного». Он рассказывал о своем машинисте и своем паровозе с глубоким уважением. Вспоминал, как они, переночевав после рейса, приходили на приготовленный для них завтрак, и машинист перекладывал две трети своей порции на его тарелку. «Он делал это не раз, не два, а каждый день, когда мы там бывали. Я говорил ему: “Джо, что ты делаешь?” А он отвечал: “Я доберусь до дома на одном паршивом яйце, а тебе работать надо – ешь!” «Маллард» был частью нашей жизни. Да что там, он и был нашей жизнью. Это была моя машина». Пока он рассказывал, толпа внизу осаждала его машину. А в магазине она купалась в лучах славной годовщины, что означало множество постеров и магнитиков

на прилавках, а также тюбиков с ярко-синей краской, подходящей для раскраски моделей.

Рекорды скорости поездов имели тенденцию держаться долгое время. Поднимали абсолютный рекорд на несколько миль, а потом из соображений безопасности или отсутствия должных амбиций на него могли не покушаться десятилетиями. Например, в 1895 году путь из Лондона до Абердина занимал 8 часов 40 минут; в последующие 80 лет ничего принципиально не изменилось. В середине 1930-х годов из Лондона до Ливерпуля добирались за 2 часа 20 минут; сейчас мы делаем это всего на 15 минут быстрее. Но в XXI веке поезда снова оказались обречены ставить рекорды скорости. Родина железных дорог относительно поздно стала участвовать в этом соревновании. Высокоскоростная железная дорога HS2, первые участки которой должны быть введены в действие в 2026 году, сократит время пути между Лондоном и Бирмингемом с 1 часа 24 минут до 49 минут.

Ход прогресса ускоряется по всему миру. В 2010 году в Испании скоростной поезд AVE S-112, прозванный «Уткой» за характерный носовой обтекатель, развивающий скорость 330 км/ч, сократил время в пути между Мадридом и Валенсией более чем на 2 часа, и теперь оно составляет 1 час 50 минут. В том же году поездка из Санкт-Петербурга в Хельсинки на скоростных поездах SM6 Allegro, сделанных в Италии, стала занимать 3 часа 30 минут – на 2 часа меньше, чем раньше. В 2011 году в Китае приняли в эксплуатацию поезд CRH 380; развивая скорость до 300 км/ч, он вдвое сократил время перемещения между Пекином и Шанхаем по сравнению с тем, что было в 2010 году: с 10 часов до 4 часов 45 минут. Чувствуется какая-то неизбежность, но Япония и в этой сфере оказывается быстрее других. В апреле 2015 года на испытательной

трассе близ горы Фудзи поезд «Маглев» («магнитная левитация»), поднимающийся на 10 см над рельсами, с 49 пассажирами на борту развил скорость 603 км/ч, оставив далеко позади французский TGV. Его планируют ввести в эксплуатацию в 2027 году на трассе Токио – Нагоя. Расстояние в 265 км он будет преодолевать за 40 минут, вдвое быстрее, чем ныне действующий поезд-пуля «Синкансэн».

Но ради самого необычайного изобретения нам придется вернуться, во времена зарождения самой идеи о поездах и погрузиться в довикторианскую Северо-Западную Англию.

II. Чудовищная тирания

В 1830 году, в день открытия железнодорожной линии Ливерпуль – Манчестер, произошла революция в нашем понимании собственной жизни. То, что эта линия связала процветающие текстильные фабрики с крупным морским портом, расположенным в 50 километрах, – почти случайность. Паровой двигатель одновременно сокращает расстояния и расширяет окружающий мир. Он оживляет торговлю, ускоряет обмен идеями, дает толчок глобальной индустриализации. И железные дороги более чем любое другое изобретение, за исключением самих часов и, возможно, космической ракеты, изменили для нас ценность времени.

Поезда – не компьютеры; те, кто за них выступал, прекрасно понимали, что именно они выпускают в мир. Секретарь и казначей Ливерпульской и Манчестерской железнодорожной компании Генри Бут, в конце 1820-х годов рекламируя нововведение для потенциальных спонсоров и успокаивая нервную публику (люди считали, что у них разрушатся легкие, коровы перестанут давать молоко и провинция вообще погибнет), говорил, что время перемещения между двумя городами, пассажирское сообщение между которыми осуществляли повозки на конной тяге по ухабистым дорогам, сократится как минимум вдвое^[28]. «Бизнесмен из Манчестера позавтракает дома, – предсказывал Бут, – доедет до Ливерпуля по железной дороге, сделает все свои дела и вернется домой к обеду (в 1830-е годы обедали днем)». Бут, личность незаслуженно забытая, предсказывал влияние железных дорог более красноречиво, чем Стефенсон или Брюнель. Железная дорога, как он справедливо утверждал, изменит наше отношение к «ценности времени». «Наше скорректированное представление о том, что может вместить в себя час или день, – говорил он, – повлияет на продолжительность самой жизни». Или, как позже

утверждал Виктор Гюго, «никакая армия не сравнится с силой идеи, время которой пришло»^[29].

Линия Манчестер – Ливерпуль стала крупнейшим инженерно-техническим проектом своего времени. Разумеется, на ней осуществлялось самое скоростное движение в мире: расстояние в 50 километров поезд преодолевал за 2 часа 25 минут^[30]. За несколько первых лет эксплуатации инцидентов было немало, но появилось также сильное ощущение активизации промышленности и облегчения: судьба мировой экономики становилась на чугунные рельсы, и минутная стрелка наконец обрела свое жизненно необходимое значение.

Британские паровозы стали продаваться по всему миру. В феврале 1832 года новое издание под названием *American Rail-Road Journal* сообщило новость о строительстве дороги вдоль канала между озером Эри и рекой Гудзон и о планах в ближайшее время открыть новые линии в Нью-Джерси, Массачусетсе, Пенсильвании и Вирджинии. Железнодорожное пассажирское сообщение в 1832 году началось во Франции, в 1843-м – в Ирландии, в 1835-м – в Германии и Бельгии, в 1837-м – на Кубе. К 1846 году вся Британия была перекопана и выровнена: в этом году действовало уже 272 линии.

Вместе с этими событиями пришло и другое нововведение – пассажирское расписание. В январе 1831 года Ливерпульская и Манчестерская компания осмелилась сделать только список отправления поездов, хотя время в пути уже стало сокращаться. Компания выражала надежду, что поездка между двумя городами «обычно составляет менее двух часов в поездах первого класса». Да, поезда первого класса действительно ходили быстрее (больше угля, вероятно, более эффективные двигатели), и появились два разных расписания. Поезда первого класса, билет на которые в одну сторону стоил 5 шиллингов, уходили в 7.00, 10.00, 13.00 и 16.30; по четвергам и субботам давали дополнительные поезда из Манчестера

для торговцев в 17.30. Поезда второго класса с билетами по 3 шиллинга и 6 пенсов отправлялись в 8.00 и 14.30.

Но что делать, если кто-то хотел отправиться в более длительную поездку, например из Ланкашира в Бирмингем или Лондон? К концу 1830-х годов это уже было возможно, хотя конкурирующие компании – «Гранд Джанкшн», осуществлявшая перевозки на северо-запад от Мидлэнда, «Лондонская и Бирмингемская», «Лидс и Селби», «Йорк и Норт-Мидлэнд» – были не в состоянии синхронизировать свои расписания для удобства пассажиров, желавших воспользоваться более чем одной линией в день.

Первое популярное железнодорожное расписание, объединяющее несколько линий, появилось в 1839 году, но имело врожденный недостаток: время в Великобритании не было синхронизировано. До появления сети железных дорог в этом не видели особой необходимости. Часы в Оксфорде отставали от лондонских на 5 минут и 2 секунды, в Бристоле – на 10 минут, а в Эксетере – на 14 минут. Все эти города, расположенные западнее Лондона, жили в 1830-е годы по своему солнечному времени: восход и заход Солнца у них наблюдался позже, чем в Лондоне. Но это не вызывало проблем: достаточно было просто перевести стрелки часов по прибытии^[31]. Для местных жителей главным хронометром были часы на городской ратуше или на колокольне главной церкви города; точное время определялось по полуденному солнцу; относительно статичному населению не было дела до времени в каком-то другом городе страны, если их собственные часы работали исправно. Если предпринимались путешествия по воде или по суше, разница во времени либо корректировалась по ходу (некоторые компании даже предлагали лист поправок), либо списывалась на ненадежность карманных часов пассажиров или каретных часов. Но с появлением поездов путешествующие стали иначе относиться к времени: появилось понятие «точность».

К пассажирам, гордящимся точностью собственных часов (а постепенно таковых становилось все больше), прибавился целый

новый класс «часовладельцев» – железнодорожники. И те, и другие были недовольны погрешностями в определении времени. Если часы на станциях остались бы несинхронизированными, разброс во времени отправления и прибытия поездов мог вызывать не только путаницу и раздражение, но и нарастающую опасность для организации движения. По мере того как железнодорожные ветки протягивались все дальше, разница во времени, которую показывали часы машинистов, почти неизбежно могла приводить к столкновениям. И через год решение, по крайней мере в Британии, нашли. Впервые в мире была проведена национальная стандартизация времени. Железная дорога стала вводить собственные часы по всему миру.

Компания «Грейт Вестерн» в ноябре 1840 года первой согласилась с идеей о том, что время на всем протяжении маршрута должно быть одинаковым вне зависимости от того, на какой станции садятся или выходят пассажиры. Эта задача оказалась осуществимой благодаря электрическому телеграфу, который появился годом ранее. Сигналы времени из Гринвича передавались непосредственно на станции по проводам. Таким образом, «железнодорожное время» подстроилось под «лондонское время», и к 1847 году оно было принято, помимо «Грейт Вестерн» (здесь горячим сторонником нововведения был Генри Бут), компаниями «Лондон и Саут Вестерн», «Ланкастер и Карлейль», «Саут Истерн», «Каледониан», «Мидлэнд» и «Ист Ланкашир».

Были и другие энтузиасты-одиночки. В 1842 году Авраам Фоллет Ослер, стекольщик и метеоролог из Бирмингема, убежденный, что стандартизованное время необходимо везде, а не только на железных дорогах, решил взять дело в свои руки. Он собрал средства для сооружения часовой башни перед зданием Бирмингемского философского института. Однажды вечером его часы стали показывать не местное, а лондонское время (он перевел стрелки вперед на 7 минут и 15 секунд). Публика обратила

внимание, одновременно восхитившись точностью хода. В течение года все местные церкви и магазины перешли на «новое время».

К середине XIX века 90 % британских железных дорог функционировало по лондонскому времени, хотя изменения и вызывали некоторое недовольство местных жителей. Многие представители городских властей были против *любого* вмешательства из Лондона и демонстрировали свое недовольство часами с двумя минутными стрелками: одна из них обычно показывала местное, старое время. В 1851 году корреспондент *Chambers' Edinburg Journal* в статье «Агрессия железнодорожного времени» смешно выразил распространенное недовольство: «Время, наша лучшая и ценнейшая собственность, в опасности. Теперь жители многих британских городов и деревень вынуждены подчиниться воле пара и выстраивать свою жизнь по законам железнодорожной компании. Была ли когда-либо тирания более чудовищная и более невыносимая, чем эта?» Автор иллюстрирует свое негодование множеством примеров, рассказывая, в частности, о том, как в результате расхождений во времени были сорваны званый прием и свадебная церемония, после чего с пафосом обращается к читателям:

Возможно ли, чтобы свободнорожденные англичане смирились с этим дьявольским чудищем, коварно обещающим благо, но безусловно несущим вред? Разумеется, нет! Так объединимся вокруг Старого Времени в решительном протесте и, если потребуется, в сопротивлении этой произвольной агрессии. Пусть нашим лозунгом станет «Солнце или Железная дорога!» Англичане! Не медлите в борьбе против этого опасного новшества! Нельзя терять ни минуты – «Проснись, восстань, иль будешь вечно падшим!»

Железнодорожное время может погубить вас само по себе. В 1868 году некий доктор Альфред Хэвиленд, автор путеводителя

«Курорт Скарборо», опубликовал статью «Спеши к смерти, или Несколько советов об опасности спешки и возбуждения, особенно полезных пассажирам поездов», в которой поразительно унылым тоном рассказывал об опасности чрезмерного изучения расписания поездов, стремления не опоздать к отправлению и излишнего внимания к эпохе новых расписаний. Его аргументы, одновременно безапелляционные и сомнительные, опирались на исследование, показывающее, что те, кто регулярно пользуется железнодорожным сообщением между Брайтоном и Лондоном, стареют быстрее других.

Новое отношение к времени стало еще и поводом для развлечений. В 1862 году вышел «Справочник для путешественников по железной дороге», незаменимое руководство, разъясняющее, что надевать и как вести себя в поездке, что делать, когда поезд оказывается в туннеле, и т. д. В частности, там была любопытная зарисовка о неопытных пассажирах, которые торопятся занять свои места в вагоне, когда можно не спешить:

Примерно за пять минут до отправления поезда звонит колокол как сигнал пассажирам подготовиться к отправлению. Публика, не имеющая привычки к путешествиям, воспринимает звук колокола как знак немедленного отправления, и чрезвычайно забавно наблюдать, как новички начинают суматошно носиться по платформе, сбивая все и вся на своем пути в стремлении попасть в поезд, который, как им кажется, сейчас отправится без них.

С другой стороны, те, кто путешествовал часто, уже привыкли воспринимать этот сигнал как знак «стоять у двери своего вагона и спокойно наблюдать за охваченным паникой большинством»^[32].

Последний шаг к унификации был сделан в 1880 году. Парламент принял Акт об определении времени. Отныне сознательное указание неправильного времени на муниципальных зданиях стало считаться нарушением общественного порядка. Но за пределами

Великобритании время катилось по другим рельсам. Франция, страна, которая приняла железные дороги позже, чем ее многие европейские соседи, нашла способ приспособить свое традиционно извращенное отношение к времени и новому виду транспорта. Если большинство станций перешли на парижское время для расписания и именно его показывали уличные («внешние») часы, то стрелки часов внутри станционных зданий упорно и сознательно переводили на пять минут вперед, чтобы припозднившиеся пассажиры успели вовремя попасть на поезд (эта практика существовала с 1840 по 1880 год; те, кто пользовался поездами регулярно, разумеется, знали об этой уловке и соответственно организовывали свое расписание: замечательный пример *laissez-faire*^[33]).

В Германии поезда представлялись волшебным изобретением, способным сжимать время. Теолог Давид Фридрих Штраус, путешествуя из Гейдельберга в Мангейм в конце 1840-х годов, восхищался тем, что поездка заняла «полчаса вместо пяти». В 1850-е годы железнодорожная компания «Людвиг» сжала время еще больше, рекламируя поездку из Нюрнберга в Фюрт «за десять минут вместо полутора часов». Немецкий историк Герхард Дорн ван Россум в «Истории часа» обращает внимание на настойчивые замечания современников о том, что железные дороги ведут к «разрушению пространства и времени» и «освобождению от природы». Подобно Генри Буту в Ливерпуле, путешественники, проезжая сквозь горы и бесконечные долины, утверждали, что ликвидация подобного рода препятствий практически удваивает протяженность жизни. Воображение подстегивало все возможности.

Дух народа, *volksgeist*, требовал, чтобы поезда не просто ходили, выдерживая расписание, но чтобы это было видно и по станционным часам, синхронизированным с Берлином. Однако на то, чтобы все смирились с переходом от «внутреннего» местного на «внешнее» железнодорожное время, потребовалось более полувека. Унифицированное железнодорожное время появилось в Германии только в 1890-е годы, причем этому больше способствовали не

забота о пассажирах, а военно-политические соображения. В 1891 году фельдмаршал Гельмут фон Мольтке (1800–1891), очень эффективно использовавший железнодорожное сообщение для военных действий во Франции^[34], выступил в рейхстаге с речью о необходимости введения единого времени по всей стране. Железные дороги способствовали осуществлению крупнейшей в его жизни передислокации войск – группировки численностью 430 000 человек – всего за четыре недели, но нерешенные проблемы оставались.

Господа, в Германии мы имеем пять часовых поясов. В северной Германии, включая Саксонию, мы пользуемся берлинским временем; в Баварии – мюнхенским временем; в Вюртемберге – штутгартским временем; в Бадене живут по времени Карлсруэ, в Пфальце – по времени Людвигсхафена. Все неудобства и проблемы, с которыми мы сталкиваемся на французском и русском фронтах, существуют и в нашей собственной стране. Это, позволю себе заметить, руины, которые остались от периода германской раздробленности; руины, которые, поскольку мы теперь единая Империя, должны быть снесены подчистую.

Таким образом Германия приняла точность Гринвича^[35].

На огромном североамериканском континенте вопрос стандартизации времени решался с наибольшими сложностями. Даже в начале 1870-х годов пассажир американских железных дорог должен был обладать невероятной смелостью, поскольку станционные часы показывали 49 вариантов времени при движении с востока на запад. Когда в Чикаго был полдень, в Питтсбурге – 12:31. Вопрос встал особенно остро после 1853 года, когда из-за разницы во времени произошло несколько серьезных аварий со смертельным исходом (к тому же в те годы поезда ходили по одной колее в обоих направлениях).

В августе 1853 года инструкцию по упорядочению времени попытался сочинить директор железнодорожной компании «Бостон и Провиденс» У. Раймонд Ли. Он обратил внимание на все сложности и склонность человека к ошибкам. В отдельных местах эта инструкция читается как сценарий братьев Маркс: «Стандартное время отстает на две минуты от часов на здании Bond & Sons по улице Конгресс-стрит, 17 в Бостоне», – пишет он. Или в другом месте: «Билетный кассир на станции Бостон и билетный кассир на станции Провиденс отвечают за регулировку станционного времени. Первый будет ежедневно сравнивать его со стандартным временем, а второй ежедневно сравнивать с временем проводника; мнение двух любых проводников по поводу изменения станционного времени является для него основанием вносить изменения»^[36].

За помощью обратились к специалистам в совсем другой области. Американские астрономы давно пытались доказать, что время, наблюдаемое в их обсерваториях, является наиболее точным. Теперь от них потребовали настраивать, где возможно, станционные часы, перехватив, тем самым, инициативу у часов на городских ратушах и в окнах ювелирных лавок, которые считались эталоном надежности. В 1880-е годы около 20 астрономических обсерваторий регулировали железнодорожное время. Общее руководство было возложено на обсерваторию ВМС США.

Помимо астрономов, необходимо выделить еще одну фигуру. Непременным секретарем Совета общего времени в то время был железнодорожный инженер по имени Уильям Ф. Аллен; он давно уже понял преимущества универсальной системы времени. Весной 1883 года на одном из совещаний он представил на общее обозрение две карты, которые должны были снять все сомнения в правильности его позиции. Одна представляла собой лес почти из пятидесяти разноцветных полос, словно начерченных разозлившимся ребенком, другая – спокойную картину из четырех широких цветных полос, каждая из которых охватывала пятнадцать градусов долготы. Аллен заявил, что новая карта обеспечивает «всю

ясность, которая нам необходима для будущего»^[37]. Аллен предложил замечательную идею: определение времени на континенте должно основываться не на национальных меридианах, а на меридиане, находящемся за пределами государственных границ, и регулироваться сигналами, получаемыми по электрическому телеграфу из Королевской обсерватории в Гринвиче^[38].

Летом 1883 года Аллен разослал карты и комментарии к своему предложению 570 управляющим различных железнодорожных компаний и от подавляющего большинства получил одобрение; затем он предоставил им «переводные таблицы» для конвертации местного времени в стандартное. Таким образом, в полдень 18 ноября 1883 года началась эпоха государственного регулирования времени. 49 существовавших часовых зон сократились до четырех. Наблюдая за этим переходом из здания «Вестерн Юнион» в Нью-Йорке, Аллен отметил: «Колокола Св. Павла отбили старое время. Через четыре минуты, подчиняясь электрическому сигналу из военно-морской обсерватории... местное время было отменено, вероятно, навсегда».

Как и в Европе, железнодорожные правила постепенно распространились и на местности, по которым пролегали дороги; расписание поездов повлияло на все аспекты повседневной жизни. Но опять, так же, как в Европе, не все оказались довольны насильственной унификацией. Питтсбург не принимал стандартное время до 1887 года, Огаста и Саванна сопротивлялись до 1888 года. В Огайо совет школы Беллэйр проголосовал за принятие стандартного времени и по распоряжению городского совета немедленно был арестован. Детройт протестовал громче прочих: город находился в зоне Центрального времени, но сохранял местное время (с отставанием на 28 минут от стандартного) вплоть до 1900 года. Генри Форд, учившийся на часовщика до того, как произвести революцию в автомобилестроении, изготавливал и

продавал часы, которые одновременно показывали и стандартное, и местное время; они оставались в употреблении до 1918 года^[39].

В конце 1883 года газета *Indianapolis Centennial* отмечала, что в извечной борьбе человека с природой человек победил окончательно и бесповоротно: «Солнце больше не господин... От Солнца требуется вставать и садиться по железнодорожному времени». В основе неприязненного отношения газетчиков к новой системе лежало принижение роли церкви и ее колоколов, призывающих паству на службу (и в целом нарушение всего божественного порядка вещей). «В дальнейшем планеты должны будут вращаться по расписанию, установленному железнодорожными магнатами... Люди будут заключать браки по железнодорожному времени»^[40]. Репортер из Цинциннати заметил, что «чем дольше человек перемещается на поездах между домом и работой, тем больше у него шансов превратиться в живое расписание». Для определения таких людей он использовал новое слово *commuter* (от *commute* – связывать, менять местами без изменения), но слово «расписание», появившееся в 1830-е годы с введением в действие линии Ливерпуль – Манчестер, уже пустило глубокие корни^[41].

В феврале 1872 года в Кельне состоялась первая международная конференция, посвященная железнодорожному расписанию. К представителям Австрии, Франции, Бельгии и Швейцарии присоединились делегаты только что объединенной Германии. Проблема перед ними стояла простая и сложная одновременно: как скоординировать движение поездов через государственные границы, чтобы упростить перевозку пассажиров и грузов и повысить эффективность работы операторов? И как разрекламировать эти услуги, чтобы упростить процедуры и стимулировать их принятие? Одним из важных соглашений было принятие норм визуализации расписания. Было решено использовать римские цифры в 12-часовом формате. Количество участников конференции с каждым годом возрастало. К членам-

основателям вскоре присоединились Венгрия, Нидерланды, Испания, Польша и Португалия. Стандартизация времени по Гринвичу гарантировала удобство пассажирских поездок с пересадками. Конференции проходили два раза в год, уточнялось зимнее и летнее расписание. Однако Первая мировая война положила конец и кооперации, и, во многих случаях, международному сообщению. (Война способствовала раскрытию многих достоинств железных дорог, в частности, их потенциал упростил ведение современных боевых операций. Герцог Веллингтонский наверняка оценил бы по достоинству их преимущества, как оценил Муссолини)^[42].

Пройдет не так много времени, и поезда сменят свой символический статус как образца скорости и тревоги на образец спокойствия. Вскоре мы увидим, что воплощением скорости и стресса станет автомобиль. Но сначала давайте перейдем на другие рельсы, сменим темп и вернемся в очаровательную старую Австрию, где один человек с взлохмаченными волосами собирается дирижировать нервничающим оркестром.

Глава четвертая Весь этот бит

I. Как исполнять Девятую?

В пятницу 7 мая 1824 года в 6 часов 45 минут вечера перед театром в центре Вены клубилась большая толпа. Публика собралась на премьеру величайшего музыкального произведения. Девятая симфония Бетховена, сочиненная почти глухим композитором, оказалась настолько радикальной по форме и свободной по духу, что даже те, кто исполняет ее пару веков спустя, продолжают находить в ней некоторые откровения. Когда мир рушится или объединяется – это та музыка, которая ему нужна.

Разумеется, в то время никто этого не мог предсказать. С момента своего открытия в 1709 году Кертнертор-театр был местом премьер произведений Гайдна, Моцарта и Сальери; его аудитория знала толк в классической опере. Последней крупной работой Бетховена, прозвучавшей в театре, была пересмотренная версия «Фиделио», встреченная с восторгом, но это было ровно десять лет назад. 53-летний композитор, финансовое состояние которого было весьма шатким, брал множество заказов от королевских домов и издателей Лондона, Берлина и Санкт-Петербурга, но часто не укладывался в сроки; говорили, что он перегружен не только работой, но и юридическими битвами по поводу опеки над племянником Карлом. Кроме того, он славился упрямым и вздорным нравом. Так что не было никаких оснований ожидать, что новое произведение Бетховена окажется чем-то большим, чем очередной важной вехой в его творчестве. Тем более что уже было известно, что оно длинное и сложное, для него нужен более крупный оркестр, чем обычно, в финале задействованы хор и солисты, а репетиции шли менее четырех дней. И был еще один нюанс. Несмотря на объявление, что дирижировать концертом будет штатный маэстро Михаэль Умлауф, а ассистировать – первая скрипка Игнац Шуппанциг, была достигнута договоренность, что Бетховен тоже будет присутствовать на сцене во время всего исполнения, у него будет собственный дирижерский

пульт рядом с Умлауфом, и он как бы будет руководить темпом исполнения симфонии (или, как говорилось в официальном объявлении о концерте, сделанном днем ранее, «г-н Людвиг ван Бетховен лично будет принимать участие в общем руководстве»). Разумеется, для оркестра это представляло дилемму, которую требовалось обсудить. Куда смотреть? На чей темп ориентироваться? Один из очевидцев, пианист Сигизмунд Тальберг, говорил, что Умлауф дал указание оркестрантам оказывать честь Бетховену, время от времени поглядывая на него, но его ритм полностью игнорировать.

Вечер начался удачно. Перед премьерой были исполнены два недавних сочинения: увертюра «Освящение дома» (*Die Weihe des Hauses*), которая была заказана два года назад для открытия другого венского концертного зала, и три части его великой Торжественной мессы ре мажор (*Missa Solemnis*). Началось исполнение новой симфонии, и Бетховен оказался самой яркой фигурой на сцене. Волосы и руки метались во все стороны. Как вспоминал один из скрипачей оркестра Йозеф Бем, «он бросался взад и вперед как безумный». Бем еще вспоминал, что композитор «вытягивался во весь свой рост, а в следующий момент сгибался до пола. Он размахивал руками и ногами, словно пытался играть на всех инструментах сразу и исполнять все партии хора». Хелен Гребнер, тогда молодая хористка, вспоминала, что Бетховен, видимо, не очень поспедал за темпом: хотя он, «казалось, следил за партитурой глазами, в конце каждой части переворачивал по несколько страниц сразу». Был случай, кажется, в конце второй части, когда контраalto Каролин Унгер пришлось взять Бетховена за рукав, чтобы обратить его внимание на аплодисменты. В наше время публика сдерживается до конца исполнения произведения, а в те дни одобрение было принято выражать гораздо чаще. Бетховен, глядя на оркестр, очевидно, не слышал звуков из зала или был слишком поглощен чтением партитуры для *адажио*.

Неужели такое могло случиться? Или это просто миф, окрепший со временем?^[43] Само исполнение тоже вызвало ряд серьезных вопросов. Как мог совершенно глухой человек сочинить музыкальное произведение, которое почти у всех вызвало безумный восторг? Секретарь Бетховена Антон Шиндлер писал: «Никогда в жизни мне не доводилось слышать таких неистовых и горячих аплодисментов... Прием был более чем королевским – публика взрывалась бурей четыре раза»^[44]. Обозреватель *Wiener Allgemeine Musikalische Zeitung* отметил, что «неистошимый гений» Бетховена «открыл перед нами новый мир». Буквально все – друзья, критики, сливки венского общества – в восторге бросали в воздух шляпы. Но услышали ли они то, что хотел композитор? И слышим ли мы?

Партитуру мы знаем. Первая часть в форме сонаты, которая никак не успокаивается, оркестр в стихийной битве с самим собой, нависающее напряжение первых нежных тактов вскоре сталкивается с мощным грозным крещендо, которое предвещает действие неудержимой эмоциональной силы. Вторая часть, скерцо, захватывающая мощь настойчивого ритма перед сдержанной и невероятно красивой мелодичностью третьей. А затем последняя фантастическая часть, завораживающий оптимизм шиллеровской «Оды к радости», громоподобной, как небеса, восторженная симфония в себе, которая, по словам немецкого музыкального критика Пауля Беккера, восходит «из области личного ощущения к космическому. Здесь изображена не жизнь, а ее вечный смысл».

Но насколько хорошо мы действительно знакомы с партитурой?

Ноты – одно дело, темп – совсем другое. Симфония давно стала частью ландшафта. У нее есть официальное название – «Симфония № 9 ре минор», есть каталожный номер – опус 125; есть разговорное название – «Хорал», а специалисты сокращают до «Б9». Но чего у нее нет, несмотря на тысячи исполнений, так это даже приблизительного согласия относительно длительности ее звучания. Насколько агрессивно следует исполнять вторую часть? Насколько медлительно третью? По какой электризованной лицензии

Тосканини может довести четвертую часть до конца на 5 минут быстрее, чем относительно бесстрастный интерпретатор Клемперер? Как один дирижер XIX века мог доставить публику домой на комфортные 15 минут раньше, чем другой дирижер XXI века? Как мог Феликс Вейнгартнер, дирижировавший 9-й симфонией с Венским филармоническим оркестром в феврале 1935 года, исполнить ее за 62 минуты 30 секунд, Герберт фон Караян с Берлинским филармоническим в 1962-м – за 66.48, а Бернард Хайтинк с Лондонским симфоническим в апреле 2006-го – за 68.09? А Саймон Раттл снова в Вене в 2003 году – за 69.46? А есть еще живые записи, заполненные паузами и кашлем между частями. Самая знаменитая из них – исполнение многонациональным оркестром под управлением Леонарда Бернстайна в Берлине на Рождество 1989 года в честь падения Стены, исполнение, в котором в финальном хоре вместо слова «радость» звучало «свобода». Она длилась 81 минуту и 46 секунд. Может, наше терпение преодолевает ради симфонии все скорости современного мира? Может, наше современное отношение к гению требует наслаждения каждой нотой?

Красота музыки достигается как композицией, так и исполнением, и именно исполнение придает ей жизненную силу. Искусство невозможно привести к абсолюту, эмоции невозможно измерить по шкале времени. Но в начале XIX столетия метод интерпретации современной музыки изменился, и нетерпеливость и радикализм Бетховена сыграли в этом далеко не последнюю роль. Композитор нашел новый способ размечать время.

Каждая часть Девятой симфонии содержит общие предварительные указания для темпа и тональности, хотя рядовой слушатель должен признать несоответствие этих указаний для такого многозначного и нетрадиционного произведения. Перед первой частью решительно указано: *Allegro ma non troppo, un poco maestoso* (весело, быстро, но не слишком, затем торжественно); перед второй – *Molto vivace* (очень живо), перед третьей – *Adagio*

molto e cantabile (спокойно и очень напевно), а перед четвертой, с ее новаторским финальным хором, *Presto – Allegro ma non troppo – Vivace – Adagio cantabile* (быстро – весело, быстро, но не очень – живо – спокойно, напевно).

Откуда взялись эти темпы? От человеческого сердцебиения и человеческой походки. Любое определение темпа требует базового уровня, на который нужно ориентироваться – *tempo giusto*, точного, ровного темпа, по сравнению с которым кто-то может двигаться быстрее, а кто-то медленнее. Принято считать нормальным значением для спокойной походки и пульса в расслабленном состоянии 80 ударов в минуту. Это – «нормальное» состояние для отсчета. (В 1953 году знаменитый музыковед Курт Закс выдвинул предположение, что существуют верхний и нижний пределы, которые не допускают, чтобы концертное исполнение замедлялось или ускорялось до непонимания. «Максимум медлительности, который допускает умеренный шаг или темп, вероятно, в пределах 32 ударов в минуту... максимальная скорость, за которой дирижер скорее суетится, чем указывает темп, – в районе 132». Закс даже составил таблицу, конечно, приблизительную, но весьма оригинальную, в которой связал точное количество ударов в минуту с неопределенной терминологией. К сожалению, она слегка противоречит его оценкам, о которых шла речь выше. Так, он вычислил, что *adagio* соответствует 31 удару в минуту, *andantino* – 38, *allegretto* – 53 1/2, *allegro* – 117^[45].

Именно итальянцы ввели в употребление определения темпов, которыми мы пользуемся до сих пор (все эти *vivace* и *moderato*), и к началу XVII века тональности классической музыки практически определились. Эмоции теперь можно было не только почувствовать интуитивно, но и записать: «весело» (*allegro*) или «спокойно» (*adagio*). Адриано Банкьери, выступая в Болонье в 1611 году, в партитуре для органа имел весьма специфические указания: *presto, più presto, prestissimo* (быстро, быстрее, очень быстро). Спустя 50 лет музыкальный словарь расширился до самого отрывистого *nervoso* и

самого прекрасного нежного *fuso*. Легендарная связь с биением сердца нашла еще один отклик в итальянском термине для четвертной паузы – *sospiro* (вздых).

Но проблема осталась: эмоции субъективны, и не всегда эмоции композитора понимаются дирижером, не говоря уже о людях других наций. К. Ф. Э. Бах, сын Иоганна Себастьяна, в 1750-е годы отмечал, что «в некоторых странах [за пределами Германии] есть характерная тенденция исполнять *adagio* как слишком быстро, так и слишком медленно». Лет 20 спустя в Неаполе итальянцы услышали такое бесподобное *presto* в исполнении молодого Моцарта, что пытались объяснить его виртуозность наличием волшебного кольца на руке (которое он потом снял, чтобы снять подозрения в мошенничестве).

Мы знаем, что к 1820-м годам Бетховен уже считал такие указания устаревшей формальностью. В письме 1817 года к музыковеду и композитору Игнацу фон Мозелю он заметил, что итальянские термины для темпов – «наследие времен музыкального варварства».

Например, что может быть абсурднее *allegro*, который раз и навсегда означает «весело», а мы порой так далеко отходим от точного значения этого термина, что музыкальное произведение начинает выражать нечто противоположное указанию! Что касается четырех важнейших коннотаций [*allegro, andante, adagio, presto*], то они на самом деле так же далеки от истины или точны, как четыре направления ветра, и мы можем прекрасно обходиться без них.

Мозель с ним согласился, но Бетховен опасался, что их обоих осудят как «нарушителей традиций» (хотя он считал это предпочтительнее, чем быть обвиненным в «феодализме»). Несмотря на все возражения, Бетховен нехотя придерживался старого стиля; вплоть до последних квартетов его произведения предварялись презираемыми им итальянскими установками. Укрощая свое недовольство, он время от времени включал

некоторые определения в текст партитуры: *ritard*, отметил он изначально в первой части Девятой симфонии. Это сокращение от *ritardando* – указание на постепенное замедление, когда ритмы начинают разбегаться во всех направлениях. Но в партитуре Девятой Бетховен представил новые и гораздо более значительные инструкции для композиторов и исполнителей – точную скорость исполнения, которую можно было определить благодаря недавно изобретенному музыкальному приспособлению.

Метроном стал для Бетховена таким же революционным инструментом, как микроскоп для бактериологов XVII века^[46]. Он обеспечивал как абсолютную равномерность, так и мельчайшую вариативность и точно передавал всему оркестру изначальные намерения композитора. Что в начале музыкальной секвенции может быть более ясным и более четким, чем указание на требуемое количество колебаний маятника метронома – тактов, или ударов в минуту? И что могло подвести стареющего композитора ближе к Богу, чем убеждение в том, что он преобразует сущность самого времени?

В письме Мозелю Бетховен приписывает изобретение метронома немецкому пианисту и изобретателю Иоганну Мельцелю, хотя тот в 1816 году всего лишь скопировал, усовершенствовал и запатентовал устройство, разработанное несколькими годами ранее в Амстердаме человеком по имени Дитрих Винкель. (Винкель ориентировался на надежные колебания часового маятника, который использовался в качестве вспомогательного инструмента для сочинения музыкальных композиций со времен Галилея, с начала XVII века. Но первые музыкальные маятники были неуклюжими и неточными механизмами, внешне больше напоминавшими поставленные на бок весы, нежели привычные нам пирамидки. Главным новшеством Мельцеля было то, что маятник имел нижнюю опорную точку и подвижный грузик; прежние механизмы имели верхнюю точку крепления. Мельцель, продавая

в Европе свой патент на устройство Винкеля, оснастил маятник насечками – своего рода мерной линейкой.)^[47]

У Мельцеля был талант подражать и выдавать созданное за свое. Бетховен однажды выразил ему претензии за неправомерное притязание на авторство небольшой музыкальной пьесы «Битва при Виттории», написанной им в честь победы герцога Веллингтонского над Наполеоном в 1813 году^[48]. Изначально они вместе работали над композицией; Бетховен собирался использовать изобретенный Мельцелем *пангармоникон* (механический орган наподобие шарманки, имитирующий звучание военного оркестра), но позже расширил произведение, сделав новый инструмент излишним.

Мельцель был Карактусом Поттом^[49] своего времени. Его отец занимался созданием органов. Увлеченность Иоганна механическими чудесами достигла своего апогея в сооружении и рекламировании «механического шахматиста» под названием «Турок»^[50]. (Разумеется, это было жульничество: внутри автомата в кабинке сидел маленький и искусный шахматист, который и контролировал все ходы. Любопытно отметить, что в 1-й половине XIX века «Турок» отправился в европейское турне, которое продлилось несколько лет; его иногда демонстрировали в антрактах концертов Бетховена.) Мельцель также создал четыре слуховые трубки для Бетховена. Парочка всегда была у него на голове, чтобы оставлять свободными руки. Возможно, это способствовало тому, что позже Бетховен предпочел закрывать глаза на их разногласия и поддерживал метроном Мельцеля. В конце письма к Мозелю композитор предположил, что скоро тот будет востребован «каждым деревенским школьным учителем». И таким образом инструмент, полезный и для исполнителей, и для обучения музыке, войдет в повсеместное употребление: «Без слов ясно, что отдельные личности должны сыграть заметную роль в этой деятельности, так сказать, подхлестнуть энтузиазм. Со своей стороны могу заявить, что вы

полностью можете на меня рассчитывать, и я с удовольствием жду роли, которую вы отведете мне в данном мероприятии».

С течением лет его поддержка не ослабевала. 18 января 1826 года, за 14 месяцев до смерти, он писал в издательство *B. Schotts söhne* в Майнце, предлагая «все адаптированное для метронома». Позже в том же году Бетховен пишет в то же издательство: «Метрономические указания вскоре появятся. Не теряйте надежды. В наш век такие вещи безусловно нужны. Я узнал из писем берлинских друзей, что первое представление [Девятой] симфонии встретило горячий прием, что я приписываю преимущественно использованию метронома. Сейчас практически невозможно сохранять *tempi ordinary*; теперь исполнители должны подчиняться мыслям раскрепощенного гения...»

И на этом, как может кто-нибудь резонно рассудить, должно было все кончиться. Раскрепощенный гений пойдет своим путем, следовательно, его музыка должна звучать в единственном темпе, и спустя два века мы должны сидеть в концертном зале и слышать, по существу, практически ту же музыку, что слышала публика во время первого исполнения. К счастью для нас, такого не произошло. Не успели высохнуть чернила, которыми Бетховен ставил метрономические указания на партитуру, как музыканты отреагировали на них единственно возможным для себя образом – стали практически полностью их игнорировать.

Выступая в декабре 1942 года в Нью-Йорке на собрании американского музыковедческого общества, скрипач Рудольф Колиш крайне сдержанно оценивал значение темпов, которые указывал Бетховен. «Эти пометки в целом не воспринимались как достоверное выражение его намерений и не соблюдались при исполнении. Напротив, их наличие не проникало в сознание музыкантов, и в большинстве изданий они отсутствуют. Исполнительские традиции и условности очень далеко отходят от темпов, указываемых этими метками». Иными словами, музыканты и дирижеры создавали свои интерпретации произведения

композитора. Они предпочитали, как предположил Колиш, традиционные расплывчатые итальянские термины более четким новомодным значкам. «Эта странная ситуация, – отметил докладчик, – заслуживает изучения».

Одна из наиболее распространенных причин игнорирования бетховенских указаний темпа заключается в том, что они, как считается, не точно передают его музыкальные пожелания; широко известен пример Шумана, который ставил метрономические указания, не очень понимая их смысл. Некоторые утверждали, что метроном Бетховена отличался от тех, что производятся фабричным способом в XX веке; он был, вероятно, медленнее, поэтому метки, выставленные по нему, сейчас указывают слишком высокий темп, который практически невозможно выдержать при исполнении. Критики предпочитают считать их «импрессионистскими» и простыми «абстракциями». Но есть и более философское предположение: оно основано на ощущении, что использование метронома вносит что-то строго математическое и, соответственно, «антихудожественное». Казалось, Бетховен выступает сам против себя. Колиш в своем выступлении отмечал, что такое свободное по духу органическое произведение «невозможно... втиснуть в столь механические рамки».

Через 50 лет, когда переработанный доклад Колиша был опубликован в журнале *Musical Quarterly*, в нем содержалось самое раннее письменное упоминание Бетховеном метронома Мельцеля. Композитор говорил, что это «полезное средство гарантировать, что исполнение моих произведений повсюду будет соответствовать темпу, который я имел в виду, поскольку, к сожалению, его часто истолковывают неправильно»^[51]. Нельзя забывать, что у Бетховена было маниакально высокое самомнение. Как-то он осадил одного из критиков своего творчества фразой: «Даже мое дерьмо лучше всего, что он в состоянии сочинить». (И, разумеется, его взгляды со временем менялись. Прежде чем стать горячим сторонником метронома, он гораздо спокойнее относился к соблюдению темпов

исполнения своих сочинений. В одном случае он предложил, чтобы его указания выдерживались хотя бы в первых нескольких тактах; в другом писал: «Либо они хорошие музыканты и должны понимать, как исполнять мою музыку, либо они плохие музыканты, и в таком случае мои указания для них бесполезны».)

Возможно, только самые оригинальные и одаренные композиторы заслуживают того, чтобы их произведения интерпретировали при каждом исполнении. Возможно, только шедевры могут выдерживать тщательное исследование на регулярной основе. А возможно, что даже самое неукоснительное следование музыкальному темпу композитора может обеспечить лишь приблизительное руководство: обеспечить, как говорил профессор эстетики Томас Левин, рамки, внутри которых музыка может просто *жить*. Потому что все остальное, «ее дыхание, выражение, бесконечно сложная и тонкая структура темпа внутри этих базовых ограничений остается, как всегда, областью ответственности исполнителя»^[52].

Но не меняется ли ответственность исполнителя со сменой поколений? Наше внутреннее ощущение времени сегодня может сильно отличаться от того, что было 200 лет назад. Американский дирижер швейцарского происхождения Леон Ботштейн столкнулся с этой проблемой в 1993 году, когда очень торопился успеть на поезд. «Я ехал на машине по проселочной дороге и оказался позади черной повозки, запряженной парой лошадей, – писал он в *Musical Quarterly* спустя несколько месяцев. – Меня поразили один момент. Лошади, судя по всему, бежали очень быстро. Во всяком случае, это не походило на катание туристов в Центральном парке. Но пока я тащился за этой штуковиной, мучительно остро ощущал, как невыносимо медленно она движется».

Ботштейн нервничал и размышлял, сколько времени ему понадобилось бы, чтобы прибыть к месту своего назначения, если бы скорость повозки была максимальной для любого средства передвижения, а когда-то, безусловно, так оно и было. «К тому моменту, когда я наконец смог обогнать ее, возникла неожиданная

ассоциация. Имело ли значение то, что Бетховен наверняка не знал движения более быстрого, чем скорость движения конного экипажа? Может, его представления о времени, длительности и относительных возможностях того, как события и места могут быть связаны со временем, существенно отличались от наших?»

Темп метронома, указываемый Бетховеном и казавшийся Ботштейну слишком быстрым, противостоит многим произведениям, где он кажется слишком медленным. Указания Шумана к «Манфреду» кажутся вялыми; так же воспринимаются указания Мендельсона к оратории «Святой Павел». Заключительная часть 6-й симфонии Дворжака тоже содержит указания на темпы, которые многими музыкантами считаются несоответствующими энергичности его музыки. И тут возникает еще один риторический вопрос: следует ли считать время звучания музыкального произведения, созданного в конкретный исторический период, правильным спустя много десятилетий, в другую эпоху, где темп жизни значительно выше? И всегда ли инновации устаревают? Мир идет вперед, музыкальная революция, которая когда-то вызывала шок, теперь подвергается холодному анализу. Кубизм – направление в изобразительном искусстве, а не полемика. «Роллинг стоунз» – совсем не кошмарное родительское предпочтение.

Конечно, речь идет скорее об интерпретации произведений, чем о простом указании длительности звучания на рукописи или обложке компакт-диска. В этом есть смысл. Широко известно исполнение 9-й симфонии на Байрейтском фестивале 1951 года под управлением Вильгельма Фуртвенглера. Когда дирижер разгонял заключительную часть симфонии, он ориентировался не только на метроном. Он ориентировался на Вторую мировую войну. По свидетельствам современников, порой казалось, что он даже не обращает внимания на ноты, не говоря уж о темпе; в его манере дирижирования было столько возмущения, что оно, казалось, способно воспламенить партитуру. Слово «страсть» слишком затаскано в наши дни, но аудитория Фуртвенглера и его оркестр наверняка могли ощутить

страсть самого Бетховена, размахивавшего руками на премьере, разъяренного звуками, звучащими в его голове.

Есть еще одна тема для рассуждений. Дело в том, что в Вене 1824 года существовало (если вообще было) очень слабое представление о том, что влечет за собой идея скорости и ускорения ритма жизни. Венское общество той поры сильно отличалось от современного; образ жизни сохранялся в основном таким же, как два-три столетия назад. Часы как механизм не могли похвастаться особой точностью, время могло течь и быстрее, и медленнее, в точности и синхронизации не было необходимости. Железные дороги и телеграф еще не преобразили города. Если в эту смесь бросить точный и безжалостный метроном – грохнет взрыв, который оглушит весь мир.

Возможно, говоря о Бетховене, неизбежно приходится возвращаться к глухоте. Стенли Доддс, вторая скрипка Берлинского филармонического оркестра, размышлял, не является ли сама свобода ключевым моментом всех загадок 9-й симфонии. «Я иногда себя спрашиваю: если ты станешь совершенно глухим и музыка будет существовать только как абстракция в твоём мозгу, то она, разумеется, утратит определенные физические характеристики. Но разум абсолютно свободен, и это может объяснить и, возможно, поможет понять, откуда возникла эта невероятная креативность, эта свобода в его композиционном творчестве». У Доддса брали интервью для создания приложения к цифровому планшету, которое сопоставляет с криминалистической точностью исполнение 9-й симфонии под управлением Ференца Фрича в 1958-м, Герберта фон Караяна в 1962-м, Леонарда Бернстайна в 1979-м и Джона Элиота Гардинера в 1992 годах^[53]. Он тоже считает метрономические указания Бетховена весьма «нелепыми» и задающими слишком высокий темп. Записи исполнений, в которых пытались соблюсти все эти указания, «звучат немного как программы музыкальной нотации, как будто их исполняет музыкальный автомат». Человеку требуется нечто иное.

Музыка сама по себе, исполняемая в ее физическом проявлении, имеет небольшой вес. Этот вес можно сравнить с весом смычка, который необходимо поднимать, опускать и поворачивать с каждым заходом, или даже с несколькими граммами губ, которые вибрируют, извлекая звук из духового инструмента, или с весом кожи, натянутой на литавры. Двойной басовый звук, к примеру, кажется, звучит дольше.

В результате всех этих легких практических отступлений можно сказать, что музыкальные нотации Бетховена физически почти нереализуемы. «Но поскольку Бетховен представлял все это в своем уме, ваш ум совершенно свободен. Я знаю по собственному опыту, что могу думать музыку гораздо быстрее, чем *исполнять* ее».

Бетховен умер через три года после венской премьеры Девятой симфонии^[54]. В день его похорон город замер. В его честь даже остановили часы. Последние месяцы он занимался тем, что пересматривал свои ранние произведения, чтобы оснастить их метрономическими указаниями, поскольку не видел ничего более важного, чем закрепить правильность исполнения его произведений в будущем. Мы знаем, что из этого ничего не получилось. Однако в истории произошел еще один своеобразный поворот, хотя и через 150 лет.

II. Как долго должен звучать компакт-диск?

27 августа 1979 года руководство и ведущие специалисты компаний Philips и Sony собрались за круглым столом в Эйндховене с простым намерением: изменить наш способ слушать музыку. Они разработали широкомасштабное внедрение революционной технологии за много лет до возникновения термина. Виниловые долгоиграющие пластинки с бороздками за тридцать лет мало чем изменились; они подвергались губительному воздействию пыли, грязи, царапин, искривления и имели чрезвычайно занудное ограничение: как можно погрузиться в прослушивание даже самой короткой симфонии, если на середине звучания приходится вставать, поднимать иголку, протирать пыль, переворачивать диск и начинать заново? (Долгоиграющие пластинки, конечно, тоже прекрасны, приятны на ощупь, с теплым звуком и разнообразные, но прогресс есть прогресс.)

Так родился компакт-диск (по крайней мере, произошло зачатие). Идея заключалась в соединении прекрасной современной простоты аудиокассет и видеодисков с их акустической прочностью и произвольным доступом к трекам. Тем самым надеялись убедить меломанов стать гаджетоманами^[55]. Компакт-диск должен был быть небольшим объектом с цифровой записью, читаемой оптическим лазером. Нехватка акустической теплоты должна была компенсироваться динамичностью, точностью и незагрязняемой поверхностью. (Это также была клевая новинка, и хотя те, кто отдавали свои деньги за альбом Brothers in Arms группы Dire Straits, не могли этого предвидеть, компакт-диск был удобным выходом в зарождавшуюся цифровую вселенную.)

Но прежде чем это могло произойти, нужно было решить одну проблему: формат. Устав от видеовойн между Betamax и VHS, в ходе которых две конкурирующие технологии мешали друг другу и потребителям в ущерб всем, компании Philips и Sony решились

наконец на сотрудничество в беспрецедентном масштабе^[56]. Они разработали сходные технологии и объявили об этом всему миру в марте 1979 года; но оставались различия в технических характеристиках. Перед потребителями снова возникла проблема выбора между несовместимыми плеерами. Необходимо было выступить единым фронтом, тем более если они хотели убедить меломанов снова покупать те же произведения, которые у них уже были (на других носителях).

Но насколько компактным должен быть диск? И какое количество оцифрованной информации он должен содержать?

Совещания руководства и инженеров проходили несколько дней в Эйнховене и Токио. В результате появился отраслевой стандарт, руководство под названием «Красная книга». Через несколько лет, анализируя это соглашение в журнале Института инженеров электротехники и электроники *IEEE Communication*, ветеран аудиокоманды компании Philips по имени Ганс Б. Пик сделал вклад в продукт, который дал толчок новой культуре. Ганс Пик может быть весьма доволен своим предположением, что долгоиграющие пластинки просто вышли из моды. В век миниатюризации штабелям пластинок и массивным проигрывателям место только где-нибудь на антресолях. Пик писал о миниатюрных «плоскостях и ямках» на дорожках компакт-диска и о том, как можно контролировать ошибки цифровой записи аудиосигналов. В отличие от долгоиграющих пластинок, запись на компакт-диске должна читаться от внутренней его части в сторону внешней. Пропуски, щелчки, паузы – все недостатки оптического воспроизведения, которые могут возникнуть из-за таких простых вещей, как отпечаток пальца на диске, необходимо преодолеть. Была достигнута договоренность о плотности размещения информации. Благодаря участию Sony диаметр диска должен был составлять 11,5 см, это соответствовало размеру диагонали кассеты. Длительность звучания изначально была определена в 1 час – приятное круглое значение, намного превышающее продолжительность звучания пластинки.

В феврале 1979 года прототип проигрывателя компакт-дисков и сами диски были представлены группе экспертов в новой звукозаписывающей компании PolyGram, созданной компаниями Philips и Siemens (это сотрудничество обеспечило доступ ко всему каталогу записей компании Deutsche Grammophon). Экспертам все очень понравилось. Прослушав несколько музыкальных композиций, они не смогли почувствовать разницу между воспроизведением на компакт-диске и воспроизведением на оригинальной мастер-ленте. Месяцем позже компакт-диски дали послушать журналистам. Звучание оказалось потрясающим. В одной из первых записей, полной коллекции вальсов Шопена, можно было услышать, как ассистент пианиста переворачивает страницы. Представителям медиа понравилось и то, чего они не услышали: при остановке звучания посреди трека не появлялось никаких посторонних звуков. Абсолютно точная кнопка паузы, позволяющая задерживать и продолжать музыкальное время, сама по себе была революционным изобретением.

Компакт-диск принес с собой кое-что еще: совершенно новое представление о музыкальном времени. Это действительно завораживало: видеть, как на цифровом индикаторе мелькают красненькие или зелененькие секунды звучания трека и иметь возможность не только сделать паузу, но и повторить, и вернуться на любую отметку. Оказалось, можно совершенно по-новому управлять временем. Каждый сам себе ди-джей с абсолютной властью, у каждого своя *Abbey Road*^[57].

Затем представители Philips отправились в Японию вести переговоры о партнерстве в производстве. Они общались с компаниями JVC, Pioneer, Hitachi и Matsushita, но договориться удалось только с Sony. Норио Ога, в то время вице-президент Sony, в августе 1979 года прибыл в Эйнховен уточнять детали, которые затем станут отраслевым стандартом, но окончательные соглашения были достигнуты и оформление приложений к патентам завершено в Токио в июне 1980 года. К тому времени изменился оригинальный

формат, предложенный Philips. По словам Дж. П. Синджу, который возглавлял коллектив из 35 человек, работавших в лаборатории компакт-дисков Philips, формат 11,5 см был изменен на 12 см по личной просьбе Норио Оги. Дополнительное пространство давало возможность Оге, который был также оперным певцом (баритон) и страстным любителем классической музыки, увеличить длительность звучания диска до максимума. «Благодаря диску диаметром 12 см, – писал Ганс Б. Пик, – можно было записать конкретное исполнение 9-й симфонии Бетховена длительностью 74 минуты, которое очень нравилось Н. Оге». Другие вопросы решались не менее изящным способом. «Дж. Синджу выложил на стол нидерландскую монету в 10 центов. Все согласились, что это идеальный размер для отверстия [в центре диска]. По сравнению с другими продолжительными дискуссиями это оказалось проще всего»^[58].

Неужели действительно первоначальная продолжительность звучания была обусловлена продолжительностью записи 9-й симфонии Бетховена под управлением Фуртвенглера на Байретском фестивале 1951 года? Это было бы потрясюще. Но история рассказана как «анекдот» одним инженером, так что закрадываются сомнения. По другой версии поклонником Бетховена был не мистер Ога, а его жена. Возможно, история с 9-й симфонией придумана позже в качестве маркетинговой хитрости. Есть еще один нюанс: 74-минутное исполнение под управлением Фуртвенглера технически можно было втиснуть в один компакт-диск, но им нельзя было бы пользоваться: первые плееры переваривали только 72 минуты. Можно сказать, судьба свела композитора с альбомом Джимми Хендрикса *Electric ladyland*: сегодня оба шедевра умещаются на одном диске, но изначально их разделили на два.

Но кто нынче покупает компакт-диски? Кто, кроме отъявленного пуриста, найдет время идти в музыкальный магазин и покупать физический продукт, когда любую музыку можно загрузить за три секунды? В эпоху *SoundCloud* и *Spotify* у кого найдется время даже

просто прослушать полный, не архивированный альбом так, как его задумывал автор? Формат больше не является ограничением для художественной формы, однако раньше, как можно видеть по записям, сделанным кассиром студии Abbey Road, формат выдерживался очень строго.

III. Revolver^[59]

А теперь, пожалуйста, чуть потише: группа «Битлз» готовится записывать свой первый альбом. Раннее утро, понедельник, 11 февраля 1963 года. Во 2-й студии Abbey Road зарезервированы три сессии звукозаписи: на 10:00–13:00, 14:30–17:30 и 18:30–21:30. Расписание соответствует правилам Музыкального союза. Сессия может длиться не более трех часов, из которой можно использовать не более 20 минут записанного материала. Каждый артист получает одинаковую плату за участие в сессии – 7 фунтов и 10 шиллингов. В конце дня надо подписать счет, чтобы получить гонорар от Музыкального союза, который выплатит мистер Митчелл, кассир студии Abbey Road. В первой ведомости на получение гонорара группа предстала в необычном составе: Джон Леннон обозначил себя как J. W. Lewnow, проживающий в доме 251 по улице Mew Love Ave; роль бас-гитариста была отведена Джорджу Харрисону.

Тот факт, что «Битлз» в этот день появились здесь, сам по себе необычен. Студию арендовала группа, за плечами которой был один-единственный сингл. Когда шеф лейбла Parlophone Джордж Мартин объявил, что группа намеревается записать альбом, это вызвало большое удивление. Поп-музыка ограничивалась синглами. За предыдущие два года наиболее продаваемыми долгоиграющими пластинками в Британии были альбомы не Клиффа Ричарда или Адама Фэйта и даже не Элвиса Пресли. Это был альбом группы «Джордж Митчелл Минстрелс» с композициями из Black and White Minstrel Show.

Утренняя сессия началась с записи оригинальной песни «Битлз» под названием There's a Place, навеянной мелодией Somewhere из «Вестсайдской истории». Было записано семь полноценных дублей и сделано три фальстарта. Последний дубль, длительностью 1 минута 50 секунд, в документах студии отмечен как «лучший». Затем

перешли сразу к песне, обозначенной как «17». Записано девять дублей, считая фальстарты. После прослушивания решили, что лучше всего получился первый дубль, а через несколько дней появилось новое название – I Saw Her Standing There, и решили, что композиция будет открывать альбом; она звучала и в начале многих их живых выступлений. Но Джордж Мартин^[60] почувствовал, что чего-то не хватает – определенной динамики, которую демонстрировали «Битлз», когда он присутствовал на их концерте в ливерпульском Cavern Club. И в самое начало первого дубля он втиснул четыре слова, которые произнес Пол Маккартни перед записью девятого дубля: One-two-three-FOUR! Потом пришло время ланча.

В 1948 году произошло много событий – рождение государства Израиль, создание Берлинского воздушного моста^[61], появление NHS^[62] и плана Маршалла^[63]. На этом фоне выпуск 12-дюймовой пластинки со скоростью вращения $33\frac{1}{3}$ оборота в минуту выглядит явлением малозначимым. Но ее влияние на судьбу долгоиграющих пластинок оказалось потрясающим. Возможность 22-минутного звучания на каждой стороне вместо 4 или 6 минут на старых 10-дюймовых или 12-дюймовых со скоростью 78 об/мин изменило и представление композиторов и музыкантов о музыке, и отношение к созданию композиций. Целое поколение получило новый способ развлекаться и просвещаться. Недаром Филип Ларкин^[64] связывает начало сексуальной революции с появлением первого альбома «Битлз».

Было бы упрощением заявлять, что стандартная длительность музыкального исполнения определялась преимущественно техническими ограничениями для их записи. Но до появления воскового записывающего цилиндра и граммофона, разумеется, потребности в каком-то структурировании было гораздо меньше. Песенные тропы на африканских равнинах^[65] тянулись веками; в средневековых дворцах и замках развлечения продолжались, пока

это было угодно правителям или пока не заканчивались деньги. В менее давние времена представления порой просто испытывали человеческое терпение: как долго мы сможем сохранять концентрацию, как долго – держаться в рамках приличий? Концерт нередко мог закончиться, когда догорали свечи. То же самое с античным театром: как долго публика могла высидеть в неотапливаемом помещении, не потребовав древнеримского эквивалента мороженого в шоколаде?

Но записывание музыки, которое, по сути, началось с 1870-х годов, изменило наши возможности ее слушать. Двухминутный или четырехминутный предел восковых валиков компаний Edison и Columbia действовал на мозг как гильотина. 10-дюймовые грампластинки на 78 об/мин звучали примерно столько же – около 3 минут. 12-дюймовые пластинки (до появления долгоиграющих пластинок с микроканавками) звучали примерно 4,5 минуты. 7-дюймовые виниловые синглы на 45 об/мин, появившиеся в 1949 году, не сильно от них отличались, минуты на три, не больше. Иначе канавки надо было прокладывать так плотно, что звук начинал искажаться, а игла проскакивала^[66].

Марк Кац, известный историк звукозаписи, отметил, что до появления долгоиграющих пластинок прослушивание музыки дома было сущим мучением^[67]. Он цитирует блюзмена Сона Хауса, который в двадцатые годы страдал от того, что приходилось «вставать, останавливать, переворачивать, крутить ручку, прицеливаться, ставить иглу снова...» Это плохо для блюза и джаза, но для классической музыки – просто катастрофа: запись симфонии приходилось делить на 20 частей (10 дисков с записью на обеих сторонах: таким образом, кстати, появилось название «альбом» – пачка пластинок на 78 об/мин в общем футляре).

Конечно, к этому можно привыкнуть, и вообще в те давние времена возможность записывать звук казалась чудом. Но с точки зрения творчества это было не просто досадной мелочью, а серьезной помехой. Оперу или концерт теперь приходилось делить

не по желанию композитора на акты или части, а на искусственные куски в соответствии с ограничениями четырехминутного воскового цилиндра или диска. Музыка внезапно обрывалась, и, чтобы услышать продолжение, кто-то должен был встать с кресла. Каков результат всего этого? Более короткие записи или больше записей коротких вещей.

Марк Кац отмечал, что если в начале первой половины XX века в концертных залах исполнялся обычный набор симфоний и опер, то «любой анализ каталогов грампластинок (...) показывает господство характерных пьес, арий, маршей и коротких популярных песенных и танцевальных номеров (...) Это было незадолго до того, как ограничения по времени повлияли не только на то, что записывали музыканты, но и на то, что они исполняли на публике». Публика все активнее желала слушать короткие произведения, известные им по домашним грампластинкам^[68]. В итоге трехминутная продолжительность песен в жанре поп-музыки была закреплена, если не обусловлена возможностью делать чуть более длинные записи. Но удивительнее другое: такая практика существовала задолго до зарождения этого жанра.

В 1925 году Игорь Стравинский сочинил «Серенаду» для фортепьяно. Продолжительность звучания – 12 минут, она поделена на четыре примерно равные части. Причина очень проста: «В Америке я договорился с граммофонной фирмой [«Брунсвик»] о записи нескольких моих произведений, – объяснял Стравинский. – Это подразумевало, что мне придется сочинить нечто, соответствующее емкости пластинок». Так получились четыре части, каждая длительностью менее 3 минут, которые удачно ложились на одну сторону 10-дюймовой пластинки на 78 об/мин^[69]. Композиторы были не против сокращать свои произведения, чтобы они соответствовали ограничениям звукозаписи. В 1916 году Эдуард Элгар сократил партитуру своего Концерта для виолончели, чтобы она уложилась в четыре диска на 78 об/мин. Несокращенное исполнение звучит более чем вдвое дольше.

Музыканты могли варьировать исполнение на сольных концертах и для звукозаписи. Визуальное впечатление от живого исполнения можно было каким-то образом воспроизвести в голове слушателей включением *вibrato*^[70] и другими резонансами. Композитор Николаус Арнонкур полагает, что «если вы не видите музыкантов... вам приходится что-то добавлять, чтобы каким-то образом сделать для слушателя видимым процесс исполнения музыки». Может изменяться и темп, не в последнюю очередь – промежутки между частями и другие драматические паузы. Молчащий музыкант в концертном зале может изобразить драматизм, протирая смычок или смахивая пот со лба или приглушив ударные; на компакт-диске это будет полная тишина. Более плотное звучание произведения может упростить его, пропадет риторический эффект.

Вернувшись после ланча во вторую студию, «Битлз» записали 'A Taste of Honey', 'Do You Want to Know a Secret' и 'Misery'. Потом был еще один перерыв на ужин, и в марафонской вечерней сессии, продлившейся с 18:30 до 22:45 (за что им должны были выплатить сверхурочные), были записаны 'Hold Me Tight', 'Anna (Go To Him)', 'Boys', 'Chains', 'Baby It's You' и 'Twist and Shout'. Большинство из них – за один-два дубля.

«Просто поразительно, какой креатив мы проявляли в тех обстоятельствах», – говорил Джордж Мартин в 2011 году, вспоминая с Полом Маккартни время работы в студии. Маккартни ответил: «Я сейчас говорю людям – “с половины одиннадцатого до половины второго – две песни”. А ты только напомнил нам посередине трехчасовой сессии: “Ну, хватит с этой возиться, парни, пора сворачиваться”. Так что пришлось учиться создавать шедевры, – скромно сказал он, – за полтора часа».

«Я чувствовал сильное напряжение, потому что провел с вами слишком мало времени, – вспоминал Мартин. – Вы мотались по свету, и я сказал Брайану [Эпстейну]: «Мне нужно больше времени в студии». Он ответил: «Хорошо, могу дать тебе день пятницы или

вечер субботы». Он подкинул мне это время, словно крошки мышам».

Ничто не пропало. Все песни, записанные 11 февраля 1963 года, вошли в альбом, который назвали Please Please Me. К 10 новым трекам добавили четыре песни, записанные ранее на двух синглах ('Love Me Do'/'P.S. I Love You' и 'Please Please Me'/'Ask Me Why')^[71].

И на этом понедельник 11 февраля 1963 года закончился. Первый альбом «Битлз», которым суждено было стать величайшей музыкальной группой мира, был готов к сведению. Через 39 дней он выйдет в свет. А через несколько лет запись песни 'Strawberry Fields Forever' потребует более двух десятков дублей на протяжении пяти недель. А весь первый альбом, за исключения синглов, был записан за один день.

А вот Марку Льюисону требуется гораздо больше времени, чтобы рассказать историю этого и всех остальных альбомов в феноменальной семилетней истории звукозаписей группы «Битлз» (всего семь лет – придется очередной раз ущипнуть себя, чтобы в это поверить). Льюисон – автор All These Years, скрупулезного и всеобъемлющего повествования о «Битлз» и их мире. Проект может растянуться на 30 лет. Сначала планировалось сделать трехтомник и завершить его 1970-м годом, но теперь автор размышляет над четвертым томом, который должен охватить все сольные проекты и последствия.

«Это было как вспышка молнии, – говорит он. – Когда начинал в 2004 году, я планировал эту работу на 12 лет, но... расчет оказался абсолютно неверным». Изначально планировалось выпустить три тома: в 2008, 2012 и 2016 годах. «Так что в этом году серия должна была завершиться». Сроки пришлось пересмотреть, и теперь второй том запланирован на 2020 год, а третий – на 2028 год. «А если я возьмусь за четвертый, он появится где-то в 2030-е». Когда мы общались с Льюисоном в 2016 году, ему было 57 лет; до завершения четвертого тома ему придется дожить лет до 80. «Американцы обычно сравнивают мою работу с книгами Роберта Каро

о Линдоне Б. Джонсоне, – говорит он. – Ему еще предстоит написать один том, а ему уже за 80, так что это битва с временем»^[72].

Льюисон работает у себя дома в Беркхамстеде, старинном торговом городке в графстве Хартфордшир. Когда он сидит за столом, его почти не видно за стопками книг, нот, магнитофонных лент, ящичков, картотек и всего прочего инструментария. Вероятно, это крупнейшее частное собрание документов, имеющих отношение к «Битлз». Гостю достается максимум пара квадратных дюймов, чтобы поставить чашечку с чаем. Лэптоп Льюисона располагается на пюпитре, чтобы не занимать полезную площадь. И в голове у него постоянный шум. «Это как жонглирование тарелочками в цирке», – говорит он о параллельных событиях. В первом томе «события одновременно происходят в Лондоне, Ливерпуле и Гамбурге, но во втором и третьем томах количество тарелочек сильно увеличивается. Пока я отвлекаюсь, рассказывая о влиянии «Битлз» на Индонезию, Новую Зеландию или Аргентину, я могу потерять читателей, которые хотят знать, что в этот момент происходило в Лондоне, Ливерпуле или где-то еще. Понимаю, я сам себе создаю проблемы нагромождением материалов и тем, как все это организовать».

Я приехал к Льюисону поговорить о роли Ринго как барабанщика и о том, как злословили в его адрес много лет (Моркам и Уайз^[73] называли его не иначе как Бонго^[74]). Льюисон его горячий поклонник. «Он дал битлам то, чего им всегда не хватало, – говорит он мне. – В записях «Битлз» нет ни одной плохой или даже проходной партии ударных. Его связующие пассажи всегда образные и оригинальные. А в плане ритма он был просто живым метрономом».

Потом я решил поинтересоваться собственным ритмом жизни Льюисона. Проект, рассчитанный на 30 лет, – коллеге-писателю даже представить такое не хватает воображения. Как он организует дни, чтобы справляться с поставленной задачей? «В сутках мне явно не хватает времени, – сказал он. – Каждый день я пытаюсь работать за

два, встаю как можно раньше, заканчиваю максимально поздно. Обедаю я за рабочим столом, практически ни на что не отвлекаюсь».

Разумеется, такое почтительное отношение оправданно. Его проект глубочайшим образом связан с временем и персонажами, имеющими к нему отношение. В первом томе Льюисон написал, что огромное множество событий «идеально складываются в пазл» и это не что иное, как «чудо синхронизации». То, что битлы встретились с Литлом Ричардом^[75], можно объяснить только божественным совпадением по времени. Когда Брайан Эпстейн впервые увидел «Битлз» в клубе «Каверна» в четверг, 9 ноября 1961 года, – «в нужный момент линии, которые долго шли параллельно, наконец пересеклись». Возможно, не все истории о совпадении по времени и синхронизации столь исключительны; возможно, какие-то события произошли бы так или иначе, раньше или позже. Но, как пишет Льюисон в предисловии, «во всей этой истории все просто идеально совпадает по времени».

Глава пятая
Слишком много слов – это сколько?

I. Во времена Моисея

В прошлом году, накануне моего 55-летия, я получил по электронной почте письмо от женщины по имени Конни Дилетти с соблазнительным предложением. Конни была организатором ежегодной конференции в Торонто под названием IdeaCity, на которой около пяти десятков участников обсуждали серьезные темы, такие как изменение климата, нутрициология^[76] и возможность присоединения Канады к Соединенным Штатам. Она хотела, чтобы я принял участие. В этом году у них запланирована секция о любви и сексе, и она поинтересовалась, не хочу ли я поговорить о любовных письмах (я написал книгу о том, как люди пишут письма, и лучшими примерами там были любовные письма – в той или иной степени). Я никогда не бывал на конференции IdeaCity, не был в Торонто и всегда хотел посмотреть Ниагарский водопад, который там недалеко, поэтому выразил горячую заинтересованность в участии. В ответном письме я спросил об условиях: сколько ночей в отеле мне готовы оплатить, как с перелетом и т. д.

Ответ Конни Дилетти не мог не порадовать. В обмен на 17-минутное выступление мне предлагали оплатить перелет, проживание в пятизвездочном отеле, видеозапись моего выступления будет навсегда размещена на сайте IdeaCity, каждый вечер организованные приемы, а в субботу – «бранч^[77] для приглашенных докладчиков в доме Моисея».

Там было много чего другого, но эти предложения были весьма впечатляющими. И самым впечатляющим мне показалось то, что от меня требуется выступление продолжительностью 17 минут. Не мои обычные 45 с ответами на вопросы, и не более округленные 15 или даже 20 минут.

«Почему 17?» – задумался я. Может, это магическое число появилось в результате многолетнего тщательного анализа?

(Конференция IdeaCity существовала 16-й год – просто выскочка по сравнению с 25-летней историей конференций TED^[78], с которыми у нее есть определенное сходство, и тем не менее достаточно опытная, чтобы хорошо понять, когда аудитория имеет тенденцию засыпать.) А может, 17 минут выделили только мне, а прочим докладчикам – другое, тоже случайно выбранное время? Может, лорду Лоусону, еще одному участнику, дали всего 12 минут, чтобы он выступил на свою любимую тему опровержения глобального потепления? Может, доктору Эми Леман выделили 28 минут поговорить о неправильном использовании малярных сеток на берегах озера Танганьика? Может, у лучших докладчиков с самым острым языком и самыми интересными слайдами (там предполагался университетский человек с докладом о гляциологии^[79]) выступления пролетают как один миг, а у других, рассказывающих за то же время о «мифах о чесноке» или «связи рэпа с религией», доклады, кажется, тянутся вечно? И кто такой Моисей?

Через три месяца я прилетел в Торонто. Оказалось, всем докладчикам выделено ровно по 17 минут. Я знал, что для докладов на конференциях TED отводится ровно по 18 минут – период, который куратор конференций Крис Андерсон назвал «золотой серединой»: это дает выступающему время говорить серьезно, но не слишком заумно; «проясняющий эффект» ограничения выступления 18 минутами положительно влияет как на докладчика, так и на слушателей: никто не успевает заскучать, и идеальное время, чтобы запустить доклад в Viral Online, потому что оно примерно совпадает с длительностью кофе-брейка.

Но в IdeaCity 17 минут, по словам Моисея, были своеобразной «фигой в кармане» для TED. Конни Дилетти рассказала мне, что конференции IdeaCity начались в 2000 году под названием TEDCity, в партнерстве с одним из создателей TED Ричардом Вурменом (первая конференция TED состоялась в 1984 году). Изначально в TED и TEDCity каждому выступающему выделялось по 20 минут,

потом на конференциях TED время выступлений сократили до 18 минут, организация расширилась, несколько сменила направление, и Моисей решил пойти своим путем, придумав эту «фигу в кармане». (Не исключено, что в дальнейшем какая-нибудь конкурирующая организация, вдохновленная примером IdeaCity, но желающая превзойти ее, еще сократит время выступлений – до 16 или 15 минут. Или до 8. Это вопрос, в сущности, выпаривания воды, как с крепким французским бульоном.)

Моисей оказался Моисеем Знаймером, литовским евреем на восьмом десятке лет и медиамагнатом, местной комбинацией Руперта Мердока и Хью Хефнера, только более либеральным. Он был очень обаятельным, но я почувствовал, что на одном обаянии он вряд ли поднялся бы до таких высот. Ему принадлежали теле- и радиостанции, а также культурно-политический журнал под названием Zoomer, ориентированный на беби-бумеров. Об этом мне сообщили в электронном письме. Он любил окружать себя шикарными женщинами и шикарными автомобилями (он ездил на «Делориане» и классическом «Ягуаре»). Он также заправлял шоу в IdeaCity, предваряя каждое заседание и представляя каждого докладчика, позировал перед фотографами со всеми участниками и вел себя как неофициальный хронометрист. Официальным хронометром были бросающиеся в глаза прямоугольные цифровые часы на сцене, которые начинали обратный отсчет времени, как только докладчик открывал рот. Неофициальный хронометрист действовал более скрытно. Как только ты исчерпывал 17-минутный лимит, Моисей появлялся на краю сцены. Если превышал на минуту, он медленно начинал приближаться к тебе, а если не замолкал и на этом, Моисей подкрадывался еще ближе, оказывался совсем рядом, готовый перебить остроумным и по возможности язвительным замечанием.

К счастью, мое выступление назначили на утро второго дня, и у меня было много времени понять, как выдерживают время выступления другие участники, и начать непривычно нервничать.

Конференция проходила в Кернер-холле, в зале в виде подковы, рассчитанном более чем на тысячу человек. Вообще-то он принадлежал Королевской музыкальной консерватории, поэтому и видимость, и акустика в нем были потрясающими, также как технология вывода на экран презентаций, сделанных в PowerPoint. Конечно, все это только добавляло волнения, равно как и то, что, как мне пообещали в первоначальном письме, мое выступление будет записано и «размещено на сайте навечно». Мир подойдет к своему медленному и кошмарному концу, причиной которого станет одна из ужасных экологических или гуманитарных катастроф, описанных в материалах IdeaCity, но мой доклад так и останется где-то там, в облаке, и никто им не сможет воспользоваться.

Когда выступаешь почти час, есть время не только отклониться в сторону и потерять нить повествования, но и вернуться. Если упустишь что-то из первой половины, можно поговорить об этом в последней четверти или даже во время, отведенное ответам на вопросы. Но 17 минут такого не простят: не должно быть длиннот, повторов, отступлений. Кроме того, каждый из участников заплатил по 5000 канадских долларов, так что лучше не осрамиться.

Наступило мое утро. В красивой переплетенной программе конференции мое выступление было назначено на 10:01. Сначала я подумал, что это опечатка, но потом заметил, что начало выступлений и других докладчиков указано не менее причудливо: 11:06, 13:57, 15:48. Примерно за час до выступления я узнал, что многие докладчики репетируют свои речи выступления чуть ли не до судорог, они оттачивают каждое слово, чтобы уложиться в 16 минут 30 секунд и оставить себе время слегка хохотнуть или просто перевести дух.

Я испытывал глубочайший страх перед публичными выступлениями, а в школе так просто начинал заикаться. Мне приходилось буквально выдавливать из себя слова, а некоторые, особенно те, что начинались с st, я просто не мог выговорить. Школьная обстановка не лучшее место для преодоления подобного

недостатка. Обращаться к классу было мучением, но оно не шло ни в какое сравнение с выступлениями в актовом зале перед всей школой, что от нас иногда требовали. Другой проблемой было то, что я любил покрасоваться, а заикание означало, что я переживал вдвое больше. Мои опасения продолжались, когда мне стали предлагать опубликовать первые книги, но постепенно тревога улеглась, речь улучшилась, и я уже начал мечтать о книжных фестивалях. Мне нравилась мысль, что я сумел победить страх. Но сейчас, наблюдая за тем, как плавно сменяют друг друга 17-минутные выступления, я снова засомневался в себе.

К счастью, женщина, которая должна была выступить в 9:31 утра и рассказывать о новом виде знакомств, при котором она обещала ценные подарки друзьям, поддерживающим длительные отношения (если отношения продлятся до свадьбы, она подарит друзьям, которым это удалось, поездку на отдых стоимостью 2000 долларов), сильно просчиталась со временем выступления. Через 11 минут у нее закончился материал, и все остальное время она отвечала на коварные вопросы Моисея, типа «нет ли в этом холодного расчета, как вы думаете?». Выступавший после нее и непосредственно передо мной, оказался настоящим профи. У него была с собой тщательно подобранная стопка карточек и забавные слайды. Тема была подарком для любой аудитории, уставшей от тяжелых вопросов предыдущего дня, среди которых оказались «Лечение возрастных заболеваний» и «Преимущества веганства»; нам предстояло услышать о том, как появление самоуправляемых автомобилей станет благом для автомобильного секса. Его приняли исключительно хорошо (ха-ха).

Только в этот момент я пожалел, что не отрепетировал выступление и не разметил время. Я решил, что начал неплохо, хотя и немного размыто. Перед началом режиссер показал коротенький клип, в котором Бенедикт Камбербэтч читает любовное письмо из моей книги, поэтому я начал с извинения за то, что Бенедикт не смог приехать, чтобы прочитать его лично, за что удостоился

великодушных смешков. Затем я заговорил о том, как отражается в письмах наша 2000-летняя история и что твиты – их слабый заменитель, особенно для историков. Когда я впервые посмотрел на часы, оказалось, что прошло уже 8 минут. Я собирался показать 17 слайдов, но к этому моменту появились лишь два. Я не то что бы запаниковал, но мозг начал подсказывать мне несколько идей сразу, ни одну из которых я не мог озвучить: я не укладываюсь по времени, люди заплатили деньги, чтобы меня послушать, а я оказываюсь этого недостоин; почему режиссер, при всех навороченных технологиях, не мог разместить мою презентацию в контроллер представления презентатора, чтобы я мог видеть, какой слайд появится следующим? Это были четкие мысли, и на них ушло, пожалуй, меньше секунды, но помню, что я тупо смотрел на аудиторию как минимум секунд пять. (Нейропсихологи утверждают, что мы в состоянии обрабатывать визуальную информацию за 13 миллисекунд; невизуальная обрабатывается еще быстрее.)

Оставшаяся часть моего выступления стала упражнением на сокращение и сохранение смысловой связи в ограниченный промежуток времени. В принципе, это похоже на саму жизнь. Время стало моим врагом. Мне хотелось донести до публики хоть какую-то информацию, немного развлечь ее и выступить в защиту ценности писем (кошмарная ирония: переписка сама по себе потерпела поражение от времени и скорости альтернативных способов общения), и внезапно у меня осталось 9 минут, в которые нужно было втиснуть 13 слайдов и рассказать несколько историй, на что обычно требуется минимум полчаса. Есть предел, до которого человек может успешно сокращать повествование, чтобы оно не превратилось в полную бессмыслицу. Я ступил на ту почву, на которой мне раньше не приходилось бывать, – печальной и непосредственной личной борьбы со временем. Но сами часы были видны только мне, аудитория оставалась в неведении, хотя, наверное, и почувствовала, что я стал говорить быстрее и немного нервничать.

За три минуты до конца у меня оставалось восемь слайдов. Я не обязан был показывать их все или рассказывать все истории, которые собирался рассказать, но под конец у меня был заготовлен забавный, как мне казалось, сюжет, который я не хотел выбрасывать. Я стал спешить еще больше. Казалось, в зале стало нечем дышать. Я не мог оторвать взгляд от часов, и бег секунд уже стал тревожным. Моисей возник слева от сцены и завис. Я быстро перелистывал слайды, словно перепуганный школьник перебирает давно вызубренные факты перед экзаменом по истории. Затем мое время вышло, цвет цифр поменялся с зеленого на красный, они стали мигать. Я произнес что-то типа «у меня осталось два-три очень коротких замечания, с вашего разрешения...» Я бросил взгляд влево. Моисей потоптался и вежливо остался на месте.

Я проговорил еще семь минут. Мне казалось, я все испортил, но потом публика вела себя вполне доброжелательно. Конечно, это можно назвать экстремальным случаем, причем я создал его себе сам, но переживания помогли мне понять, насколько деструктивна может быть чрезмерная сосредоточенность на времени. В тот момент мне было нужно уложиться в определенные хронологические рамки, в этом и был смысл сосредоточенности, но она способствовала лишь тому, что парализовала какие-то части мозга, способствующие свободному течению мысли и воображению. Словно я снова падал с моего велосипеда: мозг автоматически перекрыл все каналы за исключением тех, которые были необходимы, чтобы я не стал нести чепуху так быстро, как только мог.

Но есть и другая крайность: можно ли нести какую-нибудь чепуху очень медленно? Что может произойти, как в случае, о котором пойдет речь дальше, когда часы не мигают и время, кажется, может не кончиться никогда? Когда человек способен, кажется, говорить вечно?

II. Обсудить со всех сторон

Сенатор от демократов Стром Термонд (1902–2003) был политиком до мозга костей. Этого у него не отнять. Но так получилось, что больше всего его занимало то, чтобы указать чернокожему населению его место. На практике в середине 1950-х годов это означало сегрегацию в школах, ресторанах, залах ожидания, кинотеатрах и общественном транспорте, а также то, что юридическая система закрывала глаза на линчевание. Но Стром Термонд отметился кое-чем еще. Он обрел известность не только тем, что является единственным в США политиком, заседавшим в Сенате в возрасте 100 лет, но и тем, что в 54 года произнес самую продолжительную речь в истории американской политической жизни. Насколько известно, и в мировой политике тоже [\[80\]](#).

Продолжительность его выступления стала сюрпризом даже для членов семьи и политических советников. Когда он встал с кресла в 8 часов 54 минуты вечером 28 августа 1957 года, никто не мог знать, когда он кончит говорить и снова сядет на свое место. После первых трех-четырех часов, когда уже перевалило за полночь, мало у кого осталось сил или любопытства это выяснять. Но кое-кто остался на ночь. Из местного отеля доставили в Капитолий временные кровати для желающих вздремнуть, слушая, что хочет сказать Термонд. Одна из его фраз (нам это может показаться поразительным, по крайней мере от сенатора, у которого впереди еще очень долгая политическая карьера) звучала так: «Я никогда не поддержу смешение рас».

В начале 1950-х годов вопрос о гражданских правах стоял весьма актуально, хотя и не превратился еще в организованное движение. Но в первой половине десятилетия нарастающее ощущение несправедливости достигло критического уровня. Среди важнейших событий, о которых мы знаем, можно назвать следующие: убийство подростка Эммета Тилла в Миссисипи; отказ Розы Паркс уступить место в автобусе в Монтгомери, штат Алабама, и последующие массовые бойкоты; приход в политику Мартина Лютера Кинга – младшего. В 1957 году, после продолжительного бурного негодования, вызванного судебным процессом «Браун против Совета по образованию», прошедшего тремя годами ранее, в результате которого сегрегация белых и черных детей в государственных школах была признана антиконституционной, президент Эйзенхауэр и его советники выступили с идеей о принятии нового Закона о гражданских правах. Он должен был обеспечить афроамериканцам право голоса благодаря снятию барьеров для регистрации (таких, как тест на грамотность и требования избирательного налога), а защиту от расистских угроз – решение правильное и с конституционной, и с гуманистической точки зрения, к тому же, как надеялась президентская администрация, политически выгодное. Но была одна серьезная загвоздка: демократы южных штатов на протяжении более 80 лет успешно блокировали любые попытки расширения гражданских прав.

И никто не противился этому яростнее, чем Стром Термонд. Термонд был убежден, что ведет конституционную кампанию против удушающих притязаний федеральных властей контролировать жизнь американцев (ему даже удалось связать десегрегацию с коммунизмом)^[81]. Он также считал, что система работает нормально: каждый занимает свое место, количество протестов незначительно, к чернокожим относятся лучше, чем на Севере, после веков рабства ситуация неизмеримо улучшилась, у черных существуют безграничные возможности для домашней работы в качестве

прислуги. В основе его убеждения лежала вера – искренняя, а не демагогия, которую неоднократно выдавали за истину, – что и белые, и черные гораздо лучше себя чувствуют в окружении себе подобных.

Вместе со своими сторонниками, среди которых выделялся сенатор от Джорджии Ричард Рассел, направлявший тактические действия южан относительно реформы, Термонд утверждал, что они должны не просто голосовать против нового закона, а постараться его дискредитировать.

Переговоры в поисках компромисса вел Линдон Джонсон^[82]. Как пишет его выдающийся биограф Роберт А. Каро, это стало самым выдающимся достижением оперативной политики в американской истории. Джонсону удалось убедить обе стороны, что он – один из них; используя полночные телефонные звонки и демонстрируя кулуарное дружелюбие, он убеждал каждого, что проведение законопроекта неизбежно и что только они и станут победителями.

Судя по всему, личная убежденность Джонсона в том, что законопроект должен стать законом, объясняется не только политической выгодой. В поздние годы он неоднократно с негодованием рассказывал о том, что, когда его постоянный повар, чернокожая женщина по имени Зефир Райт, во время поездки с мужем на официальной машине из Вашингтона домой в Техас останавливалась по пути, чтобы перекусить, то была вынуждена пользоваться специально отведенными ресторанами, а чтобы справить нужду, ей приходилось просто присаживаться на корточки у обочины.

Главным камнем преткновения, от которого зависело принятие Закона о гражданских правах, явилась поправка, касающаяся суда присяжных. Закон прописывал право чернокожих избирателей регистрироваться и принимать участие в голосовании; должно было быть прописано и наказание для тех, кто проявлял неуважение к закону. Соответственно, в одном разделе закона генеральный прокурор наделялся расширенными полномочиями по защите гражданских прав судебными решениями; в другом разделе новая

поправка специально указывала, что виновные в нарушениях подлежат суду присяжных. Это было специально придумано, чтобы удовлетворить противников законопроекта, поскольку в те времена суды присяжных состояли исключительно из белых, которые наверняка будут выносить обвиняемым оправдательные приговоры. Сторонники законопроекта были в ярости от этой статьи, заявляя, что она лишает смысла весь закон, но там была своя юридическая хитрость. Накануне голосования за эту поправку Линдон Джонсон успокоил либералов и юнионистов еще одним дополнением, гарантирующим, что южные штаты допустят, чтобы чернокожие члены жюри заседали совместно с белыми. В конце концов, этот закон должен был обеспечить демократическое равенство. Поправка была принята, и в конце августа 1957 года законопроект был готов для окончательного голосования. Именно в этот момент в зале заседаний появился Стром Термонд.

Филибастер – тактика обструкции законопроектов, процесс постоянных возражений, который предпринимает меньшинство с целью сорвать или по крайней мере отложить принятие решения, за которое выступает большинство. Известный прием, основанный на умышленном затягивании времени. Кто-то может посчитать его абсолютно конституционным и демократически необходимым, эквивалентом приковывания себя к поручням и единственной причиной, по которой люди идут в политику. Другие, у кого полно дел и кто верит в право большинства, могут расценивать его как совершенно недемократический, как тупое упрямство безумствующих пикетчиков. Чтобы отделить одно от другого, порой приходится долгое время все выслушивать.

Только потом стало известно, насколько хорошо подготовился Термонд к длительной сессии. Днем он посетил сауну Конгресса, чтобы обезводит организм. Он полагал, что чем меньше влаги в организме, тем медленнее он будет накапливать воду и тем дольше сможет сопротивляться позыву посетить туалетную комнату. В карманы пиджака он положил все необходимые припасы: в один – таблетки солодового молока, в другой – таблетки для горла. Когда он начал выступление, в зале присутствовала его жена Джин, и он будет благодарен ей за стейк и несколько кусков черного хлеба, которые она принесла ему в фольге^[83]. Его пресс-секретарь Гарри Дент, который потом станет главным помощником Никсона в Белом доме, обратил внимание, что Термонд в тот день собирал много текстовых материалов, но предположил, что они нужны ему для изучения; на самом деле почти все, что собрал сенатор, станет частью его выступления.

Встав в глубине палаты, приземистый и почти лысый, Термонд, обращаясь к группе примерно из пятнадцати человек, начал свою речь так: «Есть три основные причины, по которым, я полагаю, билль принимать не следует. Первая – в нем нет необходимости»^[84]. Затем начал зачитывать законы о выборах каждого из 48 штатов в алфавитном порядке, стремясь показать, что общий федеральный закон станет излишеством и дальнейшее вмешательство приведет к «тоталитарному государству». Затем обратился к некоторым пунктам законодательства о суде присяжных, затронул прецеденты английских военно-полевых судов с XIV по XVIII век и проявил особый интерес к делу 1628 года, связанному с Карлом I. Далее в течение нескольких часов он зачитывал Декларацию независимости, прощальное послание Джорджа Вашингтона и Билль о правах. Около полуночи Эверетт Дирксен, сенатор-республиканец от Иллинойса, сторонник принятия нового закона и, видимо, очень хотевший спать, воскликнул, обращаясь к коллегам: «Парни, похоже, это на всю ночь!» Пол Дуглас, тоже сенатор от Иллинойса, но либеральный демократ, позже предложил Термонду кувшин с

апельсиновым соком. Термонд, поблагодарив, выпил стакан, но прежде чем успел налить еще, Гарри Дент, опасаясь, что сенатору потребуется воспользоваться туалетом, а это будет означать конец марафона, отставил кувшин от него подальше. На самом деле Термонд только один раз отлучился из палаты заседаний: Барри Голдуотер попросил разрешения сделать вставку в Отчеты конгресса, и докладчик поспешил облегчиться.

Задолго до рассвета голос Термонда стал монотонным и упал до шепота. Когда кто-то из сенаторов попросил говорить громче, Термонд предложил ему пересесть ближе. Другие негромко похрапывали, в том числе Кларенс Митчелл, главный лоббист НААСР (Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения), который наблюдал (или не наблюдал) за происходящим с галереи. Термонд заговорил о новом уровне расовых волнений, которые, как он полагал, являются прямым следствием суевости вокруг Билля о гражданских правах. В предыдущие месяцы, сказал он, «настояли на том, чтобы сделать доступной приобретение недвижимости состоятельными неграми, желающими построить более качественное жилье в стороне от перенаселенных кварталов, где обычно теснятся негры. Соответственно, стали образовываться совершенно эксклюзивные жилые негритянские кварталы рядом с кварталами белых. Возражений не последовало. Такого рода явления теперь станут менее осуществимыми, если вообще возможными, потому что негры не желают идти на сотрудничество... Неграм, вероятно, внушили, что теперь им и Луна будет доступна, и экстремистски настроенные и незаконопослушные белые возбудились».

Термонд дважды чуть не лишился возможности продолжать выступление. В первый раз – присев, когда кто-то прервал его (сидеть во время выступления и даже прислоняться было запрещено), во второй – когда спешно поглощал сэндвич в курилке, забыв, что одной ногой надо находиться в зале заседаний, если не хочешь, чтобы тебя лишили слова. К счастью для него, Ричард

Никсон, вице-президент, председательствующий в Сенате в то время, отвлекся на какие-то бумаги и не заметил отсутствия Термонда (видимо, настолько увлекательным было выступление).

Термонд продолжал ворчать дальше. В 13:40 он заявил: «Я на ногах уже 17 часов и прекрасно себя чувствую». Журнал *Time* охарактеризовал его «самым скучным и унылым занудой», но отметил, что в 19:21 Термонд побил рекорд Сената по «длительности словоблудия», принадлежавший сенатору от Орегона Уэйну Морсу, который четыре года назад проговорил 22 часа 26 минут, выступая против принятия закона о праве государства на разработку нефтегазовых месторождений^[85]. Сам Морс перехватил корону у Роберта Мариона Лафоллета, который в 1908 году проговорил 18 часов^[86]. «Я уважаю его, – сказал Морс о Термонде. – От человека требуется многое, чтобы говорить так долго».

Примерно через сутки Термонд получил строгое предупреждение от Гарри Дента. Помощник всерьез беспокоился состоянием его здоровья и отправился посоветоваться с врачом Сената. Он вернулся в зал заседаний с указанием: «Скажи ему, чтобы уносил ноги, а не то приду я и отниму ему ноги». Следуя совету, Стром Термонд в 21:12, проговорив 24 часа 18 минут, наконец замолчал.

В биографии политика Надин Коходас пишет, что он покидал зал заседаний с лицом, заметно заросшим щетиной. В коридоре его ждал Дент с ведром на случай крайней необходимости. Джин Термонд тоже ждала его, и поцелуй, который она запечатлела у него на щеке, появился во всех утренних газетах. Но его не признали героем даже союзники. Многие избиратели южных штатов недоумевали, почему его коллеги «диксикраты»^[87] не поддержали его и не продолжили филибастер (это было распространенным приемом, или, по крайней мере, угрозой: организовать бесконечную цепь возражений, которые могли затормозить деятельность Сената на недели). Вместо того чтобы похвалить, коллеги обвинили его в показушности. В попытке провалить законопроект в конце сессии он рисковал развалить то, что южане-демократы считали лучшей

сделкой, на которую можно было рассчитывать, при которой они могли практически ничего не уступить. «В данных обстоятельствах, – сказал Ричард Рассел, недавно еще один из его ближайших союзников, – если бы я устроил филибастер ради личной выгоды, я бы всю жизнь упрекал себя и считал виновным в измене делу Юга».

Усилия Термонда пропали даром. На следующий день Сенат принял законопроект 60 голосами против 15. А 9 сентября 1957 года Эйзенхауэр подписал закон. Но филибастеры всегда были не только о том, чтобы одержать победу. Они – о страстном намерении, о глубокой вере, и чем она глубже, тем больше избирателей и политиков обратят внимание на конкретный случай, тем больше он будет находиться на повестке дня. По крайней мере, так считалось. В отношении гражданских прав так и получилось, хотя совсем не в том духе, в котором действовал Стром Термонд.

Филибастеры – это о демократии в ее чистейшем виде, о праве людей расслышать за фанфарами противоположную точку зрения. Это о глубокой убежденности, и это одна из причин, почему они существуют вопреки многолетней борьбе с ними и продолжают захватывать наше воображение. Но сегодня укрепляется другое мнение. Согласно этому мнению, меньше – значит больше, а филибастер не столько символ страсти, сколько признак упрямства и антиконституционного хаоса. В наши дни как в палатах заседаний, так и вообще в мире редко на кого производят впечатление события, которые тянутся слишком долго, за исключением, может, подводного плавания и порнографии^[88].

Сам термин «филибастер» связан с войнами и революциями. Изначально им называли людей, стремящихся устроить волнения в иностранном государстве, обычно ради финансовой выгоды; термин

обрел популярность после вторжений в Латинскую Америку и испанскую Вест-Индию в XIX веке (слово имеет испанские корни – *flibustero*, от голландского *vrijbouter* и вообще означает «грабитель», «пират», «флибустьер»).

В настоящее время за пределами американского Сената оно редко используется для характеристики парламентских дебатов. В Великобритании, например, такие выступления просто называются «очень длинными спичами». У самых продолжительных спичей есть, разумеется, свой рейтинг, хотя не каждое выступление следует определять как тактику затяжки времени. В начале списка обычно стоят Генри Броэм (около 6 часов по поводу юридической реформы в Палате общин в 1828 году, за два года до того, как он стал лордом-канцлером), Томми Хендерсон (независимый юнионист, выступивший в Северной Ирландии в 1936 году с 10-часовой ночной речью по поводу расходования средств, выделяемых правительством на свои подразделения и службы), и сэр Айвен Лоуренс, бывший член парламента от Консервативной партии (4 часа 23 минуты в 1985 году против законопроекта, определяющего степень фторирования воды; рекорд Палаты общин XX века).

Европейские звезды, такие как член парламента от Партии зеленых Вернер Коглер, выступавший в Австрии в 2010 году более 12 часов, меркнут перед достижением Мустафы Кемалю Ататюрка: 36 часов 31 минута в 1927 году, хотя и на протяжении шести дней.

Самый героический филибастер новейших времен провела Венди Дэвис в Сенате штата Техас в июне 2013 года: 11-часовой марафон, успешно блокировавший принятие более жесткого закона об абортах. Сенатор позже призналась, что использовала катетер. Выступление сделало ее на некоторое время звездой, или, точнее, снова звездой: за два года до этого Венди провела филибастер в Сенате против сокращения финансирования государственных школ. В обоих случаях ее выступления становились причиной лишь откладывания, но не отмены принятия законов. Однако ее позиция

заслуживает уважения: надежда, дотошность, четкость и глубочайшая убежденность.

Что общего между всеми этими выступлениями, помимо выносливости и автономности ораторов? Газета *Charlotte Observer* дала хорошее определение в феврале 1960 года, в разгар движения за гражданские права (к тому моменту это стало *движением*): «Это борьба слов с временем, человека – с неизбежным, голоса – с упадком сил, предвещающим молчание».

В 2005 году лейборист Эндрю Дисмор, член парламента от Хендона^[89], говорил 3 часа 17 минут и успешно провалил законопроект, предполагавший предоставить домовладельцам больше прав при защите от злоумышленников. «Задача – не выпустить пар раньше времени, – рассказывал он несколько лет спустя корреспонденту *Guardian*. – Необходимо выстроить древо аргументов, которые ты хочешь привести. Их надо выстраивать в определенной последовательности, иначе спикер может тебя остановить. Можно делать паузы на три-четыре секунды, но дольше уже рискованно». Он еще сказал, что очень важна командная поддержка. «Когда кончаются силы, нужно, чтобы коллеги тебя перебивали, подавая реплики или делая какие-то замечания. Лучшее, если начинают высказываться представители противоположной стороны. В идеале для трехчасового выступления нужно 20–30 вмешательств. Акцент внимания на толковании слов, например “можно” и “нужно”, тоже полезная тактика затягивания времени».

В Британии, как и в Америке, в последнее время вводятся более жесткие ограничения, требующие от выступающих не отклоняться от темы. Больше нельзя зачитывать списки моллюсков, как однажды поступил Дисмор, или рецепты жареных устриц, как делал в 1935 году сенатор от Луизианы Хью П. Лонг в процессе своего 15-часового филибастера – события, которое легло в основу одного из эпизодов сериала «Западное крыло», когда сенатор от Миннесоты по имени Стакхаус выступал против законопроекта в области

здравоохранения, зачитывая перечни ингредиентов для блюд из морепродуктов и сливочных десертов.

Термонд никогда не простил коллегам, что они бросили его на произвол судьбы. Но важнее другое: можем ли мы простить Строма Термонда? И до какой степени можно простить человека, стоявшего на другой стороне баррикад? Если бы он озвучил свои зажигательные речи в наши дни, то оказался бы за решеткой. Однако его позиция отражала настроения того времени, причем весьма популярные. И уж точно он считал свои взгляды на чернокожих более прогрессивными, чем взгляды англичан, которые отправляли их на плантации на невольничьих кораблях.

Рекорд Термонда не побит до сих пор. Похоже, в наши дни уже нет такой стойкости. Более мелкие филибастеры порой появляются в новостях, потому что любое испытание на выносливость – публичный спектакль, и нам часто доставляет удовольствие наблюдать страдания политиков. Но применение филибастеров в XXI веке существенно изменилось, и те, кто их планирует, редко могут рассчитывать добраться до трибуны. Уже одной угрозы филибастера достаточно, чтобы зарегистрировать протест^[90]. Для борьбы с этим потребовалось разработать процедуру прекращения прений, согласно которой для ограничения длительности дебатов достаточно собрать 60 голосов среди 100 сенаторов. В принципе, из-за большого количества филибастеров, угрожающих принятию любых неоднозначных или непопулярных законодательных инициатив, Сенат определяет свое решение 3/5 голосов, а не простым большинством 51 на 49.

Термонд был продуктом своего времени. Его отрицание социальной справедливости выставляет его реакционным белым

расистом, каким он на самом деле и был, только не насильственного толка. Его предубежденность не смягчается и не извиняется тем, что последовало дальше, хотя о том, что было дальше, тоже интересно поговорить.

В поздние годы Термонд стал республиканцем, поддерживал Барри Голдуотера в его неудачной президентской гонке против Линдона Б. Джонсона, и умеренно сдвинулся в сторону расового равноправия (поддерживал назначение черных, пусть и с консервативным уклоном, в суды высшей инстанции). И в этом он тоже был продуктом своего времени; он был бы никудышным политиком, если бы не признал значимость голосов черных избирателей. Возможно, он уже сожалел о своих самых яростных выходках, но никогда публично не отказывался от своих взглядов на сегрегацию в целом; за 10 лет до смерти он признавался своему биографу, что действовал согласно системе убеждений, которая была полностью приемлема для сотен тысяч людей, которые поддерживали его, и опирался на строгие демократические принципы.

Времена менялись, и он отчасти им соответствовал. В 1971 году Термонд взял в свой сенаторский штат афроамериканца Томаса Мосса. В 1983 году поддержал законопроект о том, чтобы сделать день рождения Мартина Лютера Кинга – младшего государственным праздником (хотя его аргументация напоминала оправдание: «Я полностью признаю и высоко ценю существенный вклад черных американцев и представителей других меньшинств в создание, сохранение и развитие нашей великой страны»).

Если нам трудно принять старую постыдную систему ценностей, то это, скорее всего, здоровое развитие этических принципов и

неоспоримое следствие прогресса. То, что тогда считалось приемлемым, ныне стало позорным и, соответственно, запрещено. За воображаемым судом времени над самым драматичным моментом в биографии Термонда 1957 года лежит полное изменение жизни черных американцев. То, что когда-то являлось спорным вопросом, со временем (если о нем еще будет смысл спорить) будет признано либо предвидением, либо анахронизмом, и если бы мы знали, что выбрать, мы были бы мудрыми и богатыми, главное – дожить до этого времени.

Непосредственно после филибастера Термонда стал активно проявлять себя другой продукт времени. Как сообщала *Time*, на Юге появилось «новое оружие». Преподобный Мартин Лютер Кинг – младший организовал движение «Негры, выходите голосовать!», кампанию, которая включала в себя создание своего рода «курсов для избирателей», на которых объясняли, что такое регистрация, избирательный бюллетень и прочие активные действия, побуждающие «негров понять, что в демократическом обществе их шансы на улучшение своей жизни основаны на их способности голосовать». (Спустя 58 лет, в последнюю четверть своего президентского срока Обама, черный президент, публично высказался за то, чтобы положить конец практике филибастеров в Сенате, она устарела: «Филибастер в современную эпоху, видимо, слишком сильно затягивает гайки, не позволяя партии большинства эффективно проводить свою политику».)

Но в этой истории есть еще один драматичный сюжет, еще одно расовое изменение наследия. В 2003 году, вскоре после смерти Термонда, некая женщина по имени Эсси Мэй Вашингтон-Вильямс сделала поразительное заявление. Она очень долго ждала этого момента и, наконец, в возрасте 78 лет, объявила себя внебрачной дочерью Строма Термонда. Мать ее звали Кэрри Батлер – вполне подходящее имя для черной служанки в доме родителей Термонда. В 16 лет Кэрри родила от Термонда ребенка. Термонд позже оплачивал обучение дочери и финансово помогал ее семье, но

держал все происходившее в глубокой тайне. Она опубликовала историю своей жизни (Эсси стала учительницей в Лос-Анджелесе и матерью четверых детей), которую номинировали на Пулитцеровскую премию. Она часто разговаривала с отцом на расовые темы и полагает, что этот фактор несколько расширил его представления и смягчил подход. Она умерла в 2013 году, через две недели после того, как Обама принес клятву, начиная свой второй срок. В это время 43 чернокожих занимали места в Конгрессе и один – в Сенате. Единственным сенатором был Тим Скотт, республиканец от Южной Каролины – штата, где родилась Эсси Мэй Вашингтон-Вильямс и интересы которого 48 лет представлял Стром Термонд.

Однако самый знаменитый филибастер состоялся не в Сенате и не в Палате общин; он произошел в Голливуде. В фильме Франка Капры «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939) Джеймс Стюарт играет наивного человека, который так страстно стремится разоблачить коррупцию при строительстве новой плотины, что выступает в Сенате в течение 23 часов, пока не падает в обморок. Его секретарша (Джин Артур) поддерживает замысел, но приравнивает шансы на успех к «заплыву на сорок футов в трубе с водой». Смит приходит на выступление, запасшись термосом и фруктами, и угрожает говорить «до Судного дня», чтобы добиться своего. Радостные репортеры выбегают из зала заседания с криками «Филибастер!» Наиболее романтичный из них называет это «самой титанической битвой современности. Давид, даже без пращи...». В итоге Смит побеждает. Результат, разумеется, ни для кого не становится сюрпризом. В конце концов, это кинематограф, а у кинематографа всегда были свои счастливые отношения с временем.

Глава шестая

Время в кино

I. Как обуздать время

Образ человека в очках, повисшего на стрелке часов над улицей Лос-Анджелеса – один из самых живучих в кинематографе. Более привлекательный символический образ даже трудно придумать. Гарольд Ллойд, человек на часах, однажды заметил, что идея появилась легко, гораздо сложнее было придумать, как ее реализовать. Вот как он пришел к этому.

Гарольд Ллойд родился в Берчарде, штат Небраска, в апреле 1893 года. В то время это было крошечное поселение, несколько деревянных домов, продуваемых всеми ветрами. На карте США оно появилось только в 1881 году, после прокладки железнодорожной линии Чикаго – Берлингтон – Куинси. На поездах Гарольд заработал свои первые деньги: мать делала попкорн, он загружал его в сумки, садился в поезд на ближайшей станции и ходил по вагонам. Обычно ему удавалось пройти лишь половину состава, дальше он сталкивался с человеком по кличке Мясник, у которого был свой вагонный бизнес: он торговал табаком и сладостями. «Я заработал довольно много для подростка, у которого была только половина поезда», вспоминал Ллойд много лет спустя. Он также понял, что значит быть аутсайдером. Несмотря на хрупкое телосложение, Ллойд в юности был боксером-любителем; через некоторое время от него услышали, что ему не нравится, когда его бьет по лицу (и его легко понять!) один парень, который зарабатывал деньги возведением тентов для передвижных цирков. К счастью, лицо выдержало нападения, и его биографы отмечали, что женщины

считали Ллойда очень привлекательным, многие даже хотели усыновить его.

Первоначально Ллойд интересовался театром, но после развода родителей он в 1910 году оказался с отцом в Калифорнии и понял, что деньги лежат в кинематографе. Он придумал трех персонажей немого кино. Два первых были подражанием Чарли Чаплину: Работяга Вилли был бродягой с милым характером, а Одинокий Люк носил мягкую фетровую шляпу или цилиндр, ходил с палочкой шаркающей унылой походкой, под носом у него были два черных пятна, нарисованные гримом и изображающие усы. Одинокий Люк в исполнении Ллойда часто шлепался на задницу и появился более в чем двух сотнях короткометражек, многие названия которых отражают причудливую страсть к аллитерациям: *Luke Laughs Last*, *Luke's Lost Liberty*, *Luke Pipes the Pippins*, *Luke's Trolley Troubles*, *Luke Locates the Loot* и *Lonesome Luke, Lawyer*. В некоторых фильмах был явный милитаристский уклон: *Luke Joins the Navy*, *Luke and the Bomb Throwers* и *Luke's Preparedness Preparations*. Ллойд часто изображал наивного наблюдателя, мимо которого проносится волнующий и страшный мир. Это был конец 1916 – начало 1917 годов. Америка готовилась вступить в войну. Один из его фильмов назывался *Kicking the Germ out of Germany*.

Потом Ллойд надоела ограниченность Люка. Он придумал себе третий образ, получивший название Персонаж в очках, с которым он вышел из тени Чаплина. Персонаж в очках принес ему славу и богатство. Чем-то он напоминал самого Ллойда – респектабельный, благочестивый, застенчивый, но стремящийся произвести впечатление. Он был очень аккуратен в одежде, часто носил соломенную шляпу канотье, чуть-чуть набекрень и, хотя обладал прекрасным зрением, напяливал очки в роговой оправе из черепашьего панциря, что придавало ему слегка туповатый вид ученой совы. Со временем такие очки вошли в моду. Персонаж в очках был глуп, но не прост, за него хотелось болеть, особенно когда он пытался перехитрить начальство или произвести впечатление на

женщин, совершая безумные поступки. Очки были с простыми стеклами, и однажды надев их, он уже никогда не снимал, даже когда играл в американский футбол в своем наиболее успешном фильме «Первокурсник».

В середине 1920-х годов, на пике славы, Ллойд зарабатывал до 30 000 долларов в неделю (вполне сопоставимо с доходами Ди Каприо/Питта/Клуни) и вкладывался в недвижимость Лос-Анджелеса. Он потратил миллион долларов на сооружение «Гринакрс» – поместья площадью 6,5 гектара в Беверли-Хиллз, откуда был виден дом Рудольфа Валентино и куда он приглашал своих соседей Чарли, Бастера и Фэтти^[91]. Он снялся в большем количестве фильмов, чем они, но время не пощадило их; под конец жизни Ллойд говорил, что около 70 % пленок погибло из-за высокой воспламеняемости и общего негативного отношения к их значимости для будущего. В конце 1920-х годов, когда в кино пришел звук, мало кто мог предположить, что когда-нибудь немое кино станет предметом ностальгии и научного изучения. Казалось, быстро развивающаяся нация забудет о нем, как о ненужном старье. Со временем отношение поменялось, но тогда никто не мог позволить себе роскоши рассматривать огромные коробки с пленками как потенциальную фильмотеку, не говоря уж про сундук сокровищ. (Точный момент, когда проблема хранения становится проблемой архива, еще предстоит вычислить.)

Естественно, одно из удовольствий походов в кино – переключение. Не просто на два часа в темноте, но насовсем: кино может показать нам, как быть свободным, показать, что впереди все будет лучше, богаче, впереди – путь к спасению: это не переключение от реальности, а переключение в другую реальность, пусть ты даже понимаешь, что эта реальность – не твоя. В тех ранних фильмах сильно чувствуется невесомое обещание свободы, и не в последнюю очередь потому, что перед глазами все время вырастал новый образ свободы: паровоз, поезд, крутящийся

коленвал автомобиля, полет в другие города. На некоторое время восторг вызывали даже высотные здания: предел – только небо.

Уильям Кэри Стротер родился в Северной Каролине в 1896 году. Все знакомые рассказывали, что он всегда любил куда-нибудь подниматься. Он был, по простому говоря, «стенолазом». Билл Стротер начал с деревьев, но потом полез дальше – на церковные колокольни, ратуши и так далее. Чем выше строили здания, чем выше он мог забраться. Спустя некоторое время он стал известен как Человек-паук, и в этом оказалось его призвание. За первые «профессиональные» подъемы он получал по 10 долларов, на пике карьеры – по 500.

500 долларов в те времена были большими деньгами, и у Человека-паука вскоре появился конкурент – Человек-муха. Точнее, даже два Человека-мухи. Однажды Паук и Муха устроили соревнование по подъему на одно и то же здание. Стротер победил^[92].

Главное в стенолазании – рассчитать все движения рук и ног еще на земле, примерно как альпинист планирует маршрут восхождения за месяцы до того, как окажется у ледяной стены. Завершив подготовительную работу, можно планировать «бантики» и трюки – имитацию срывов, галантное приветствие публики шляпой, трюки перед окнами. Стротер совершил много подъемов в благотворительных целях, а в 1917 году начал распространять Облигации свободы (Liberty Bonds), чтобы помочь деньгами Америке, вступившей в войну. Он не участвовал в боевых действиях, но чувствовал, что идет на сопоставимый риск. «Это опасное дело, – говорил он в апреле 1918 года, – и смерть всегда поднимается

рядом с тобой. За три года у меня соберется достаточно денег, чтобы завязать».

Но у Стротера никогда не появилось столько денег, чтобы завязать. Точнее, он завязал, но не накопил достаточного количества денег на жизнь. Пришлось зарабатывать дальше: он торговал кормом для собак, был управляющим в гостинице, а потом наткнулся на то, к чему у него было призвание. Донна Стротер Дикенс в своей удивительной и захватывающей книге «Настоящий Санта из Миллер и Роадс» вспоминает, как ее дальний родственник заново нашел себя, став наряжаться каждый год в бархатный халат и белоснежную бороду. Miller & Rhoads – популярный универмаг в Ричмонде, штат Вирджиния, и в середине XX века они сделали Билла Стротера самым высокооплачиваемым Санта-Клаусом в мире. Почему его так ценили? Потому что его план включал появление Санты из дымовой трубы. Дети могли это наблюдать и видеть, как он приводит в порядок разлохматившуюся бороду. Спектакль привлекал множество людей в кафе-кондитерскую, где заодно можно было отведать «Торт Рудольфа»^[93].

В 1951 году, на пике славы Санты, Стротер дал интервью *Saturday Evening Post*, в котором сказал, что очень любит встречаться с детьми, но по-прежнему мечтает о высотных зданиях. «Испытываешь истинное наслаждение, когда смотришь вниз, и толпа приветствует тебя. Какое слово подходит? Ликование! Я ликую!»

Однажды в 1922 году он собирался взобраться на высотное здание, чтобы испытать истинное наслаждение, а мимо проходил Гарольд Ллойд.

«Я был в Лос-Анджелесе, шел по 7-й улице и увидел огромную толпу у здания Брокман-билдинг, – рассказывал Ллойд в журнале *Film Quarterly* в 1962 году. – Порасспросив, я выяснил, что по стене здания собирается взобраться Человек-паук... Это произвело на меня жуткое впечатление. После того как он поднялся до третьего или четвертого этажа, я больше не мог на него смотреть, сердце было готово выскочить из груди, и я пошел дальше по улице».

Но Ллойд не смог удержаться и не оглянуться. Человек-паук благополучно поднялся на крышу. Ллойд позже подошел к нему поговорить насчет участия в своем будущем фильме. Но прежде чем начались съемки, Стротер пережил падение. Для него была написана новая роль – Хромого Билла, а Ллойд задумался о том, что ему самому пора брать новые высоты.

Пересматривая фильм «Безопасность прениже всего!» (Safety Last!) сегодня, спустя более 90 лет после его выхода на экраны, испытываешь смешанные и возвышенные чувства. Снятый режиссерами Фредом Ньюмейером и Сэмом Тейлором, с которыми многие годы работал Ллойд, это, по всем стандартам, современный фильм: есть настоящая глубина характера, трехчастная структура и кульминация, которая построена как симфония Бетховена. Фильм открывается текстом на экране: «Наш Приятель в последний раз увидел восход солнца в Грейт Бенд... Ему предстоит долгое, долгое путешествие». Мы видим Гарольда Ллойда за решеткой. Он прощается с матерью и возлюбленной. На заднем фоне виднеется петля, и человек, похожий на пастора, подходит утешить его. Но нас обманывают, и это лишь первый из множества обманов. Следующие кадры сняты под другим углом, и мы оказываемся на станционной платформе, решетка – всего лишь ее ограждение, а петля – устройство для передачи почты на проходящие поезда. Ллойд отправляется в большой город, надеясь сделать карьеру.

Ллойд обещает своей возлюбленной жениться, как только станет успешным бизнесменом, но когда мы видим его в следующий раз, в голой комнатухе, которую он делит с Хромым Биллом, финансовые дела у него на нуле, он только что заложил граммофон.

Он работает в галантерейном отделе современного универмага. Менеджер объявляет, что магазину нужен какой-нибудь рекламный трюк, чтобы привлечь новых покупателей, и обещает выдать тысячу долларов за лучшую идею. Герой Стротера это слышит и подговаривает Хромого Билла вскарабкаться по внешней стене здания. Но возникают сложности с участием полиции, и Ллойд приходится подниматься самому. На каждом этаже его поджидают препятствия: орехи, которые сыплются на него и привлекают голубей, сетка, в которой он запутывается, какие-то плотники с досками. Когда он добирается до часов под крышей здания и хватается за стрелку, то покоряет нас навсегда.

Менеджеры кинотеатров приглашали медсестер присутствовать на киносеансах. Фильм «вызывает у публики истерику», сообщала одна газета. «Женщины падают в обморок от уникального триллера Ллойда». New York Times подытоживала: «Если публика не веселится в креслах “Стрэнда”^[94], она хватается за подлокотники, чтобы не вылететь».

«Безопасность прениже всего!» длится 70 минут (семь катушек), но публике казалось, что время застыло. Как с героем Орсона Уэллса, который прячется в венском полумраке^[95], или с героиней Джанет Ли в знаменитой сцене убийства в душе^[96], жизнь приостанавливается, образы запечатлеваются в коре головного мозга. Когда персонаж Гарольда Ллойда повисает на стрелке часов над городом, весь современный мир зависает вместе с ним.

Хотите мораль? Когда Ллойд это сделает – ну ладно, *если* он это сделает, потому что по пути еще надо преодолеть ряд препятствий, на крыше здания его будет ждать его девушка. В финале восхождения – любовь: кинематограф испокон веков рассказывает одну и ту же историю.

II. Прибытие поезда

Если правда, что в январе 1896 года зрители на премьере фильма братьев Люмьер с криками срывались со своих мест, увидев, как на них надвигается поезд, то не было ли это лучшей рекламой для молодого кинематографа?

Прежде чем кино начнет рассказывать настоящую историю, оно должно рассказать о себе. В этой истории важное значение имеют время и место: пятисекундная лента о чихающем человеке, рабочие, идущие с фабрики, целующаяся пара (продолжительные объятия, почти 20 секунд, первый раз понадобился цензор), движущийся поезд. Что такое кинематограф, как не проявление самого времени?

Когда в первый раз показывали фильм с поездом, публика хорошо знала, чего ждать. Он назывался «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». В самом начале фильма появление поезда было тщательно подготовлено – толпа на перроне стояла в предвкушении, но так, чтобы не закрывать вид кинокамере. Поезда были привычным явлением для французского ландшафта уже более полувека. Единственное отличие – этот поезд должен был появиться в затемненной подвальной комнате одного парижского кафе.

Фильм, в соответствии с указаниями режиссеров, длился 50 секунд, немного больше, чем тот, который считается вообще первым фильмом, в котором показано, как рабочие выходят с фабрики Люмьеров в Лионе после трудового дня. (Этот фильм был не самым первым, но явно первым, который вводил аудиторию в заблуждение – эпизод снимался несколько раз, причем в середине дня; после съемки рабочие вернулись на фабрику.)

То, что фильм о поезде казался публике короче, объясняется одной уловкой, к которой кинематограф стал прибегать с самого начала: возможностью ускорения времени. Если картина волнует, если захватывает аудиторию, если это что-то новое, то об обычном времени можно забыть. Все остальные соображения рассеиваются

как пар. И есть еще один трюк, который проделывает с нашей памятью время: мы запоминаем, как поезд движется вперед и чуть ли не выскакивает за экран, но это не было намерением кинематографистов, да и фильм не только об этом. Поезд всего лишь движется в нашу сторону, причем, как можно увидеть сегодня, весьма спокойно, сбоку. Безопасности публики ничто не угрожает. Поезд находится в движении меньше чем половину фильма, и большую часть этого времени затормаживает. В остальной части фильма паровоз просто стоит, пуская пар, и нам показывают высадку и посадку пассажиров и прочую вокзальную суету. Но история редко вспоминает о спешащем носильщике или о человеке, который, пошатываясь, выходит из кареты, словно пьяный.

Гарольду Ллойду было два года, когда началась вся эпопея с немым кино^[97]. Первая в мире кинокомедия «Политый поливальщик» (*L'Arroseur arrosé*), тоже братьев Люмьер, появившаяся в 1895 году, своим названием полностью раскрывает сюжет. Этот юмор должен быть знаком зрителям по водевилям, а позже – по «Шоу Бенни Хилла». Человек поливает большой сад из длинного шланга, сзади подходит мальчик и наступает на шланг, перекрывая воду. Садовник, не видя мальчика, озадаченно разглядывает наконечник шланга. В этот момент, *mais oui*, мальчик снимает ногу со шланга, в садовника хлещет струя воды и сбивает с него шляпу. Он видит мальчика, хватает его за ухо, шлепает его и возвращается к своему занятию.

Фильм длится примерно 45 секунд. Но он мог длиться и 40 секунд, и даже 50. Продолжительность движущихся картин в те времена была весьма произвольной. Стандартная длина пленки так называемой однокатушечной комедии – около 300 метров, но скорость съемки можно немного увеличить, а скорость показа – уменьшить, или наоборот. До появления автоматки многое зависело от умения оператора крутить ручку во время съемки и киномеханика во время показа.

В идеальном стандартном мире 300 метров 35-миллиметровой пленки немого фильма на общепринятой скорости 16 кадров в секунду должны длиться 16,5 минуты. Но мы живем в мире, где на кадрах немого кино слишком много людей либо судорожно бегут, либо бессмысленно плетутся, и этим неестественным движениям есть объяснение. До того, как появился звук и синхронизация, бобину с пленкой при съемке и показе крутили вручную, специальной рукояткой, и скорости вращения зачастую не совпадали. Фильмы «Робин Гуд» (с Дугласом Фэрбенксом, 1922) и «Бен Гур» (1925) снимали со скоростью 19 кадров в секунду, но согласно указаниям студии скорость показа должна была составлять 22 кадра в секунду. «Месье Бокэр» (1924, с Рудольфом Валентино) – 18 и 24 соответственно, а «Генерал» (1926) Китона, созданный прямо перед приходом звука, на одинаковой скорости – 24 кадра в секунду. Многокатушечные фильмы не всегда имели одинаковую скорость съемки каждой катушки, что доставляло киномеханикам еще больше проблем. Сделаешь неправильно – и сюжет растянется на несколько незапланированных минут; сделаешь правильно – и можно изменить настроение аудитории.

Барри Салт в книге «Кинематографические стили и технология» пишет об «экспрессивных вариациях», которые допускали киномеханики по указанию режиссера: настроение менялось на романтическое замедлением быстрых танцевальных сцен или поцелуев; движения человека, садящегося на лошадь, тоже можно было замедлить, придавая некую плавную элегантность. Сцены воспоминаний, или флешбэки, еще одно великое изобретение кинематографа, тоже можно растягивать намного дольше, чем шла сама съемка. В определенные моменты человек в будке кинотеатра «Одеон» становился не менее важной персоной для творческого процесса, чем режиссер фильма или актеры^[98].

Есть и еще одна причина того, что люди и животные в черно-белых фильмах порой, кажется, движутся рывками: это хитроумные манипуляции кинопрокатчиков. В 1923 году, когда вышел

«Безопасность прениже всего!» на пленке протяженностью 1920 метров, оператор и киномеханик Виктор Милнер писал в *American Cinematographer*, что на сеансах в 8 часов вечера, когда полно народу, он прокручивал одну 300-метровую катушку за невероятные 12 минут, а днем, когда спешить некуда, мог «крутить пленку так медленно, что Морис Костелло [первый экранный Шерлок Холмс в 1905 году] мог вечно переходить из одного угла съемочной площадки в другой». Киномеханик мог ежедневно получать подобные указания, как и дирижер в оркестровой яме: чем полнее зал и чем длиннее очередь на улице, тем быстрее дирижер и музыканты будут работать руками, а публика быстрее читать начальные титры на экране.

Возможно, есть художественное объяснение тому, почему мы изображали себя таким образом: больше энергии для человеческого рода, более четкий и решительный облик быстро развивающейся эпохи. Поезд наезжает с экрана – одна стационарная камера, один дубль без редакции – слишком похоже на реальную жизнь. С тех пор киношная жизнь помогает нам переключиться на идеальную. Историк кино Уолтер Керр отмечал, что Чарли Чаплин в фильме «Новые времена» движется на такой скорости, словно «ему под пятки подложили пружины, а локти двигались как складные ножи. Так смотрелся фильм, когда его показывали на той скорости, которую имели в виду его создатели». Оператором многих фильмов Гарольда Ллойда бы Уолтер Лундин, и то, с какой скоростью он крутил ручку кинокамеры, могло определить успех фильма: съемка погони, например, замедлялась и велась на скорости 14 кадров в секунду, чтобы при просмотре (на нормальной скорости) эпизод смотрелся энергичнее. Чем медленнее он снимал, тем быстрее неслись поезда и автомобили^[99]. Это, по крайней мере, одна из причин, почему Чаплин был Чаплином, Ллойд – Ллойдом, а вы – это вы: они не только могли создавать и перекраивать свои истории, но операторы и киномеханики добавляли динамики каждому их фильму. Это была идеальная комедийная скорость. В фотографии

подобный эффект позже проявится в аэрографии и Photoshop; в музыке – в Auto-Tune.

Все изменилось с появлением звука и механизации. Только теперь стало возможным указывать длительность фильма на рекламных плакатах и прочих материалах. Впервые четко обозначенное время (96 минут) появилось в фильме Гарольда Ллойда в 1932 году, в картине «Безумное кино». Затем время настигло его, и у киноманов появились новые сюжеты для обожания и новые кумиры: «Гранд-отель», «Бред сивой кобылы», «Бросай свои проблемы», «Мумия», «Белокурая Венера», Грета Гарбо, братья Маркс, Лорел и Харди, Борис Карлофф, Марлен Дитрих и Кэри Грант.

Постарев, Гарольд Ллойд начал носить настоящие очки. Он был счастлив в многолетнем браке со своей коллегой по съемкам Милдред Дэвис и, как говорят, остался прежним, несмотря на всю славу и проницательные инвестиции. На склоне лет он решил окинуть взором свою карьеру с помощью историков кино. Он говорил, что был польщен награждением премией «Оскар» за выдающиеся заслуги в кинематографе в 1953 году. Его сильно задевало то, что критики его игнорируют и лишь изредка упоминают за компанию с такими гениями, как Чаплин и Китон. Он, кстати сказать, несколько благополучнее, чем они, с творческой (если не с финансовой) точки зрения пережил переход к звуковому кино, хотя это ни о чем особом не говорит. Ллойд сделал семь звуковых фильмов, или девять, если считать те, в которых он не играл. Он говорил, что сделал лишь пять «захватывающих» картин, следовательно, остальные несколько сотен, по его мнению, оказались не столь «захватывающими». Порой он жаловался, что в

отличие от большинства кинозвезд, снимавшихся до него и после, его помнят преимущественно не за фильмы, а всего за один трюк.

«Этот страшный номер в “Безопасность прениже всего” – не фальшивка», – говорил Ллойд в 1949 году, рекламируя перевыпуск семи своих старых фильмов (не сказать, чтобы Ллойд нуждался в деньгах; он считался самой богатой кинозвездой в Америке).

Я действительно забирался на это 14-этажное здание. Только подо мной была деревянная платформа на два этажа ниже, чтобы не попадала в камеру. Снимали эпизод, как я карабкаюсь на пару этажей, потом останавливались и поднимали платформу для следующего эпизода. На платформу уложили матрасы, но она была площадью каких-то 12 квадратных футов, и без ограждения. Если бы мы сделали ограждение, пришлось бы опускать платформу еще ниже, чтобы камера ее не могла захватить. При падении я должен был постараться упасть на спину и не подлететь. Я *действительно* упал пару раз и испугался до смерти. Неверное, картине это пошло на пользу.

Сбросило ли его время? Нет, ровно наоборот: оно его сохранило. У него была любовь, были деньги и самый знаменитый и отчаянный образ немого кино – рядовой человек, успешно уцепившийся за проходящее время. Теперь, наконец, мы переходим к съемкам другого фильма.

Как-то вечером весной 2014 года я позвонил Сьюзен Ллойд, внучке Гарольда. Она всю юность прожила с Гарольдом в поместье Гринакрс, а после его смерти в 1971 году, когда ей было 19, взяла на себя все авторские права на его фильмы и с тех пор спасает наследие деда от губительного влияния времени, охраняя его

репутацию и поддерживая его имидж. В то время, когда состоялся наш разговор по телефону, она собиралась запускать новую линейку товаров – кружки, футляры для сотовых телефонов, обычную мелочь для фанатов – все с классическими образами Ллойда: Гарольд с регбийным мячом в «Первокурснике», Гарольд с волосами дыбом в фильме «На головокружительной высоте», Гарольд на часах. Через несколько недель будет юбилей – сто лет со дня выхода фильма «Полные чудачки», который считается его первой настоящей короткометражкой («однокатушечным» фильмом). В конце электронных писем его внучки уже красовался логотип: Гарольд висит на собственных гигантских очках.

Я поинтересовался, почему она считает столь привлекательным образ его героя на часах. «Думаю... Не знаю, – отвечала она. – Думаю, фильм, когда вышел, произвел такое впечатление, оказался таким захватывающим, многим, наверное, было страшно. Даже при том, что многие не знали, кто он такой, они видели этот образ и восклицали: “О, я узнал этого парня!”» Сьюзен, если не сама рекламирует образ деда, оспаривает любое его использование посторонними лицами, подает судебные иски против пиратов, которые используют его фильмы и образы без лицензии. Наиболее часто воруемый образ – Гарольд на часах. «Люди считают, что он принадлежит им», – говорит Сьюзен.

Сьюзен Ллойд – внучка Гарольда, но всегда звала его папой. Даже сейчас это проскальзывает. Матерью ее была Глория, старшая дочь Гарольда и Милдред, но Сьюзен характеризует ее как «психически очень неуравновешенную» особу, которая была не в состоянии заниматься дочерью. Родители развелись, когда ей не исполнилось и двух лет, отца она видела лишь по большим праздникам. Бабушка с дедушкой стали ее опекунами, Гарольд воспитывал ее как свою дочку. В подростковом возрасте она следила за его нитропленками – очень непростая работа. Она помнит, как дед водил ее знакомиться с битлами после концерта. Она говорит, что в моменты

депрессии он брал большой лист бумаги и выводил красным карандашом: «Зачем волноваться?»^[100].

Сьюзен сказала, что планирует устроить фестиваль фильмов Ллойда в Европе, отчасти поэтому занимается популяризацией тысяч его стереоскопических фотографий, в частности, собора Святого Павла сразу после Блица^[101], фото обнаженной Мэрилин Монро и многих других жгучих «плакатных» красоток; с некоторыми из них, говорят, у Гарольда были романтические отношения.

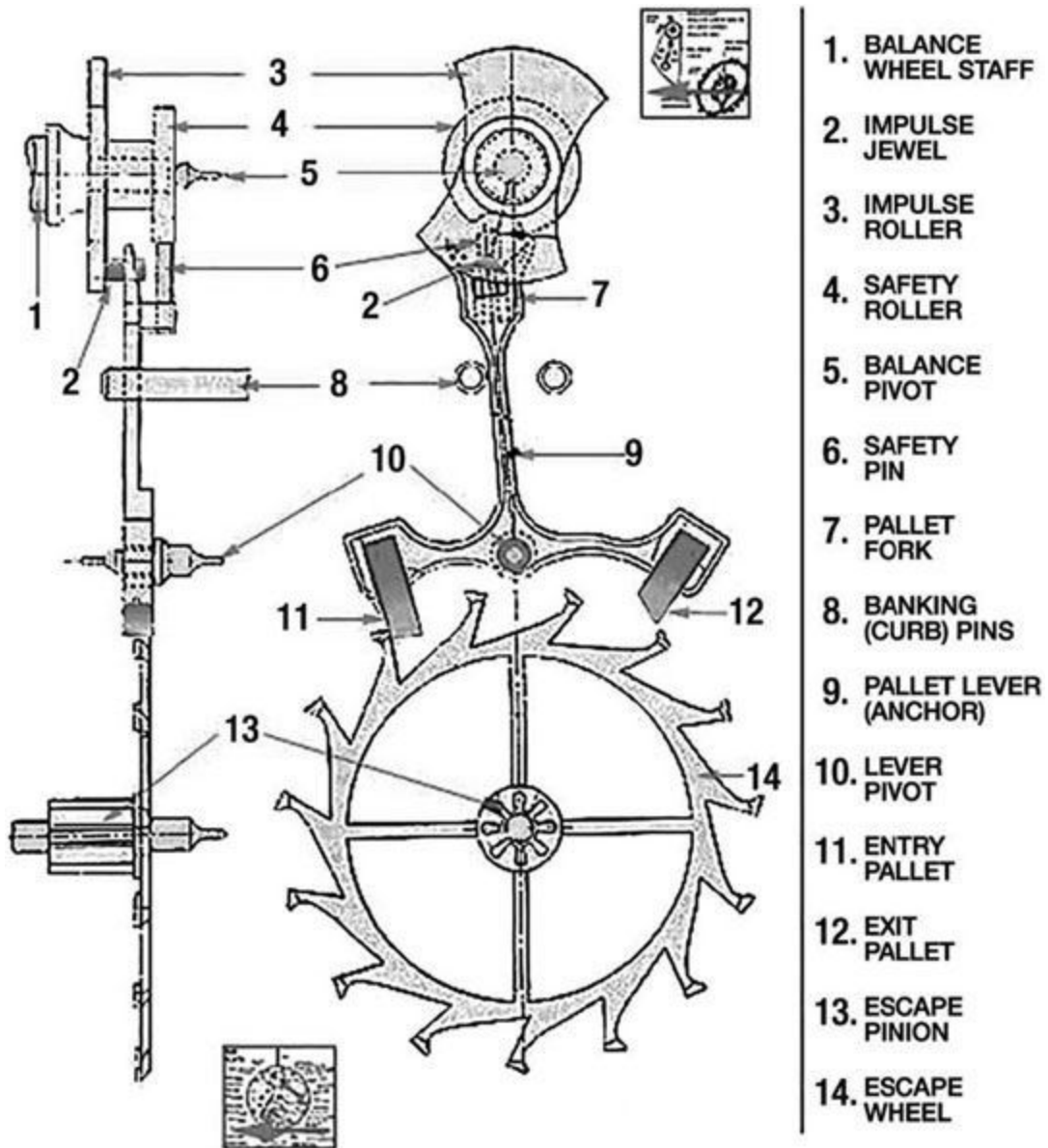
Я спросил ее о его отношении к времени, в частности, о пунктуальности.

Боже мой, не смешите меня! Господи, пунктуальность? У матери с этим совсем плохо было, она всегда опаздывала на пару часов. Он обычно ее обманывал, например говорил, что встреча назначена на два часа раньше, чем на самом деле. Сам он был очень пунктуальным – до чрезвычайности. Иногда он вставал внизу лестницы и говорил: «Поезд уже отошел от станции, ты опоздаешь!» Пунктуальность была у него в крови. Он вообще все держал под контролем, это его главная черта. Всегда все контролировал.

Он всегда носил одни часы – «Ролекс», подаренный ему Биби Даниэлс, которая играла Дороти в первой, немой версии «Волшебника из страны Оз» (1901), и появлялась с Ллойдом еще в нескольких его фильмах, в том числе в «Одинокий Люк склоняется к литературе» (1916). Внучка говорит, что Даниэлс была первой женщиной, которая разбила его сердце, и он носил подаренные ею часы до самого конца.

Глава седьмая

Часовое дело, часть первая: как делать часы

I. Очень трудное занятие

– Ты справишься, – говорит мне летом 2015 года очень уверенный человек в хорошо освещенной комнате в одном средневековом городке на швейцарско-немецкой границе. – Могу гарантировать на 99,98 %, ты сам все сможешь собрать.

Передо мной на невысоком столе коробка с инструментами: увеличительное стекло на изогнутой проволоке, которую я нацеплю на голову и буду выглядеть как злой гений; «пинцет», который тяжелее и острее, чем те, какими пользуются филателисты, перебирая марки; отвертка с таким тонким наконечником, что его почти не видно; деревянная палочка с наклеенным кусочком замши; розовая пластмассовая иголка размером с зубочистку; синий пластмассовый поднос для сборки, похожий на крышку картонного стакана для кофе на вынос. Дальше следует инструкция: «Если что-нибудь уронишь или потеряешь, не пытайся искать, это очень трудное занятие». И еще: «Мы никогда, никогда не прикасаемся к деталям пальцами. Почему? Пот. Твой пот через месяц-другой разест покрытие, после чего часы можно выбрасывать».

Да, я вроде как намерен собрать часы. Я разберу стандартный комплект деталей, выкручу все винтики, сниму мосты и зубчатые колесики, а потом постараюсь собрать заново – с помощью памяти, ловкости рук и инструктора по имени Кристиан Брессер. «Когда увидишь золотые пружинки, пожалуйста, не надо их вынимать, – продолжает Брессер указывая на мелкую деталь на серебристом диске передо мной. – Один мой коллега снимал это колесико, не обратил внимания, что она была полностью заведена, и колесико вылетело ему прямо в глаз. Он ослеп. Так что всегда нужно быть очень внимательным».

Сборка механических часов, пока они не стали слишком сложными, представляла собой набор весьма стандартных операций, потому что почти все они изготавливались по одному

принципу. Главная спиральная пружина (которую скручивают, или заводят, специальным механизмом) приводит в действие набор шестеренок, а они, в свою очередь, задают колебания балансирующему колесу; частота колебаний составляет несколько раз в секунду. Они регулируются другим комплектом шестеренок, которые называются спусковым, или анкерным механизмом. Именно он приводит в движение стрелки с постоянным заданным темпом – часовая стрелка совершает оборот за 24 часа, секундная – за 1 минуту. Но передо мной на столе, естественно, нечто более сложное: 150 лет совершенствования часового дела не прошли даром. Это искусство настолько тонкое и замысловатое, что настоящему часовых дел мастеру приходится лет десять щуриться, потеть и чертыхаться, чтобы его освоить. У меня есть ровно 50 минут.

Штаб-квартира компании IWC (никто ее больше не называет International Watch Company) находится в Шаффхаузене, в сорока минутах езды на север от Цюриха, на берегу Рейна, который служил транспортной артерией, источником энергии и вдохновения с конца 1860-х годов, когда была основана эта компания. На протяжении более полутора веков IWC изготавливает изысканные и дорогие часы для понимающей и лояльной клиентуры, и в их нынешней линейке нет таких, которые новичок может собрать за 50 минут.

Вот, например, Portugieser Minute Repeater, с балансовым колесом из бериллиево-бронзового сплава Глюсидур, с репетиром из двух мелодичных гонгов, который вызванивает час, четверть часа и минуты (один только этот механизм состоит из 250 деталей), доступны в платиновом корпусе и с ремешком из крокодиловой кожи за £81 900. Есть элегантные Portofino, с версией для дам, например Midsize Automatic Moon Phase с 18-каратным красным золотом и корпусом, украшенным 66 бриллиантами, а еще 12 – на перламутровом циферблате (под которым парит кольцо, показывающее движение Земли во Вселенной), в розницу можно приобрести за £29 250. Есть еще Ingenieur Constant-Force Tourbillon, которые могут похвастаться неизменной амплитудой баланса и,

соответственно, почти идеальной точностью, с запасом хода на 96 часов и двойным дисплеем фаз луны, соответственно, для Северного и Южного полушарий, циферблатом, показывающим время до следующего полнолуния, в платине и керамике за £205 000.

Есть модель, которая принесла славу компании во время Второй мировой войны, строгие Big Pilot's Watch, с большим простым циферблатом и крупной заводной головкой, которую можно крутить в перчатках. Внутренний корпус защищен от магнитных полей и внезапного падения атмосферного давления. Впервые они изготовлены в 1940 году, рекомендуемая цена пересмотренной версии в прайс-листах составляет £11 250. (Будучи швейцарцами, заинтересованными как в деньгах, так и в нейтралитете, компания IWC поставляла их как в британские, так и в германские ВВС, и летчики были благодарны, поскольку могли вычислять наилучший момент, чтобы сбивать друг друга. В апреле 1944 года вследствие навигационной ошибки американская авиация нанесла бомбовый удар по Шаффхаузену, городу был нанесен серьезный ущерб, погибли 45 человек, но бомба, попавшая в здание IWC, пробила крышу и не взорвалась.)

Все эти часы очень привлекательны. Самое привлекательное в них то, что они не броские, не подавляющие, ни одна модель, в отличие от многих других топовых марок, не напоминает швейцарский армейский нож. Если вы хотите носить свои деньги на запястье, очень удачно, что с такими часами вы никому не нанесете оскорбления. IWC гордится тем, что изготавливает часы для тонких ценителей, и этим, видимо, объясняется то, что компания не настолько знаменита, как некоторые из ее конкурентов, и относится к верхнему среднему классу в швейцарской часовой таблице о рангах. Это не так высоко, как Patek Philippe или Breguet, но достаточно высоко, чтобы заслужить свой музей. Экспозиция рассказывает, что вполне ожидаемо, о блестящих новациях и росте компании: здание нынешней фабрики на краю монастырского сада в 1875 году; детали первых наручных часов 1915 года; первый

механизм автоматического подзавода 1950 года; автоматические часы для подводного плавания 1967 года, выдерживающие давление до 20 бар; первый в мире хронограф в титановом корпусе 1980 года по дизайну Ф.А. Порше.

Никто в IWC не мог мне даже приблизительно сказать, сколько часов изготовлено компанией за время ее существования; они даже не знали, сколько их изготовлено за прошедший год; они чрезвычайно щепетильно относятся к этому вопросу после 2000 года, когда, в обмен на 2,8 миллиарда швейцарских франков, стали частью конгломерата Richemont, специализирующегося на предметах роскоши, в который входят, помимо прочих, Montblanc, Dunhill, Jaeger-LeCoultre, Vacheron Constantin и Cartier. Но компания в ходе ознакомительной экскурсии развлекает посетителей другой статистикой. Например, для создания экземпляра величественных Grande Complications требуется 659 деталей, что на 453 единицы больше, чем костей в человеческом теле^[102]. Экскурсантам требуется надевать белые халаты, на ноги – синие пластиковые бахилы, проводить некоторое время в герметичном тамбуре, чтобы минимизировать доступ пыли в лаборатории, и прочитать объявление: «Экспозиционные часы – сложные, тонкие механические устройства. Экскурсовод будет рад показать вам, как функционируют часы, пожалуйста, не делайте этого сами. Благодарим за понимание и желаем удачного дня!»

Проходя, я видел мужчин и женщин, которые собирали слои менее сложных моделей, поглядывая в инструкции; это не те умелые мастеровые, с которыми мне предстоит встретиться позже. Это обычные сотрудники, перешедшие на конвейерную сборку после нескольких недель обучения. (Существует четкое различие между «сборкой часов» и «созданием часов». Сборка часов в основном представляет собой соединение деталей, которые перед этим могли быть изготовлены и собраны в другом месте, зачастую другими компаниями; детали укладываются в коробки, складываются – примерно так же, как происходит сборка автомобилей и другой

сложной техники; процесс заучивается наизусть. Создание часов – это особое искусство, чтобы освоить его, нужны не недели, а годы, и для него требуется не только стальное терпение и сосредоточенность, глубокое понимание механики, но и творческое вдохновение; любой может рисовать по цифрам, очень мало кто рисует как Сезанн, Моне или Ренуар). Я проходил мимо сверлильных, токарных, шлифовальных станков, мимо фотографий «лиц фирмы» – Кевина Спейси и Льюиса Хэмилтона. Там были витрины, демонстрирующие участие компании IWC в гламурных и благородных мероприятиях, таких, как образование для детей из малоимущих семей во Франции, кинофестиваль Трайбека и Лондонский кинофестиваль, защита гигантских игуан на Галапагосских островах.

В итоге я оказался в лаборатории Grande Complications, где создают модель Portugieser Sidérale Scafusia – 10 лет на чертежных столах, самые изысканные часы в истории компании. Это не только постоянно действующий турбийон, не только запас хода на 96 часов, но еще и циферблат, показывающий звездное время, которое отличается от солнечного чуть менее чем на 4 минуты в сутки, и может помочь обладателю таких часов «находить каждую ночь конкретную звезду на прежней позиции» (в нижней части располагается карта звездного неба, которая, в процессе создания конкретного экземпляра часов, будет соответствовать персональному расположению их владельца во Вселенной). Часы подчеркнут вашу значимость и одновременно ничтожность и обойдутся примерно в £500 000.

Одним из тех, кто отвечает за всю эту роскошь, является немец по имени Ромулус Раду. Раду 47 лет, вся его карьера связана с IWC, но он работает на уровне глаз за столом, поэтому при первой встрече выглядит как ребенок. Ему нужно выпрямить спину и расправить плечи, иначе, как он говорит, «это будет похоже на работу по восемь часов за кухонным столом». На трех пальцах у него розовые пластиковые колпачки-паутинки, чтобы улучшать хват. Он также

работает над вечным календарем, часами с дисплеем, которые будут показывать день-месяц-год в течение 577,5 года. Я поинтересовался, что с ними произойдет после 577,5 года (может, саморазрушение или возвращение к Casio?). Ответ был настолько рутинным, насколько и абсурдным: в 2593 году показания дисплея нужно будет подкорректировать на 1 час, и «ваш ближайший бутик IWC с удовольствием вам в этом поможет».

– Не у каждого руки приспособлены для такой работы, – говорит Раду, занимаясь основанием турбийона.

Я предполагаю, что у него, должно быть, совершенно особый психологический склад для дела, которым он занимается.

– Да.

– Потому что, – продолжаю я, – я бы просто с ума сошел.

– Со мной такое бывает, но нечасто.

Я смотрю на детали, лежащие перед ним, набор отверток, самая тонкая головка которой тоньше ногтя младенца, и думаю, как долго он может сохранять концентрацию, чтобы не вышвырнуть все это в окно.

– У каждого бывают неудачные дни, – говорит он, – но обычно я могу заниматься два-три часа одной деталью, после чего требуется перерыв.

– Кофе-брейк?

– Я пью одну чашку утром и одну во время ланча. Эспрессо. Надо следить за собой.

Глядя на то, как работает Раду, я внезапно нахожу причину купить часы, в которых у меня нет необходимости – потому что это произведение искусства. Более ста лет назад, овладев временем и упростив обращение с ним, часовых дел мастера Швейцарии, Германии, Франции (и до 1950-х годов – Англии) получили достаточно времени, чтобы заниматься усовершенствованием. Поэтому они делают *сложные* вещи.

В мае 1873 года американский журнал *Watchmaker and Jeweller* разместил объявление об успешном создании компании «с целью объединить все совершенство американской механической системы с более квалифицированным ручным трудом швейцарцев». Компания IWC, образованная пятью годами ранее, наконец занялась настоящим бизнесом. В рекламе была изображена фабрика, больше напоминающая дворец (впрочем, еще не построенная), и давалась гарантия, что ее часы «никогда не выйдут из строя». Продукты – изначально изящные карманные часы на цепочке или в виде брошки – предлагались в 17 вариантах и могли похвастаться системой завода, не требующей специального ключа. И предлагались они по «чрезвычайно конкурентоспособной» цене.

Основатель IWC Флорентин Ариосто Джонс перед Гражданской войной (1861–1865) учился на часового мастера в Бостоне и незадолго до ее завершения перебрался в Европу. (Возможно, он был ранен в боях; кое-кто предполагал, что именно по этой причине мы имеем лишь одну его взрослую фотографию.) Джонсу шел третий десяток, и он увидел заманчивую перспективу: возможность совместить новейшие индустриальные технологии с кустарной специализацией мастеров часового дела Женевы и Лозанны. Вместо того чтобы изготавливать каждый экземпляр часов с нуля, должна быть создана базовая модель с взаимозаменяемыми деталями, с использованием токарных станков для изготовления винтиков и анкерных колес, а рабочие места для декорирования корпусов надо было импортировать. Американцы (а именно Джонс и его коллега Чарльз Киддер) должны были обеспечить конвейерную линию, а швейцарцы – то, чем всегда славились: школу чистовой обработки.

Несмотря на весь энтузиазм, Джонсу пришлось преодолевать возмущение и даже сопротивление. Франкоязычные местные

мастера неприязненно отнеслись к нарушению сложившейся практики, которая кормила их со времен основания первых часовых мануфактур, а произошло это 400 лет назад. Более радушный прием он встретил на севере, у немецкоязычного населения; жителям Шаффхаузена особенно понравилась перспектива появления сотни новых рабочих мест.

Первые результаты деятельности IWC оказались разочаровывающими: Джонс обещал кредиторам, что будет выпускать по 10 000 часов в год, однако к 1874 году компания смогла продать едва ли 6000 экземпляров. Акционеры – швейцарские банкиры урезали властные полномочия Джонса, и только через девять лет после образования компании он вернулся в Бостон (его инженерные разработки в часовом деле продолжали использоваться, но умер он на восьмом десятке лет в относительной бедности). Сегодня его имя сохраняется в тишине музея IWC и в названии одного из конференц-залов компании. Именно здесь, в зале Джонса, мне пришлось проявить свои навыки сборки часов.

Одна из причин, по которым IWC сегодня позволила новичку проявить себя полным профаном на берегу Рейна, заключается в стремлении показать, почему часы за £205 000 действительно стоят £205 000. Другими словами – на какой недостижимой высоте находится мастерство настоящих часовых дел мастеров. Конечно, мне не дали разобрать одну из их топ-моделей. Передо мной на столе – Calibre 98200, часы с ручным заводом, диаметром 37,8 миллиметра, самые крупные, которые предлагает компания, и выпускаются они исключительно для обучения часовому ремеслу. Моя задача – снять 17 деталей, а затем собрать часы заново, до такой стадии, на которой они еще не будут нормально функционировать (у них нет стрелок, нет полной трансмиссии), но несколько колесиков и винтиков должны будут взаимодействовать и управляться с помощью часового механизма. Я должен управиться меньше чем за час, значит, конструкция для простаков. «Есть два способа держать отвертку, – говорит мой инструктор, показывая

зингер, которым он пользовался, наверное, тысячу раз. – Правильный и неправильный».

Снятие и последующая установка деталей предполагает неоднократное переворачивание механизма с лицевой на обратную сторону. Самая простая часть работы, которая удачно напоминает ремонт проводов, заключается в извлечении мостов, деталей, которые держат на месте слои. Сложнее выглядит задача вставки зубчатого барабана на главную пружину под минутной стрелкой и настройка цапфы баланса диаметром 0,15 миллиметра с камнями. (Я работал с синтетическими рубинами. Эти ювелирные подшипники, обладающие низкой степенью трения, используются преимущественно в зубчатых передачах и противоударном механизме, традиционно придают часам своего рода знак качества, чем больше в них камней, тем выше предполагаемая точность, долговечность и надежность деталей. Обычные механические часы без дополнительных усложнений оснащаются 17 камнями, но многозвенные модели IWC могут потребовать до 62 камней. Термин «усложнение» применяется ко всему, чем оснащаются часы помимо функции указания времени, например показом лунных фаз.)

Изготовление чего-то чрезвычайно мелкого оказывается чрезвычайно дорогим, по крайней мере на уровне прототипа и финальной ручной обработки. В часовой промышленности прецизионность мелких деталей – одна из причин высокой стоимости (даже самый мелкий винтик стоит 8 швейцарских франков – именно потому, что он *очень* мелкий). Затем – бесконечная выносливость с минимумом смазки, дополнительный повод для восхищения. Но главным, или решающим, фактором остается человек с его старомодностью – мудрость, передающаяся веками, требует создания чего-то прекрасного и функционального, иначе это будет просто бездушным комплектом металлических деталей и камней. «Страшно произносить, – говорит мне Брессер, – но это комплекс Бога, или комплекс Франкенштейна. Ты надеваешь белый халат и создаешь жизнь». Посреди моей попытки сделать

нечто похожее, пока я пытаюсь ухватить щипчиками стопорный штифт, он говорит: «Ты же не часовщик, если уронишь, я не буду тебя бить».

Стараясь не уронить винтики на пол, я размышляю над новой задачей, и вы можете ко мне присоединиться: попробуйте назвать имя хотя бы одного знаменитого современного часовых дел мастера. Не спешите: очень мало людей, за исключением узкого круга специалистов, на это способны, и искусство всегда с удовольствием скрывается^[103]. Но мастера существуют (почти исключительно мужчины), и, безусловно, достойны нашего внимания.

Вот, например, Кристиан Брессер, 43 года. Он говорит, что хотел стать летчиком-истребителем. В детстве он жил на Ямайке, потом во Флориде, и его любимым занятием было собирать игрушечные модели. Часовое дело его мало интересовало до тех пор, пока он не поступил в ученики к немецкому ювелиру. Ему было уже под тридцать. «Я понял, что это очень эмоциональное занятие. К первым часам, которые я сделал, я относился как к своим детям». В 2000 году он пробовал устроиться на работу в несколько швейцарских компаний, в том числе в Rolex, Omega и Zenith, понял, что они «блестящие-блестящие», но им не хватает той несколько семейной атмосферы, которую он почувствовал в IWC (в компании тогда работало около 500 человек, сейчас – более 1000). На собеседовании ему предложили выполнить операцию, которая казалась знакомой: разобрать и собрать часы. Отличие было лишь в том, что все детали были гораздо более мелкими, а механизм имел скрытый дефект, который надо было выявить. «Когда я начинал, то владел лексиконом часовщиков на уровне десятилетнего», – говорит он. Сегодня он использует свои таланты не только для создания вечного календаря и двойных хронографов, но и на маркетинг, и на обучение. Он ведет на регулярной основе базовый курс для начинающих часовщиков, а также занятия по продажам, как часть часового дела: новым посетителям нравится участвовать в простом процессе сборки, это углубляет понимание значения всех стержней

и шестеренок, что, в свою очередь, через час активизирует желание посетить сувенирный магазин с множеством блестящих безделушек.

Сувенирный магазин располагается рядом с музеем; оба дают понять, что IWC на практическом уровне идет по тому же пути, который был начат 150 лет назад: эффективность механизированной конвейерной линии сборки в сочетании с изощренным мастерством финишной отделки. Но музей, при всей демонстрации изобретательности, не в состоянии рассказать всю историю IWC, включая ее противостояния рыночным штормам. Компания пережила много проблем и колебаний (в часовых трендах и на валютном рынке), изменений в спросе на рабочую силу и в производственной практике, а также яростную и блестящую конкуренцию с тремя сотнями швейцарских производителей, с китайскими подделками, а сейчас, во втором десятилетии XXI века, столкнулась с конкурентом совершенно иного рода – с компьютерной компанией.

Погода в Купертино^[104] оказывает сильное влияние на Шаффхаузен и на Швейцарию в целом, но угроза от Apple Watch заключается не просто в одном продукте. Это перспектива полной цифровой коммуникабельности, вопрос в том, как скоро и насколько полно мы станем готовы к тому, чтобы контролировать все в собственной жизни собственной кожей – с ее помощью (смартфоны), на ней («умные часы») или под ней (эй, чипы!). Пока никто на это не может ответить, но в Швейцарии никто и не может не обращать на это внимания, как не могли себе позволить игнорировать влияние кварца.

В отличие от кварца – нового дешевого способа делать то же самое, умные часы способны делать много совершенно нового, и информация о времени здесь далеко не на первом месте. В 2015 году, когда на запястье людей появились первые Apple Watch, многие почувствовали разочарование: они, судя по всему, оказались способны не на много большее, чем iPhone, только на более мелком экране. Они сообщали о входящих звонках и

сообщениях, как телефон, могли хранить проездные документы и расплачиваться за ваш кофе, следить за нагрузками во время занятий фитнесом. Красивая экранная заставка с бабочкой, хлопающей крыльями на матово-черной поверхности, для некоторых смысла не имела, кроме как траты денег, а этого явно недостаточно, чтобы оправдать приобретение, но для других, и не в последнюю очередь для занятых в производстве механических часов, эта бабочка символизировала хаос^[105]. Apple Watch (и их более дешевые конкуренты на платформе Android от Samsung, Pebble и прочих) стали потенциальным признаком конца света. До середины 2014 года реакция швейцарцев на Apple была либо нейтральной, либо пренебрежительной, как на *усложнение*, которое вряд ли достойно внимания, но затем ситуация изменилась, и не в последнюю очередь потому, что дело великих старых мастеров пошло на спад.

Первый обходной маневр со стороны IWC получил название IWC Connect. Дело было не в часах, а в ремешке, доступном изначально только для моделей Pilot, на котором размещалась большая кнопка. Нажать ее, повернуть – и вы получаете соединение с телефоном, приложениями, показателями физического состояния и извещениями об электронной почте. Устройство – неоднозначный намек на микропроцессор, антitezис и заклятый враг традиционного высокого искусства часовщиков. Его расположение на ремешке – швейцарский вариант освоения достоинств цифровых гаджетов и одновременного дистанцирования от их неизящности и потенциальной угрозы. Часы IWC не будут, по крайней мере в ближайшем будущем, иметь MP3-плеер или видеокамеру и тем более два раза в год обновлять операционную систему. Они будут прекрасно и механически тикать, ждать, когда шторм стихнет, и верить, что это рано или поздно произойдет.

II. Что такого особенного в швейцарском?

Каким же образом эта непритязательная сухопутная страна стала доминировать в индустрии, которую даже не сама изобрела? Как она перешла от господства в молочном производстве к господству в молочном производстве *и* в миниатюрной точной механике? И как усовершенствовала мысль о вложении десятков тысяч швейцарских франков в предмет, который нередко хранит время менее точно, чем предмет стоимостью 10 фунтов? (Можно сказать иначе: каким образом Швейцария, экспортировав в 2014 году 29 миллионов часов, что составляет лишь 1,7 % всех часов, покупаемых в мире, получила на этом 58 % доходов от мировых продаж этого товара?)

В 1953 году, когда Эжен Жаке и Альфред Шапюи опубликовали свой обширный и авторитетный труд «Техника и история швейцарских часов», они лишь слегка затронули историю их происхождения. Первые часы, сначала круглые, затем овальные, которые носили как украшение на шее, появились около 1510 года, сначала в Германии, Нидерландах, Франции и Италии. Спустя несколько десятилетий небольшая фирма открылась в Женеве, в основном благодаря мастерам ювелирного дела. Филигрань, эмаль, опыт в тонкой гравировке позволили ремесленникам обратить внимание на миниатюрные механизмы. Жаке и Шапюи нашли сведения о 167 ювелирах, работавших в Женеве в XVI столетии. Их мастерство в изготовлении часов во многом объясняется появлением гугенотов, бежавших из Франции.

Первые часы были несколько громоздкими, но обладали конусообразным блочным механизмом, который называется барабаном. Его задачей было максимально равномерное распределение энергии заведенной пружины (иначе она станет раскручиваться со всей силой в начале цикла и замедляться к его окончанию). Балансирная пружина (скрученная волосковая пружина, которая обеспечивает энергию механическим часам) изобретена,

скорее всего, независимо голландским математиком Христианом Гюйгенсом (1629–1695) и английским философом и ученым Робертом Гуком (1645–1703) в середине XVII века. Она существенно повысила точность хода часов. Механизмы, существовавшие до этого, осмеливались указывать лишь час, поскольку их точность нередко уступала даже солнечным часам. Минутная стрелка, тоже разработанная Гюйгенсом и впервые использованная английским часовщиком Даниэлем Кваром, появилась лишь около 1670 года.

Первые сведения об экспорте швейцарской продукции относятся к 1632 году, когда часовой мастер из Блуа по имени Пьер Купер II приехал в Женеву, чтобы заказать 36 часов у Антуана Арло; партия должна была быть доставлена в Марсель в течение года. Через несколько лет поступили заказы от сына Антуана – Абрахама Арло и некоего Жана-Антуана Шудена из Константинополя. Судя по всему, швейцарцы уже завоевали репутацию превосходным качеством и декоративной отделкой. В Женеве также изготавливали корпуса, покрытые изящной эмалью. В 1690-е годы часовых дел мастера работали в Базеле, Берне, Цюрихе, Люцерне, Ролле, Мудоне, Винтертуре и Шаффхаузене. Невшатель тоже стал известным центром, куда стекались опытные ремесленники, бежавшие от религиозных гонений со всей Европы. В Невшателе была создана, вероятно, первая школа, в которой обучали часовому делу; в нее набирали учеников старше 10 лет, что способствовало развитию часовой инфраструктуры в кантоне, если не во всей стране. Но на звание первого города часовых дел претендует Ла-Невилль в кантоне Юра: второй главной специализацией, помимо виноделия, в нем стало производство карманных часов.

Но ничто из этого толком не объясняет, почему именно Швейцария, а не Германия или Франция стала в этой области признанным лидером с безукоризненной репутацией. Однако признанное лидерство с безукоризненной репутацией проявилось преимущественно в XX веке. До этого на лидерство претендовали и другие страны. Такие компании как Breguet, Cartier и Lip во

Франции, A. Lange & Söhne и множество других мелких фирм, располагавшихся в немецком городе Глассхютте, создавали высококачественную продукцию и имели устойчивую репутацию. Да и в Англии, которая может справедливо претендовать на звание инновационного центра производства часов и часового дела XVII–XVIII веков, перечень высококлассных мастеров не мал: Эдвард Ист, Уильям Клэй, Томас Мадж, Джон Харрисон, Ричард Боуэн, Ричард Таунли, семейство Фродшэм, Томас Томпион и С. Смит с сыновьями в Лондоне и Челтнеме («Часовых дел мастера Адмиралтейства») – все имена нынче существуют только в каталогах и музеях, в основном благодаря привычной английской практике недоиспользования и странного пренебрежения областями (железные дороги, промышленные мануфактуры, сборная страны по футболу), в которых страна некогда занимала ведущее положение в мире^[106].

Швейцарцы тем временем уверенно шли вперед, по случаю прикупая самые известные европейские фирмы, пользуясь беспошлинной торговлей часовыми механизмами, существовавшей в середине XIX века, и формируя торговые ассоциации и сертификационные нормы, которые гарантировали честность и качество продукции, повышая репутацию отрасли. В XIX веке ремесленные мастерские превратились в полномасштабные механические производства, которые максимально эффективно использовали недавно изобретенные устройства, повышающие надежность, такие как анкерный механизм и турбийон (изобретенные, соответственно, Маджем в Лондоне и Бреге в Париже)^[107]. Создание все более плоских корпусов привело к тому, что карманные часы стали превращаться в наручные; часы на руке были особенно полезны при верховой езде. Швейцарцы также в полной мере использовали усовершенствования в заводной пружине, очень рано оснастив часы стержнем с заводной головкой, которыми мы пользуемся сейчас, отказавшись от существовавшей

системы завода с помощью ключа. Все эти усовершенствования в значительной степени способствовали расширению экспорта.

К 1870 годам в швейцарской часовой промышленности было занято как минимум 34 000 человек; они производили, по некоторым оценкам, 1,3 миллиона часов в год.

Потом началась война. Швейцарские часовщики процветали благодаря нейтралитету страны, и IWC была не единственной компанией, кто поставлял часы противоположным воюющим сторонам во время двух мировых войн^[108]. Но нейтралитет, даже сосредоточенный на мирной продукции, сам по себе не объясняет эксклюзивность Longines или Ulisse Nardin, как и не объясняет появление часов-кукушки^[109]. Самый примечательный момент в знаменитой речи Орсона Уэллса в роли Гарри Лайма в фильме «Третий человек» – ее откровенная неточность:

Этот парень говорит, что в Италии за 30 лет правления Борджиа были войны, террор, убийства, кровопролития, но у них были Микеланджело, Да Винчи и Возрождение. В Швейцарии была братская любовь, 500 лет мира и демократии, но что они сделали? Часы-кукушку!

Это одно из немногих мест в сценарии, написанных не Грэмом Грином. И это неправда: часы-кукушку впервые сделали в Германии, которая не знала 500 лет мира и демократии.

В наши дни качество швейцарских часов оформлено юридически и отслеживается не менее строго, чем качество шампанского или пармезана. На часах всегда пишется *Swiss made* или *Swiss*, то есть «швейцарское производство» или «швейцарские». Но никогда не *Made in Switzerland* («сделано в Швейцарии»), и эта традиция существует с 1890-х годов. Чтобы получить квалификацию, часы должны соответствовать ряду строгих критериев. Как сказано в документе *Fédération de l'industrie horlogère suisse FH* (Федерация швейцарской часовой промышленности), которая и разработала эту

классификацию, часы должны отвечать «новым требованиям, обусловленным швейцарскостью». Чтобы получить классификацию *Swiss made*, часы должны, во-первых, иметь швейцарский часовой механизм, во-вторых, механизм должен размещаться в корпусе, изготовленном на территории Швейцарии, и в-третьих, быть проверены и сертифицированы в Швейцарии. А часовой механизм, чтобы получить швейцарскую классификацию, должен быть собран на территории Швейцарии, проверен и сертифицирован в Швейцарии и состоять не менее чем из 60 % деталей швейцарского производства в стоимостном выражении. (В 1971 году норма составляла 50 %). Эти законы не писаны для весьма сомнительных сайтов, таких как *perfectwatches.cn*, где предлагаются китайские копии (т. е. фальшивки) Rolex Daytona за £370 и Breitling Navitimer за £127.

Возможно, выдающиеся качества и репутацию швейцарских часов лучше всего проверить где-нибудь за пределами Швейцарии, скажем, в Австралии. Здесь, к примеру, один человек по имени Ник Хако пытается сделать часы не менее прочные и надежные, чем те, что предлагают Женева или Шаффхаузен, но собранные в Сиднее и продающиеся за более низкую цену, без маркетинговой накрутки. Но достичь этой цели очень непросто.

Хако, на вид здоровый как бык, но с мягким характером, не только изготовитель часов. Он еще их и ремонтирует, и продает. Он подсчитал, что продал более 9500 швейцарских часов и починил 17 000. Во всех своих ипостасях он с недавних пор в равной степени испытывает восхищение и отвращение к швейцарцам. Когда я пришел к нему в кабинет в середине февраля 2014 года, едва ли не первое, что он сделал, – вручил мне черную футболку, на спине

которой размещался довольно пространный текст (шрифт – вездесущий Swiss Helvetica). Эта футболка скорее трактат, чем предмет одежды, и если вы встретите на вечеринке человека в такой футболке, вам, пожалуй, захочется отойти подальше. Он гласил, в частности:

Однако одна монополистическая корпорация выдавливает независимых трейдеров из бизнеса... Швейцарские часовые бренды стремятся к тому, чтобы любые ремонтные работы производились исключительно в их мастерских, на их условиях. Поддержите нашу кампанию. Подпишите петицию. Сэкономьте время.

– Вот, держи две, – сказал он, протягивая мне еще одну футболку. Одна была среднего размера, другая побольше. – Ты примерно посередине, – пояснил он.

Английский не родной язык для Ника Хако. Он родился в Югославии в начале 1960-х годов в семье, где занимались ремонтом часов. Сам он начал возиться с часовыми механизмами с 12-летнего возраста. Он уехал из Югославии в 1991 году, незадолго до начала войны, в Германию. В 1994 году перебрался в Австралию, с комплектом основных инструментов для ремонта и с 20 тысячами австралийских долларов, большая часть которых ушла в залог для приобретения первой мастерской. «Я очень много работал, – вспоминает Ник. – Нужно лет десять, чтобы обрести репутацию».

Его нынешняя мастерская похожа на офис и занимает несколько комнат на четвертом этаже здания на Каслри-стрит, сиднейского аналога Риджент-стрит. Прямо под ним – выставочные залы Dior, Cartier, Rolex и Omega, но он отмахивается от тех, кого привлекает их показной блеск. «Часовой мастер всегда смотрит внутрь, – говорит он. – А большинство коллекционеров интересуются лишь внешним видом. Им нравится название бренда».

Хако – это Ф.Т. Барнум^[110] диссидентствующего мира часовщиков, яркость которого особо заметна в той сфере деятельности, которая характерна неразговорчивостью и склонностью к уединению. У него 10 000 подписчиков на его информационный бюллетень, и еще 300 платят за более специализированный контент. Он характеризует себя и себе подобных как людей, «которые знают, что всегда правы. Часовых дел мастер много говорит, жалуется еще больше, но ненавидит тех, кто транжирит время. Если вы не видели таких в реальной жизни, представьте себе Тома Холландера^[111], только пониже ростом и не столь представительного».

Стеллажи со стеклянными дверцами вдоль одной из стен офиса посверкивают изысканными предметами, но взгляд посетителя останавливается на солидных ящиках у входа – это ряд механизмов для автоподзавода часов, которые мягко раскачиваются в стороны, имитируя движения руки при ходьбе. «Это не для лентяев, – поясняет он. – Если у тебя коллекция автоматических часов, которые заводятся, если ты носишь их на руке, их нужно снабжать энергией. А также удобный способ демонстрировать их».

Часы, которые он делает, называются Rebelde – по-испански «бунтарь». Механические часы с крупной головкой, диаметром 42 миллиметра, в тяжелом корпусе из хирургической стали, и имеют привлекательный циферблат – необычную смесь арабских и римских цифр. Хако сам спроектировал и заказал все компоненты, и причина появления этих часов проста. Они «задуманы не как бренд для демонстрации гения часовых дел мастера и даже не для реализации потребности в механических часах, – объясняет он в своем блоге. – Они родились просто из необходимости физического выживания».

– Ситуация в целом такова, – говорит он мне. – Изготовление часов началось неизвестно где. Но мы знаем, когда оно переместилось в Швейцарию для массового производства, и когда оказалось в Америке для дешевого массового производства. А потом японцы начали создавать фантастические вещи. Но то, что стало

происходить в последнее время, гораздо понятнее: швейцарцы создали закрытый цех.

Он упоминает аргументы, изложенные на футболке, особенно о недоступности запасных частей.

– Самое плохое, что они не признаются, зачем это делают. Они жадничают, но не говорят, что «это защищает наши продажи». Они говорят, что независимым мастерам по ремонту часов за пределами Швейцарии нельзя доверять качественную работу. Но это ведь те же самые ремонтники, которые сотни лет поддерживают швейцарскую отрасль!

Он говорит, что швейцарская политика ведет к тому, что многим опытным ремесленникам приходится вести борьбу за существование. Его часы – протест против такого вытеснения. А то, что он в своем блоге выкладывает чертежи каждого этапа производства – это попытка вдохновить новое поколение часовых дел мастеров. Через полгода после моей встречи с Хако его часы были готовы выйти на рынок. Еще через полгода он продал почти 400 экземпляров по цене от \$2500 (корпус из нержавеющей стали) до \$13 900 (розовое золото).

Страсть Хако к часовому делу почти маниакальна (он рассказывает о страдающих женах, уставших от разговоров о часах, и хроническом геморрое от длительной сидячей работы), но у него появилось огромное количество сторонников. Однажды он подумал, можно ли отправить наручные часы – одни и те же часы – во все страны земного шара, и подписчики его интернет-бюллетеня пообещали ему помочь. Речь шла о часах Davosa, швейцарского бренда из Юрских гор, появившегося в 1860-е годы. Тиканье этих часов должно было быть слышно на суше в 340 точках планеты, в том числе на таких тихоокеанских крошках, как центральные и западные острова Республики Кирибати, в Северной Корее, Южном Судане и, разумеется, на обоих полюсах. В идеале хорошо бы иметь подтверждение (фото на фоне местной газеты или характерного

пейзажа), а если часы потеряются или каким-то образом не вернуться к Хако, эксперимент будет закончен.

Хако уверен в успехе, но полагает, что для выполнения его плана потребуется от 5 до 12 лет. «Да, у нас дальний путь!» На тот момент, когда я это пишу, часы посетили Филиппины, западную Малайзию, Сингапур, Индию, Пакистан и, что, наверное, приятно Хако, Сербию, Боснию, Хорватию, Черногорию и Словению. Они приземлялись в Швейцарии и улетели из Швейцарии.

Я завидовал этим часам. После посещения компании IWC в Шаффхаузене я сидел в зале вылета цюрихского аэропорта с обязательной коробкой шоколада Lind selection; со всех сторон меня окружали огромные светящиеся рекламы IWC, обещающие дух приключений и мужества на экстремальной высоте и глубине. Скоро мне придется переводить стрелки на час назад, но рейс в аэропорт Хитроу задерживался; табло гласило: «оставайтесь в зале ожидания».

Через полчаса надпись на табло не изменилась, только добавилось еще несколько задерживаемых рейсов швейцарской авиакомпании. Затем швейцарцы отменили все рейсы. Мы направились к информационной стойке, где нам посоветовали ждать дальнейших объявлений, и все уткнулись в телефоны в поисках рейсов других авиакомпаний. Было уже около семи вечера, вылетов оставалось совсем немного. Потом нас пригласили пройти к стойке трансфера в другом терминале, и около ста человек побежали, хотя среди них было немало таких, кто явно очень давно не бегал. Там нам сообщили о какой-то технической неполадке с бортовыми компьютерами, хотя никто не мог понять, почему они все отказали одновременно. Двум-трем парам в голове очереди предложили билеты на рейс британских авиалиний, а все остальные получили ваучеры для размещения в городской гостинице. Все поспешили к такси, обгоняя друг друга, чтобы занять номера в отеле Best Western, а потом с теми же ваучерами поели что-то малосъедобное в баре отеля.

В половине седьмого утра мы вышли, чтобы разместиться в микроавтобусах, но в аэропорту узнали, что все утренние рейсы снова откладываются. Кто-то пытался философски отнестись к ситуации, а меня захлестывала ирония – это же Швейцария, родина точного времени, с магазинами часов чуть ли не на каждом метре территории аэровокзала – и все эти задерживаемые жизни, все даром потраченное время... Но постепенно это уже стало всерьез беспокоить. Очередной утренний рейс, кажется, был готов к отправке. Судя по всему, мистические проблемы с компьютерами разрешились, хотя у многих, наверное, невольно возникал вопрос: а хочешь ли ты лететь этим первым рейсом, зная обо всех вирусах, с которыми любой сталкивался при перезагрузке операционной системы на смартфоне? Затем дама на стойке вылета сообщила нам точную причину задержки. Секунда координации.

Предыдущим днем было 30 июня. Каждые три-четыре года вращение Земли существенно выходит из синхронизации с земным атомным временем (Всемирное координированное время, UTC) и становится необходимо вносить поправку^[112]. (Продолжительность стандартных суток, измеренная по атомным часам, погрешность которых составляет 1 секунду в 1 400 000 лет, составляет 86 400 секунд. Но вращение Земли, на которое оказывает влияние лунная гравитация, очень постепенно замедляется. Ученые НАСА высчитали, что солнечные сутки длятся в среднем 86 400,002 секунды). Если ничего не делать для исправления этой аномалии, через сотни тысяч лет окажется, что заход солнца происходит в полдень. Добавление дополнительной секунды обычно происходит 31 декабря, и вместе с ним появляются предупреждения о возможности катастрофы. Чем плотнее мы все объединены в цифровом мире, тем больше наша жизнь оказывается в зависимости от настройки универсального времени. В конце 2012 года, когда в последний раз добавлялась секунда координации, австралийская авиакомпания Qantas задержала 400 рейсов, чтобы компьютерная сеть не дала случайного сбоя. Национальный институт стандартов и технологий в Мэриленде,

который следит за средними показаниями всех атомных часов в мире, совместно с Министерством внутренней безопасности США выпускает специальные указания о дополнительной секунде; в частности, там говорится, что в момент перехода атомные часы (и те, которые на них ориентируются), будут показывать время (приближаясь к полуночи 30 июня 2015 года) как 23 часа 59 минут 60 секунд. Такое нечасто увидишь! В ином случае цифровые часы могут показывать «многократно 59 или... или даже остановить время на одну секунду»^[113].

После 1972 года, когда на Земле стало действовать Всемирное координированное время, секунда координации добавлялась 26 раз, но многие годы существовало сомнение, нужно ли это вообще делать. Американцы выступали против, называя возможные осложнения, типа Y2K («Проблема 2000 года») и задержки рейсов в аэропортах. Британцы были решительно настроены за, не в последнюю очередь потому, что эта секунда сохраняет связь с нашим самым первым, фундаментальным методом исчисления времени – по Солнцу и звездам.

Конечно, все эти подробности я узнал позже, после того, как провел последние часы в Швейцарии, то скучая, то злясь – маленькая шестеренка в огромном механизме. Я был частью атомных часов, в лучшем случае – временным туристом в жизни электромагнитных колебаний атомов цезия. В конце концов, мы не управляем миром с помощью наших маленьких прекрасных тикающих дисков на руке. Часовой мастер Кристиан Брессер может думать, что играет роль Бога, но это иллюзия. Все-таки не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вращается вокруг Солнца.

Глава восьмая

Роджер Баннистер бегает по кругу

В 1970-е годы, когда я учился в школе в Хэмпстеде, я был удостоен награды за успешное окончание учебного года; награда составляла 10 фунтов, которые я мог потратить на покупку любой книги, которая мне понравится.

Награды вручались в Актовый день – подражание Итоновской традиции. В этот день мы все, облаченные в брюки для крикета, должны были собраться в главном зале, в окружении бесконечных отчетов о достижениях спортивных команд, театрального отделения и потрясающих оксбриджских успехов. В этот день все, кого ты терпеть не мог, получали призы из рук тех, о ком ты никогда в жизни

не слышал. Эти личности обычно имели весьма отдаленную связь со школой и всегда говорили о жизненных испытаниях и приготовлении лимонада. Чтобы произвести впечатление на мать, школу и того, кто будет вручать приз, я отправился в местный книжный магазин и выбрал книгу Майкла Гранта «Евреи в римском мире» – увесистый том, который я едва ли открыл, не говоря о том, чтобы его прочитать. Не думаю, что это на кого-то произвело впечатление, и в последнюю очередь – на того, кто должен был вручать приз, бывшего ученика школы Роджера Баннистера.

Он-то как раз произвел на меня впечатление. Баннистер был не просто одним из занудных выступающих, которых я боялся, а настоящим героем среди бывших выпускников. Он уже почти 20 лет был легендой. Не помню, говорил ли он в тот день о своем достижении, когда он пробежал милю менее, чем за 4 минуты (может, лишь мельком, наверное, это ему уже надоело, и всем была прекрасно известна эта история), но, во всяком случае, он был самой знаменитой личностью, с которой я познакомился, если рукопожатие можно считать знакомством. Спустя 40 лет я встретился с ним снова, и в тот момент он говорил только об этом – о тех быстро пролетевших четырех минутах, которые застывали, растягивались, повторялись, пересматривались, вспоминались и мифологизировались. За годы, прошедшие с того момента в 1954 году, когда он установил рекорд, многие люди пробежали милю гораздо быстрее. Отличие Баннистера от всех остальных заключалось в том, что его рекорд оказался вне времени.

При нашей второй встрече Роджер представлял свою новую автобиографическую книгу «Две дорожки» на книжной ярмарке в Чиппинг-Нортоне. Прошло 60 лет после его фантастического забега на спортплощадке Иффли-роуд в Оксфорде, но для нашего удовольствия он все еще продолжал набегать на финишную ленточку. «Каким-то образом мне удалось пробежать последний круг за 59 секунд... Время, казалось, остановилось или перестало существовать. Единственной реальностью были последние 200

футов у меня под ногами. Ленточка означала завершенность, даже уничтожение».

Он выступал в зале методистской церкви. Когда встреча закончилась, я подошел к нему и спросил, что он чувствует, многократно проживая заново те самые четыре минуты; я не мог вспомнить никого в аналогичной ситуации из любой области деятельности^[114]. Он сказал, что давно устал с этим бороться. «Было время, – сказал он, – когда я предпочитал, чтобы меня знали и за мои научные достижения». Но сейчас он уже не возражал. «Не думаю, что много людей за всю жизнь испытали такую радость, как я за свою четырехминутную работу!» Насчет четырехминутной работы он пошутил. Он стал одержим временем, и оно определяло его жизнь на протяжении двух лет^[115].

Все ахали и восхищались историей Баннистера, поскольку его известность взлетела в небеса как ракета. Сенсационность ее была в любительском характере всего события и в особенностях подачи его в кинохронике «Патэ». Он рассказывал, как тренировался в *обеденное время*, чтобы сбросить 3,7 секунды со своего лучшего результата на милю, и о том, как в день соревнований организовал себе утреннюю смену в клинике Святой Марии в Паддингтоне, где работал врачом, чтобы успеть на поезд и своим ходом добраться до Оксфорда. Он вспоминал, что за полчаса до старта переживал о силе ветра и думал, что попытка рекорда может быть вообще не засчитана, и о том, как соперники по забегу Крис Брашер и Крис Четуэй неприязненно к нему относились. А затем в динамиках фирмы Таппоу прозвучали фантастические слова его друга Норриса Макуиртера: «Результаты восьмого номера программы – забег на милю. Первый – Роджер Гилберт Баннистер, представитель колледжа Эксетер и Мертон, с временем, которое подлежит ратификации... Новый рекорд стадиона, национальный рекорд Британии, рекорд открытых чемпионатов Британии, рекорд Европы, рекорд стран Содружества и мировой рекорд... Три минуты...» И ликующий вопль

трех тысяч зрителей заглушил последние слова^[116]. Он показал время 3 минуты 59,4 секунды.

Самое интригующее в отношениях Баннистера с временем – в области психологии. До того, как на беговой дорожке появился Баннистер и его приятели, спортсмены на протяжении десятилетий пытались преодолеть четырехминутный барьер и с каждым годом все больше приближались к нему. Уолтер Джордж в 1886 году в Лондоне пробежал милю за 4 минуты 12 и 3/4 секунды. Считалось, что этот рекорд не будет побит никогда. В 1933 году новозеландец Джек Лавлок в Принстоне показал 4.07,6. Во время войны результаты росли фантастически – словно спортсмены решили: «сейчас или никогда». В июле 1943 года швед Арне Андерссон в Гетеборге показал 4.02,6, а через год в Мальме – 4.01,6. Еще через год другой швед, Гундер Хегг, тоже в Мальме, пробежал милю за 4.01,3, и этот рекорд держался девять лет – до того дня, когда заточил шипы своих беговых туфель Роджер Баннистер. Когда Баннистер приехал в Оксфорд на соревнования, некоторые спортсмены желали, чтобы он заболел, полагая, что 1954 – это их год, и не в последнюю очередь американец Уэс Санти и австралиец Джон Лэнди (оба были чрезвычайно расстроены, когда репортеры поспешили сообщить, что Баннистер их опередил).

Может показаться странным, но после того, как это сделал Баннистер, выбежать из четырех минут смогли и другие. Через семь недель в Турку Лэнди показал поразительные 3.57,9. Затем Баннистер в Ванкувере снова пробежал быстрее четырех минут, а на следующий год в Лондоне заколдованный барьер покорился Ласло Табари, Крису Четуюю и Брайану Хьюсону. В 1958 году рекорд

перешел к австралийцу Хербу Эллиоту, показавшему время 3.54,5. В 1966 году его превзошел американец Джим Райан с временем 3.51,3. В июле 1981 года в Цюрихе Себастьян Коэ пробежал милю за 3.48,53, но буквально через неделю рекорд побил его главный конкурент-средневик Стив Оветт: 3.48,4. Через два дня в Брюсселе Коэ вернул себе пальму первенства с результатом 3.47,33. В июле 1999 года марокканец Хишам эль-Герруж показал 3.43.13 – этот рекорд держится до сих пор, но когда-нибудь, несомненно, тоже будет побит. Нынешний рекордсмен, благодаря сочетанию усовершенствованной диеты, специальным тренировкам на высоте и физическим показателям, на финише оставил бы Баннистера на 120 ярдов позади себя^[117].

Разумеется, эта история не только о спорте. Предел достигнут, предел превзойден; то, что казалось невозможно в один год, становится реальностью в следующем. «Книга рекордов Гиннесса» под редакцией Норриса и Росса Макуиртеров и создаваемые на ее основе телепрограммы предсказывали подобные ситуации. Прежде чем спортивные достижения стали сюжетами для книги рекордов, уже существовало четкое понимание, что человеческое существо (прямоходящее, без хвоста) гораздо медлительнее по сравнению с теми, кого оно пытается догнать. Кенгуру развивает скорость до 70 км/ч, гепард – до 137 км/ч, иглохвостый стриж – до 350 км/ч. До появления пара и механизации человек мог передвигаться со скоростью до 60 км/ч на ледяных санях или на лошадях. Некоторое время к рекорду скорости, испытанной человеком, оказался причастен (случайно) некто Фрэнк Эбрингтон. В 1843 году на участке пневматической железной дороги Кингстаун – Далки близ Дублина он оказался на отцепившейся платформе, которая понеслась под уклон и разогналась до 135 км/ч. Первыми преодолели рубеж скорости в 100 миль (160 км) в час экипажи, испытывавшие электрические вагоны компании Siemens & Halske на трассе близ Берлина в 1901 году. А с самой высокой скоростью в истории человечества перемещался в пространстве экипаж космического

корабля «Аполлон-10» при входе в атмосферу Земли: 39 897 км/ч[118].

Роджер Баннистер бежал со средней скоростью 24 км/ч. Но четыре минуты Баннистера – блестящий пример не только скорости, но и фрагмента времени как такового. Четыре минуты – идеальный отрезок для тех, кто может и не интересоваться спортом вообще: достаточно много, чтобы удерживать ваше внимание, но не слишком долго, чтобы наскучить. Пробежать милю за четыре минуты – это то, что мы можем легко себе представить, даже притом, что до Баннистера этого никому не удавалось. Четыре минуты длится звучание одной стороны пластинки на 78 оборотов, одна песня в жанре поп-пузыки, один просмотр YouTube без специальных интересов.

«Итак, леди и джентльмены, сегодня мы предлагаем вам совершенно исключительный лот. Вы уже поняли, как я надеюсь, что “Кристис” (Christie’s) чрезвычайно польщен тем, что может предложить вам это – самый важный, символический предмет из спортивных реликвий, *британских* спортивных реликвий, из всех, что когда-либо выставлялось “Кристис”. Разумеется, беговые туфли Роджера Баннистера, в которых он установил мировой рекорд 6 мая 1954 года на беговой дорожке в Иффли-роуд. Мы с удовольствием представляем их...».

Время идет, и аукционные дома или благотворительные мероприятия всегда от этого в выигрыше. Сейчас сентябрь 2015 года. После того забега прошел 61 год и 6 месяцев. Начинается аукционная сессия под названием «Необычайное». Туфли Баннистера идут под лотом № 100. Аукционист уже расстался с

коллекцией из 21 новенькой тарелочки для бисквитов и действующей механической моделью землечерпалки викторианской эпохи. Была представлена также сосновая дверь из студии художника Рональда Сирла с автографами, помимо прочих, Джона Пила^[119] и Стивена Хокинга.

Туфли Баннистера весят 127 граммов каждая и выглядят как копченые селетки, с белыми когда-то шнурками и шестью примитивными шипами на подошвах. Они демонстрируются в витрине из оргстекла сбоку от подиума аукциониста, но когда доходит очередь, ассистентка в белых перчатках достает их и держит перед своим лицом. Фотографы спешат вперед, чтобы запечатлеть момент. В аукционном зале потенциальным покупателям выдают листочки с объявлением: «Название этого лота следует читать “Пара черных английских беговых туфель из кожи кенгуру”, а не так, как указано в каталоге». Впрочем, в каталоге написано то же самое, только нет слова «кенгуру». (Невозможно представить, сколько человек в зале подумали: «Вот из-за кенгуру он, наверное, и бежал так быстро!»)

Было и еще одно объявление: «Примечание, в котором сказано, что сэр Роджер Баннистер ушел из профессионального спорта, следует толковать как “из любительского спорта”». Каталог оценивает их в пределах от 30 до 50 тысяч фунтов, но это весьма приблизительно. Эти туфли никогда еще не выставляли на аукцион.

«Как вы догадываетесь, леди и джентльмены, мы весьма заинтересованы в этом лоте, поэтому я быстро пропускаю предложения от 45 до 60 тысяч фунтов. 60 тысяч уже предложено. Есть предложения выше? Кто даст мне 65 тысяч? Шестидесят пять, есть. Шестидесят пять, Кейт, спасибо. Шестидесят пять тысяч. Кто больше? Семьдесят тысяч в глубине зала, благодарю вас, сэр. Семьдесят тысяч, Кейт, вернись ко мне».

Кейт и ее коллеги сидят в углу зала, принимая телефонные звонки от участников торгов. «Семьдесят пять тысяч. Восемьдесят тысяч. Восемьдесят пять. Восемьдесят пять тысяч фунтов. Девяносто пять.

Девяносто пять тысяч. Сто тысяч фунтов, благодарю вас, сэр, в глубине зала, сто тысяч фунтов. Теперь телефоны. Сто тысяч. Сто двадцать тысяч, сто тридцать тысяч. Сто сорок тысяч. Сто пятьдесят тысяч, очень хорошо». На этом дело не заканчивается. «Сто восемьдесят тысяч, новый участник. Подумайте там, в глубине зала. У Кейт – сто восемьдесят тысяч». Туфли в итоге уходят за 220 000 тысяч фунтов, и с последним ударом молотка аукциониста в зале раздаются аплодисменты. Анонимный покупатель, звонивший Кейт, победил, затратив три минуты времени и 266 500 фунтов с учетом налогов и комиссионных. Когда Баннистера перед началом торгов спросили, почему он их продает, он сказал: «Удачное время с ними расстаться». Он слабел, ему нужно было думать об оплате счетов по уходу, о детях, благотворительности... 60 лет назад как спортсмен-любитель он навечно скомпрометировал бы себя, извлекая выгоду из старинного и благородного вида спорта. В наши дни, разумеется, в эпоху систематических допинговых скандалов с советскими олимпийцами и паралимпийцами, привлекающимися к суду за убийство своих подруг^[120], все проходит, и очень даже неплохо^[121].

В 1955 году Баннистер оставил беговую дорожку и посвятил себя медицине. Его специальностью стала вегетативная нервная система. Пытаясь объяснить, что это такое, он любит цитировать американского физиолога Уолтера Кэннона: «Это часть нервной системы, которую мудрое Провидение решило оставить вне досягаемости произвольного регулирования». Баннистер с коллегами много лет изучал мозговое кровообращение, зрительные нервы, легкие, сердце, мочевой пузырь и пищеварительную систему. Один из его наиболее значительных результатов – выяснение причин и смысла обмороков (или, по-медицински, постуральной гипотензии) вследствие эмоциональных стрессов (вызываемых, к примеру, видом иголки, крови или внезапными плохими известиями). Многие эксперименты Баннистер проводил на механическом вращающемся столе, который выкатили из клиники на Грейт-Ормонд-стрит, и он прибрал его себе. Он закреплял

пациентов на этом столе привязными ремнями и начинал вращать его в горизонтальной и вертикальной плоскости, при этом измеряя кровяное давление и прочие функции сердца.

Давние статьи в журнале *Lancet* раскрывают детали исследования Баннистером вегетативных расстройств разного происхождения, но наиболее важной считается его работа по анализу «Клинической неврологии» Брейна – классического пособия по диагностированию и лечению расстройств в диапазоне от эпилепсии до менингита. Книга позже стала известна как «Клиническая неврология» Брейна и Баннистера, и к моменту выхода ее седьмого издания в 1990-е годы он внес в нее результаты новых исследований молекулярной генетики и неврологических осложнений, вызываемых СПИДом. Но в четвертом издании 1973 года одно из важнейших изменений, внесенных Баннистером, касалось того, что тогда еще называлось болезнью Паркинсона, или *paralysis agitans* – «дрожательный паралич». Дегенерация нейронов всегда прогрессирует, отмечал Баннистер, хотя скорость их разрушения существенно варьируется. Тогда существовал широкий диапазон лекарственных средств, снижающих тремор, но обратить вспять или остановить процесс было невозможно. Спустя более чем 40 лет понимание причин болезни Паркинсона и способов ее лечения значительно продвинулись вперед, но результат, в принципе, остается прежним. Болезнь Паркинсона, вне зависимости от ее тяжести и проявлений – недуг, который тормозит человека; он деформирует двигательную систему и может кардинальным образом повлиять на восприятие времени. То, что сам Баннистер страдает этим недугом, он называет «странной иронией», но я не уверен, связана эта ирония с его работой или с его славой.

За деятельность в области медицины Баннистер был возведен в рыцарское достоинство. Он работал советником правительства по вопросам здравоохранения, а в 2005 году был удостоен премии Американской неврологической ассоциации «За достижения всей жизни» в области углубления наших представлений о дегенеративных заболеваниях. Но я уверен, всех, кто тогда пришел увидеть его в Чиппинг-Нортон, интересовало другое его достижение.

На протяжении многих лет Роджер Баннистер, разумеется, повторялся; это напоминает бег по кругу. Один великий день, одно действительно славное достижение, один идеальный результат, который со временем многие превзошли. Но его достижение невозможно улучшить, и не имеет значения время, за какое пробегают милю современные легкоатлеты, а вегетативная неврология интересует вас пока что как тема застольной беседы. Рекорд остается рекордом. Я спросил Баннистера, эти 3.59,4 для него проклятие или счастье, и тут же почувствовал неловкость за свой вопрос – несносного мальчишки, который один раз в школе получил приз за успешное окончание учебного года и с тех пор ничем особенным не выделялся. Наверное, о тяжести его спрашивали не реже, чем о славе. Но он был великодушен и терпелив, демонстрируя бодрость духа в стиле «Пиксар». «Нет, я считаю это за честь, – ответил он. – Думаю, это показало молодым людям, что в мире нет ничего невозможного». (Как он писал в 1954 году и повторял в 2014-м, «мы были участниками того, что до нас было никому ни под силу, и это осталось навсегда, как бы быстро люди не научились преодолевать милю в будущем».) Так что он повторил свою историю. Он не смог рассказать ту же самую историю по-новому. Время обычно предполагает преувеличение (рыба, которая сорвалась с крючка, со временем становится все больше), но не в данном случае. Всегда будет 6 часов вечера на стадионе Иффли-роуд 6 мая 1954 года, и Баннистер, которому уже за 80, опирается на достоверные факты. В 1954 году, впервые рассказывая

о забеге, он писал: «Эти последние несколько секунд казались бесконечными». А теперь написал так:

Бледная полоска финишной ленточки маячила впереди, как бухта спасения, убежище после битвы. Руки всего мира ждали, чтобы подхватить меня, если я только добегу до финиша, не сбавляя скорости... Потом у меня кончились силы, и я рухнул почти без сознания, но руки поддерживали меня со всех сторон... Я чувствовал себя как использованная лампа-вспышка, не ощущая никакой воли к жизни.

В воспоминаниях, переизданных в 2014 году, он почти ничего не изменил: «Бледная полоска финишной ленточки маячила впереди, как бухта спасения, убежище после битвы. Руки всего мира были готовы подхватить меня, если я только добегу до финиша, не сбавляя скорости... Потом у меня кончились силы, и я рухнул почти без сознания, но руки поддерживали меня со всех сторон... Я чувствовал себя как использованная лампа-вспышка». Главное отличие в том, что, постарев и приближаясь к концу, он теперь имел «волю к жизни». Но было и еще одно небольшое изменение. Те последние ярды перед финишной ленточкой были, как казалось ему, такими длинными, что время забега и время на секундомере не совпадали. Но они получили новое гибкое осмысление. 60 лет назад он написал: «Последние несколько секунд казались бесконечными». В новой книге это звучит так: «Последние несколько секунд казались вечностью». Мысль, по сути, та же, но изменение фразы имеет для него значение, потому что он проживает эти последние несколько секунд всю жизнь.

Он подписал штук двадцать книг и медленно, опираясь на палку, побрел из церкви к машине, которая ждала его, чтобы отвезти через Котсуолдс домой.

Глава девятая

Вьетнам. Напалм. Девочка

I. Доля секунды

Некоторым фотографам как-то удается делать один шедевральный кадр за другим. Этим отличался Анри Картье-Брессон. Это делали Роберт Капа, Альфред Эйзенштедт, Жак-Анри Лартиг, Эллиот Эрвитт, Роберт Франк, Жизель Фройнд, Илзе Бинг, Роберт Дойсно, Мэри Эллен Марк, Гарри Виногранд, Уильям Эгглстон и Вивьен Майер. Поразительные, новаторские и запоминающиеся работы. Ник Ут к ним не относится. Ник Ут сделал одну фотографию.

Строго говоря, фотографий он сделал гораздо больше, но всем запомнилась лишь одна. Единственная его фотография, о которой хочется говорить и которую хочется купить. Это фотография, которая в один момент создала и едва не задушила его репутацию. И она принесла ему Пулитцеровскую премию. Возможно, она даже ускорила окончание войны. Образ настолько сильный, что, когда фирма Leica хочет напомнить о нем людям, рекламируя свои камеры, она даже не использует эту фотографию. Вместо этого пишут просто три слова белыми буквами на черном фоне: Вьетнам Напалм Девочка.

История тоже заслуженно знаменитая. Примерно в 7 утра 8 июня 1972 года 21-летний вьетнамский фотограф по имени Хюинь Конг Ут отправился в Чангбанг, небольшую деревню к северо-западу от его базы в Сайгоне. Путь был знакомым. Ник Ут, как его звали американские коллеги, пять лет работал фотожурналистом «Ассошиэйтед Пресс». Занялся он этим делом вскоре после того, как его брат, тоже сотрудничавший с АП, погиб на задании. (Кто-то может представить, в чисто трагическом нарративе, что в поисках идеальной фотографии Ник хотел отомстить за гибель брата.)

После полудня он с небольшой группой журналистов и американских военных оказался на шоссе № 1, которое вело к деревне. Он увидел, как два самолета сбросили бомбы, а вскоре после этого из деревни им навстречу побежали пострадавшие. Один

самолет сбросил напалмовые бомбы. Первым инстинктивным решением Ника было сфотографировать этих людей, и с профессиональной точки зрения ему повезло. Двое других фотографов, находившихся рядом, перезаряжали свои фотоаппараты, а у Ута было достаточно пленки и в «Никоне», и в «Лейке»^[122]. «Никоном» с длиннофокусным объективом он снял огромное черное облако над деревней, а потом, по мере приближения людей, перешел на «Лейку». Сначала он сделал фотографии пожилой женщины, держащей на руках, судя по всему, мертвого ребенка. А потом обратил внимание на небольшую группу детей, бежавших прямо на него. Их было пятеро. Он увидел кричащую девочку с распростертыми руками, которая сбрасывала с себя одежду. На теле были видны ожоги. И тут Ник сделал свой снимок.

Дети остановились чуть дальше на дороге. Их окружили журналисты и военные. Ут помнит, что голая девочка выкрикивала *póng quá!* (слишком горячо!). Тут сработал его второй инстинкт: он перестал фотографировать и помог доставить детей в госпиталь. Девочке, которую звали Фан Тхи Ким Фук и которая явно больше всех нуждалась в помощи, дали воды, а потом завернули в солдатский дождевик. Ут сопровождал их в ближайший госпиталь, где состояние Ким Фука, периодически терявшей сознание, определили как слишком тяжелое, чтобы можно было оказать помощь. Но она была жива, и запомнила, что ее переместили в помещение, которое очень напоминало морг.

Ник Ут вернулся в бюро агентства в Сайгоне. Он помнит, что техник, занимавшийся проявкой пленок (он тоже был опытным фотографом), спросил: «Ники, что у тебя?» Ут ответил: «У меня очень важные кадры». По сравнению со скоростью, с которой разворачивались события предыдущих нескольких часов – бомбежка, произошедшая трагедия, фотографирование, спешка в госпиталь – последующие часы показались ему вечностью. Восемь кассет с высокочувствительной пленкой Kodak Tri-X 400 нужно было

проявить в жаркой темной комнате, постоянно меняя химикаты. Затем их повесили сохнуть в помещении, оборудованном фенами для волос, после чего сделали несколько отпечатков форматом 12×18 см. Сразу было понятно, что один снимок, негатив 7а – событие совершенно исключительное.

Зритель обычно сосредоточивает внимание на девочке, но фотография очень загруженная. Видны две характерные линии событий, а дорога, которая не только служит рамкой и направляет наш взгляд на главный сюжет, дает возможность оценить весь разворачивающийся горящий кошмар. По направлению к нам бегут пятеро босоногих детей, они все родственники. В левой части кадра мальчик в таком ужасе, что его разинутый в крике рот напоминает то, что мы могли видеть только в комиксах Peanuts. За ним, чуть позади группы – младший, единственный, кто не смотрит в камеру, очевидно, отвлекшись на то, что происходит у них за спиной. Затем – Ким Фук, на левой руке явственно видны ожоги, она бежит к какой-то полоске воды. За ней мальчик, которого держит за руку девочка чуть постарше, а за ними – линия фотографов и солдат в форме, явно отступившие перед юным хаосом, почти равнодушные, словно для них это обычное дело. Позже всех детей идентифицируют слева направо – младшие братья Ким Фук: Фан Тхань Там и Фан Тхань Фуок, и ее двоюродные брат с сестрой Хо Ван Бо и Хо Тхи Тинг. Говорили, что Хорст Фаас, шеф бюро АП в Сайгоне с десятилетним опытом работы во Вьетнаме, когда впервые увидел днем эту фотографию, произнес: «Думаю, у нас есть еще один Пулитцер».

Но возникла проблема. Та же черта, которая придала фотографии ее ужасающую силу, оказалась препятствием для ее публикации в газетах. АП, как и большинство мировых медиа, в то время придерживались строго правила: никаких фронтальных изображений людей в голом виде. Первой мыслью было, что фотографию нельзя отправлять. Фаас убедил головной офис в Нью-Йорке, что правила создаются, чтобы их нарушать, и они пришли к

соглашению, что фотографию не будут обрезать, чтобы не оставлять Ким Фук одну и не публиковать крупным планом. Потом началась длительная процедура отправки изображений по телексу. Процесс занимал 14 минут на каждую фотографию – если связь не прерывалась, что бывало редко. Фотографию сначала отправили в офис АП в Токио, затем по наземным и подводным кабелям – в Нью-Йорк и Лондон. И с этого момента скорость уже не имела значения. Через некоторое время мир столкнулся с жуткой реальностью. Фотография застыла во времени. У всех перехватило дыхание.

Телевизионные репортажи о событии этого дня, показанные по ITN и NBC, первыми сделали известной эту историю, но в память врезалась только фотография Ника Ута. Первое потрясение – такое же, что испытал Ник Ут, нажимая затвор камеры (Боже, что происходит? Девочка без одежды!) – моментально сменилось негодованием. *Это непростительная бесчеловечность. Войну следует прекратить.* Единственный кадр, сделанный за долю секунды (именно персонифицированный образ немногих всегда подчеркивает страдания миллионов), перенес историю домой. Этому способствовало, как всегда, то, что жертвами оказались дети – невинные и растерянные. Однако прошло еще три года, прежде чем война во Вьетнаме подошла к концу^[123].

Агентство «Ассошиэйтед Пресс» в этом же году выдвинуло знаменитую фотографию на Пулитцеровскую премию, дав ей название «Ужас войны». Она победила в номинации «Новостная фотография». Ут в это время был в Сайгоне. 8 мая 1973 года, спустя 11 месяцев после напалмовой бомбардировки, имя фотографа прозвучало во всем мире, а сам он стал персонажем исторической фотографии, на которой обнимается и целуется с американским журналистом Эди Ледерером вскоре после получения этого известия. Они стоят в офисе, Ледерер немного боком, а Ут улыбается прямо в объектив. Кадр сделал еще один фотограф АП, Нил Улевич, который решил запечатлеть, так сказать, конец истории. В архивах АП поисковые слова для этой фотографии – «стоящие»,

«целующиеся», «поздравляющие», «обнимающиеся», «улыбающиеся».

В 2014 году, когда я встречался с Ником Утом в Германии, он без особой настойчивости с моей стороны вспомнил ту историю. Он этим занимается 40 лет. Сейчас ему за шестьдесят, это невысокий, коренастый мужчина с почти абсолютно белыми волосами, подвижными бровями и губами, всегда готовыми к улыбке. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе и по-прежнему работает в АП. Он снимает все – новости, политику, знаменитостей и готов отправиться, куда пошлют^[124]. Я сфотографировал его позирующим со своей «Лейкой» – и он расплылся в улыбке, почти неуместной с учетом того, что стоял перед лайтбоксом с его знаменитым увеличенным снимком.

Ник Ут был в приподнятом настроении, как и все остальные в тот день. Мы собрались в местечке под названием Лейтц-парк, на окраине Вецлара, небольшого городка примерно в часе езды от Франкфурта, чтобы отметить сотую годовщину основания компании Leica. На выставке, демонстрирующей, на что способна «Лейка», фотография Ута была представлена наряду с другими, названия которых можно тоже уложить в три слова: «Матрос Медсестра Поцелуй», «Испания Падение Солдат». Почти все фотографы, которых я называл в начале этой главы, для большинства которых «Лейка» – просто продолжение их тела, тоже были представлены в лайтбоксах, а некоторые, в том числе Эллиот Эрвитт, присутствовали также в качестве платных послов бренда. Это был, по сути, объединенный праздник: сто лет устойчивого технологического развития вызывающего вдохновение механического устройства и тех уникальных блестящих моментов – восторженный поцелуй – которые были запечатлены этим устройством.

В отличие от самого Вецлара, который может проследить свою историю начиная с VIII века и преимущественно выстроен из дерева и кирпича, Лейтц-парк – это в основном сталь, стекло и бетон, кое-где напоминающие фотообъективы с резьбой. Leica недавно

переместилась в эту новую блестящую штаб-квартиру в пятнадцати минутах езды от прежней – в Зольмсе. Она включает в себя фабрику, музей, выставочное пространство, кафе и, конечно, магазин, где можно попытаться удержаться от соблазна купить герметичную кружку «Лейка», зонтик «Лейка» или USB-накопитель, который вставляется в кольцо для ключей в форме «Лейки». В тот день еще проводили аукцион, который продлился четыре часа. Небольшая деревянная магазинная витрина с логотипом Leica была приобретена за £4650, рекламный плакат ушел за £8235, аккредитационную карточку Эллиота Эрвитта от Magnum Press с автографом Роберта Капы оценили в £20 900. Потом пошли камеры. Самую дорогую оценили в £465 000 – раннюю механическую модель 1941 года, которую немцы широко использовали во время нанесения авиационных бомбовых ударов (что в известном смысле объясняет ее раритет).

Все наиболее ценное снаряжение Ника Ута уже приобретено Музеем журналистики и новостей Newseum в Вашингтоне. Там можно увидеть его аппарат Leica M2 с 35-миллиметровым объективом Summicron, которым он снимал в июне 1972 года. Его ситуация чем-то напомнила мне Роджера Баннистера – дело всей жизни, сконцентрировавшееся в доле секунды. А затем всплыло другое нелепое сходство. Как и Баннистер, Ким Фук тоже бежала – убегала, но одновременно бежала вперед, в новое будущее, которое принесло ей известность. Этот бег ее спас. И можно найти тысячи атлетов, набегающих грудью на финишную ленточку так, как Ут запечатлел ее во времени^[125].

Он рассказал, что поддерживает тесные контакты с Ким. Она замужем, имеет детей и живет в Канаде (от первого мужа она сбежала во время медового месяца в начале 1990-х годов). Она посол доброй воли ЮНЕСКО и возглавляет фонд, который оказывает поддержку детям – жертвам войны. Ут сказал, что она до сих пор страдает от ожогов, но ей придает силу христианская вера. Она

говорит, что рада быть «Девочкой с Фотографии»^[126] и называет его дядюшкой Ником.

Ут также рассказывает о давних недоразумениях, окружающих этот снимок. По некоторым сведениям, напалмовая атака двух южновьетнамских самолетов на деревню Чангбанг произошла по ошибке, но он с этим не согласен. Когда американские солдаты спустя некоторое время вошли в деревню, то обнаружили там много убитых вьетконговцев – значит, цель была известна. Ут считает, что летчики предполагали, что гражданское население деревни – и семья Ким Фук в их числе – давно отсюда сбежали. Он говорит, что многие называют эту фотографию «Девочка в напалме», но он предпочитает называть ее по-прежнему – «Ужас войны».

История фотокамер «Лейка» и всех знаменитых изображений мира, сделанных ею, – это история хорошего суждения в сочетании с хорошим выбором времени. Многие факторы пленочной фотографии определяются скоростью – скоростью затвора, скоростью перемотки пленки, времени на перезарядку, пока мир неудержимо мчится вперед. Одержимость цифрой – скорость съемки, количество кадров в секунду – в принципе, не очень отличается. Но история «Лейки» – история того, как она дала возможность фотографу оказываться в нужном месте в нужное время, причем в первом ряду.

Между 1913 и 1914 годами один страдающий астмой немецкий фотограф-любитель по имени Оскар Барнак утомился таскать с собой по ближайшему лесу тяжелый треножник и неуклюжую камеру с гофрированной трубой. Он начинал карьеру как инженер-оптик в компании Zeiss, потом перебрался в конкурирующую фирму Leitz, чтобы специализироваться на прецизионных микроскопах. Вскоре

он задумался о том, как заменить тяжелые и хрупкие стеклянные пластинки, которыми пользовался для фотоснимков, на принципиально более компактные негативы, чтобы в итоге получилась камера, которую можно было носить в кармане. Барнак думал об использовании киноплёнки, сходную идею он видел в «Цейссе», где применяли негативы размером 18×24 миллиметра, но изображения получались ужасными. И потом его, как водится, осенило: что если повернуть плёнку набок и увеличить длину кадра, например сделать его 24×36 миллиметров? Его первый металлический прототип камеры был спроектирован так, чтобы плёнку можно было перематывать горизонтально (в отличие от киноплёнки в кинокамере).

Результат оказался поразительным. Маленькое изображение выдерживало увеличение до размеров почтовой открытки, и он нашел идеальное соотношение кадра – 2:3. Дальнейшая часть истории не менее увлекательна. Количество кадров на его первом рулоне плёнки – 36, промышленный стандарт – возникло из-за размаха распростертых рук Барнака, максимальная длина, на которую он мог растянуть рулон. Впрочем, это неправда: размах его рук был больше, а первые рулоны фотоплёнки могли вмещать 40 кадров.

Барнак оснастил свою камеру объективом, изначально предназначавшимся для микроскопа, и начал делать фотографии детей и улиц Вецлара (туристы теперь приезжают фотографироваться на том самом месте, где он сделал снимок большого деревянного дома, существующего и поныне). Но самые важные первые фотографии сделаны боссом Барнака Эрнстом Лейтцем II, который взял второй прототип Барнака с собой в поездку в Нью-Йорк и по возвращении сказал, что это «достойно внимания». Первоначально камере дали название «Лиллипут», но потом она стала «Лека» (от LEitz CAmera). Те, кто ее пробовал, говорили, что это революция.

Затем вмешалась война, и первые коммерческие модели появились только в 1925 году. Они не снискали мгновенного успеха, пуристы отмахивались от них как от игрушек и не могли осознать новую концепцию получения больших изображений с маленьких негативов (Лейтц также создал фотоувеличитель). Но к концу 1920-х годов значение камеры пересмотрели, и первые владельцы хвалили ее за портативность и простоту в использовании. Политические художники Андре Бретон и Александр Родченко^[127] моментально увидели потенциал того, что они назвали «запечатленным взрывом» – динамическая фиксация движения в быстро меняющемся мире. Процветающие журналы новостей нарасхват брали материалы фотографов-документалистов, получивших возможность снимать мир навскидку. И когда в 1932 году принц фотографии приблизил свой «глаз века» к видеоискателю, мир в очередной раз изменился.

II. «Я Мэйбридж, а это послание от моей жены»

Анри Картье-Брессон (1908–2004) сразу же увидел в «Лейке» оружие. Он любил охотиться на крупную дичь в Африке и, используя слова, которые с тех пор прочно вошли в лексикон фотографов («зарядка», «спуск», «захват») сравнил «Лейку» со своим ружьем. Особенно он восхитился быстроедействием камеры: то, как она реагировала на нажатие кнопки спуска, напоминало ему реакцию спускового крючка винтовки. Его объектами зачастую были рядовые парижане, и никто не составлял более вдохновляющего портфолио образов (единственным его конкурентом в этой области был Роберт Франк, чьи фотографии, вошедшие в книгу 1958 года «Американцы», тоже сделаны «Лейкой»). После Второй мировой войны, большую часть которой Картье-Брессон провел в нацистском плену, он занял менее конфронтационную позицию, но сохранил прежний четкий подход, который гораздо позже сравнит с более изящным видом спорта – стрельбой из лука^[128]. Он стал первой суперзвездой прессы, и к 1947 году, когда вместе Робертом Капой и другими основал фотоагентство Magnum, его работы уже были представлены в нью-йоркском Музее современного искусства.

В 1952 году его имя связали с самой знаменитой фразой в истории фотографии, хотя фраза на самом деле не его. Выражение «решающий момент» появилось в качестве эпиграфа к новой коллекции фотографий, озаглавленной *Images à la sauvette* (приблизительно: «Образы на бегу»). Оно позаимствовано из воспоминаний кардинала де Реца, француза, жившего в XVII веке, и целиком выражение выглядит так: «Нет ничего в этом мире, что не имело бы решающего момента». Выражение и цитата сейчас хорошо известны, но что оно означает? По словам самого Картье-Брессона: «моментальное распознавание, в долю секунды, значимости происходящего и одновременно точной организации форм, которые придают этому событию соответствующую ему экспрессию».

Как отметил в своей книге «Анри Картье-Брессон: здесь и сейчас» влиятельный критик Клеман Шеру, в предисловии к другой коллекции фотографий, сделанных Картье-Брессоном в Индии, используется выражение «плодотворный момент». Он также считает, что это выражение слишком часто используется для характеристики работ Картье-Брессона. Если многие из его классических работ начала 1930-х годов – действительно шедевры, запечатлевшие мгновения (например, человек, прыгающий в воду с моста Европы), только его репортажи конца 1940–1950-х годов для агентства Magnum действительно достойны этого описания. Ему точно не соответствует его «Сюрреалист», политическая или портретная работа, и «большинство поздних (созерцательных) кадров, которые могли быть сделаны за несколько секунд до или после того момента, когда были сняты».

Возможно, подлинное значение этого выражения глубоко понял один человек, живший гораздо раньше. Еще в 1860-е годы Эдвард Мэйбридж (1830–1904) получил широкое признание за величественные фотографии в Йосемитском парке – гигантские панорамы с использованием множества тщательно расставленных стеклянных фотопластинок. Перспектива получилась потрясающей. Если какой-то объект пролетал или пробегал перед открытым объективом, он запечатлевался как размытое пятно. Но потом Мэйбридж нашел способ сократить выдержку до такой степени, что мог в буквальном смысле останавливать мгновения. Он мог запечатлеть человека в прыжке и какаду в полете. Женщина вылиwała воду из ведра, и на кадре получался застывший поток, еще не успевший разбиться о землю.

Самая знаменитая его работа началась весной 1872 года, когда ему было 42 года и ровно за сто лет до того, как Ник Ут открыл

объектив, чтобы заснять ужасы войны. Эдвард Мэйбридж фотографировал бегущую галопом лошадь по кличке Окцидент, и история этих снимков – серия фотографий должна была ответить на вопрос, есть ли какой-то момент, когда все четыре ноги лошади, бегущей галопом, не опираются о землю (так оно и есть!) – одна из самых романтических историй в искусстве (нет никаких свидетельств о том, что данный вопрос когда-то становился предметом пари). Мэйбридж отслеживал движения в мельчайшем масштабе. Это чудо восприятия механического глаза, на которое не способен человек. Но лошади в свое время его чуть не сгубили.

В наши дни Мэйбриджем интересуются не только историки фотографии, но и нейробиологи, хотя не столько за фотографии, сколько за его страсти и приступы неудержимой ярости. Его уникальное видение может быть связано с художественным темпераментом, но обусловлен он, возможно, не столько терпением и мастерством, сколько несчастным случаем, едва не приведшим к гибели. В июне 1860 года Мэйбридж, в то время успешный книготорговец и переплетчик, только планировавший приобрести камеру, собирался попасть на пароход, отправлявшийся из Сан-Франциско в Европу. Но опоздал, и вместо этого через месяц купил билет на дилижанс до Миссури, откуда намеревался поездом уехать в Нью-Йорк, а оттуда – в Европу. Они ехали по территории Техаса, когда лошади вдруг понесли и дилижанс врезался в дерево. Как минимум один пассажир погиб, Мэйбриджа выбросило из кареты, и он получил тяжелую травму головы. Потом он говорил, что почти не помнит, как все произошло, но в процессе выздоровления оказалось, что у него нарушены вкусовые и обонятельные ощущения, а в глазах все двоится. Он обратился за помощью сначала в Нью-Йорке, потом в Лондоне. Его консультировал, в частности, сэр Уильям Галл, личный врач королевы Виктории, который, помимо советов больше бывать на свежем воздухе, в плане клинического диагноза ничего не смог предложить.

Но у современных нейрофизиологов есть более четкий взгляд на события. В 2002 году профессор психологии из Калифорнийского университета в Беркли по имени Артур П. Шимамура опубликовал в журнале *History of Photography* статью под названием «Мэйбридж в движении. Путешествие по искусству, психологии и нейробиологии». Он выдвинул интригующую гипотезу: сообщения того времени об инциденте и последствиях соответствуют поражению передней части фронтальной лобной доли, известной как орбитофронтальная кора головного мозга, области, которая связана с творческими способностями, торможением и выражением эмоций. По мнению Шимамуры, показания друга Мэйбриджа свидетельствуют, что «до инцидента Мэйбридж был хорошим бизнесменом, веселым и приятным в общении, а после аварии стал раздражительным, импульсивным, склонным к риску и подверженным эмоциональным взрывам». Это могло быть и хорошо, и плохо. Могло привести к дальнейшим бедствиям, о чем мы еще поговорим, но и к расширению перцептивных способностей. «Отключение орбитофронтальной коры – время от времени – может активизировать творческое самовыражение».

В 2015 году *Journal of Neurosurgery* опубликовал статью четырех клиницистов из Неврологического института в Кливленде, штат Огайо, которые предположили, что Мэйбридж в результате травмы даже мог подсознательно получить некий толчок к своей дальнейшей деятельности. «Хотя у него не сохранилось воспоминаний о событиях, предшествовавших инциденту, и о самой аварии, едва не закончившейся смертью, у него осталось ощущение замедления времени. Он двигался очень быстро, и внезапно время остановилось».

Помимо очевидных симптомов, есть еще два момента, указывающие на то, что с этим человеком, возможно, не все было в порядке. Первое – он неоднократно менял фамилию. В апреле 1830 года в городке Кингстон-на-Темзе, что на юго-западной окраине Лондона, родился мальчик, которого записали как Edward

Muggeridge. В 1850-е годы он писал свою фамилию как Muggridge и Muuygridge, а в 1860-е остановился на Muuybridge. К концу жизни он и имя свое писал как Eadweard (а отправившись фотографировать производство кофе в Центральную Америку, на время стал Eduardo Santiago).

Другая примечательная история из его личной жизни – убийство человека. В 1872 году в Калифорнии, в возрасте 42 лет и на первом взлете своей карьеры, Мэйбридж женился на 21-летней ассистентке своей студии Флоре Шелкросс Стоун. Через два года в семье появился ребенок, которого назвали Флорадо. В октябре 1874 года Мэйбридж узнал, что ребенок не от него. Чтобы скрасить время, пока супруг уезжал за город на фотосессии, Флора время от времени встречалась с парнем по имени Гарри Ларкинс, которого потом в газетах описывали как «веселого, энергичного и представительного», что никак нельзя было сказать про Мэйбриджа. Адюльтер вскрылся благодаря фотографии, возможно, сделанной самим Мэйбриджем. В октябре 1874 года он навестил акушерку, чтобы расплатиться по счету, и увидел фотографию младенца, которого считал своим. На обороте оказалась надпись: «малыш Гарри». Мэйбридж взял свой «Смит-и-Вессон», отправился в Напа-вэлли, где на ранчо жил Ларкинс, вызвал его и сказал: «Я Мэйбридж, а это послание от моей жены». И застрелил его.

Состоялся суд, и жюри присяжных вынесло неожиданный вердикт: не «убийство в состоянии аффекта», как можно было бы ожидать, а «оправданное убийство». Присяжные решили, что Мэйбридж имел полное право убить человека, от которого забеременела его жена, и фотограф покинул зал суда, чтобы продолжить свою миссию – останавливать время. Как заметил психолог Артур Шимамура, всем остальным участникам этой истории пришлось хуже: Флора заболела и умерла через пять месяцев после суда, Флорадо отправили в детский приют, а Ларкинс, как был мертв, так и остался.

Ребекка Солнит в своей увлекательной книге про Мэйбриджа измеряла температуру общества того времени и пришла к выводу,

что она была «раскаленной докрасна». «За 75 лет жизни Мэйбриджа ощущение времени очень сильно изменилось, и особенно резко – в 1870-е годы. Помимо фотографии, телеграфа и железных дорог, появились телефон и фонограф как инструменты для “уничтожения пространства и времени”... Тогда родился современный мир, мир, в котором мы живем сейчас, и Мэйбридж способствовал этому»^[129].

Парадоксально, но его наиболее знаменитые фотографии дают возможность впервые увидеть, казалось бы, знакомые вещи. Его труд «Движение животных», опубликованный в 1887 году, – это кульминация 15 лет работы: 11 томов, почти 20 000 изображений на 781 большой иллюстрации-фототипии. Если фотографии тогда не восприняли как искусство, то в качестве вклада в науку они были признаны моментально. Мэйбридж представлял свой труд в различных научных учреждениях, в том числе в Королевской академии и Королевском обществе в Лондоне, и слово «животные» к этим изображениям можно было применить только в самом широком смысле: наряду с фотографиями лошадей, павианов, кабанов и слонов там были фотографии детей, бегущих к матери, обнаженных борцов, мужчины с бейсбольной битой и женщины, тянущейся с поцелуем к ребенку^[130].

Сначала он использовал шесть камер, выставленных в виде подковы, чтобы снимать объект под разными углами. Потом начал экспериментировать с 12 камерами, выстроенными в ряд. Объект, движущийся перед ними, поочередно задевал тросики, соединенные с затворами фотокамер. Для самых известных экспериментов, опубликованных в «Движении животных» и не имеющих отношения к лошадям (женщина, поднимающаяся по лестнице с кувшином воды, две раздевающиеся женщины), он использовал поочередно срабатывавшие высокоскоростные камеры с заранее установленным электрическим спуском.

Весь проект был профинансирован Пенсильванским университетом – его интерес заключался в получении фотографий для обучения будущих медиков, или, как выразился один из

корреспондентов, чтобы «показать, как ходят больные, паралитики и пр.»^[131]. Проект был открыт и для отдельных спонсоров. Подписавшимся первыми предлагалось привозить животных по своему выбору, чтобы их фотографировали в студии Мэйбриджа. Неизвестно, как много таких животных было, но самым распространенным персонажем на фотографиях Мэйбриджа является сам Мэйбридж, часто обнаженный, за самыми различными занятиями: то он просто сидит, то разбрызгивает воду, а то «наклоняется к чашке и пьет». Он был худощавым, с длинной белой бородкой клинышком и склонным к эксгибиционизму, который, как полагали некоторые зрители, выходит за рамки научных исследований и приближается к откровенному нарциссизму.

Историк фотографии Марта Браун писала, что представленные Мэйбриджем изображения движений не всегда соответствуют действительности. Порой фотографии представлены не в прямой последовательности, часто с ними проводилась определенная работа – обрезка, увеличение и компоновка в «обманчиво связанные группы... “Движение животных” – проект, каждый компонент которого стал объектом манипуляции того или иного рода». Чтобы пояснить или подтвердить свою мысль, Мэйбридж представлял зрителю изображение, отличающееся от того, что зафиксировано камерой, занимался невинным мошенничеством (очень рано появившееся предположение о том, что если камера не лежит, то фотограф – очень даже часто). Темная комната, предназначенная для проявления моментов реальной жизни, способна преподносить и искажения. Он сокращал, увеличивал и редактировал в традиции всех классических сказочников. Если хотите найти начало фантастических и невероятных миров, которые заполнили американскую киноиндустрию – на самом деле, *всю* киноиндустрию – обратитесь к работам Мэйбриджа.

Мэйбридж демонстрировал свои фотографии с помощью аппарата, который назвал зоопраксископом. Это был деревянный ящик, проецирующий изображения с вращающихся подсвеченных

стеклянных пластинок. Этот вращающийся волшебный фонарь мог легко обмануть глаз. Мэйбридж тщательно размещал последовательные изображения движения на пластине (изначально в виде рисованных силуэтов или штриховых рисунков). Тем самым при вращении диска создавалось впечатление движения. Это был примитивный кинопроектор, от которого у всего мира голова пошла кругом. Мэйбридж называл одну из первых версий своего изобретения «научной игрушкой», но она оказалась намного серьезнее. Его фотографии расслаивали время, а прибор собирал его заново^[132].

Мэйбридж также запатентовал новый быстродействующий затвор, и его способность вовремя запечатлеть доли секунды, с учетом стоимости камеры, постепенно стала доступна каждому. Но само по себе быстродействие затвора вам не сильно поможет: вам все равно нужно выбрать нужный момент, чтобы нажать на спуск. Нужно обладать талантом, чтобы это превратить в искусство. Это справедливо для всех – для Мэйбриджа в Калифорнии, Картье-Брессона в Париже и для Дэвида Барнетта на шоссе неподалеку от Сайгона.

Дэвид Барнетт не фотографировал. Он работал во Вьетнаме от журналов Time, Life и New York Times и в полдень 8 июня 1972 года стоял рядом с Ником Утом, когда к ним побежала Ким Фук и члены ее семьи. К сожалению, он был одним из тех двух фотографов, которые в этот момент перезаряжали свои аппараты. Как он объяснял в 2012 году в журнале Washington Post в связи с 40-й годовщиной события, родившимся в эпоху цифровой фотографии, вероятно, очень трудно понять, что значит работать с пленочной камерой: «Обязательно возникал момент, когда пленка

заканчивалась на 36-м кадре, и нужно было заменить отснятую кассету новой, и только потом ты имел возможность продолжать охоту за кадрами».

Охота за кадрами – это наверняка было бы хорошо понятно Анри Картье-Брессону: словно идеальный кадр скрывается где-то диком лесу, и ты должен его отыскать. И в те непродолжительные моменты, когда меняешь кассету, как хорошо известно Барнетту, «всегда есть возможность упустить настоящий кадр. Ты можешь предполагать, что будет происходить у тебя на глазах, стараться не остаться без пленки в ключевой момент совпадения времени и места... Существует множество истории об упущенных кадрах».

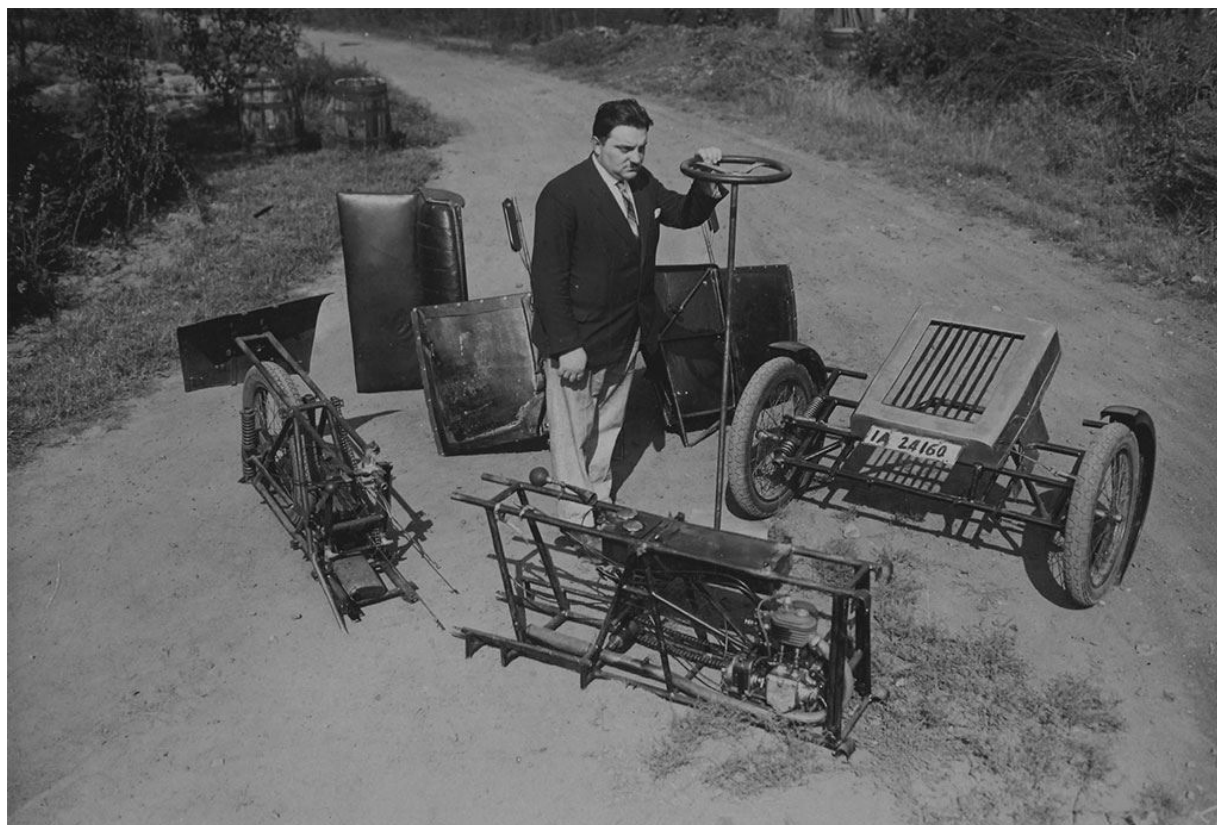
В тот конкретный момент дня Барнетт менял пленку в своей «Лейке», которую он вспоминает как «изумительную камеру, известную тем, что ее очень сложно перезаряжать». Он видел, как приближаются самолеты с бомбами, видел смутные силуэты людей, бегущих в дыму. Он продолжал возиться с камерой, но заметил, как Ник Ут поднес видоискатель к глазам. «В одно мгновение... он запечатлел образ, который выходит за грань политики и истории и становится символом войны, обрушившейся на невинных. Удачная фотография создает совершенно неизгладимый образ времени и эмоций». Вскоре, но слишком поздно, Барнетт вставил в аппарат новую кассету. Он видел, как Ут и его шофер увозят детей в госпиталь. Через несколько часов они встретились в офисе АП, и Ут уже держал в руках влажные отпечатки своего снимка.

Сейчас, вспоминая о том дне, Барнетт рассказывает, как «краем глаза видел, что Ник и еще один репортер побежали в сторону приближающихся детей». Это новая картинка: на самом деле Ут бежит к детям. Барнетт говорит, что часто думает о том дне и о том, насколько мала была вероятность того, что одна фотография относительно незначительного события станет одним из самых важных символических образов всех войн вообще. «Для тех из нас, кто ходит по обочине истории с фотоаппаратами, чтобы зарабатывать на жизнь, большим утешением является мысль, что в

современном перегруженном цифрой мире одна фотография, твоя или сделанная кем-то из твоих коллег, может поведать историю, которая выше языка, места и самого времени».

Глава десятая

Дневная смена

I. Мы будем мять, давить, громить «Ямаху»!

Несколько лет назад я решил научиться делать автомобили. Мой «Мини» готовился отметить пятнадцатый день рождения, я как раз описывал его бурную историю и понял, что могу не надеяться понять производственный процесс, если не приобщусь к нему. Поэтому в 6.15 утра в понедельник в ноябре 2008 года я отправился на завод BMW в городок Коули на окраине Оксфорда, где делают «Мини», и с дрожью в сердце подошел к воротам с охранником.

Было еще темно. Начинался первый день базового курса обучения. Вместе со мной должны были заниматься еще два человека, и у обоих был некоторый опыт создания автомобилей. У меня подобного опыта не было; я с трудом мог подкачать шины на автозаправке. Мне сказали, что сразу бросят в глубокий омут, это будет физически утомительно, но у меня вряд ли возникнут большие проблемы с освоением основных процедур, если я буду четко следовать инструкциям. Инструкции были таковы: первое – гордиться своей работой; второе – не тормозить сборочную линию; третье – не делать ничего такого, за что может последовать повестка в суд. Худшее – сделать что-то неправильно и никому не сказать об этом.

Мое обучение – хотя и не заточенное специально на проверку моей профпригодности, но и не исключавшее этого – состояло в освоении операций по сборке двух важнейших компонентов автомобиля. Первая – закрепление болтами заднего подрамника, чтобы задние колеса и тормоза не могли внезапно удивить водителя, вывалившись однажды на дорогу. Вторая – крепление электропроводки к блоку управления подушками безопасности; если закрепить правильно, подушки в случае столкновения помогут водителю и пассажиру не вылететь в лобовое стекло (а если неправильно – не помогут). Майк Колли, менеджер сборочного процесса, в начале инструктажа сообщил, что на территории завода,

совсем рядом с учебным классом, имеется тихая комната, «если вы пожелаете уединиться и помолиться». Он объяснил базовую схему завода, а потом на экране у себя за спиной показал слайд. «Это несколько фиксаторов, которые забыли в машине». (Эти фиксаторы – нечто среднее между винтом и заклепкой, пластиковый дюбель под шуруп типа «роллплаг»). «Да, от них шума немного, но если вы только что отдали 20 000 фунтов за новенькую машину, в первую очередь вам захочется осмотреть ее и понять, где что находится. А когда вы откроете багажник, заглянете в ящик с инструментами и обнаружите там несколько таких фиксаторов, это вам не очень понравится». Я подумал, что эти фиксаторы будут наименьшей из моих проблем и что покупатель той машины, на которую я поставлю блок управления подушками безопасности, подумает то же самое.

Колли сказал, что, как и на всех производственных линиях, здесь важнейшими элементами являются безопасность, производительность, точность и бесперебойность работы. Производственная линия доставляет точно то, что требуется, в точно определенный промежуток времени. Каждая деталь для сварки, крепления винтами и установки, скажем, электрики для стеклоочистителей, должна быть доставлена в то короткое окно, после которого следующая деталь для приваривания, привинчивания и установки подходит к рабочему, который их ждет в нескольких метрах дальше по конвейеру. У всех своя область ответственности, и если каждый будет соответствовать стандартам, которые от него требуются, то готовый автомобиль будет сходить с производственной линии каждые 68 секунд.

Только если кто-нибудь не нажмет одну из кнопок «стоп». Здесь их называют японским словом «андон», что означает «фонарь», и расположены они на столбиках на расстоянии 3–5 метров друг от друга вдоль всей линии. Кнопка останавливает конвейер и подает сигнал менеджеру в офисе: кому-то требуется помощь. «Они пойдут вдоль линии, увидят лампочку и крикнут «андон, андон!» А ты

должен ответить: «вот, не могу закрутить этот болт» или что-то в таком роде.

Проблема с задержкой времени работы производственной линии очевидна: сокращение производительности и прибыли, увеличение нагрузки на тех, кто отвечает именно за бесперебойность работы. Иэн Каммингс, менеджер производственного процесса, сказал мне, что из-за стрессов у него самая тяжелая работа, которую может себе представить. Даже в тот день, когда никто не нажимает кнопку «стоп», успех зависит от «других людей, которые должны прийти на работу в соответствующее время и в соответствующем настроении». Иногда Каммингсу хочется, чтобы люди были больше похожи на машины: проблема с сотрудниками в том, что они вносят вариативность в процесс. Абсентеизм^[133], можно сказать, втыкает большие палки в колеса, а пунктуальностью может похвастаться не каждый. За три минуты до начала смены звучит предупреждающая сирена: после этого включается конвейер. Ты имеешь право выйти с завода в ближайший «Теско» или «Бургер-кинг» во время ланча или обеда, но, если не вернешься вовремя, «не следует оправдываться тем, что там была большая очередь, а ты очень проголодался, потому что линия начнет работу без тебя и ты пропустишь штук пять машин».

В 1959 году, когда началась продажа первых «Мини», никто, даже их сверхэгоистичный дизайнер Алек Исигонис, не смел предположить, что машина продержится 50 лет или будет иметь такой глобальный успех. В те времена слово «икона» имело отношение исключительно к церкви. «Мини» XXI века (строго говоря, «МИНИ», чтобы отличать его от предшественника) очень сильно отличается от той машины, которая стала одним из самых ярких символов Британии 1960-х годов (начнем с того, что она

теперь принадлежит BMW), но даже в современном накачанном, сильно подорожавшем статусе это очень правильный продукт. Тогда он соответствовал духу времени, а совместные маркетинговые и инженерные усилия привели к тому, что он и сейчас соответствует духу времени. В тот день, когда я начал обучение, каждый час с производственной линии сходили 53 новых автомобиля – невероятное достижение для такого сложного технического продукта, и не в последнюю очередь потому, что каждая машина собирается под крайне индивидуализированный заказ, который оформляется потенциальным покупателем всего восемью неделями ранее. Каждый рабочий день выпускается около 800 машин, а из-за наличия огромного выбора легкосплавных дисков, боковых зеркал, оформления крыши и сотни других опций пройдет много дней, прежде чем требования покупателей случайно полностью совпадут и с конвейера сойдет идентичный автомобиль. Есть только одна опция, недоступная клиенту: потребовать, чтобы на кого-нибудь типа меня не возложили ответственность за установку задних тормозов.

Появился менеджер сборочного процесса по имени Ричард Клэй, чтобы дать указания по креплению заднего подрамника. Его ставит на машину робот, а наша задача – закрепить поперечные рычаги и стабилизатор поперечной устойчивости. «На весь процесс отводится 68 секунд». Двое моих напарников негромко вздохнули, словно за это время могут выполнить задание и еще успеть выпить чашечку кофе. «Если какое-то из этих креплений установить неправильно, автомобиль станет негоден для управления или вообще не поедет, – сказал Клэй. – В худшем случае это может привести к серьезной травме или даже гибели и сильно подорвет корпоративный имидж. А такие дела могут закончиться судом. Все это никому не нужно».

Сборка представляет собой сложный, но строго регламентированный процесс сканирования и настройки, который определяется Международной системой качества производства (IPSQ). У каждого автомобиля есть программируемая и отслеживаемая электронная история, предполагающая

сканирование всех штрихкодов на всех стадиях сборочного процесса. По мере того как машина проходит сборочную линию, с помощью беспроводных электроинструментов проверяется правильность крепления, сила закручивающего момента и дается добро на этот этап сборки. Сила закручивающего момента измеряется в ньютон-метрах; крепление деталей на подрамнике производится с силой в 150 ньютон-метров, а датчика подушки безопасности – в 2 ньютон-метра. «Не отпускай курок слишком рано, – говорит Ричард Клэй. – Упрись в трубчатый каркас, установи стабилизаторы, поставь болт в нижний рычаг, легче будет, если помогать телом, почувствуешь, как идет. А потом то же самое с другой стороны».

Первым делом от нас требуется сканировать идентификационный номер автомобиля (VIN) под капотом. В конце сборки все этапы процесса собираются в компьютере, и если что-то не устраивает, они знают, что именно исправлять в цехе доработки. Как и на большинстве промышленных производственных линий, «Мини» изготавливается по принципу «с первого раза». Потом следует еще один совет: «Пожалуйста, не пользуйтесь сканером как молотком. Он стоит 400 фунтов, и аккумулятор еще 150. Если в процессе нужно что-то затолкать, попросите небольшую киянку, вам ее быстро доставят».

После работы с задним подрамником мы перемещаемся в другую часть помещения, где стоит верстак с электрическими разъемами – это датчики подушки безопасности.

«Мы установим вам для этого время, – сказал Клэй, – но вопрос не в том, успеете вы или нет. Главное, чтобы вы поняли: операция должна быть выполнена с определенной скоростью, чтобы успеть за конвейером, и прохладиться нельзя. Неподсоединенный разъем потребует полдня от цеха доработки. Чтобы только найти этот контакт, потребуется снять все с машины и так далее. Так что, если не получится соединить разъем сразу, обязательно кому-нибудь об

этом сообщите. И пожалуйста, удаляйте всю смазку с электрики – она этого не терпит».

В самом начале я обратил внимание, что окружающие работают намного быстрее, чем я. Что-то не стыковалось, или тут нужны были специальные навыки, которыми я не обладал. Другим Клэй говорил «хорошо» или «да, это правильно». Мне он не говорил ничего. На магнитной пленке, записывающей мои усилия, я слышал только свой голос на фоне шума механизмов: «Тут у меня ничего не получается!»

Вместо 1 минуты и 8 секунд я провозился минут 8. «Восемь минут! – воскликнул Клэй. – Не так плохо. Один парень у меня четырнадцать минут провозился». Видимо, этот парень на заводе сейчас не работает. Из 2400 «сослуживцев», которые здесь есть, полагаю, все способны работать быстрее меня в своей области. После ланча я повторил попытку. Подушечки пальцев были в ссадинах и болели. Я уложился в 5 минут с небольшим. Будущие машины застряли на сборочной линии.

Большую часть из того, чему меня учили британские менеджеры в Коули, они почерпнули из производственных линий BMW в Мюнхене, а почти все то, чему научились немцы в Мюнхене, пришло от японцев из Тойота-сити. Что касается расчета времени, японцам завидует весь мир.

Принцип «с первого раза» – лишь один компонент более универсального принципа производства, известного как «точно в срок» (Just in Time – JiT). Появившийся в Японии в 1960-е годы принцип «точно в срок» – это кармическая философия и одновременно очень практичная мысль. Используя революционно новую производственную систему, работник и завод становятся практически неразличимыми: получаемый продукт – будь это виджет или океанский лайнер – возникает в результате поиска идеальной промышленной гармонии. Концепция заключается в ликвидации потерь и излишних запасов, оптимизации логистической цепочки поставок, наличия чрезвычайно гибкой и высоко мотивированной рабочей силы, самодостаточных, но

взаимосвязанных производственных отделов и максимальных усилий по исключению возможности ошибок. Разумеется, не во всем этом присутствует время в виде минут и секунд, но цель заключается в согласовании всех этих компонентов с симфонически пропорциональным расчетом времени для того, чтобы завод функционировал с максимальной эффективностью, производительностью и прибыльностью. Главное – исключение простоев и бесперебойность. Цель, как и на заводе «Мини» – получение максимальной прибыли за счет недопущения ошибок и непредсказуемости; в результате это приводит к тому, что люди взаимодействуют между собой как хорошо смазанные шестеренки. Машины не опаздывают с ланча в «Бургер-Кинг», они не нажимают кнопку «стоп» и могут использовать сканер вместо молотка, только если их специально на это запрограммировать.

Реализация принципа «точно в срок» достигла максимально наглядного уровня «похудения» в 1980-е годы в компании Toyota, и хотя есть свидетельства, что подобная практика применялась на японских судоверфях и других фабриках раньше, именно методы автопроизводителей оказали наибольшее влияние на Запад в последние три десятилетия XX века (в том числе и на оплот автоматизации – Ford).

Последующие новации «Тойоты» оказали не менее значительное влияние. Стратегия «точно в срок» на заводском уровне позволила компании в конце 1970-х годов производить автомобили намного быстрее, чем это было возможно десятилетием ранее. Но потребителей такой прогресс затронул лишь по касательной. Отдел продаж «Тойоты» в плане «похудения» изменился не сильно. На регистрацию, оплату, передачу заказа на завод и доставку продукции клиенту уходило по-прежнему около месяца. Руководство компании поняло то, что сейчас нам кажется очевидным: терпение – не та добродетель, которой дорожат потребители. В 1982 году «Тойота» объединила отделы продаж и производства. Возникла гораздо более связанная компьютерная

система, которая оптимизировала старый метод сбора заказов в партии – именно этот метод являлся бутылочным горлышком, который тормозил движение жизненно важной информации и вел к напрасной трате времени. Спустя несколько лет Джордж Сталк – младший, старший вице-президент компании Boston Consulting Group, анализируя результаты этого решения, заметил, что «Тойота» надеялась сократить время цикла продаж и дистрибуции вдвое: с 4–6 недель до 2–3 недель по всей Японии. Но в 1987 году цикл сократился до 8 дней, включая время изготовления автомобиля. «Результаты оказались предсказуемыми, – пишет Сталк. – Более короткие прогнозы продаж, снижение затрат, удовольствие потребителей»^[134].

Но принцип «точно в срок» – лишь один пример того, как японцы научились манипулировать концепцией промышленного времени и получили глобальное преимущество до того, как весь мир стал копировать их и догонять. Ради другого примера придется на время уйти из автомобильной промышленности и обратить внимание на производство мотоциклов. Битва между мотоциклетными отделениями компаний Honda и Yamaha в начале 1980-х годов развернулась столь ожесточенная, а ее результаты оказались настолько значимыми, что она вошла в легенду и даже получила свое наименование: H-Y War.

Конфликт начался в 1981 году. «Ямаха» строила новый завод, который должен был сделать ее крупнейшим в мире производителем мотоциклов. Пока что пальма первенства принадлежала «Хонде», которая не очень по-доброму отнеслась к этому намерению и сделала несколько шагов, чтобы предотвратить нежелательное развитие событий. Она снизила цены, увеличила маркетинговый бюджет и стимулировала своих работников новым боевым кличем: *Yamaha wo tsubusu!* (в приблизительном переводе – Мы будем мять, давить, громить «Ямаху»!).

Основанием для предполагаемого уничтожения стал абсолютно новый подход: проведя стремительные структурные изменения,

«Хонда» смогла принципиально повысить скорость внедрения новых моделей и улучшения уже имеющихся. В течение 18 месяцев компания представила или заменила 113 моделей, при этом время производства сократилось на 80 %. За тот же период «Ямаха» смогла произвести лишь 37 модификаций. Конечно, некоторые изменения в машинах «Хонды» оказались чисто косметическими, но были также серьезные технические и инженерные усовершенствования. Намерения были ясны: у нас есть все, что может потребоваться байкеру, и на все веяния новых технологий и моды мы будем реагировать быстрее любых конкурентов. Тем самым опасения отстать от времени, которые характерны для современных потребителей, были развеяны, а «Хонда» преуспела не только в подавлении ближайшего конкурента, но и других соперников – Suzuki и Kawasaki. (Пойдя на унизительные уступки президент «Ямахи» объявил: «Мы хотим положить конец войне Н-У. Это наша вина. Разумеется, конкуренция в будущем никуда не денется, но она будет опираться на взаимное признание наших соответствующих позиций»).

Пример «Хонды» и «Ямахи» стал уроком для других компаний. Matsushita сократила время производства своих стиральных машин с 360 до 2 часов (!); американские компании – производители бытовой хозяйственной техники (холодильники, микроволновки и пр.) – тоже сумели произвести подобные усовершенствования. «Для любой компании в любой отрасли главное – не держаться за единственный источник своего преимущества, – писал Сталк в *Harvard Business Review*. – Самые конкурентоспособные, самые успешные понимают, как идти вперед и всегда оставаться на ведущих позициях. Сегодня ведущие позиции определяет время. То, как лидирующие компании организуют время – в производстве, разработке и внедрении новых продуктов, в продажах и дистрибуции, – представляет собой новые, наиболее богатые источники конкурентного преимущества»^[135].

На заводе «Мини» в Коули влияние «Хонды» и «Тойоты» чувствуется всюду. Все преимущества принципа «точно в срок» – во времени реагирования, сокращении объема незавершенного производства и синхронизации деятельности завода очевидны, равно как постоянно увеличивающееся разнообразие моделей и кастомизации услуг^[136]. Огромные вложения в повышение квалификации и производительности завода в 2000 году сразу принесли результаты. Если в 2001 году завод выпустил 42 395 автомобилей, то в 2002-м – уже 160 037. И количество будет продолжать расти, удовлетворяя запросы, что поразительно, из Японии. Потребитель, все более заинтересованный покупать товары быстрее и более высокого качества, выигрывает от расширения выбора и сокращения сроков поставки, а BMW, «Мини» и все работающие на окраине Оксфорда извлекают из этого пользу в виде растущего количества заказов, роста производства и прибыли.

Но быстро растущий успех без наличия достойного комплекта тормозов грозит быстро надвигающейся катастрофой. Невероятную популярность «Мини» можно объяснить тем, что их владельцы доверяют производству и им нравится маркетинговая политика компании, а руководство верит, что сотрудники не допустят производственных ляпов. И тут я жестоко подставился. Поскольку я очень медленно собирал электрические разъемы в блоке управления подушкой безопасности, менеджеры сборочной линии решили, что меня лучше не допускать к сборке реальных автомобилей. Клиенты по всему миру с нетерпением ждут свои новенькие «Мини», и им не хочется, чтобы производство замедлилось даже на 5 минут или возникла возможность того, что где-то в процессе сборки провода окажутся соединены так, что дело закончится судебным иском.

II. Босс из преисподней

Было время, когда люди бизнеса любили говорить, что консультант по менеджменту – это человек, который берет у вас часы, чтобы сказать вам, который час. Сейчас эта шутка вышла из моды.

Сто лет назад основоположник научной организации труда и управления, человек по имени Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915) нашел способ резко активизировать промышленное производство в США. Он отправился на неэффективно работающий завод с секундомером и стал фиксировать все, что видел. Увидел он в основном лень и неэффективность. Решения его были четкими и однозначными. Он высчитал, что времени на каждую конкретную выполняемую работу требуется гораздо меньше, чем тратится на самом деле. Он назвал эту расхлябанность в работе «симуляцией» и сообщил владельцам фабрики, что если они хотят процветания своему бизнесу, им необходимо внедрить его новую и четкую структурированную по времени систему работы. Разумеется, его рекомендации не нашли горячей поддержки у самих работников и их профсоюзов: они отнеслись к нему как к неизвестно откуда взявшемуся боссу из преисподней. Тейлор говорил, что человек, интенсивно работающий по новым, оптимизированным правилам, будет испытывать гордость за свое дело, а противники старались очернить его, утверждая, что он мало думает о физических и психологических последствиях своей системы. Но идеи все-таки прижились, особенно после того, как владельцы фабрики увидели, что через два года выпуск продукции удвоился, а прибыль возросла многократно^[137].

Основы своей теории Тейлор разрабатывал на Мидвейлском сталелитейном заводе, неподалеку от своей родной Филадельфии. С 1878 по 1890 год Тейлор, неуклонно поднимаясь по служебной лестнице (от токаря до главного инженера), способствовал тому, что завод справлялся со все возрастающими требованиями поставок со

стороны железнодорожных компаний и компаний, изготавливающих вооружение. Благодаря повышению эффективности и сокращению неоправданных потерь, он увеличил выпуск продукции почти втрое.

Аналогичного успеха он добился на бумагоделательной фабрике и другом сталелитейном заводе. Ему удалось увеличить состояние своей семьи, благодаря внедрению новой техники резки стали, которую он разработал с коллегой Мэнселом Уайтом. По словам его биографа Роберта Канигела, люди, которые работали с ним, «своими глазами видели, как ускоряется мир».

Тейлор никогда не использовал слова «человек», «шестеренка» и «машина» в одном предложении. Изначально он называл свой принцип «управлением задачами», а позже остановился на термине «научное управление». Но по мере того, как его метод быстро распространялся в американской промышленности и по всему миру, все его идеи получили название «тейлоризм». Его важнейший труд был опубликован в 1911 году в Нью-Йорке. Это выдающееся программное заявление, направленное на возвращение величия нации. В книге была помещена иллюстрация, изображающая руку, держащую секундомер, – убедительная идея великой судьбы, подкрепленная эмпирической наукой^[138].

Его монография – и не надо забывать, что написана она более века назад – открывается утверждением, которое может показаться очень знакомым современному читателю: «Мы непосредственно можем видеть, как исчезают наши леса, как пропадает неиспользованной наша водная энергия, как почва наша смывается морем, а конец наших запасов угля и железа есть вопрос недалекого будущего». Но главные потери – в человеческой неэффективности. Это, по мнению Тейлора, главная ошибка, которую можно исправить только силой воображения и научной подготовкой. «В прежнее время главной личностью; в будущем главным станет система», – утверждал он, заявляя, что «выдающийся человек», наличие которого некогда считалось необходимым для процветания любой

отрасли, в будущем не сможет конкурировать с обыкновенными людьми, освоившими новые принципы.

Под новыми принципами Тейлор подразумевал свои собственные. «Среди всех этих различных методов и орудий, употребляемых для каждого отдельного элемента любой отрасли производства, всегда существует один метод и один вид орудий, который лучше и быстрее всех остальных. И этот единственный наилучший метод и наилучшая разновидность орудий могут быть открыты и развиты только путем научного анализа всех различных методов и орудий, употребляемых в производстве, в соединении с точным, детальным изучением рабочих движений и рабочего времени. Это предполагает постепенное замещение наукой грубой эмпирии, господствующей во всех областях механического производства».

Его «наука» основывалась на наблюдениях и сборе данных. Следовало изучать на месте выполнение рабочими своих повседневных заданий. Тейлор находился рядом со своим секундомером и фиксировал малейшие детали: сколько времени требуется, чтобы «поставить шину на машину, готовую вращаться... Примерить лицевую переднюю кромку... Установить лицевую переднюю кромку... Примерить переднее отверстие... Установить переднее отверстие». Он получал наслаждение, определяя идеальное время, которое требуется, чтобы набрать полную лопату груза. Когда оно было установлено, он заказал новые лопаты для выполнения этой задачи. Никто до него столь детально не изучал подобные процессы и даже не придавал этому такого большого значения. После небольшого перерыва каждому работнику выдавали листок с инструкцией и руководство, как лучше выполнять эту работу, используя максимально малое соотношение «фут-фунтов»^[139]. Если работник в точности следовал указаниям Тейлора, он получал повышенное вознаграждение в виде оплаты за свой труд. Грубо говоря, это было началом метода, который можно видеть в послевоенной Японии. «Точно в срок» – это обезчеловеченный, гипертрофированный и механизированный тейлоризм.

Насколько оригинален был Тейлор в своем внимании к времени на рабочем месте? Разумеется, это было внове в смысле строгости и риторики, но содержало некоторые компоненты, которые внедрялись на английских фабриках на столетие раньше. В 1832 году Чарльз Бэббидж написал труд «Экономика технологий и производств», в котором показал, каким образом расположение и использование ткацких и прядильных станков может дать наилучшие результаты, а также, как, благодаря распределению рабочей силы, следует разделять людей, занятых ручным неквалифицированным трудом и тех, кто обладает большими способностями, и соответственно дифференцировать зарплату. Бэббидж, которого сегодня помнят преимущественно как изобретателя вычислительной машины, признавал, что всего лишь слегка развил мысли итальянского специалиста по политической экономии Мельхиора Джойя, а они оба переварили манифесты свободного рынка экономиста XVIII века Адама Смита (1723–1790). Но один момент в трудах Тейлора выделяет его из прочих и вызывает жестокие споры^[140].

Тейлор диагностировал то, на что не обратили внимание его предшественники. Эпидемию национальной лени. Он утверждал, что американские и английские спортсмены – лучшие в мире, напрягающие все жилы ради победы. Затем они возвращаются к работе и начинают уваливать. Его определение «симуляции» имеет два обоснования: естественное и систематическое. Первое – характерное для состояния человека: естественный инстинкт или тенденция человека «не напрягаться». Второе – институциональное, убеждение, что, работая быстрее коллег, ты проявляешь предательство по отношению к ним, трудясь на пользу эксплуататоров, а не представителей своего класса. Существовало также убеждение, что повышение скорости работы ведет к сокращению занятости^[141]. В 1903 году в статье «Менеджмент предприятия» Тейлор привел пример человека, жизнь которого проходит на двух скоростях.

Направляясь из дома на работу или обратно, [он] обычно идет со скоростью от трех до четырех миль в час, а нередко на обратном пути после трудового дня может перемещаться трусцой. По прибытии на работу он тут же замедляет скорость перемещения до одной мили в час. Например, толкая груженую тачку, он будет двигаться с максимальной скоростью даже в гору, чтобы как можно быстрее избавиться от тяжести, а на обратном пути сразу же замедлит ход до мили в час, используя любую возможность для краткой передышки, или даже присядет отдохнуть. Стремясь не перенапрячься больше своего ленивого товарища, на самом деле в своем стремлении передвигаться медленнее он устает гораздо сильнее.

В итоге получается, что эффективность кроется не в строгом соответствии новым правилам, а в обучении и принуждении. Антагонизм между работодателем и работником следует заменить пониманием цикла эффективности: увеличение производства ведет к снижению стоимости продукции, а это – к росту продаж, прибыли, повышению заработной платы и, в конечном счете, к расширению производства и образованию новых рабочих мест. Тейлора поражало, почему в начале XX века это еще не стало очевидностью. «Несомненно, что в индустриально развитом мире большая часть организации работников, равно как и работодателей, настроена на войну, а не на мир. Вероятно, это происходит потому, что подавляющее большинство с обеих сторон не верит, что взаимоотношения можно выстроить так, чтобы их интересы оказались идентичными».

Война и «солдатская работа» во всех смыслах вскоре подчеркнут необходимость стремления к максимальной производительности в таком смысле, о котором Тейлор даже не подозревал в своем трактате. А смерть в 1915 году лишила его удовольствия стать этому свидетелем. На протяжении всего столетия репутация Тейлора переживала взлеты и падения. В 1918 году американская Академия

искусств и наук объявила его «законным наследником Джеймса Уатта^[142]», имея в виду, что его работа «в равной степени преобразила общество». Другие считали его методы чрезмерно иерархическими; многоступенчатая конструкция дополнительных контролеров в рамках новой управленческой структуры стала тем, от чего всеми силами старались избавляться монолитные компании к концу века.

Несмотря на декларируемое стремление к гармонии, тейлоризм вел к массовому недовольству трудящихся. На предприятиях, где внедрялись его методы, усиливалась текучка кадров, железнодорожные и сталелитейные предприятия в знак протеста приостанавливали работу. И судя по разным отзывам, сам Тейлор был человеком, с которым не каждому было приятно иметь дело. Он проявлял упрямство, стремление возвеличиться за счет других, грубость – все те черты, которые, по его словам, должны быть исключены из стиля руководства. Оправдывая строгое разделение труда, он однажды заметил, что человек, «физически способный управляться с чугунными болванками, достаточно флегматичен и глуп, чтобы выбрать для себя подобный род деятельности, поэтому редко в состоянии осознать науку обращения с чугунными болванками».

«Наука» Тейлора давно напрашивалась на пародирование, хотя произведение, почти повсеместно считающееся величайшей сатирой на антигуманность промышленности, фильм Чарли Чаплина «Новые времена» (1936), в равной степени направлен как против конвейерного метода Форда, так и против управленческих методов Тейлора. Чаплин играет человека, затягивающего гайки на каком-то неопределенном продукте компании «ЭлектроСталь корпорейшен». В самом начале фильма (после титров, появляющихся на фоне огромного часового циферблата) показана сцена, когда стадо овец смешивается с толпой рабочих, вываливающихся из станции метро: намек на «овец на заклание» более чем понятен. Герой Чаплина представлен просто как «фабричный рабочий». Нелепая машина

предлагает ему пищу, которую он поглощает, будучи привязанным к креслу; она состоит из металлических гаек от дефектных деталей. Его наманикюренный босс дважды издает инструкции по ускорению движения конвейерной ленты^[143].

Генри Форд неоднократно заявлял, что между «фордизмом» и «тейлоризмом» практически нет ничего общего. И это почти правда. На Форда большее влияние оказал компонент другой процветающей отрасли американской индустрии – скотобойня. (Автомобильный конвейер пришел в действие только после того, как Форд в 1913 году перебрался в новые помещения в Детройте. Это примерно на 70 лет позже появления одной из первых сборочных конвейерных линий на заводе английской компании Richard Garrett & Sons, которая в 1840-е годы производила портативные паровые двигатели.) Но между Фордом и Тейлором есть и нечто общее. Оба стремились восстановить славу и процветание американской промышленности, оба угрожали легитимизировать – опираясь на науку и аппетиты рынка – господство механизмов (будь то механизм менеджмента или механизм из стали) над властью отдельной личности.

Самые яростные критики Тейлора представляют это его величайшей слабостью. Его отношение к времени и прибыли существенно изменили подход, на основе которого произошел бурный рост важнейших отраслей в середине века (не в последнюю очередь – резко возросшее производство секундомеров), но жесткость системы оказывала негативное воздействие на процветание промышленных отношений в более отдаленной перспективе. Это стало одной из причин, по которым Япония после войны вырвалась вперед. Именно поэтому японская система в 1980-е годы оказалась широко признанной во всем мире.

Если кто и помнит сейчас Фредерика Уилсона Тейлора, то исключительно как новатора и влиятельного индивидуалиста. Его биограф Роберт Канигел пишет, что он вел более разнообразную и утонченную жизнь, чем та, что он предлагал большинству рабочих.

Он всегда останавливался в лучших отелях, получал огромные лицензионные доходы от своих изобретений в области обработки стали, и работал, только когда считал нужным. Нередко казалось, что он не сознает количества негативных последствий, которые повлекли за собой его схемы. Но есть и еще кое-что, за что следует его отметить, помимо насильственного, слишком обремененного контролирующим персоналом менеджмента и строгого учета. «Тейлор завещал миру, работающему как часы, задания, рассчитанные до сотой доли секунды, – писал Канигел в 1997 году. – Он помог воспитать в нас яростную, ожесточенную одержимость временем, порядком, продуктивностью и эффективностью, которая характерна для нашего века. Иностранцы, посещающие Америку, часто обращают внимание на наш лихорадочный образ жизни, когда буквально некогда перевести дух. Тейлор, чья жизнь с 1856 по 1917 год, почти полностью совпала с расцветом [американской] промышленной революции, во многом способствовал этому». Канигел обращает внимание, что Джон Скалли, одно время – генеральный директор компании Apple, выступая на экономической конференции, организованной избранным президентом Биллом Клинтон в 1994 году, специально отметил, что тейлоризм – система, от которой должен быть избавлен современный мир.

На его месте – новый хомут. Наш цифровой мир мог бы восхитить Тейлора, но он одновременно был бы наверняка шокирован тем, какую власть над современным бизнесом обрели компьютеры. Он не мог предвидеть расцвет Азии, идеал восьмичасового рабочего дня или долю женщин в общем объеме трудовых ресурсов. Хочется просто еще раз напомнить: ничто не устаревает так быстро, как наши представления о будущем. В 1930-е годы экономист Джон Мейнард Кейнс предсказывал, что в XX веке мы будем работать по 15 часов в неделю и не знать, что делать с остающимся свободным временем^[144]. Разумеется, нам не нужны профессиональные книги по использованию времени или советы, как возвращать дополнительные 18 «своих минут» в каждые сутки. Возможно, мы

потратим все свое время на кино и будем страдать от так называемой проблемы свободного времени. Интересно, как вы разбираетесь с этой проблемой в данный момент?

Глава одиннадцатая
Часовое дело, часть вторая: как
продавать время

I. Vasco da Gama Special Edition

Часы Timex прибывают по почте. Четыре дня назад я увидел их рекламу в журнале, и оправдываю покупку мыслью о том, что если куплю эту модель за £59,99, то тем самым избавлю себя от искушения купить какие-нибудь другие, честно сказать, весьма нелепые, часы, рекламируемые на следующих страницах журнала, почти все из которых на несколько тысяч фунтов дороже. Это Timex Expedition Scout, «сделано в США», тяжелые, диаметром 40 миллиметров (чрезвычайно модный размер в данный момент), широкий бежевый нейлоновый ремешок, похожий на брезентовый, с дизайном в стиле милитари. Это не очень сложная вещь: кварцевый аналоговый механизм, единственная старомодная головка для

перевода стрелок, никаких уродливых кнопок секундомера или дурацких лунных фаз, без прозрачного хрустального циферблата, позволяющего видеть работу механизма (вероятно, потому, что в этой модели можно увидеть лишь батарейку), секундная стрелка, которая специально прыгает каждую секунду, а не скользит по циферблату, латунный корпус, напоминающий полированную сталь, никаких камней, небольшой календарь, который нужно корректировать в конце февраля, водонепроницаемость до 50 метров, арабская нумерация, застежка-пряжка, фирменная подсветка Indiglo, от которой при нажатии головки весь циферблат высвечивается аквамарином, что важно для пользования ночью и в ходе опасных миссий. Но я не выполняю опасных миссий, мне не нужна глубоководная непроницаемость или абсурдно громкий звук механизма, означающий, что часы на ночь надо прятать глубоко в шкаф, чтобы его приглушить, а таким образом оказывается бесполезной подсветка Indiglo. Зачем я купил эти часы? И, что гораздо важнее, зачем человеку XXI века покупать еще одни часы любой модели?

Часовая промышленность и их отделы маркетинга не забывают себе голову такими вопросами. На самом деле активно функционирующие отделы маркетинга часовой промышленности и есть *ответ* на эти вопросы. Я купил часы, то же сделали миллионы других – исключительно благодаря маркетингу: нам продают потребность наблюдать и демонстрировать время на каждом шагу, и чем меньше мы нуждаемся в покупке часов, тем более убедительны продавцы. Читатели дорогих журналов хорошо знакомы с этим процессом переговоров, который включает в себя перелистывание тучи страниц, пока не доберешься до содержания. Откройте любой номер *New York Times*. Печатная журналистика живет рекламой парфюмерии, ювелирных изделий, автомобилей и, разумеется, часов.

На первых страницах недавнего номера *Vanity Fair*, одна за другой:

1. «Традиция» – слишком обыденно для дела, которым мы занимаемся. Мы ваяем, рисуем, исследуем. Но ваяние, живопись, исследования – не наша профессия. Нет слова для того, что мы делаем. Есть только путь. Путь «Ролекса».

2. Вале де Жу. Тысячи лет – суровый, негостеприимный край, а с 1875 года родина компании Audemars Piguet в городке Ле Брассю. Здесь набирались опыта первые часовых дел мастера, благоговей перед силами природы и стремясь овладеть ее тайнами с помощью своего сложного технического ремесла.

(Текст подается на фоне обработанной фотографии мрачного леса, освещенного яркой луной).

3. С уважением к известному европейскому исследователю и его потребности в абсолютной точности Montblanc почитает за честь представить Montblanc Heritage Chronométrie Quantième Complet Vasco da Gama Special Edition с полноценным календарем и синими лакированными созвездиями вокруг фазы Луны, что в точности отражает ночное небо над мысом Доброй Надежды, которое видел над головой Васко да Гама во время своего первого путешествия в Индию. Заходите и покупайте на Montblanc.com.

(В сопровождении фотографии мужчины с заплечным мешком, собирающимся сесть в вертолет).

Такая реклама рассчитана на заманивание рядовых читателей. Реклама для тех, кто уже попался, для знатоков и ценителей, уже имеющих много часов и занимающихся поисками чего-то особенного для своей коллекции блестящих игрушек, копает гораздо глубже. А куда деваться? Только спекулянты военного времени носили при себе по несколько часов одновременно, а все остальные томились в ящиках или сейфах, обреченные оставаться блесками или потенциалом для инвестиций. Кроме того, иметь при себе двое часов немного нервирует: одни дают уверенность в том, что мы знаем точное время, двое, показывающие обычно слегка разное

время, безусловно, разрушают эту иллюзию. А еще цена: как несложно представить, нужно обладать изрядной силой убеждения, чтобы уговорить кого-то потратить десятки тысяч фунтов на предмет, который когда-то был необходимостью, а теперь перешел в разряд излишеств. Поэтому такая реклама должна воздействовать на иные струны нашего характера, и она так и поступает, доводя дело до абсурда и преувеличений. Однажды я присутствовал на конференции часовщиков; в регистрационной форме указал адрес своей электронной почты и, разумеется, до сих пор получаю уведомления от многих участников, стремящихся продать свои новейшие изделия. Я всегда читаю их с удовольствием:

«Дорогой Саймон ГАРФИЛД

Франк Вила рад предложить вам FV EVOS 18 Cobra Suspended Skeleton в корпусе из тексалиума. Пожалуйста, откройте прилагаемый файл, чтобы узнать больше о наших новых часах.

С наилучшими пожеланиями,

Офелия».

Мне срочно захотелось открыть приложение, и не в последнюю очередь для того, чтобы узнать, что такое тексалиум – материал тогда настолько новый, что о нем не знала даже «Википедия». «О время, приостанови свой бег, – начиналась реклама. (Это как раз для меня, – подумал я.) – Эти строчки из знаменитой поэмы французского писателя Альфонса де Ламартина идеально подходят новой «Кобре» с их подвешенным механизмом-скелетоном... Чтобы вы могли оценить работу внутреннего механизма, часы лишены циферблата, который заменен стеклом для лучшей видимости всех деталей. Когда наше внимание сосредоточено на скелетоне, это похоже на магию. Время приостанавливается как по волшебству»^[145].

Возможно, вы предпочтете модель Harry Winston Opus 3, «симфонию» Вяни Хальтера, который в 14 лет поступил в парижскую школу часовщиков (это было в 1977 году). Цифровые часы, напоминающие калькулятор. Только на создание прототипа ушло два года; в них 250 компонентов, включая 10 расположенных один над другим дисков, 47 цифр, вращающихся на своих осях с разной скоростью, показывающих часы, минуты, секунды и дату в шести разных окошках или «иллюминаторах», располагающихся в два ряда по три штуки. Синие цифры показывают часы в верхних окошках, слева и справа, черные показывают минуты в нижних окошках тоже слева и справа, а красные – для обозначения даты, которая видна в центральной колонке и ее надо читать по вертикали. Шедевр часового дела, страшный, неуклюжий и явно бесполезный выпущен в количестве 25 экземпляров. Цена по запросу (около миллиона долларов).

Еще я получал электронные письма из французской мастерской Louis Moinet. Ее основал в 1806 году Луи Муане, изобретатель хронографа (или секундомера). Новые часы LM – одновременно очень старинные часы, которые могут похвастаться циферблатом из окаменевшей кости динозавра. У этих часов Юрского периода все современные удобства внутри, а снаружи им от 145 до 200 миллионов лет. Упомянутый динозавр найден в Северной Америке и идентифицирован в музее динозавров в Швейцарии как диплодок. Это такой с длинной шеей и длинным хвостом, травоядный, что наверняка доставит дополнительное удовольствие любителям часов – вегетарианцам.

Есть еще одна причина покупать часы: возможность носить нечто историческое. Современный маркетинг преуспел в нарративном сторителлинге. В наши дни даже яйца в супермаркете могут кое-что о себе рассказать – где они появились на свет, чем питались их славные мамы... В часовом деле современными мастерами такого рода увлекательных басен являются, например, владельцы компании Bremont, расположенной в английском городке Хенли-на-Темзе,

графство Оксфордшир. Компания создала себе имя, включая мелкие фрагменты исторических объектов в свои часы, а затем рекламируя эту ерунду с мастерством, достойным Роберта Харриса.

Компанию основали в 2002 году два англичанина – Ник и Жиль Инглиш. Их вдохновляла любовь к авиации, но они с уважением относятся к любой смелости и дерзости. Для одной модели хронографа Codebreaker 2013 года они выбрали три компонента из истории о Блетчли-парк^[146]. В заводную головку вмонтирован кусочек сосновой доски из «Хижины № 6» (где занимались взломом шифров немецкой машины «Энигма»). На корпусе, выполненном из нержавеющей стали или розового золота, изображен фрагмент перфокарты, которые использовались в компьютерах Блетчли-парк. А в крышку корпуса вмонтирован мельчайший кусочек ротора от оригинальной немецкой шифровальной машины «Энигма». Цена начинается от 12 тысяч фунтов.

Есть часы, которые отражают другой славный период британской истории. В них можно найти фрагменты дерева и меди, которые принимали участие в Трафальгарской битве 1805 года (братья Инглиш совершили налет на корабль Нельсона Victory во время обычных регламентных работ и договорились с его владельцами).

Одна из моделей Bremont связана с событием, которое кардинально изменило жизнь человечества – с первым полетом на аппарате тяжелее воздуха, совершенном братьями Райт 17 декабря 1903 года. Именно тогда в местечке Китти-Хоук, штат Северная Каролина, Орвилл и Уилбур четыре раза за один день поднимались в воздух. Кто-то может предположить, что самолет Wright Flyer вскоре стал одним из неприкасаемых исторических объектов, ни одна часть которого не должна быть продана или переделана, типа корабля Victory или «Хижины № 6» в Блетчли. Ничего подобного. До 1948 года Wright Flyer был представлен в экспозиции Музея науки в Лондоне, а сейчас находится в Национальном музее воздухоплавания и астронавтики Смитсоновского института в Вашингтоне^[147]. Но где-то в промежутке между первым полетом и

первой его публичной демонстрацией в 1916 году братья сменили муслин, которым был обтянут еловый каркас крыльев, и заменили его новой, более чистой тканью. Компания Bremont купила у семьи Райт оригинальный муслин, и теперь он присутствует в модели Bremont Wright Flyer Limited Edition: малюсенькие клочки ткани под стеклом. Это очень красивые предметы, настоящая история на запястье и, будучи владельцем Timex, я купил бы себе один экземпляр. Но, пожалуй, не за £29 500.

Ну и, конечно, наследие, золотая карта рекламщиков. Ремесленники веками портили зрение, создавая для вас эти предметы, поэтому вы, как человек со вкусом, не можете пренебречь традицией, покупая неизвестно что из каталога Argos^[148]. Мы создаем эти бесценные шедевры часового искусства в маленькой мастерской в Берне испокон веков, поэтому, разумеется, пришло время добавить один из них в вашу коллекцию. А еще есть фирма Бреге, или *Breguet depuis 1775*, рекламирующая свою продукцию в роскошных буклетах цвета *café-crème* с использованием цитат из литературных произведений. «Денди^[149]... едет на бульвар / И там гуляет на просторе, / Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед» (Александр Пушкин, «Евгений Онегин», 1829). Или: «Он вынул очаровательные плоские часы работы Брегета. Как? Только еще одиннадцать? Рано я поднялся» (Оноре де Бальзак, «Евгения Гранде», 1833). Сейчас это называется размещением скрытой рекламы: «Из жилетного кармашка, где едва вырисовывались плоские часы, свешивалась красивая золотая цепь. [Он] вертел в руках часовой ключик, называемый ключом с трещоткой, изобретенный Брегетом» (Оноре де Бальзак, «Жизнь холостяка», 1842). Цитируя классиков (в серии еще представлены Стендаль, Теккерей, Дюма, Гюго) и перечисляя своих самых знаменитых клиентов (Мария-Антуанетта, Наполеон Бонапарт, Черчилль), бренд соблазняет нас ассоциациями: ряд выдающихся личностей, к которому мы можем вполне пристроиться. Если есть бабки.

II. Добро пожаловать в Базелуорлд

В наши дни среди людей, занимающи[ся рекламой часов, мало кто считает нужным обращаться к теме собственно времени или близким ей, которые занимали мысли наших дедушек типа надежности или периодичности профилактики механизма. Нет, реклама говорит преимущественно о чудесах и приключениях, зачастую о противостоянии человека стихии или о людях, стремящихся к максимальным целям: какие часы надо носить, участвуя в соревнованиях на Кубок Америки, в каких часах надо появляться после того, как ты завоевал семь Больших шлемов. В рекламном мире поэтической астрономии и суровой окружающей среды точность – это данность, причем точность, превышающая все разумные потребности для того, чтобы придерживаться ее, погладывая на запястье.

На самом деле в наши дни никому не нужны часы, чтобы узнать, «который час». Это мы можем узнать множеством других проверенных способов. То, что начиналось на колокольнях и городских башнях, а потом распространилось на фабрики и железные дороги, сейчас, благодаря транзисторам, ядерной физике и спутникам, стало вездесущим и абсолютно надежным. Наш мир – мир компьютеров, мир навигации, мир денег, весь индустриально развитый мир, и наши исследования окружающей Вселенной – все целиком зависит от точности измерения времени, но ничто из этого никак не зависит от взгляда на циферблат, красующийся на нашей руке. И тем не менее мы делаем это с поразительной регулярностью. И уже крупнейшие технологические компании приходят к мысли, что им пора производить собственные часы. Кульминацией всего этого является, на мой взгляд, ежегодная промышленная ярмарка в Базеле, на которую съезжаются самые известные в мире часовых дел мастера, чтобы представить свои сказочные новые продукты.

Событие, которое называется Базелуорлд (Baselworld), происходит в огромном, размером со здание аэровокзала, помещении. Там царит атмосфера безудержного ликования и торжествующего богатства. Все прекрасно сознают, что стремятся продать нам то, что у нас уже есть и, следовательно, больше не нужно, но при этом уверены, что мы будем приобретать это все больше и больше. Почему? Потому что есть люди, которым нужны яркие цацки, чтобы подчеркнуть свой статус, и это существует со времен Генриха VIII. Успешные и обеспеченные люди в наши дни особо не носят ювелирные украшения, по крайней мере, позируя на горных вершинах или на дне моря, поэтому часы отвечают всем мечтам и ожиданиям. В 2015 году Себастьян Вивас, директор музея Audemars Piguet, признавался, что не боится Apple Watch, но всерьез пугает его то, что люди когда-нибудь решат, что можно носить просто драгоценные камни, «не маскируя их под часы».

Так же, как с музыкой и одеждой, дизайн часов всегда будет подвержен колебаниям моды. Одно десятилетие мы без ума от массивных хронографов, другое – от сверхтонкой элегантности. Но удивительно то, что даже в нашу цифровую эпоху часы представляют собой – или продаются под этим соусом – неувядаемый предмет необходимости. И тем не менее, почему именно часы? Конечно, дело не только в искусстве продавцов, консюмеризме или стремлении выделиться: «Мой оклад и бонусы позволяют мне иметь этот абсурдный предмет ювелирного дела, и я верю рекламе, которая говорит, что это способ выразить уникальность моей личности и продемонстрировать умение ценить изящное».

Историк науки Джеймс Глейк заметил, что анатомия человека приспособлена к обработке информации только в двух местах: в мозгу и на наручных часах. Он написал об этом в 1995 году, отмечая, что часы с недавних пор расширили свои возможности (хотя порой и в неуклюжем, похожем на коробки виде), вмещая в себя альтиметры, глубиномеры, компасы, «напоминание о назначенных встречах... отслеживание пульса и кровяного

давления... хранение телефонных номеров... исполнение музыки»^[150]. Сегодня инженерное мастерство и стремление к миниатюризации вышло на новый уровень: небольшой предмет, некогда показывающий только одну важную вещь, теперь может отображать также 56 менее важных параметров^[151].

Когда-то их надо было заводить два раза в сутки, и снобистская ценность заключалась в точности: чем ближе они были к звону церковных колоколов, тем больше радости доставляли. Сегодня, в нашем деловом мире, завод часов требует лишнего внимания, поэтому человека избавили от этой необходимости, превратив часы в некое подобие посудомоечной машины. Достаточно просто шевелить рукой в процессе повседневной деятельности, и спиральная главная пружина подзаводится автоматически, а стрелки движутся с неизменной точностью.

Помимо нашего врожденного желания покрасоваться, есть и другая причина распространения наручных часов. Примерно с XV века человек, знающий и сообщающий время, демонстрировал свое обладание механикой и технологиями. Часы можно было продемонстрировать коллегам, но они могли представлять и нечто более значимое, нечто астрономическое: мы достигли сияющих вершин инженерного мастерства, тем самым выстроили звезды и в каком-то смысле подошли к господству над природой времени как такового. То, что началось маятником и эволюционировало в анкерный механизм, теперь стало маленьким, легким и элегантным приспособлением для регулирования безумного мира. Мир, который мы создали и скорость развития которого нам уже почти неподконтрольна, во многом появился благодаря часам разного рода – возможности взять судьбу в свои руки, упрятать подальше от универсальных небесных знамений. Точность часов может до сих пор предполагать, что мы номинально – главные. Но означают ли более дорогие, редкие, более тонкие или более толстые, более сложные часы, что их владельцы – главнее остальных или стали главнее, чем раньше? Создатели рекламы в этом не сомневаются.

Базелуорлд – очень удачное название. Это действительно отдельный мир, который возникает каждый март в многоярусном выставочном зале площадью 140 000 кв. м, и большинство крупных брендов создают внутри собственные государства. Например, когда я был там в 2014 году, компания Breitling соорудила над своим стендом гигантский прямоугольный аквариум, в котором плавали сотни тропических рыб – просто так, для привлечения внимания. Да у них и не стенд был, а «Павильон». Elsewhere, Tissot и Tudor свою продукцию демонстрировали на фоне гигантских панелей, переливающихся огнями в стиле «диско», а компания TAG Heuer посадила перед своим павильоном мастера, чтобы показать, насколько сложнее собирать часы под пристальным вниманием окружающих. Так же, как любители автогонок приходят в восторг от аварий, поклонники TAG Heuer толпились кругом, ожидая, когда мастер уронит на ковер какой-нибудь винтик.

Я пробирался на конференцию Hublot в компании Хосе Моуриньо, в то время – главного тренера «Челси», только что выбранного послом бренда компании. У каждой часовой компании есть свои послы. То, что они обычно не носят часы, добиваясь величайших успехов в своей области, не имеет большого значения. Лионель Месси и Криштиану Роналдо подписали контракт с компаниями Audemars Piguet и Jacob & Co. Hublot, помимо Моуриньо – с Уэйном Болтом. У компании Breitling – Джон Траволта и Дэвид Бекхэм, у Montblanc – Хью Джекман, у TAG Heuer – Брэд Питт и Кэмерон Диас, у Rolex – Роджер Федерер, у IWC – Юэн Макгрегор, у Longines – Кейт Уинслет. Компания Patek Philippe, всегда позиционирующая себя как бренд, славящийся долговечностью и ценностью для многих поколений, постеснялась пригласить, например, Тейлор Свифт или кого-то другого из ярких звезд, чтобы представлять свои интересы. Они просто представили перечень своих клиентов из другой эпохи, начиная с королевы Виктории.

Моуриньо прилетел в Базель прямо с тренировочной базы «Челси» в Кобэме. Он в сером плаще поверх серого кашемирового

свитера. Часы он принимает, слегка аплодируя, и произносит краткий спич на тему о том, что долгое время является поклонником бренда и теперь рад стать частью «семейства Hublot» официально (т. е. он получил подтверждение из своего банка). Его часы назвали King Power 'Special One'^[152], размером почти с кулак, из 18-каратного розового золота и высокотехнологичной керамики, с автоподзаходом, мануфактуры Unico; это Flyback Chronograph с 300 компонентами, диаметром корпуса 48 миллиметров, вся механика видна сквозь циферблат, синий ремешок крокодиловой кожи, циферблат типа скелетон, запас хода 72 часа, выпущены в количестве 100 штук и стоят £44 200. Фирменная реклама, намекая на самого Моуринью, гласит: «Это вызывающие часы... под грубоватым экстерьером кроется гениальность». И что поразительно: они великолепные и страшные одновременно. Справляйтесь о наличии по телефону.

Самое странное в модели Hublot King Power не то, что они похожи на танк, а то, что не отличаются особой точностью хода. Популярный американский журнал WatchTime, проводя тестирование предыдущей модели, обнаружил, что они дают погрешность от 1,6 до 4,3 секунды в сутки – а это не то, что вы ожидаете от швейцарских часов за такие деньги. Мои Timex Expedition Scout идут лучше, отставая примерно на 18 секунд в месяц, или примерно на 4 минуты в год. Четыре минуты за год в глобальном масштабе – ничто. За это время можно пробежать милю, но, чтобы пройти по всем ковровым дорожкам Базелуорлда, потребуется гораздо больше. Поскольку у меня бюджет Timex, а не Hublot, то основную часть времени на выставке я посвятил изучению маркетинговой политики. Собственно, ради этого я и вообще оказался здесь. Особенно мне понравился текст для модели Mondaine Stop2go, которые, как и большинство моделей Mondaine, ориентируются на швейцарские железнодорожные часы. Но эти задуманы так, чтобы стрелка быстренько пробежала 58 секунд по кругу, замерла на 2 секунды, а потом продолжала свой бег. Такое явление на часах немного

нервирует – время реально останавливается! – но меня очень тронула сопровождающая надпись: «Что значат для вас две секунды?»

У стенда Victorinox Swiss Army стоял человек, который объяснил, что его часы отличаются теми же характеристиками, что и ножи, – функциональностью и надежностью. Героем бренда этого года стали Chrono Classic, вся суть которых – в сочетании вечного календаря и хронографа, способного отсчитывать сотые доли секунды. Но все это могло показаться слишком обыденным для тех, кто толпился у стенда МСТ, восхищаясь моделью Sequential Two S200 – часами, создателю которых явно надоели традиционные стрелки; вместо них предлагалась индикация времени «с помощью четырех крупных блоков, каждый скомпонованный из пяти треугольных призм». Час «появляется хорошо воспринимаемым образом в открытом “окошке”, в то время как остальные скрыты сегментом, поворачивающимся против часовой стрелки каждые 60 минут». Глядя на такие часы, нет смысла задавать вопрос «зачем?». Вы же не спрашиваете «зачем?», глядя на картины Пикассо.

Хотя целевая аудитория большинства брендов – преуспевающие мужчины, рекламная трескотня не упускает из виду и преуспевающих женщин. Компания Hermès сообщает, что модель Dressage L'Heure Masquée «дает постоянную возможность совершить «великий побег» и обращать внимание только на те моменты, которые по-настоящему важны». Дом моды Fendi поднимает «мех на высоту, которой он не знал почти столетие... изящный ремешок из двухцветной норки». Часы Crazy Carats раскрывают «три различных вида драгоценных камней в зависимости от настроения момента». Бренд Christophe Claret представляет часы Margot, с циферблатом, напоминающим ромашку: «уникальное и запатентованное усложнение, которое покорило женское сердце. Мир вперед! Нажать на 2 часа – и часы оживают, словно пренебрегая капризами природы, скрывая один лепесток, а то и два – предсказать невозможно». А еще есть Dubey & Schaldenbrand с моделью Cœur

Blanc. У часов две стрелки в окружении бриллиантов, которые, «кажется, парят над циферблатом, словно их ничто не держит, кроме собственной силы обольщения». Они «охватывают и ремешок, образуя целостное соединение, мерцают, как звезды на короне, и создают ослепительное заключение на застежке».

Я тоже пришел к ослепительному заключению: между всеми этими часами есть нечто общее помимо стоимости, сложности и безумства. Куда бы я ни посмотрел, все часы показывали примерно одинаковое время. Не точное время, потому что это было бы слишком сложно: что значит «точное время» в этом душном безупречно чистом зале с фальшивыми павильонами? Зачем разрушать иллюзию финансовой невесомости, налагая на нее какие-то ограничения? Нет, стрелки почти всех часов застыли на десяти минутах одиннадцатого. Почему так? Стрелки часов на 10.10 изображают «улыбочку». Таким образом остается свободное место на 3 часа, где обычно располагается календарь; это создает приятный и сбалансированный вид, при этом стрелки не перекрывают друг друга и не заслоняют имя производителя, которое обычно размещается сверху циферблата.

На рекламных часах Timex время застыло на 10:09:36, хотя на рекламе 1950-х годов было 8:20. От этого сознательно отказались, чтобы «лицо» циферблата не выглядело хмурым и подавленным. В наши дни все часы показывают именно 10:09:36, поскольку установка на шесть секунд меньше будет заслонять так называемый дополнительный язык, в том числе иллюминацию Indiglo и глубину подводного погружения. Mondaine выбрала ровно 10:10, Rolex предпочитает 10:10:31; TAG Heuer – 10:10:37; Apple Watch остановились на 10:09:30 и для аналоговых, и для цифровых циферблатов (но на рекламе iPhone видны цифры 9:42 – именно в это время Стив Джобс начал презентацию нового гаджета в Калифорнии).

В 2008 году New York Times провел научно-популярное исследование этой тенденции. Выяснилось, что из 100 самых продаваемых на Amazon мужских часов только три модели

показывают не 10:10. Редкое исключение встретилось в самом журнале: на рекламе часов компании Ulysse Nardin стрелки показывают 8:19 (руководство компании пояснило, что их мастера не намереваются перевернуть мир, просто так удобнее продемонстрировать их календарь). Такой проблемы нет у Rolex, потому что календарь (день/число) располагается в центре циферблата. Но у них есть другое правило: в мире Rolex всегда было, есть и, наверное, будет «Понедельник, 28».

12:00

Тематика стенда Timex – стиль жизни. Много фотографий красивых людей, сидящих у костра, с подписями «Носи хорошо» и «Выходи на природу» и информацией о новинках бренда на сайте Fall Lookbook. Кампания заметно отличается от тех, что сопровождали бренд в 1950-е годы, когда в телевизионной рекламе показывали, как часы приматывают к стреле и выпускают ее в оконное стекло (ключевая фраза – «они бьют и продолжают идти»). Другая реклама шла под заголовком «Шок!» и изображала мужчину с молотком: «Часы успешно выдерживают силу удара, эквивалентную броску в бетонную стену». Но моя любимая реклама вовсе даже не реклама, а потрясающая информация: в мае 1981 года на первой полосе Boston Globe сообщалось, что человек из Нью-Йорка, столкнувшись с грабителями на темной улице, проглотил свои Timex. Часы извлекли из него только через пять месяцев, и хирург был рад сообщить, что часы, пробыв все это время в темноте и в соответствующем содержимом желудка, *продолжают идти*, хотя и показывают не совсем точное время.

Прогулявшись, я отправился в большой зал на открывающуюся пресс-конференцию. Величественной процессии высокопоставленных персон предшествовало нечто подобное реконструкции победы над Троей. Спикеры явно уделили большое

внимание туалетам и прическам, и у каждого были свои хорошие новости: ярмарка в этом году – самое крупное, самое яркое, самое дерзкое и самое бесстыдно хвастливое шоу часов и ювелирных изделий, представленных в одном месте, так что ура, всем нам и вам очень повезло, что вы являетесь ее частью. Ярмарку почтили присутствием около 4000 журналистов – наверняка больше, чем всех, кто освещал события двух мировых войн. Примерно десятая часть собралась в зале, чтобы выслушать первые выступления и посмотреть презентацию слайдов. Многие были с Дальнего Востока – в ушах у них виднелась гарнитура от карманных переводчиков. PowerPoint сообщал: стоимость экспорта швейцарских часов возросла на 1,9 % по сравнению с предыдущим годом и в 2013 году составила 21,8 миллиарда швейцарских франков. Тенденция демонстрирует неуклонный рост: экспорт на 8,6 миллиарда швейцарских франков выше, чем пять лет назад. Спрос на дешевые швейцарские часы имеет тенденцию к снижению: на 4,5 % в ценовом сегменте до 200 франков, но в высшем сегменте, который имеет главное значение, все хорошо: рост на 2,8 % среди часов стоимостью 3000 франков и выше.

Это было в 2014 году. Через год настроение изменилось и помрачнело. Над Швейцарией сгустились тучи, и угроза от Apple Watch была не единственной. Надо было как-то противостоять неустойчивости глобального финансового рынка. Швейцарский франк сохранял сильные позиции, отчего их цены выглядели более высокими. Запросы из Китая и Японии упали, а рынок в Гонконге оказался на грани исчезновения. Колебания рубля привели к сокращению заказов из России. Компания Richemont показала нечто непривычное в своих прибылях: ровная линия, а не обычный подъем, к которому уже привыкли акционеры. Один из руководителей компании Zenith, швейцарского бренда XIX века, который сейчас вошел в конгломерат производителей товаров роскоши LVMH, заявил в Financial Times: «Наблюдается

существенная неразбериха, и никто не может сказать, что произойдет дальше».

Но другие производители часов вели себя гораздо спокойнее, как и подобает отрасли, которая накопила жирок за более чем 200 лет прибыльной деятельности. Они полагали, что Швейцария может уйти в тень, но затем обязательно триумфально вернется под свет софитов. Прекрасная и невероятно сложная техническая продукция, которую они изготавливают для всего мира, будет продолжать поражать своей изысканностью, усложненностью и непрошеным безрассудством и будет вечно продавать нам время ненужным, но очень желанным образом. В мире пикселей по-прежнему ценятся традиции и ремесло; механические часы просто делают нас более человечными, и нам всегда будет нравиться это ощущение. Так что пока нет поводов для паники. Это не «кварцевый кризис» 1970-х годов, и никакие катаклизмы нам не грозят^[153].

III. О-хо...

В сентябре 1975 года на обложке журнала *Horological Journal* появилась фотография: изображение часов Timex на батарейке, в хромированном корпусе, с полным календарем, которые держит чья-то рука между большим и указательным пальцами, с надписью: «Представляем кварцевые часы по невероятной цене». Никаких трюков, никакой рекламы прочности со стрелами, оконными стеклами или молотками, просто сбоку часов свисала бирка с цифрами, написанными от руки: £28.

Это было недешево (£28 тогда было эквивалентом примерно £250 в 2016 году). Но это была хорошая цена за то, что обещали: точность хода выше, чем у любых часов, сделанных в Швейцарии. В самом *Horological Journal*, отраслевом издании, основанном в 1858 году, была статья, в которой часы называли «товаром десятилетия» и «поворотным пунктом в истории часового дела».

«По точности они располагаются в верхней средней части всех представленных на рынке, а легкость замены деталей – мечта любого часовщика». Для потенциальных владельцев тоже немало преимуществ: «Что важно в часах современному потребителю? Стил, четкость изображения, точность и справедливая цена. В Model 63 Quartz фирмы Timex все это представлено в изобилии». Но главным в них был кварц. Маленький кристалл, который под воздействием электрического тока от батарейки производит колебания высокой и фиксированной частоты. Эти равномерные сигналы передаются на генератор, электронную схему, которая управляет шестеренками, вращающими часовые стрелки.

Сам механизм существовал уже с 1920-х годов, но миниатюризация была достигнута только на прототипах моделей японских компаний Seiko и Casio. По цене они были недоступны рядовому потребителю, хотя в начале 1970-х годов коллекционеры ринулись в Японию и США и были готовы платить сотни долларов за

первые экземпляры. Их увлекала новизна кварца: сама идея того, что чрезвычайно точно вырезанный кусочек камня не просто отменяет существовавший веками механизм с пружинами и запасом хода, а поддерживает почти идеальную точность хода. Но затем, благодаря маркетинговому потенциалу и массовому производству Timex и его главного американского конкурента, компании Bulova (которая представила Accutron – часы, оснащенные электронным генератором стабильной частоты вместо менее надежного колеблющегося маятника), электронные часы стали означать изменение философии.

В новых часах Timex частота колебаний кристалла кварца составляла 49 152 цикла в секунду, которые преобразовывались электронной микросхемой в движения стрелок. Секундная стрелка совершала три движения в секунду. Внешне часы ничем не отличались от прочих. Но это были так называемые твердотельные часы, потому что в них не было движущихся частей, и колебания кварца в них преобразовались в электронные импульсы, которые включали маленькие электронные лампочки – циферблат представлял собой цифровой дисплей, на котором вспыхивали определенные сегменты. Маленький будильник, которые, вскоре начнет неожиданно включаться посреди театральных спектаклей, тоже был новинкой, о которой японцы и американцы пока только думали.

Новые часы показывали и еще нечто новое: рассвет массового высокотехнологичного консюмеризма. Измерение времени с точностью до десятых долей секунды, ранее подвластное только физикам и инженерам, теперь стало доступно каждому, и это оказалось самым ярким признаком сейсмического сдвига от механического к электронному миру.

Как отреагировали швейцарцы на такую подрывную деятельность? Они колебались между непризнанием и паникой. С 1970 до 1983 года доля швейцарцев на рынке часов упала с 50 % до 15 %; отрасль лишилась более половины рабочих мест. Первое

предупреждение прозвучало еще в 1973 году: в этом году Timex продала около 30 миллионов часов по всему миру, увеличив продажи по сравнению с 1960 годом на 8 миллионов, что составило почти половину того, на что оказалась способна Швейцария. Это были простые механические часы без камней, немного неуклюжие и шумные, они часто имели погрешность хода плюс-минус пару минут в сутки. Но их стоимость составляла всего 10 долларов, и владельцы относились к ним как к одноразовым. С появлением в середине 1970-х годов кварца компания могла запросто победить Швейцарию в конкурентной борьбе^[154].

Но в 1980-е годы, в предчувствии надвигающейся катастрофы, швейцарцы нанесли ответный удар, выдвинув собственную новую идею – нечто пластиковое, дешевое, с кварцем и на батарейках: Swatch (от SWISS WATCH – «швейцарские часы»). Они привнесли цвет, эмоции, юность и веселье: видит Бог, старомодная отрасль в этом крайне нуждалась! Ряд уверенных маркетинговых кампаний заставил всех тинейджеров пускать слюнки. Модель Pop Swatch сделала коллекционирование доступным для молодежи.

Успех Swatch выглядел так, словно у швейцарцев с этим не возникло никаких проблем. У Тома Стоппарда в пьесе «Отражения, или Истинное» (The Real Thing, 1982), посвященной верности и преданности делу, есть замечательное отступление, имеющее отношение к швейцарским часам. В первой сцене, по сути, пьесе внутри пьесы, персонаж по имени Макс, архитектор, слегка злоупотребляющий алкоголем, подозревает, что его жена не ездила, как сама утверждает, в Швейцарию. Нарочито произнося «Бзель» вместо «Базель», он рассуждает:

Сама знаешь, швейцарцы народ надежный. Как швейцарские часы. И, что самое потрясающее, без всякой электроники. Не поддались они на этот обман. Помню первые электронные часы. Чтоб цифры увидеть, надо было рукой трясти, будто градусник стряхиваешь. И продавались только в Токио. Но ведь

вытеснили пятнадцать камешков, напрочь вытеснили! На мировом рынке только и слышно: «Конец зубчатой передаче!» Впрочем, швейцарцы в панику не ударились. Сперва, для отвода глаз, тоже электронные часы выпускать стали – чтоб японцам вовсе голову заморочить. На этом себе тоже мощну набили.

Герой Стоппарда утверждал: «Вышло электронное время! Такие часы просто обречены на гибель, у них это в схеме заложено»^[155]. Но в наши дни Swatch специализируется исключительно на кварцевых часах и является одним из самых влиятельных игроков в своей отрасли. В 2014 году оптовые продажи составили более 9 миллиардов швейцарских франков, Swatch Group стала крупнейшей в мире часовой компанией, включив в себя бренды, которые раньше содрогнулись бы от одной мысли об этом – Longines, Blancpain, Rado, Harry Winston и Breguet – компания, которая утверждает, что создала первые наручные часы в 1810 году^[156].

IV. В чем виноват обвиняемый?

В мае 1996 года рекламное агентство Leagas Delaney, базирующееся в Лондоне, объявило, что заключило очередной глобальный контракт. Компания уже имела контракты с Harrods и Porsche, а теперь добавила в свой список престижнейшую часовую компанию Patek Philippe. Сумма сделки, по сведениям журнала *Campaign*, составила 10 миллионов фунтов. Конкуренция была жесткая, включая предложения от Bartle Bogle Hegarty и Saatchi, и когда контракт был заключен, один из руководства Leagas Delaney заявил: «Это предложение возбудило все агентство. Все жаждут заняться этим делом».

В пресс-релизе сообщалось, что компания Patek Philippe настолько тщательно относится к своей продукции, что за свою 150-летнюю историю продала меньше часов, чем Rolex производит за год. Осталось неясно, хорошо это или плохо и не нуждается ли Patek Philippe в новой рекламной кампании, чтобы как-то сократить этот разрыв. Один из первых рекламных продуктов представлял собой фотографию мужчины, сидящего за пианино, а на коленях у него примостился малыш в пижамке. Лиц ребенка и мужчины не видно, не видно и его запястья, стало быть, часов нет. Единственные часы располагаются внизу пространного текста, занимающего нижнюю часть рекламы. Она начинается так: «Заложи *свою* традицию».

Какие бы инновации вводила компания Patek Philippe, каждый экземпляр ее часов до сих пор изготавливается вручную. Мужские часы Annual Calendar 5035 – первый в мире самозаводящийся годовой календарь, который надо подстраивать только один раз в год. Благодаря исключительному мастерству каждый экземпляр уникален. Возможно, поэтому кто-то может подумать, что у вас нет и не

было часов Patek Philippe. Вы просто бережете их для следующего поколения.

Две последние фразы позже были отредактированы и обрели самостоятельную жизнь: 'You never actually own a Patek Philippe. You merely look after it for the next generation («Вы не владеете часами Patek Philippe. Вы просто бережете их для следующего поколения»).' Слоган поразил до такой степени, что стал самым знаменитым в рекламном деле и сохранялся неизменным на протяжении почти 20 лет (сохраняется до сих пор). Его перевели на французский, хотя, возможно, не так элегантно: *«Jamais vous ne posséderez complètement une Patek Philippe. Vous en serez juste le gardien, pour les générations futures».*

В 2011 году журнал Creative Review предложил специалистам в области рекламы называть самые живучие или оригинальнейшие слоганы. Выбор был широк и впечатляющ, от I ♥ NY («Я люблю Нью-Йорк»), Refreshes the parts others beers cannot reach («Освежает везде лучше любого другого пива»^[157]), Beanz Meanz Heinz («Фасоль значит "Хайнц"») до Careless talk costs lives («Неосторожный разговор стоит жизней»^[158]), Keep calm and carry on («Сохраняйте спокойствие и продолжайте действовать»^[159]) и Does exactly what it says on the tin («Делает то, что написано на банке»^[160]).

Гордон Комсток, колумнист Creative Review и копирайтер-фрилансер, выбрал слоганы компании John Lewis 'Never knowingly undersold' («Никогда сознательно не дешевили»), газеты Independent 'It is. Are you?' («Она есть. А Вы?») и фирмы Nike 'Just do it' («Просто сделай это»). Но на первое место он поставил слоган Patek Philippe. Объясняя свой выбор, Комсток написал, что «бренд поддерживает этот слоган, каждый год помещая его на новые фотографии, и платит [агентству Leagas Delaney] миллион фунтов. Вероятно, он того стоит... Только уверенный автор оставит два причастия в одном заголовке».

Этим уверенным автором был человек по имени Тим Делани – одна из величайших фигур в британском рекламном деле. Многие

готовы включить его в первую десятку величайших копирайтеров мира. Делани пришел в отрасль 15-летним подростком и начинал с курьера, а с 1980 года стоит во главе собственной компании, создавая важнейшую рекламу для Sony, Philips, Timberland, Glenfiddich, Ordnance Survey maps, Barclays, газеты Guardian, Bollinger, Hyundai, BBC, the TUC, Adidas и Лейбористской партии. В 2007 году, когда его принимали в The One Club (награда за достижения всей жизни, церемония проходит в Нью-Йорке), в одном из приветственных адресов – от бывшего коллеги Делани по имени Мартин Галтон, говорилось: «Во времена, когда риск вышел из моды, когда все мы плаваем в море серости, мир более чем когда-либо нуждается в таких, как Тим Делани».

Один рекламный заказ, который его агентство выполнило для компании Timberland, выглядел так: фотография американского индейца при всех регалиях, и текст: «Мы украли их землю, их бизонов и их женщин. Потом мы вернулись за их обувью». Агентству Leagas Delaney принадлежит слоган 'There is only one Harrods. There is only one sale' («Есть только один Хэрродс. Есть только одна распродажа».) А 1980-е годы для рекламы, поддерживающей Nationwide Building Society, они сочинили такой текст: 'If you want to find out how banks became the richest, most powerful institutions in the world, go into the red one day («Если хотите узнать, как банки стали богатейшими и самыми влиятельными учреждениями в мире, попробуйте однажды оказаться на финансовой мели»)^[161].

Кампания Generations («Поколения»), как стали называть рекламу Patek Philippe, использовала фотографии, сделанные Хербом Ритцем, Эллен фон Унверт, Мэри Эллен Марк и Пегги Сирота, и представляла разнообразные сюжеты на тему «отец и сын»: отец с сыном на гламурной рыбалке, отец с сыном в «Восточном экспрессе», отец учит сына повязывать галстук. Была и мать, радующаяся с дочерью мелким, но роскошным домашним приобретениям. От большинства таких рекламных сюжетов меня

подташнивало, и я отправил Делани письмо по электронке, чтобы сообщить ему об этом.

Я написал, что мне интересно, как удастся продавать часы тем, кто в них на самом деле не нуждается, и что я восхищен его рекламной кампанией Patek Philippe. Я также написал, что меня расстраивают эти идеальные семьи с их самодовольством, и что «мне хотелось бы хорошенько пристукнуть взрослых. Но проблема глубже: реклама вызывает у меня острое желание приобрести какие-нибудь из этих роскошных часов».

Я написал, что мне было бы интересно поговорить о концепции кампании и ее целях. «Почему она так эффективна? И будет ли она продолжаться до тех пор, пока эти дети не станут взрослыми и не начнут передавать часы своим детям? Мы можем дожить до конца света, а эти семьи по-прежнему будут беречь эти часы и передавать их из поколения в поколение – это потрясающе, это просто как фильмы Чарли Кауфмана».

Делани был рад поболтать. Он объяснил, что большинство других знаменитых часовых брендов перешли из семейной собственности в конгломераты, и что у него всегда было намерение подчеркнуть, что Patek по-прежнему принадлежит все тому же семейству. «На нас нашло эмоциональное озарение», – говорит он. Реклама имеет успех «благодаря преемственности – в самой компании, в семейной собственности, в дизайнерском духе: у часов есть происхождение, они не взялись ниоткуда».

Как и многие другие рекламные агентства, начинающие работать с новым клиентом, Leagas Delaney посвятила некоторое время изучению предыдущих рекламных кампаний с целью выяснить, что, на их взгляд, было удачно, а что – нет. Кампания, в которой использовались образы некоторых знаменитых владельцев – королевы Виктории, Эйнштейна – показалась весьма продуктивной: «Разумеется, если это показывать американцам, они в первую очередь поинтересуются: «Все хорошо, но где тут я?» Таким образом

появилось «Заложите свою традицию», а это, в свою очередь, привело к тому, что мы имеем теперь».

Идея «заложите свою традицию» пришла к Делани на ровном месте. Он говорит, что взял слова «вы не владеете...» и вставил в заголовок, но не может вспомнить, кто из агентства первым написал их. «Несколько человек претендуют, – говорит он. – Но у успеха много отцов».

Если говорить в целом, реклама, размещаемая на последних полосах Esquire, GQ или Economist, обращается к чувству ответственности и семейного долга читателя, в том числе по созданию династии и формированию наследия. Она вдохновляет, как большая часть рекламы предметов роскоши, и в данном случае обращается к человеку с «новыми деньгами», который мечтает стать человеком со «старыми деньгами». И, разумеется, она опирается на искаженную идею о том, что для выполнения обязательства не владеть часами Patek, вы сначала должны *купить* часы Patek. Новые часы Patek стоят от нескольких тысяч до сотен тысяч, а классические модели на аукционах – и по несколько миллионов. Сам Делани носит Aquanaut – часы из самого умеренного сегмента.

Я спросил, почему его кампания длится так долго. «Думаю, это универсальная идея, – сказал он, – и люди на нее хорошо реагируют. Она неназойлива, мысль не устаревает, не теряет своей свежести от длительного использования. Но это происходит не благодаря гениальной фантазии, а в результате совпадения факторов и случайностей, и оно находит свою нишу».

За много лет в фотографиях и оформлении произошли незначительные изменения. «Ты меняешься в соответствии с требованиями культуры и требованиями экономики. Ты тонко следишь за поведением людей, которые могут себе позволить такие часы». Фотографии – это попытка «показать тепло и человечность. Правда... Это идеализация. Все понимают, что это реклама. Возникает сильное ощущение органичной связи между двумя людьми – между отцом и сыном, матерью и дочерью, и это приятно.

Но это не фотография мужчины с его реальным сыном. От нас лишь требуется проявлять сдержанность, чтобы избежать слащавости, и чтобы оставалось приятное ощущение в рамках рекламной деятельности».

Я спросил, были ли какие-то другие рекламные кампании часов, которые вызывают у него восхищение. Он задумался меньше чем на секунду. «Нет».

V. Самые ценные часы на планете

Но есть одно, чему он может немного завидовать. Если вам как менеджеру по маркетингу знаменитой часовой компании удастся сделать так, чтобы первый человек на Луне, ступив на лунную поверхность, имел при себе ваши часы, то это безусловно повод для гордости и дальнейшего повышения по службе. Поэтому можно себе представить удовольствие компании Omega, когда НАСА выбрало бренд официальными часами миссии «Аполлон», и безудержную радость, когда выяснилось, что Нил Армстронг (можно ли найти более подходящую фамилию^[162] для посла часовой компании?) согласился, что будет в часах Omega Speedmaster Professional Chronograph, когда выйдет из лунного модуля в районе Моря Спокойствия.

Этого не произошло. Армстронг проделал весь путь – весь путь к этой чертовой Луне – с намерением быть в этих часах, когда сделает свой первый «маленький шаг» по лунной поверхности, но когда «Орел» совершил посадку, он сознательно оставил часы на борту, потому что в таймере модуля обнаружилась неисправность. Поэтому на первый план вышел Базз Олдрин. «Когда идешь по Луне, меньше всего тебе нужно знать, какое время в этот момент в Хьюстоне, штат Техас», – написал второй человек, ступивший на Луну, в мемуарах «Возвращение на Землю» (1973). «Тем не менее, как человек при часах, я решил нацепить Speedmaster на правое запястье снаружи неуклюжего скафандра».

Рекламная команда компании Omega немедленно взялась за дело. «Сказать, что Omega – самые надежные часы на Земле, значит, недооценить их», – прозвучало в одной рекламе, и камлание продолжалось. «Как может человек в костюме за 27 000 долларов довольствоваться часами за 235 долларов?» Реклама модели Speedmaster Mark II сообщала: «Их папа побывал на Луне». Извещая о маловероятной американо-советской космической экспедиции

1975 года «Аполлон – Союз», Омега утверждала, что «никакие другие часы не выдержали бы такого удара».

Омега присутствовала во всех космических экспедициях. Юджин Сернан, командир «Аполлона-17», оставляя последние следы на Луне 14 декабря 1972 года, имел по экземпляру Speedmaster на каждом рукаве своего скафандра: одни показывали время Хьюстона, другие – время в Чехословакии, на родине его матери. «Speedmaster – единственный прибор из всех, что мы брали на Луну, который не претерпел никаких модификаций, – произнес астронавт, словно зачитывая текст, подготовленный для него в рекламном отделе Омега. – Они прямо с полки»^[163].

Сегодня так называемые лунные часы – по-прежнему чрезвычайно привлекательное уникальное торговое предложение. Компания предлагает несколько версий Speedmaster, а посол компании Джордж Клуни с удовольствием носит обновленную модель 2015 года с заглубленными цифрами циферблата и новыми стрелками «широкая стрела». Он любит рассекать в них на своем мотоцикле и говорит, что его отец и дед тоже носили «Омегу». Но можно также получить модель под названием Dark Side of Moon («Темная сторона Луны») с циферблатом из керамики и оксида циркония, Grey Side of Moon («Серая сторона Луны») с металлизированным циферблатом, напоминающим лунную пыль, и ярко-зеленым люминесцентным покрытием бортика, а также прозрачные White Side of Moon («Белая сторона Луны»), которые выглядят так, словно их окунули в краску Dulux Vinyl Matt, но должны напоминать «свечение небесного тела, видимого с Земли». Ага. Компания Омега теперь является частью Swatch Group^[164].

И теперь мы переходим к самым ценным часам на планете. Это должны быть собственные часы Базза Олдрина, Speedmaster Chronograph Calibre 321, с диаметром циферблата 42 миллиметра и ручным заводом, которые он носил на специальном удлиненном ремешке, когда отправился на лунную прогулку. Сколько может стоить такая вещь? Никто не знает. Кроме того, никто не знает, где

они. Его часы отправились гулять сами по себе: всех астронавтов программы «Аполлон» просили после возвращения на Землю передать свои часы в Хьюстон; они оставались собственностью НАСА (некоторые попали в Смитсоновский институт в Вашингтоне). Но вскоре после того, как Олдрин вернул часы, они таинственным образом исчезли бесследно. Так что если захотите поискать под кроватью, напомню номер, нанесенный на внутренней поверхности задней крышки – ST 105012.

Глава двенадцатая

Тактика времени, которая работает!

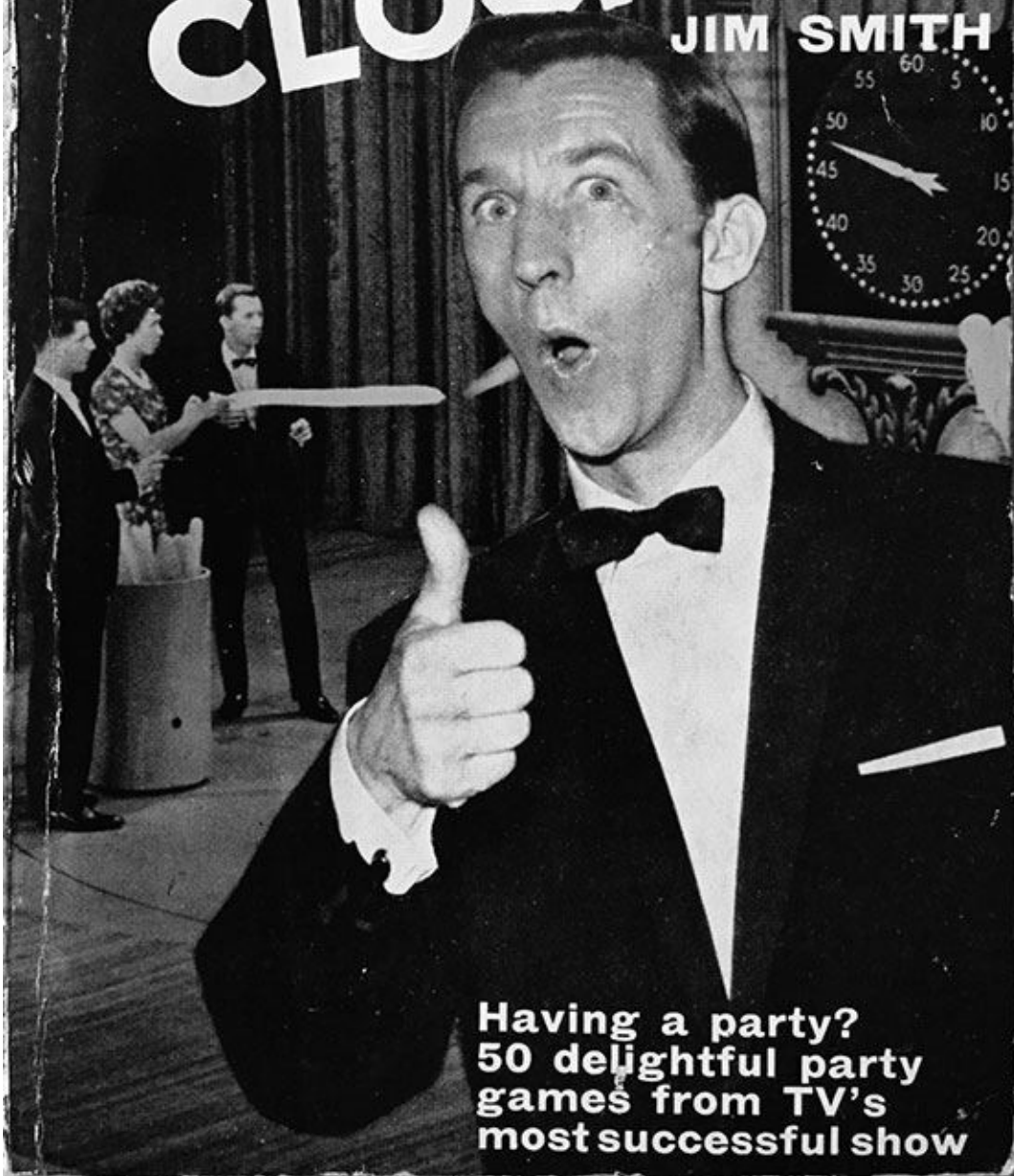
MAY FAIR

2/6

Illustrated

BEAT THE CLOCK

JIM SMITH

Having a party?
50 delightful party
games from TV's
most successful show

I. Ягодный сезон

За последние несколько лет я приобрел немало самоучителей по управлению временем, но так и не нашел одного обобщающего, который посоветовал бы, как найти достаточно времени, чтобы их все прочитать. Большинство предлагают упражнения и программы психологического тренинга, в некоторых предлагают сходить в интернет, чтобы в режиме онлайн получить бонусные уроки и вопросники. К тому моменту, когда закончите, вы уже почувствуете усталость. Среди моих любимых:

18 Minutes: Find Your Focus, Master Distraction and Get the Right Things Done by Peter Bregman

15 Secrets Successful People Know About Time Management: The Productivity Habits of 7 Billionaires, 13 Olympic Athletes, 29 Straight-A Students and 239 Entrepreneurs by Kevin Kruse

The 26 Hour Day: How to Gain at Least Two Hours a Day with Time Control by Vince Panella

It's About Time: Find 5 Extra Hours Each Week by Harold C. Lloyd

Time Tactics That Work: 107 Ways to Get More Done by Gavin Preston

Five Minutes a Day: Time Management for People Who Love to Put Things Off by Jean Reynolds PhD

More Time, Less Stress: How to Create Two Extra Hours Every Day by Judi James

The 12-Week Year: Get More Done in 12 Weeks Than Others Do in 12 Months by Brian P. Moran and Michael Lennington^[165].

И это только начало, первое приближение к пониманию того, как сэкономить или найти дополнительное время в режиме час/день/неделя/месяц, если следовать этим простым способам/шагам/секретам. Почему бы еще не попробовать:

Two Awesome Hours: Science-based Strategies to Harness Your Best Time and Get Your Most Important Work Done by Josh Davis

The Power of a Half Hour by Tommy Barnett

The 15-Minute Total Life Makeover: 12 Ways to Dramatically Change Any Area of Your Life in Just 15 Minutes a Day by Christina M. DeBusk

75 Secrets Revealed on Time Management Skills: The New Organised You in Just 3 Hours – Volume 1 (10 Mins a Day) by Joe Martin

Большинство из них содержат схожие советы: оставляйте утро для важной работы; прекратите хвататься за множество дел одновременно, лучше хорошо сделайте одно; оставляйте время для себя; уделяйте сну достаточно времени; планируйте целые дни без каких-либо встреч. И только изредка появляются относительно новые советы.

Например, Кевин Круз в своей книге «15 секретов управления временем. Как успешные люди успевают все» (*15 Secrets Successful People Know About Time Management: The Productivity Habits of 7 Billionaires, 13 Olympic Athletes, 29 Straight-A Students and 239 Entrepreneurs*) пишет, что надо перестать составлять списки обязательных дел. Все пункты таких списков никогда выполнить невозможно, они перетекают в другие, более развернутые списки обязательных дел. В таких списках приоритет отдается самым срочным, а не самым важным делам (срочность – вода, протекающая с потолка, важность – создание семейного фотоальбома, который так и не складывается), не делайте различий между делами, которые можно сделать быстро, и теми, которые требуют значительного количества времени, потому что для нас естественно стараться в первую очередь разделаться с быстрыми. В подтверждение своих мыслей он даже провел специальное исследование и пришел к выводу, что 41 % дел, перечисляемых в списках обязательных, не выполняются никогда^[166]. Вместо списков

дел Круз предлагает вести строго распределенный и хорошо выполняемый календарь.

У Круза также есть ответ на загадку: «Могут ли три простых вопроса сэкономить вам восемь часов в неделю?» Ответ, разумеется, да. Он называет их «гарвардскими вопросами», потому что они поставлены Джулианом Биркиншоу и Джорданом Коэном, профессорами, которые в журнале *Harvard Business Review* утверждают, что одной из причин, по которым нам нравится все время чувствовать себя занятыми, – это ощущение собственной значимости. Но в 2013 году эти же профессора выяснили, что занятость сама по себе не очень продуктивна. Когда они провели переподготовку работников, приучили их работать медленнее и обдумывать свои действия, оказалось, что те в среднем стали экономить по шесть часов работы за столом и по два часа на совещания в неделю.

Эти три вопроса выглядят так.

1. Какие пункты из моего списка дел я могу исключить полностью?
2. Какие пункты я могу делегировать подчиненным?
3. Что мне действительно надо сделать и нельзя ли это сделать более эффективным способом?

Важнейший момент для решения проблемы нехватки времени – не только для Круза, но и для большинства пишущих на эту тему и исследователей – делегирование. Вы кого-нибудь нанимаете. Если вы Тони Роббинс, мотивационный спикер, лайф-коуч и автор такого хита, как «Разбуди в себе исполина», то вы нанимаете человека, который будет доставлять ваши костюмы из химчистки, и можете сосредоточиться на других вещах: «Я не делаю ничего из того, что кто-нибудь может сделать лучше». Или если вы Андреа Вальц, соавтор книги «Стремись услышать нет!», которая считает, что чем больше вы делегируете, тем больше преуспеваете. Или если вы Льюис Хаус, ведущий подкаста «Школа величия»: «Сосредоточьтесь

на том, в чем вы наиболее сильны, и наймите других, чтобы они делали остальное». Все то же самое в 30 книгах: купите чужое время у тех, кто им обладает. Но что делать, если вы не можете себе позволить кого-то нанять? «Вы всегда можете, – говорит Тони Роббинс. – Увидите!»

Круз не новичок в управлении временем. Он основал собственную компанию в 22 года, которая оказалась оглушительной неудачей (он устраивал шоу в местном молодежном хостеле). В автобиографии он пишет, что только после того, как открыл власть Искреннего Лидерства и понял, как Овладеть Своими Минутами, он стал тем, кем является сейчас: основателем нескольких компаний стоимостью в много миллионов долларов. По ходу дела он собрал множество информации о том, как трансформировать время дня, недели и, соответственно, жизни.

Главным источником информации для Круза является Kruse Group – банк исследований тайм-менджмента, и самая яркая мысль, которая хранится в нем, звучит так: «Люди, которые активно занимаются поиском возможностей делегирования, показывают более высокий уровень продуктивности, энергичности и удовлетворения жизнью, и менее склонны чувствовать, что они “перетрудились и перегружены”». В цифровой среде делегирование теперь означает не перенос нагрузки на измученных низкооплачиваемых работников офиса (т. е. сваливать на тех, кому не повезло), а аутсорсинг с программным приложением или URL-адресом. Экономия времени стала демократичной и представляет золотую жилу для стартапов. Поэтому Круз нанимает фалангу сотрудников, которые помогают ему экономить время, когда он пишет свои книги: есть Кларисса, дизайнер обложек из Сингапура, с которой он никогда не виделся; Баладж из Индии, занимается поиском данных, то же самое; Серена, разбирающаяся с его электронной почтой, сидя в Таиланде; и Камилла, редактор, которую он нашел на [fiverr.com](https://www.fiverr.com), живет в США, то же самое.

Многие высказывания Круза могут показаться банальными и чрезмерно упрощенными, но того, о чем он говорит, добиться гораздо труднее, чем кажется. Например, «Секреты времени 29 преуспевающих студентов» требуют строгой самодисциплины.

1. Отключись от социальных сетей.

2. Не выходи из дома по вечерам и во время учебных сессий общайся преимущественно с людьми своего круга.

3. Мелкие задания, которые требует менее 5 минут, делай незамедлительно.

4. Запланируй «личное время». Будь как Кэтлин Хэйл, студентка-медик из Нью-Джерси: «Я делаю так, чтобы каждый вечер как минимум час посвящать себе».

«Секреты времени 13 спортсменов-олимпийцев» тоже весьма продуктивны.

1. Не планируй расписание тренировок в телефоне: возьми крупный бумажный календарь. Это поможет видеть перспективу того, чего ты уже добился и что тебе еще предстоит.

2. Не бойся говорить нет окружающим.

3. Отдых, вероятно, самый игнорируемый и недооцениваемый аспект.

4. Будь как Брайана Скарри^[167], голкипер с очень подходящей фамилией, которая в 1996 и 2004 годах выиграла золотые олимпийские медали в составе женской сборной США по футболу, и спроси себя: «Помогут ли мне занятия такого рода выступать лучше и, соответственно, выиграть золото?» Она называет эту сосредоточенность «раскаленной одержимостью».

Советы Кевина Круза и его товарищей способствуют сосредоточенности на экономии времени на рабочем месте с хорошо известными целями: максимальное повышение

производительности, уничтожение помех, обогащение, достижение Американской мечты (почти все книги действительно написаны американцами – трудно найти племена в Патагонии или Перу, которых очень волновала бы экономия 10 минут на очередной встрече). В названиях почти всех книг фигурируют числа – это измеримые величины. Но есть и менее интенсивный подход к управлению временем, более мягкий и целостный подход, ориентированный на сохранение баланса «жизнь – работа». В этом смысле кое-что интересное можно почерпнуть из следующих книг:

Overwhelmed: How to Work, Love and Play When No One Has the Time by Brigid Schulte

Time Management for Manic Mums: Get Control of Your Life in 7 Weeks by Allison Mitchell

Managing Time Mindfully: A Mindful Approach to Time Management by Tom Evans

Business Owners: Your Family Misses You: Time Management Strategies That Free up Two Hours a Day and Get You Loved Again by Mike Gardner.

Eat That Frog! 21 Great Ways to Stop Procrastinating and Get More Done in Less Time by Brian Tracy

Eat the Elephant: Overcoming Overwhelm by Karolyn Vreeland Blume

Когда вы все это съедите, вы сможете сделать гораздо больше, чем выстраивать свою домашнюю жизнь по книге Лоры Вандеркам *I Know How She Does It: How Successful Women Make the Most of Their Time*. «Управление временем всегда будет популярной темой, потому что мы все размеряем свою жизнь по часам, а количество часов у всех одинаковое», – сказала мне Лаура. Она также автор книги «Что самые успешные люди делают до завтрака», где утверждается: «За все деньги мира вы не купите себе лишней секунды».

Можно даже, в стиле этого жанра, перейти от презрения к поздравлениям. Сантименты Вандеркам производят впечатление даже при том, что порой кажутся избыточными. Она рассказывает, что испытала момент озарения одним июньским днем на ферме в Пенсильвании, когда с двумя своими детьми собирала клубнику. Она обратила внимание на строчку на ящике: «Помни: ягодный сезон короток». Вместимость ящика составляла примерно 4,5 килограмма, а если с горкой – то и все 5, и она задумалась, нельзя ли сделать то же самое с собственной жизнью. «То, как ты проживешь свою жизнь, зависит от того, как ты проведешь 8760 часов, которые составляют год, и примерно 700 000 часов, которые составляют жизнь». Она решила проводить больше времени на «клубничных фермах, а также дольше укладывать малышей спать и заниматься работой, которая может изменить хотя бы один уголок во Вселенной».

Для Вандеркам эта работа выглядела следующим образом. Она создала разлинованные тетрадки учета времени, рассчитанные на неделю, и разослала их 143 работающим женщинам. В итоге она получила представление о 1001 (143×7) дне, в которых учитывалось время, потраченное ими на дом, работу и на себя. Она назвала этот проект «Мозаика». Каждый день, с 5 утра до полуночи, был разбит на получасовые сегменты. Участницы должны были заполнять каждую клеточку, и неважно, насколько скучными, предсказуемыми, повторяющимися или даже неловкими для упоминания были эти периоды. Проведя два часа в «Фейсбуке», нужно отметить это в четырех клетках. Главное – честность.

В середине марта 2014 года Вандеркам, тогда в возрасте 35 лет, решила сама заполнить такую тетрадку учета времени, а когда опубликовала ее, я почувствовал себя подглядывающим в замочную скважину. Например, в четверг, 18 марта, она начала работать в 6 утра. Это заняло три клеточки. В 7:30 начался завтрак с детьми. Затем она продолжила работу над неназванным проектом до 10:30, после чего характер работы изменился. В двух следующих клеточках

значилось «Работа (мозговой штурм, обмен идеями)». С 13 часов она час потратила на электронную почту, потом было часовое интервью, а клеточки между 15 и 16 поделались между «работой» и «пробежкой». Пока все скучно, но потом занятия стали более разнообразными. Работа в следующих клеточках заключалась в написании черновика текста для Oprah – продолжения ее проекта «Мозаика», и похода в библиотеку («писала роман, 2000 слов!»). В половине восьмого вечера она поела суши в кафе, в восемь заправила машину бензином и поехала домой. В следующей клетке читала детям на ночь и укладывала спать, дальше клетка «телевизор», потом «душ» (Да!) и много клеток «в постели». В среду появлялись такие записи, как «работа, приведение себя в порядок для видеозвонка», а за ней – «видеозвонок не состоялся, неэффективно!». В 14 часов запись: «Звонок, назначенный на 2 часа, тоже не состоялся». К концу дня более приятные новости: «ужин с семьей» в половине седьмого, затем почти катастрофа: «двое детей в Икеа, Дж. смотрит Frozen».

Выходные выглядят несколько иначе, поскольку это время проводится преимущественно с семьей. В субботу она встает на час позже, занимается уборкой, проводит четыре клеточки на Scout's Pinewood Derby, играет на улице с детьми и отводит пять клеточек на вечерний поход в ресторан с мужем. Далее нельзя не предположить, что какие-то клеточки будут отведены сексу, но единственный намек на это в воскресенье, в 22:30. Во все остальные дни в этой клеточке появлялась запись «душ», а теперь – «Душ и пр.».

Анализируя записи после того, как неделя завершилась, Вандеркам была разочарована тем, что вечера получились не столь эффективными, как ей хотелось бы, поскольку пришлось делать несколько дел одновременно. Если ей нужно было работать вечерами, она надеялась, что имеет четкое представление о том, что намерена совершить, а вместо этого то и дело заглядывала во «входящие» электронной почты. Я спросил Лору, что ее больше

всего удивило в тетрадках учета времени, которые получила от других людей, и она сказала, что наибольшее впечатление на нее произвела степень приспособляемости.

Даже женщины, занятые самыми традиционными видами деятельности, находят способы распределять рабочее время так, чтобы встраивать в него личное. Я выяснила, что примерно три четверти женщин во время работы решают еще какие-то свои дела. Разумеется, бывает и наоборот. Три четверти делают что-то связанное с работой по вечерам, или в выходные, или рано утром. Для меня эти два типа полностью взаимосвязаны, поэтому нельзя сказать, что хорошо, а что плохо.

В ходе исследования Вандеркам выявила несколько ложных представлений. Американцы склонны думать, что уделяют работе больше времени, чем уделяли их родители, но справедливо, может быть, и противоположное мнение. Согласно исследованиям Федерального резервного банка в Сент-Луисе, средняя продолжительность рабочей недели сократилась с 42,4 часа в 1950 до 39,1 в 1970 году. В 2014 году Бюро трудовой статистики выяснило, что средняя продолжительность рабочей недели (не в сельском хозяйстве) составляет уже 34,5 часа. Средние величины, разумеется, понятие обманчивое, как и предположение о том, что люди рады меньше работать; это может означать меньшую оплату и, следовательно, невозможность с удовольствием использовать свободное время. Рабочие часы сейчас не могут служить индикатором глубины занятости.

Вандеркам обнаружила то, что опытным социологам-аналитикам давно известно: люди склонны лгать. «Судя по цифрам, большинство людей отнюдь не перерабатывают, – отмечает Вандеркам. – За те 10 лет, которые я занимаюсь изучением времени и карьеры, я сталкивалась с исследованиями, которые показывают поразительную тенденцию белых воротничков раздувать свои рабочие часы». Это

особенно характерно для тех белых воротничков, которые работают в так называемых потогонных компаниях – традиционно изнурительных областях финансов и технологий. «Никто не хочет выглядеть так, словно он работает меньше, чем парень в соседнем кубике».

Это наблюдение подкрепляется исследованием, которое проводил в течение десятилетия социолог Джон Робинсон с коллегами из университета Мэриленда. Используя данные, полученные в результате Американского опроса использования времени, они в 2011 году опубликовали статью в *Monthly Labor Review*, в которой, в частности, сравнивались оценки проработанных часов с подробными листами учета. Оказалось, что те, кто заявлял о 75-часовой рабочей неделе, на самом деле трудились на 25 часов меньше. Опрос руководителей об использовании рабочего времени, который провели специалисты из Лондонской школы экономики, охвативший более 1000 высших должностных лиц разных компаний из шести стран, опубликованный в 2014 году, показал, что в среднем руководство тратит по 52 часа в неделю на трудовую деятельность: значительное число, но не слишком впечатляющее для тех, кто знает об этом по литературе и кинофильмам. 70 % опрошенных заявили, что работают не более пяти дней в неделю.

«Когда я в плохом настроении, я от этого злюсь, потому что мне кажется, что происходит что-то необъяснимое, – говорит Вандеркам. – Преувеличивая продолжительность рабочей недели, некоторые делают вид, что их работа не под силу тем, кто думает еще и о личной жизни. Заставлять женщин и мужчин считать, что они обречены выбирать между конкретной карьерой и семьей, значит, резко снижать конкуренцию».

В этом, возможно, истинная ценность этих клеточек в тетрадах учета времени: помимо того, что они усиливают желание эффективнее использовать каждую минуту бодрствования, они могут показать людям, что жизнь их на самом деле не совсем такая, как они думают. «Лучший результат для некоторых в том, что им

придется видоизменять истории, которые они себе рассказывают, – говорила Вандеркам. – Популярная тема: работающие матери проводят недостаточно времени со своими детьми. Одна женщина посмотрела на свою тетрадку учета времени и поняла, что на самом деле проводит все время со своими детьми школьного возраста, когда они находятся дома. Увидев это, она сказала, что привыкла чувствовать себя виноватой, но теперь это ощущение прошло. Если она хочет сходит в спортзал – в этом нет ничего страшного».

II. Простая система скудной электронной почты

Изучение управления временем и последующий перевод этих знаний в доступные научные и точные советы в книжной форме существует довольно давно. Интернет и растущее осознание того, сколько времени мы тратим на деятельность, недоступную нашим родителям, подстегнули появление множества разнообразных книг на эту тему, а также отход от традиционной офисной и фабричной деятельности к фрилансу и стартапам. Но поистине новаторские труды появились еще раньше. Самый влиятельный из них опубликован в 1989 году. Это книга Стивена Кови «Семь навыков высокоэффективных людей». Кови, скончавшийся в 2012 году, называл себя «вечным студентом» тайм-менеджмента и полагал, что сущность всей проблемы может быть выражена фразой «Умение организовывать и выстраивать приоритеты». Например, создание этой, ставшей чрезвычайно популярной, книги стало для него приоритетом на несколько месяцев; такого уровня концентрации он достиг, следуя собственному принципу: «в первую очередь – самое важное». Он явно поступил очень правильно: издатели утверждают, что тираж его книги превысил 25 миллионов экземпляров^[168].

В своей книге Кови выделяет три поколения советов по управлению временем, каждое опирается на предыдущее. Первое вращалось вокруг составления списков и представляло собой «попытку признать нашу включенность во множество вопросов, которые требуют нашего времени и энергии». Второе поколение определяется как поколение календарей и дневников деловых встреч, желание смотреть вперед и планировать. Третья волна – попытка выстроить приоритеты требованиям времени, особенно в отношении ценностей, и ставить соответствующие цели. Но Кови также предположил, что идея тайм-менеджмента вскоре выйдет из моды: слишком много списков, слишком сильная привязанность к объектам и целям сдерживают человеческие взаимоотношения и

спонтанность. «Тайм-менеджмент – неправильное выражение, – полагал он. – Проблема не в организации времени, а в организации нас самих». Но эти мысли высказывались 25 лет назад. Битком набитые книжные полки – свидетельство того, что с ним мало кто согласился.

В конце концов, есть четвертый путь. Он опирается на матрицу управления временем, которую Кови поделил на четыре сектора.

1. Срочное и важное, то есть кризисы и серьезные дедлайны.

2. Не срочное, но важное. Например, перспективное планирование и выстраивание взаимоотношений.

3. Срочное, но не важное. Например, ответы на назойливые электронные письма и непрофильные встречи (то есть деятельность, которую другие могут считать важной, а вы – нет; деятельность, обусловленная тем, чего ждут от вас другие).

4. Не срочное и не важное: сделать передышку в обычном напряженном графике и заняться деятельностью, которая не добавляет ничего специфического к рабочему дню.

«Есть люди, которые каждый день буквально валятся с ног под грузом проблем, – пишет Кови. – [90] процентов их времени проходит в первом секторе, а почти все остающиеся 10 % – в четвертом секторе; второму и третьему секторам уделяется пренебрежимо малое количество времени. Так живут люди, которые организуют свое время кризисами». Кови полагает, что есть люди, проводящие много времени в третьем секторе, но «уверенные, что находятся в первом секторе. Основную часть своего времени они реагируют на вещи, которые являются срочными, предполагая, что они еще и важные».

Так, где же следует грамотно проводить время? Разумеется, не в третьем и четвертом секторах, потому что там находятся в основном те, кто «ведет безответственную жизнь». А вот второй сектор представляет собой суть эффективного персонального менеджмента.

«Здесь осуществляются дела не срочные, но важные. Не только те, которые президенты США называли «предвидениями», но и те, что связаны с определением личных целей, выявлением ценностей, практическими действиями и психологической подготовкой к реализации амбиционных целей. Кови писал до того, как майндфулнесс^[169] стал осознанной силой, но он также должен присутствовать во втором секторе.

Эти секторы изначально планировалось применять в отношении совершенно традиционной деловой обстановки, но их можно адаптировать и к менее формальному и более персонализированному цифровому миру. И для того, и для другого идея та же и кажется очевидной: сначала надо делать важные дела. Кови тогда опирался на мантры в духе Дэвида Брента: эффективные люди не заморачиваются проблемами, они ищут возможности. Они кормят возможности и держат впроголодь проблемы.

Но прежде чем эти выражения стали мантрами, а точнее, за 82 года до этого, Арнольд Беннет написал книгу об управлении временем, которая должна была похоронить (возможно, так и думали в то время) все остальные книги по управлению временем, и даже имела ироничное название: «Как жить 24 часа в сутки». Беннета лучше помнят по его романам, описывающим жизнь в «Гончарнях», а еще, вероятно, за омет, названный в его честь после того, как он останавливался в отеле «Савой»^[170]. Книга об управлении временем появилась в 1910 году, когда ее автор находился в зените славы. Она была настолько краткой, что Беннет даже жаловался, что рецензенты преуменьшали ее объем. По современным меркам его анализ и советы выглядят слишком резкими, решительными и покровительственными; но для его критиков и, вероятно, для большинства читателей, руководство было полезным и оригинальным.

Нет времени на то, чтобы выполнить все дела, которые вы запланировали на вечер? Встаньте утром на час раньше. Слишком устали, чтобы утром встать на час раньше, и беспокоитесь, что не

выспитесь? «Мое мнение, которое укрепляется год за годом, – писал он в недатированном предисловии к новому изданию книги, – заключается в том, что сон – это дело привычки и слабосилия. Убежден, что большинство людей спит, сколько спит, потому что не знают других развлечений» (он написал, что врачи, с которыми он разговаривал, это подтвердили). Но как можно начать новый день без пищи и прислуги в этот слишком ранний недобрый час? Надо попросить прислугу накануне вечером поставить вам поднос со спиртовкой, чайником и бисквитами. «Правильная, разумно сбалансированная жизнь может зависеть от доступности чашки чая в необычный час».

Беннетт выдерживает оптимистичный тон. Жизнь, убежден он, слишком удивительна и коротка, и хотя время конечно, оно тоже – как ни парадоксально это звучит – является нашим возобновляемым ресурсом. «Запас времени – поистине ежедневное чудо, – вещает он словно с кафедры, – явление поистине удивительное, если к нему присмотреться внимательно. Вы просыпаетесь утром – и вот! Ваш кошелек волшебным образом наполнен двадцатью четыремя часами нерукотворного вещества, из которого состоит вселенная вашей жизни!» Особенно ему нравился уравнительный демократизм времени: гардеробщик в отеле «Карлтон» имеет его столько же, сколько аристократы, которых он обслуживает. Время – не деньги, как утверждал Бенджамин Франклин. Ни богатство, ни происхождение, ни гениальность не вознаграждаются даже одним дополнительным часом в сутки; деньги можно заработать, а время бесценно.

Беннетт выбрал несколько интересных целей, включая собственную профессию. Романы – это очень хорошо, но чтение их редко растягивает рабочий день так, как способна хорошая книга, посвященная самосовершенствованию. Читателю, который «решает посвящать по 90 минут три раза в неделю глубокому изучению произведений Чарльза Диккенса, пригодится хороший совет изменить свои планы».

Поэзия, с другой стороны, «требуется более сильного умственного напряжения», чем романы, и является высшим видом литературы: «Утерянный рай», свидетельствует он, во всех смыслах наилучший способ проведения свободного времени^[171].

Беннет признавал, что его советы, возможно, чрезмерно дидактичны и резки, но продолжал настаивать на своем. Главное в грамотном управлении временем – относиться с уважением к заранее прописанной программе дня, но не становиться ее рабом. «О нет, – слышит Беннет стоны измученной супруги, – Артур всегда выводит собаку на прогулку в восемь утра, и всегда приступает к чтению в четверть девятого. Так что даже не обсуждается, должны ли мы...». Звучащая здесь нотка обреченности, отмечает автор, приоткрывает «неожиданную и нелепую трагедию чьей-то карьеры».

И любой ценой нужно стараться избегать педантизма. «Педант – дерзкий человек, который напускает на себя вид мудреца. На самом деле педант – напыщенный дурак, который выходит на церемониальную прогулку, не сознавая, что лишен важной части своего облачения, а именно – чувства юмора». Урок, по мнению Беннета, заключается в том, чтобы «помнить, что ты имеешь дело только с собственным временем, а не с временем других людей, что Земля вращалась вполне комфортно и до того, как кто-то начал выверять бюджет времени, и будет вращаться не менее комфортно вне зависимости от того, преуспеет ли кто-то в своей новой роли казначея времени».

До Беннета еще существовал «Уолден» Генри Дэвида Торо^[172]. Роман, опубликованный в 1854 году, – оригинальная медитация сурвивалиста^[173] на тему упрощения жизни: как можно просто и «сознательно» жить в хижине и при этом не потерять рассудок. Самому Торо это не совсем удалось. Он весьма претенциозно заявлял: «Если вы построили воздушные замки – это не значит, что вы проделали напрасный труд. Значит, им там и место. Не пытайтесь подводить под них фундамент».

«Уолден» – не столько трактат об управлении временем, сколько полное духовное переосмысление. Его трансцендентальная самореклама ближе к риторике Сенеки и Бл. Августина, нежели к надеждам Лоры Вандеркам или Стивена Кови на уравновешенную жизнь. Торо тешил себя иллюзиями о достоинствах жизни в природе (и сам провел таким образом 26 месяцев). Его позиция настолько же асоциальна, насколько и элитарна. Но для тех, кто не в силах полностью отрезать себя от интернета, его умозрительное представление о пуританском образе жизни в лесах и копании в земле стало высокоэффективным (хотя и примитивным, и невыполнимым) руководством-самоучителем. Имея Торо в качестве гида, вы не только получите 18 полезных советов о том, как максимально нагрузить рабочий день, вы вернете свое сознание во времена, когда земля была первобытна и холодна, каждый знал, у кого можно взять займы кося, бедняки все были втайне счастливы, а вы могли бы большую часть дня сидеть в кресле у пруда, созерцая пупок под власяницей, и наблюдать течение реки. И если вам все это нравится, но вы несколько беспокоитесь насчет клещей, то можно облачиться в камуфляж и заняться пейнтболом.

Разумеется, мы все в той или иной степени занимаемся организацией своего времени. Каждое последующее решение требует по крайней мере какого-то опыта обращения с временем. И даже самые уверенные в себе мучаются вопросами, которые можно интерпретировать как кризисы. Наше время кратко, как определить ценность приоритетов? Кто скажет, что сбор клубники предпочтительнее зарабатывания тучи денег? Получат ли наши дети двойную выгоду, если мы каждый вечер будем проводить с ними не по два, а по четыре часа?

И может ли какая-то из этих книг помочь нам в принятии решений? Могут ли максимально убедительно выстроенные ключевые моменты и матрица из четырех секторов трансформировать жестко запрограммированное сознание? Идею экономии четырех часов каждые 10 минут рассматривает Карл

Оноре в работе «Медленное решение: почему быстрое решение не помогает». Тон книге задает эпиграф из «Отелло»: «Как беден тот, кто небогат терпением! Какая рана заживает сразу?»^[174]

Быстрые решения имеют место, пишет Оноре: прием Геймлиха, решение с герметизирующей лентой и картоном, которое нашли в Хьюстоне для помощи астронавтам корабля «Аполлон-13»; но организация времени личной жизни к этому отношения не имеет. Он утверждает, что слишком многое в нашем мире строится на нереалистичных амбициях и неубедительном поведении: фигурка для бикини за две недели, лекции на TED Talks, которые обещают изменить мир, футбольные тренеры, которых увольняют после двух месяцев неудачных выступлений команды^[175].

Он приводит примеры поспешных и неудачных решений в промышленности (например, «Тойота» не смогла найти правильное решение проблемы, которое могло предотвратить отзыв 10 миллионов автомобилей), в военных действиях и дипломатии (вооруженное вторжение в Ирак). Есть еще медицина и здравоохранение, и ошибочное убеждение – поддержанное изначально СМИ и фондом Билла и Мелинды Гейтс – что определение ключевого момента могло бы помочь справиться с серьезными заболеваниями, если бы мы действовали умнее, быстрее и вкладывали больше денег.

Оноре вспоминает малярию и неясную, но привлекательную историю о том, как Всемирная организация здравоохранения собрала в своей штаб-квартире в Женеве целый ряд IT-мудрецов с целью найти способ победить малярию и прочие тропические заболевания. Когда он там побывал, то увидел офисы, несколько отличающиеся от рабочих мест в Пало-Альто (вентиляторы под потолком, серые картотечные шкафы, ни одного сегвея). «Технари прибыли со своими ноутбуками и сказали: «Давайте информацию и карты, мы решим ваши проблемы». Оноре приводит слова одного давнего сотрудника ВОЗ, Пьера Буше: «Я подумал: “неужто так просто?” Тропические заболевания – невероятно сложная

проблема... Ну, через какое-то время они уехали и мы больше о них не слышали».

Правильное, применимое решение многих проблем может оказаться полезным инструментом и за пределами его непосредственного применения: мирные переговоры на Ближнем Востоке или подростки, увлеченные многоуровневыми игровыми задачами, возможно, могут дать свежий взгляд на укоренившиеся отношения. Оноре поставил перед собой и персональную задачу: найти надежное лекарственное средство для избавления от болей в спине вместо тех, что дают быстрое, но краткосрочное облегчение, и которые он применяет годами.

Но Оноре малочисленны. На каждого Оноре приходится двадцать торопыг, которые не желают тратить время на проволочку. А если быстрых решений для любителей быстрых решений недостаточно, они будут искать сверхбыстрые решения – ядра драгоценных самородков для людей, ведущих действительно очень занятой образ жизни. В конце концов, проблема нехватки времени на знакомство со всеми книгами по управлению временем решается просто: highperformancelifestyle.net. Именно там человек по имени Косио Ангелов, автор книги «Простая система скудной электронной почты», расспросил 42 человек, занимающихся менеджментом продуктивности, как им удается постоянно сохранять концентрацию. Лора Вандеркам и ее друзья назвали по три ключевых момента, которые позволяют разделять расточительные дневные циклы и сохранять это деление.

Мора Томас, ведущая сила сайта [Regain Your Time](http://RegainYourTime.com), к примеру, предлагает.

1. Будьте конкретны и позитивны: артикулируйте каждую новую цель отдельно (а не говорите «тратить меньше времени на проверку почты»).
2. Идентифицируйте помехи.
3. Свяжите новый обычай с наградой – типа чашечки кофе.

Джордж Смолински, «терапевт на 4 часа», предпочитает следующее.

1. Новый обычай нужно закреплять ежедневно в одно и то же время и в одинаковой обстановке.

2. «Записывайте!»

3. «Ешьте как слон!» (Что-то одно за раз.)

Паула Риццо, представленная на сайте как List Producer («Создатель списков»), предлагает вот что:

1. Разумеется, необходимо начать со списка.

2. Делите задание на мелкие части.

3. Хорошая работа достойна награды – «например, прослушать свою любимую песню».)

Но что делать, если ваша оперативная жизнь слишком насыщена, чтобы прочитать даже все эти три изящные рекомендации? В таком случае, вам повезло. Все стратегии, предлагаемые 42 специалистами, можно выпарить, как хороший французский бульон.

1. (Выбрано 15 экспертами): Начинать с малого и делить нагрузку на более простые части.

2. (11 голосов): Проявляйте настойчивость и не разрывайте цепь.

3. (10 голосов): Имейте заранее подготовленный план.

4. (9 голосов): Используйте друга-контролера – того, кто будет следить за вашим прогрессом и стимулировать к достижению цели.

5. (8 голосов): Награждайте себя.

Всем желаю удачи!

Глава тринадцатая
Жизнь коротка, искусство вечно

I. «Часы» – это часы

Публика склонна презрительно относиться к заголовкам, состоящим исключительно из перечислений, но кто искренне не порадует подборке фотографий, озаглавленных «21 Самая Необычная Лошадь, По Сравнению С Которыми Даже Единорог Выглядит Просто», или «Эти 15 Собак Хотели Бы Все Вернуть, Если бы Могли... Но Им Приходится Лишь Сожалеть»? Наверное, не избежать и ситуации, при которой кто-то, имеющий очень много свободного времени, составит список под названием «8 фильмов, где Люди Висят На Гигантских Часах»^[176].

1. *«Безопасность прениже всего!»* (Safety Last!)

2. *«Назад в будущее»* (Back to Future). Большой привет фильму «Безопасность прениже всего!» – когда Док Браун овладевает энергией часов на ратуше в городке Хилл-Вэлли, чтобы вернуть Марти Макфлая в настоящее).

3. *«Хьюго»* («Хранитель времени») (Hugo). Тоже привет фильму «Безопасность прениже всего!» Режиссер Мартин Скорсезе вставляет клип с Гарольдом Ллойдом, а сюжет всего фильма, снятый на железнодорожной станции, связан с часами и точностью их работы.

4. *«Великий мышиный сыщик»* (The Great Mouse Detective). Мультпликационный фильм, подражание рассказам о Шерлоке Холмсе. Злой гений преступного мира Рэтиган сражается с Бэзилем и его друзьями на крыше Биг-Бена^[177].

5. *«Шанхайские рыцари»* (Shanghai Knights). Еще одно подражание Шерлоку Холмсу с Джеки Чаном («все трюки выполняет сам») и Оуэном Уилсоном. Уилсон забирается на циферблат Биг-Бена, а когда оказывается там, обнаруживает: «тебе скоро конец – ты на минутной стрелке часов».

6. «Проект А» (Project A). Еще один фильм с Джеки Чаном. На этот раз он падает с менее высокой часовой башни после того, как циферблат вываливается из здания, как в «Безопасность прениже всего!»

7. «39 шагов» (The 39 Steps). Версия 1978 года с Робертом Пауэллом в роли Ричарда Ханни. Ему приходится разбить стекло циферблата Биг-Бена, чтобы минутная стрелка не дошла до 11:45, тем самым предотвращая взрыв в здании Британского парламента. В романе Джона Бучара нет этого эпизода.

8. «Питер Пэн» (Peter Pan). Диснеевская версия. Питер и Дарлинги идут по минутной стрелке Биг-Бена, направляясь в Нетландию.

Но есть и еще один фильм, в котором люди висят на часах, да и зрители тоже. Это фильм Кристиана Марклея *The Clock* («Часы»). Вот шесть причин, по которым его стоит смотреть.

1. Идеально осуществленная идея. В нем около 12 000 клипов из знаменитых старых фильмов, в которых показаны часы или сюжеты, связанные с временем; просмотр всех клипов подряд занимает 24 часа.

2. Проект удостоен главного приза Венецианского кинофестиваля 2011 года и получил хвалебную прессу. Романистка Зэди Смит в *New York Review of Books* оценила его «тонкость», а *Times Literary Supplement* отметил как «выдающееся достижение – философское, элегантное, гипнотизирующее и зачастую веселое».

3. Просмотр бесплатный. Марклей не приобретал права на использование клипов, полагая, что они находятся в «свободном использовании» как произведения искусства. Соответственно, организации, которые приобретали копии для показа на большом экране (всего шесть копий, в том числе находящиеся в нью-йоркском Музее современного искусства и

в Национальной галере Канады) согласились не брать со зрителей плату за просмотр.

4. Можно не брать с собой часы. Время, показываемое на каждом клипе – многие из них длятся всего по несколько секунд – синхронизируется с внешним миром. Если вы смотрите его в галерее White Cube в лондонском районе Мейсонс-Ярд, где этот проект был впервые показан в октябре 2010 года, и будильник или старинные дедушкины часы на экране показывают 8:40, то на соседней Пикадилли как раз утренний час пик. Если часы на стене тюрьмы показывают 13:18, значит, вы смотрите это в свой обеденный перерыв. Проект «Часы» – это часы; в этом его хитрость, шаблон и уникальная гениальность.

5. Его можно смотреть в 4 часа утра. Притом что основное время показа приходится на обычные часы работы музея, условия приобретения таковы, что должно быть несколько 24-часовых показов. Во многих случаях выстраивались очереди, чтобы посмотреть его до рассвета. Когда Дэниел Залевски по заданию *New Yorker* отправился смотреть его в ночную смену, он испытал ощущения, сходные с чтением романов Харуки Мураками, «когда персонажи перемещаются в другую вселенную». Он посоветовал читателям приходить смотреть его с 10 вечера до 7 утра. В таком случае «фильм вас просто затягивает – особенно после полуночи. Чем дольше вы бодрствуете – после того как Клют, мистер и миссис Смит и десятки других персонажей ложатся спать, тем большую эйфорию и экстаз вы испытываете и становитесь одним из непонятно чем взволнованных экранных персонажей».

6. Он завораживает. Вы можете планировать посмотреть его в течение часа или около того, но и через три часа вам трудно оторваться и заставить себя уйти. «Часы» производят колдовское действие – гораздо более сильное, чем творческие поиски, редактирование и художественная выносливость могли

бы предположить. Это торжество кино и представление времени в его собственных границах (в частности, насколько готовы мы забыть о времени при просмотре кинофильма, и каким образом время зачастую становится безымянным персонажем разворачивающихся событий). Вы выходите с просмотра с обостренным чувством времени, в очередной раз осознав (как это происходит в особенно поздний час), насколько важную роль оно играет в нашей жизни.

Я поздно собрался посмотреть «Часы». Я смотрел его в музее искусств округа Лос-Анджелес, когда он уже находился в прокате около пяти лет, но, разумеется, время над ним не властно. Табличка перед входом в зал для просмотра извещала, что в работе время играет роль «многоликого главного героя... представляя каждую проходящую минуту как средство реализации драматических возможностей». Клипы называются «найденными кадрами», что, в общем-то, так и есть, только надо помнить, что Марклей нанял группу из семи специалистов, которым пришлось просмотреть десятки тысяч часов экранного времени, чтобы найти для него подходящий для объединения материал. Табличка также предупреждает: «Все виды фотосъемки, аудио и видеозаписи запрещены».

Внутри – белые диваны фирмы Икеа (на этом настаивал Марклей). Я вошел в зал примерно в 11:30, и фильм уже давно демонстрировался. На самом деле он демонстрировался непрерывно с того момента, когда этот необычный показ начался здесь пять недель назад. Он шел за закрытыми дверями всю ночь, чтобы не нарушать синхронизацию: останавливать его – все равно что останавливать настенные часы, когда на них никто не смотрит.

В зале было еще два человека. Первый сюжет, который я увидел, был из фильма *Falling Down* («С меня хватит!»), где Майкл Дуглас играет человека, проживающего день, в течение которого, кажется, рушится вся его жизнь. В 11:33, в одной из относительно легких

сцен, ему говорят, что в «Макдоналдсе» перестают подавать завтрак в 11:30. Потом – клип из фильма I want to Live («Я хочу жить»): женщина, привязанная к креслу в ожидании казни; секундная стрелка часов показывает ее судьбу, камера переходит на телефонный аппарат, который не звонит, чтобы принести ей помилование. Далее – клип из эпизода сериала The Twilight Zone («Сумеречная зона»), озаглавленного «Вопрос минут», в котором американская супружеская пара проваливается на два часа в петлю времени, в которой каждая минута в истории представляет другой мир, который требуется постоянно перестраивать. Как сообщает им один из персонажей: «Это звук приближения реального времени!» Потом – Easy Rider («Беспечный ездок»), когда Питер Фонда обнаруживает, что у него сломались часы. В 11:42 пришло время для The Thirty-nine Steps («Тридцать девять шагов»). В 11:44 меня поджидал сюрприз в образе человека, висящего на циферблате часов из фильма My Learned Friend («Мой ученый друг»). А затем была самая длинная, пожалуй, сцена из всех 24 часов – потрясающий четырехминутный монолог Кристофера Уокена о много чего повидавших наручных часах из фильма Pulp Fiction («Криминальное чтиво»).

Я думал, что буду готов уйти через пару часов, но часа через три я по-прежнему ощущал тягу, которую испытали Зэди Смит^[178] и многие другие. Привыкнув к множеству документальных шоу, которые беспрерывно крутят в музеях, а ты вынужден сидеть на жестких скамейках и через пять минут начинаешь ждать медали за усидчивость, здесь я почувствовал, что меня удерживает нечто большее, чем на обычном сеансе в моем ближайшем к дому кинотеатре. Так оно и было. В 2:36 два эпизода из фильма Fanny and Alexander («Фанни и Александр») Ингмара Бергмана были перебиты одной сценой из Interiors («Интерьеры») Вуди Аллена, а потом на часах повис сам Гарольд Ллойд.

Этот гигантский коллаж можно воспринимать по-разному – от поверхности до самых глубин. У каждого зрителя, безусловно, свои

ожидания и предпочтения, а возможно, и вздохи при виде того или иного сюжета. Но через некоторое время вырисовывается более широкая картина: как актеры на протяжении карьеры изменяются с возрастом (иногда в обратную сторону: обратите внимание, как Джек Николсон превращается из морщинистого старика в фильме *About Schmidt* («О Шмидте») в яростного здоровяка в фильме *One Flew Over the Cuckoo's Nest* («Полет над гнездом кукушки»). Майкл Кейн, Мэгги Смит и Аль Пачино тоже подвергаются воздействию своеобразного кинематографического ботокса.

Мы также оказываемся свидетелями совершенствования материальных возможностей самого кинематографа – от пульсирующей шероховатой жизненной силы немого кино до гигантских наплывающих перспектив компьютерной графики. Мошенничество, манипуляции с временем, позволяющие ускользнуть в воображаемый мир, существуют с нами на протяжении столетия. Технологии, обеспечивающие такую возможность, совершенствовались с развитием звукового кино одновременно с нашей способностью не верить этому. (И, разумеется, именно технологии позволили Марклею загнать фильм протяженностью 24 часа в компьютерный файл и сделать возможным произвольный просмотр. От этой идеи у Гарольда Ллойда, Роско «Толстяка» Арбакла и Стэна Лорела голова закружилась бы больше, чем от всех трюков, доступных в слэпстиках^[179]). Сравнительные физические свойства целлулоидных и цифровых фильмов, особенно если их сопоставлять во времени, существенно изменили потенциальный художественный ландшафт).

Около трех часов я наконец вышел освежиться на солнце. Но скоро почувствовал неодолимую тягу вернуться и новое ощущение: этот фильм завладел мной. Поскольку он демонстрируется постоянно, ему не требуется аудитория. Никто не будет считать кассовые доходы, никто не понесет потерь, если фильм никто не будет смотреть. Это время без денег: редкое явление как в индустрии развлечений, так и в мире искусства в целом.

Марклей в интервью Джонатану Ромни из *Sight & Sound* объяснял, что помимо точного соответствия между временем, демонстрируемым в найденных кадрах, и временем длительности фильма в реальном мире (это он собирал по частям час за часом), его интересовали и более общие представления о времени. «Например, язык тела ожидающего человека может выражать нетерпение, страсть или скуку. Иногда это может оказаться более символичным – образы *memento mori*, например, увядающий цветок, опадающие лепестки, заходящее солнце». Одна из причин, по которым зрителя так притягивают «Часы», заключается в том, что фрагментация и расчленение его контента оказываются целостным и гармоничным явлением. Возможно, только в кинематографе мы так благополучно отказываемся от наших обычных представлений о времени и пространстве. «Имитация непрерывности, которую я старался создать, для меня больше связана с течением самого времени, – говорит Марклей. – Может быть плавное перетекание и движение жестов из одного фильма в другой, но есть скачки от черно-белого к цветному, ты понимаешь, что это неправда, но все равно веришь». (Возможно, не случайно, что Марклей, родившийся в Калифорнии, вырос в Швейцарии, которая торгует бесспорной ценностью времени так, словно завтра никогда не наступит).

Ромни пишет, что «Часы» балансируют «между глубокой эрудированностью и фетишистской одержимостью» (что правда), и это происходит без утраты определенной степени игривости. Марклей, когда не занимается кино, работает как ди-джей, создавая искусные звуковые коллажи, и его опыт такого смешения проявляется в нарративе фильма. Так, Энн Киз, которую играет Ромола Гарай в фильме *Glorious 39* («Славный 1939»), события которого происходят в конце 1930-х годов, а вышел на экраны в 2009 году, едет в машине, которую преследует Берт Рейнолдс из 1970-х годов. А Жан-Пьер Лео в Париже 1970-х годов преследует Алана Уитли в роли Колли Кибера в фильме 1940-х годов *Brighton Rock* («Брайтон-Рок»).

Мировой кинематограф за пределами Европы и Голливуда представлен очень умеренно. Специалисты, работавшие с Марклеем, обнаружили, что в фильмах Болливуда часы появляются чрезвычайно редко. Это признак того, что индийское общество озабочено более высокими материями, чем пунктуальность.

Списка или указателя всех фильмов, использованных в «Часах», не существует. Однако в «Википедии» есть краудсорсинговая страница, где сгруппирован список всех клипов минута за минутой^[180]. В начале списка, который начинается с полуночи и взрыва Биг-Бена в фильме *V for Vendetta* («V значит вендетта»), составители призывают добровольных помощников: «Не стесняйтесь добавлять названия фильмов и, возможно, короткие описания сцен, если хотите. Старайтесь не путать а. м. и р. м., помните: а. м. – это утро, а р. м. – вечер». Один из участников проекта обратил внимание, что Марклей и его помощники как раз этим и отличились, ошибочно вставив клип из фильма Билли Уайлдера *Fortune Cookie* («Азарт удачи») в 7:17 р. м. вместо 7:17 а. м. Смысл, конечно, не в том, что «Часы» ошиблись, а в том, что никто этого не заметил.

Спустя пять недель после того, как я смотрел «Часы» в Лос-Анджелесе, я отправился в английский Кембридж, чтобы присутствовать на британской премьере другого фильма, который длится тоже 24 часа. Эти амбициозные проекты становятся жанром, продолжительной формой искусства: для того чтобы исследовать идею времени, они сами должны быть связаны с временем. Проект *Night and Day* («Ночь и день») много позаимствовал из идеи «Часов»: это тоже коллаж из старых фильмов. Но опирается он не на бездонные возможности, какие предоставляют разные фильмы, а на один источник – архивы телевизионного сериала *BBC Arena* («Арена»).

«Арена» начала выходить в октябре 1975 года как весьма прямолинейная художественно-документальная программа, но сейчас, когда уже показано более 600 эпизодов, является не только одной из самых непредсказуемых и влиятельных британских

развлекательных программ, но и одним из богатейших творческих ресурсов (что логично ожидать от самого долгоживущего телевизионного документального сериала). Сороковую его годовщину отмечали на Кембриджском кинофестивале весьма необычным образом: фильм привязывается не к точно определенному, а к слегка размытому периоду времени – например, к завтраку, или ланчу, или воскресному утреннему часу пик. «Ночь и день» – более созерцательное произведение, чем «Часы»: объемное представление настроения, нежели жесткий темп, и аналогичное впечатление плавности и увлекательности зрелища. Как и раньше, оно смотрится часами, и время в нем одновременно главное и необязательное, сильнейшая навязчивая идея.

Второе название фильма – «Машина времени Арены», и машина эта потертая и много где побывавшая. С полудня до часа дня группа «Роллинг Стоунз» прибывает в Марокко, чтобы дать мастер-класс на ударных инструментах, а Луис Бунюэль объясняет, как делать идеальный сухой мартини. С 16 до 17 часов Френсис Бэкон и Уильям Берроуз пьют чай, а Джуд Лоу играет в дневном спектакле Пинтера «Любовник». С полуночи до часа ночи Кен Додд все еще на сцене, а Джон Лайдон вспоминает панк. С 2 до 3 ночи Нико в отеле «Челси», а Фред Астор и Фрэнк Синатра негромко поют. С 6 до 7 утра Дон Маккалин и Себастьян Сальгадо наслаждаются светом, а Сонни Роллинз играет на саксофоне на нью-йоркском мосту. С 11 утра до полудня Т. С. Эллиот размышляет над поэмой «Бесплодная земля», а Питер Блейк рисует борца Кендо Нагасаки. Талант, безусловно, проявляет себя по обе стороны камеры, и зрителя накрывает волна оптимизма относительно судьбы искусства. Это их ценность. Если мы будем мудро использовать время, то будем в состоянии и создавать, и постигать значимые явления этого мира.

Я сделал перерыв в просмотре, чтобы побеседовать с редактором сериала «Арена» Энтони Уоллом, который участвует в создании программы почти с самого начала, а сейчас вместе с редактором-монтажером Эммой Мэтьюз отвечает за этот новый гранд-тур. Уолл

сказал, что не видит препятствий для того, чтобы проект «Ночь и день» был в постоянном доступе в цифровой форме, как в режиме онлайн, так и в приложениях. Как только вы настроитесь, прошедший сюжет программы окажется перед вами. Но в отличие от «Часов», «Ночь и день» – не ограниченная и не завершенная работа, поэтому Уолл и Мэтьюз намерены подбирать материал в соответствии с временем года (сумерки зимой наступают раньше, чем летом) и днями недели (фильм, идущий по выходным, будет иметь медленный темп и меньше сцен в офисе). Уолл говорит:

Мне всегда хотелось найти документалку, которую можно никогда не заканчивать, и, думаю, я нашел ее. Самое поразительное в том, что ты берешь эпизод, в котором есть своя, уже заложенная мысль, режешь его на части, помещаешь в различные промежутки времени, и он обретает совершенно новый смысл. Я думаю как зритель, наблюдающий что-то долгое время: нас привлекает сочетание порядка и хаоса. Но главное здесь в том, что ты не можешь остановить фильм и исказить ход его времени – как не можешь остановить Биг-Бен. Этот фильм будет работать на любой платформе, но для меня идеальной представляется нечто вроде старомодной видеорамки, в которую когда-то загоняли свои фотографии. Тогда вы сможете смотреть его как собственные часы.

Тот факт, что «Ночь и день» и «Часы» длятся ровно сутки, имеет свое важное и притягательное значение. Разумеется, это природный цикл – вращение Земли вокруг своей оси. Но продолжительность – лишь один компонент: именно внутреннее время фильма, точное и эмоциональное, свидетельствует о величии их режиссеров, а такое вряд ли можно сказать относительно некоторых других фильмов, которые требуют к себе внимания на всем протяжении показа.

Вот, например, 24 Hours Psycho («24 часа Психо») Дугласа Гордона, художественная инсталляция, в которой фильм Хичкока

показывается со скоростью 2 кадра в секунду и таким образом длится 24 часа (сцена в душе длится 45 минут; Джанет Ли лежит без движения с открытыми глазами более пяти минут, что не может не вызвать тревогу). Или Cinématon («Синематон») – проект жизни режиссера Жерара Куранта, который снял на протяжении уже более 36 лет почти 3 тысячи человек, которые беззвучно танцуют, смотрят в камеру, смеются, суетятся, короче, делают, что хотят – каждый на протяжении 3 минут 25 секунд, что складывается в фильм длительностью 195 часов, или 8 суток и 3 часа. Показывают его редко^[181].

Для Энтони Уолла важнее идея объемного артпроекта, нежели сам проект. «Я еще не встречал ни одного видеохудожника, который считает относительно важным, чтобы вы продолжали [смотреть их работы до самого конца]. Вот, например, идея показать 50 минут спящего Дэвида Бекхэма – хорошо, все понял, неужели мне надо пойти посмотреть это? Да если и посмотрю, то трех секунд мне вполне хватит^[182]. Когда Уорхол снимал Эмпайр Стейт Билдинг [8 часов 5 минут в 1964 году], он отходил облегчиться».

Анализ времени в кино восходит к самому зарождению кинематографа, что можно видеть по картинам братьев Люмьер и Гарольда Ллойда. В таких фильмах, как Memento («Помни») Кристофера Нолана (два сюжета в различной временной последовательности), Boyhood («Отрочество») Ричарда Линклейстера (12 лет съемок и 12 лет экранной жизни взрослого мальчика) или Victoria («Виктория») Себастьяна Шиппера (ночной триллер, снятый одним непрерывным дублем), эта тема не перестает увлекать как кинорежиссеров, так и зрителей. А еще есть фильм Logistics («Логистика»). Он длится 37 дней. Его авторы, шведские режиссеры Дэниел Андерссон и Эрика Магнуссон на своем сайте сообщали, что фильм является попыткой ответить на вопрос в духе дзен: откуда берутся все гаджеты? Они имели в виду любые «гаджеты» – от шоколадных яиц «Киндер-сюрприз», до электронных плат

мобильных телефонов и кофе-машин. «Порой мир кажется непостижимым», резонно отмечают они.

Простой ответ на их вопрос (который, возможно, никого не удивит), заключается в том, что все гаджеты приходят из Китая на огромных океанских контейнеровозах. Таким образом, камера устанавливается на поездах, кораблях, грузовиках, и мы с ужасом наблюдаем, как один конкретный предмет (шагомер) очень неторопливо перемещается из Китая в Швецию. У художников другой вопрос: «Если мы совершим такое же грузовое путешествие, как товары, поможет ли это нам лучше понять мир и глобальную экономику?»

Получившаяся 37-дневная попытка это выяснить невероятно скучная, и нужно быть полным идиотом, чтобы просмотреть все это от начала и до конца. Первый и второй день относительно терпимы, отчасти потому, что путь начинается на грузовике и товарном поезде, отчасти потому, что это первые два дня. К сожалению для зрителя, дни с 3 по 36 проходят в море с невероятно малоподвижным пейзажем. Гаджет для измерения шагов оказывается на очень тихоходном судне. Есть один-два прекрасных восхода, но в основном это вид с палубы и вид на прямоугольные контейнеры и серый горизонт^[183]. Это искусство и, как утверждает его название, логистика. Авторы говорят, что это фильм о «консюмеризме и времени». У Энди Уорхола поехала бы крыша. Разве не все искусство наших дней – о консюмеризме и времени?

II. Белые люди – психи

И тут очень кстати вспомнить про Милтон-Кинс. Здесь в начале 2015 года в местной художественной галерее 25 художников организовали проект под названием «Как построить машину времени»^[184]. Общее руководство осуществлял Маркард Смит, заведующий докторантурой Школы гуманитарных наук Королевского колледжа искусств. Как можно было надеяться, он предложил несколько классических работ на эту тему. Посетителей у входа встречали революционные часы с 10-часовым циферблатом Рут Эван, а чуть подальше – произведение Джона Кейджа «4.33», обозначенное в каталоге выставки как «музыка чистого листа» (самое известное произведение композитора, хоть чем-то выделяющее его среди прочих, – это 4 минуты 33 секунды тишины. Разумеется, не абсолютной тишины; это *косвенный* звук. Пианист или оркестр собираются и на протяжении всех трех частей ничего не делают, само произведение – это звуки окружающей среды: самого концертного зала, гудения ламп, шороха тараканов у нас в голове). В 2010 году произведение «4.33» было впервые представлено в лондонском театре Барбикан. Публика терпеливо ждала перерывов между частями, чтобы покашлять. Они могли кашлять в любой момент в течение ничего, но они ждали, пока это ничто закончится, чтобы произвести нечто. По завершении раздались бурные аплодисменты; дирижер играл бровями, оркестранты раскланивались, расплывшись в улыбках. Это была беззвучная комедия. Если посмотреть это исполнение на YouTube (более 1,6 миллиона просмотров), можно почитать комментарии:

«Ни у кого случайно нет экземпляра нот? Я хотел бы разучить».

«Самое тяжелое – оркестру пришлось шесть недель репетировать, чтобы сыграть правильно».

«Кому-нибудь надо было громко пернуть».
«Белые люди – долбаные психи».

Можно еще вспомнить «Представление года 1980–1981 (Карта времени)» Техчина Се – 6-минутный фильм тайваньского художника, который отражает его невозможность получить разрешение на работу в США. Каждый час в течение года Се облачался в серебристо-серый рабочий комбинезон и штамповал время, но больше ничего не делал: таким образом этот процесс стал его художественным произведением. Фильм состоит из 8627 застывших изображений, отражающих этот перформанс. Проштампованные карты демонстрируют ход времени, но Се придумал еще один способ: в начале года он обрил голову и по ходу «действия» фильма волосы отрастали.

В каталоге выставки Маркард Смит объясняет, что объектами искусства и времени становятся те, чье время пришло. Он ссылается на исследование Кристины Росс «Прошлое в настоящем; Оно же Будущее: Временной Поворот в Современном Искусстве». Она пишет, что с 2005 по 2012 год (время публикации книги) состоялось как минимум 20 выставок, посвященных времени. В 2014 году Маркард провел свой подсчет, добавив выставки в Гарлеме, Амстердаме, Роттердаме, Барселоне и Загребе, а также пару конференций. У него нет другого объяснения этому явлению, кроме того, что сама тема увлекательная, многогранная, вездесущая и неизбывная. Смит отмечает, что несопоставимые произведения, демонстрируемые совместно, спорят и взаимодействуют друг с другом, насмешливо пересоздают естественный порядок прошлого, настоящего и будущего и оказываются своего рода машинами времени. Некоторые из них просто забавны, как, например, проект Мартина Джона Калланана «Улетают все» – табло вылетов 25 авиарейсов: из Амстердама в Гран-Канарию, из Мельбурна в Дубай, из Парижа в Рийяд; все рейсы отправлялись одновременно в 2:11. Или проект Марка Уоллингера «Время и относительная размерность

пространства» – полномасштабное переосмысление лондонской полицейской будки и ТАРДИС^[185] из сериала «Доктор Кто», только в серебре, предполагающее бесконечные возможности для приключений внутри, а снаружи – только отражение нас самих.

Циклическая природа времени особо увлекает художников, но вам придется встать ни свет ни заря, чтобы увлечься течением времени больше, чем Он Кавара. Он покинул родную Японию в конце 50-х, а в 1965-м приехал в Нью-Йорк, где вскоре начал серию рисунков «Сегодня» – коллекцию живописных произведений, которые представляют собой только изображение конкретной даты. Обычно размером с ноутбук, они изящно исполнены акриловыми красками Liquitex в несколько слоев на белом или темном фоне. Буквы и цифры созданы в стиле, который характерен для той страны, в которой Кавара рисует в данный день. Большинство создано в Нью-Йорке, поэтому работы выглядят как APRIL.27,1979 или MAY.12,1983. Работа, представленная в Милтон Кейнс, создана в Исландии, поэтому выглядит так: 27.ÁG.1995. По завершении проекта работы укладываются в коробки вместе с местной газетой соответствующей даты, но если Кавара не успевает завершить работу за день, он ее уничтожает.

Взгляд на его работы произвел на меня возбуждающий эффект, подобно таким событиям, как рискованная ситуация на велосипеде или восстановление после тяжелой болезни, которые заставляют нас задуматься, сколько дней жизни осталось. Я не почувствовал ностальгии, я почувствовал облегчение. Можно ли определить духовную ценность такого рода уникального и свихнувшегося искусства?^[186] Кавара до своей смерти, наступившей в июне 2014 года, нарисовал – и таким образом завершил и, возможно, освоил – около 3000 дней.

Одним из моих любимых экспонатов на выставке в Милтон Кейнс стал, вполне предсказуемо, фильм Кэтрин Ясс Safety Last. Фильм длится всего 2 минуты, но состоит лишь из одного 12-секундного ролика, который многократно повторяется (разумеется, это те кадры,

когда Гарольд Ллойд висит на минутной стрелке, которая под его весом спускается с без четверти три на половину третьего). Но в версии Ясс качество ролика по мере повторения ухудшается, на изображении появляется зерно, царапины, а в конце, на десятый раз, это просто полосы – ураган статических помех. Ясс перевела оригинальную версию в цветной фильм, поэтому порча эмульсии выглядит более эффектно и красиво. Или, как говорит художница, «демонстрация пространства сна и памяти, которая работает против дескриптивной линейной перспективы монохромного изображения».

Я знаком с Ясс с подросткового возраста. Но до того, как побывал в Милтон Кейнс, даже не имел представления, что ее так интересует Гарольд Ллойд. Она сказала, что без ума от этого фильма. Ее очень привлекает сочетание комедии и потенциальной трагедии. Ей нравится мысль о возможности повернуть время вспять и распад изображения – тоже комментарий к фильму, который оказывается в сфере новых технологий.

Я заинтересовался у нее, почему среди художников и вообще людей творчества столь популярна тема времени. Она сказала, что многие художники сейчас оглядываются на модернизм, и творческое внимание к времени, безусловно, распространяется и на футуризм, вортицизм и кубизм (что такое кубизм как не один план под разными углами зрения, представленными одновременно?). Разумеется, еще раньше была фотография и ранний кинематограф, где можно было останавливать и обращать вспять время. Для современного художника возможности исследования времени практически неисчерпаемы.

Через несколько недель после закрытия выставки «Как построить машину времени» художница Корнелия Паркер внесла свой вклад в популярное дело. К ней обратилась компания HS1, которой принадлежит международный вокзал Сент-Панкрас, с предложением создать художественное произведение для проекта Terrace Wires, реализуемого совместно с Королевской академией.

Было сказано, что она вправе делать что пожелает, но с условием, чтобы пассажиры, прибывающие и уезжающие с вокзала на поездах «Евростар», не могли не обратить внимания на величественную металлическую крышу вокзала. Ее работа должна висеть над головами, но что же там разместить? Два предыдущих участника проекта создали радужную стену из оргстекла (Дэвид Бэчелор) и несколько облаков (Люси + Хорхе). В своих оригинальных работах Корнелия Паркер уже ставила абстрактные вопросы о глубине времени и гравитации. В частности, это знаменитый застывший во времени взорванный сарай («Холодная темная материя: взорванный вид») и перформанс в Бостоне под названием «На дне этого озера лежит кусок Луны»: она бросила в воды озера лунный метеорит, который купила в интернете. «Вместо того чтобы мы высаживались на Луне, кусок Луны приземлился у нас».

«Первой мыслью [по поводу предложения создать работу для вокзала Сент-Панкрас] было желание отказаться. На вокзале много чего происходит, как мне конкурировать с этим?» Но потом она сообразила, как это можно сделать. «Я как раз приехала из Франции на Евростар, шла по перрону, над головой висела работа Дэвида Бэчелора, которая частично закрывала часы. Я подумала: можно сделать нечто такое, что полностью перекрыло бы эти часы. А чем удобно закрыть часы? Другими часами!»

Паркер выступала в шампань-баре вокзала Сент-Панкрас, рядом со статуей Джона Бетчемана. Собралось около шестидесяти человек. Поскольку это был обычный вечер конца рабочей недели, на вокзале царили шум, гам и столпотворение. Мы представляли собой единственный тихий уголок в этом мире. Художница объясняла, как ей пришла в голову мысль сделать копию больших белых вокзальных часов, висящих в конце перрона. Только она хочет сделать часы черными, как негатив, и они должны как бы парить в воздухе. Они будут такого же размера, как оригинальные (5,44 метра в диаметре, 1,6 тонны стали), и висеть примерно в 16 метрах перед ними, непосредственно над головами пассажиров. Оба циферблата

должны показывать одинаковое время, хотя читаться оно может слегка по-разному (плюс-минус полминуты) в зависимости от угла зрения пассажира. А с одной выигрышной точки оригинальные часы будут полностью перекрыты^[187].

Паркер хотела, чтобы ее произведение отражало разреженную структуру времени на вокзале – постоянную спешку, опасение опоздать – и идея заключалась в том, что часы висят над нами как представляющий опасность канделябр или Дамоклов меч. Она также хотела донести идею напоминания о более медленном течении времени, о глубоком психологическом или планетарном времени. А также поставить головокружительный астрономический вопрос: что может стать причиной затмения времени, как не само время?

Паркер назвала свои часы или, по крайней мере, концептуальную идею произведения, «Еще Одно Время». Она сказала, что думала о том, чтобы часы показывали парижское время – на час опережающее лондонское, но побоялась, что это может ввести в заблуждение пассажиров, которые решат, что опаздывают на свой поезд. Часы, специально показывающие неправильное время, особенно такие авторитетные, как на международном вокзале, – явный перебор для художественной интерпретации времени. А что, если время на часах направить назад, а не вперед? Вероятно, такой трюк под силу только будущему королю Англии.

Глава четырнадцатая

Притормозить мир

I. Место, где время остановилось

В какой-то момент ближе к концу XX века принцу Чарльзу пришла в голову очередная блестящая мысль. Разочаровавшись в безудержной урбанизации 1980-х годов, принц заявил, что бездушные современные архитекторы нанесли больший урон стране, чем Люфтваффе, и он намерен что-нибудь с этим сделать. Он разработал план некоего комплекса, который должен сочетать в себе удобное проживание и расположенные поблизости разного рода мастерские. Лица, арендующие жилье у муниципалитета, будут жить в этом месте бок о бок с более процветающими, все все будут поддерживаться традиционных ценностей, а дети – играть играть в классики на безупречно чистых улицах. Влиятельный человек действительно обладает редкой и завидной возможностью повернуть время вспять.

Принц выбрал участок земли из своих владений на окраине Дорчестера в графстве Дорсет. Участок является частью герцогства Корнуэльского, которое занимает более 50 тысяч гектаров в 22 графствах и является основным источником доходов принца. Он назвал новый городок Паундбери, или Нью-Паундбери (поблизости находится более старый Паундбери, представляющий все то, что не нравится Чарльзу; ассоциации с сетевыми магазинами Poundland и Poundworld, которые появились уже после того, как возник новый городок, вызывают сожаление). Территория его составляет около 160 гектаров и рассчитана на 5000 жителей. Если вы хотите остановить мир или по крайней мере уменьшить скорость, с которой он изменяется, это то место, в которое имеет смысл вкладывать деньги.

Паундбери стал объектом насмешек буквально сразу после того, как было получено разрешение на его создание в 1989 году. Скептики, приехавшие на поезде из Лондона, имели множество поводов порезвиться. Здесь не было телевизионных антенн (страшные), зеленых участков перед домами (разделяют), парковок перед домом (мешают), ничего неприглядного или неаккуратного. Там было так много правил, что посетитель, бросивший на дорогу

фантик от конфеты, мог опасаться ареста полицией, находящейся в барражирующем над головой вертолете.

Будет ошибкой представлять себе Паундбери образцовой деревней или новым маленьким городом. Он задумывался как городская утопия, мечта не только принца Уэльского, но и тех амбициозных градостроителей, старомодных архитекторов и респектабельных граждан, которые слегка побаивались новостей, в том числе и о питбультерьерах. Но СМИ было весьма непросто посмотреть на ситуацию с другой стороны. Проект не был похож на гебридские или австрийские утопии 1930-х и 1960-х годов. Он не был направлен против прогресса, в нем не было ничего асоциального или высокомерного, что характеризовало, например, сознательно выбранный образ жизни Уолдена из утопии Генри Дэвида Торо. И вокруг него не возникло никакого культа (разве что культ Чарльза). Идея заключалась в объединении лучшего из разных миров: благородного нравственного ориентира и изысканной благопристойности истинного английского стиля в елочку с экологической эффективностью и земледельческими преимуществами эры интернета. Архитектура, опирающаяся на классицизм и доброкачественность, должна была быть органичной. Паундбери не имеет ничего против технологий, пока все кабели скрыты под землей и не видны, но в нем нет места антигуманной бесчувственности, которую обычно несет с собой цифровизация. Паундбери – теплый и приветливый, развивающий все те ценности, которые считались утраченными из-за безумной поступи индустриального мира. Это попытка восстановления достойного образа жизни под голубыми небесами. Существовал ли когда-либо подобный мир в Дорсете или где-то еще – тема, открытая для дискуссий.

Первый раз я побывал там весной 2001 года. Паундбери существовал уже шестой год и насчитывал около 500 жителей. Конечно, это было новое место, и его новизна более всего напоминала Томаса Харди. Мечта принца сначала воплотилась на

бумаге, в мастер-плане градостроителя из Люксембурга Леона Кри, знатока принципов градостроительства Альберта Шпеера – главного архитектора нацистской Германии. (Кри написал книгу о Шпеере, где анализирует его теории чистого постмодернистского классицизма; прогнившие модернистские здания, полагал он, порождают гнилое современное поколение.)

Прогулка по Паундбери в начале нового тысячелетия вызвала у меня странные чувства, и я не очень понимал, в чем дело. Многие дома были жилыми, но людей вокруг было совсем мало. Это напомнило мне «огороженные» общины, которые я посещал во Флориде, разве что в Паундбери не было никаких ворот и оград, да и охраны в поле зрения не наблюдалось. Архитектурные принципы этого нового городка напоминали американское движение нового урбанизма, плотно заселенный анклав, как сказал мне директор по развитию Саймон Конибер, цель которого – «восстановление гуманной окружающей бытовой среды». В частности, это означает жизнь с минимальной зависимостью от автомобилей и возвращение доверия к общественному транспорту (автобусам), хотя исследование, проведенное спустя несколько лет, показало, что в Паундбери на одно домовладение приходится больше машин, чем в соседних городах. К его чести, в Паундбери улицы оборудованы очень скромно, и несмотря на огромное количество правил, принятых для города еще на стадии планировки, очень мало дорожных знаков, напоминающих о соблюдении ограничения скорости или «осторожно – дети», потому что правила диктуют сами улицы с непросматриваемыми поворотами, где разогнаться свыше 30 километров в час практически невозможно. И не услышите никаких автомобильных гудков. Отчасти, как можно предположить, из вежливости, но в основном потому, что нет поводов кому-то сигналить. Кроме того, водитель своим гудком может разбудить кого-то из обитателей – в любое время суток.

«На эту улицу мы приглашали королеву», – сказал Конибер (один из резидентов сказал, что «это было похоже на то, как мать

проверяет учебный проект сына-школьника»). На каждом углу – бюро финансовых либо медицинских услуг (холистические, паллиативные, медитативные). Есть паб, свой Поэт-Лауреат, а также множество специализированных магазинчиков: шторы, жалюзи, велосипеды, для новобрачных... Самое крупное производство в Дорсете – завод по производству овсяных мюсли, расположенный на северо-востоке. Место выбрано так, чтобы исключить Паундбери из адреса; они предпочли менее точный, но более романтичный Дорчестер. Много красивых зданий, но нет единого стиля. Дизайн и каменная кладка (от неогеогианского и викторианского стиля городских зданий до модифицированных амбаров) заимствованы из наиболее живописных других поселений Дорсета. Строения сгруппированы так, чтобы создать, в идеале, еще нечто более живописное.

Публика Паундбери не оценила мое предположение, что их новое место жительства напоминает декорации из фильма «Мэр Кастербриджа». Мне сказали, что здесь совсем не так тихо, особенно когда возвращаются из школы мальчишки – футбольные фанаты (не подумайте, что им разрешено пинать мяч в стены близлежащих домов). Действительно, здесь не совсем тихо, потому что откуда-нибудь всегда слышатся звуки бульдозеров и бетономешалок на месте очередного строительства.

Саймон Конибер сводил меня на шоколадную фабрику House of Dorchester и сказал: «Если завернете за угол, можете купить, как я их называю, обломки – 1 фунт 20 пенсов за пакет». Я спросил его насчет правил Паундбери. «О да, – ответил он. – У нас драконовские меры. Это архитектурный заповедник, и людям нравится. Все знают, что перепланировка запрещена. Дома, которые мы предлагаем, стоят от 150 до 350 тысяч фунтов. Местные названия – переулочек Эвершот, улица Лонгмор, площадь Паммери – повторяют названия различных мест герцогства, в частности, ферм. С принцем всегда советовались. Есть одно яркое исключение – Браунсуорд-холл,

центральное место города, назван в честь Эндрю Браунсуорда из компании Hallmark cards, который вложил в него деньги.

В нескольких шагах от этого здания расположено кафе «Октагон», в котором подают прекрасный кофе и панини. Его владельцы Клей и Мэри вложили в него все свои сбережения и очень гордятся записями в книге, которые оставляют посетители. «Очень вкусные пирожные, – гласит одна из них, – и удобные диванчики!»

За столиком около двери две пенсионерки, Лилиан Харт и Розмари Уоррен, обсуждают развитие Паундбери. Миссис Уоррен с супругом первыми купили здесь дом, миссис Харт с супругом – вторыми, и переселились в январе 1995 года. Им все здесь очень нравится, и не в последнюю очередь – расположение. «Я могу съездить на машине в супермаркет, легко припарковаться, купить все за 4–5 минут», – говорит миссис Харт, которую, видимо, больше интересуют быстрота и экономия времени, чем это волновало архитекторов ее городка. «Я могу добраться до клиники за 2,5 минуты, а за 30 секунд я уже на природе. Мне хотелось новый дом. В моем возрасте техническим обслуживанием дома заниматься трудно, а здесь все обеспечено». Женщины сожалеют лишь о том, что отсюда не очень просто добираться до аэропорта, потому что, как большинство населения Паундбери, зимой предпочитают перемещаться в более теплые места. Еще им хотелось бы иметь небольшой продовольственный магазин и почтовое отделение.

«Но серьезное возражение у меня только одно, – говорит миссис Харт. – Напротив нашего дома детская площадка, и она слишком маленькая. И расположена в неудачном месте». Она сообщила об этом представителям принца и узнала, что, «по слухам», ее собираются перенести. «Принц Чарльз действительно интересуется нашим мнением, – сказала миссис Уоррен. – Когда умер мой муж, он прислал мне соболезнование».

К другим мнениям относятся с меньшим энтузиазмом. Например, по словам Сью Маккарти-Мур, не слишком много внимания обращают на жалобы о гравии. «У меня две дочери-подростка,

которые постоянно тащат его в дом», – говорила она мне. Этот гравий цвета верблюда, более дешевая альтернатива булыжнику и более симпатичный, чем тармак. В Паундбери он почти всюду. Привлекательность его в том, что на нем очень хорошо слышны шаги, а это помогает следить за соседями.

Но есть и другие, более крупные проблемы. Джонатан Гланси, бывший архитектурный критик, работавший в *Guardian*, полагает, что «это не работает ни на каком уровне. Здесь все перегружено. К новому строительству нужно относиться более спокойно и свободно, но в этот проект слишком много вложено. Улицы кажутся слишком широкими, потому что в отличие от старых поселений, на которые все ориентировалось, любое новое место создается с учетом строгих требований для обеспечения проезда крупного пожарного транспорта».

Конечно, легче построить образцовые дома, чем создать образцовое общество. И не важно, какие этические нормы и жесткие правила принимают их жители. «По идее принца Чарльза, тут на каждом углу должны были стоять мужчины, вытачивающие ножки стульев на токарном станке, – говорил Гланси. – В реальности все сидят на вторых этажах в своих спальнях и украдкой скачивают черт знает что из интернета».

После первого посещения Паундбери я возвращался в городок через 10 лет, а потом – еще через пять. В 2016 году это по-прежнему интригующее место и во многих смыслах вызывает восхищение. Идея остается состоятельной, работающей в социальном смысле (не выродилась в город-призрак, как опасались некоторые), а популярность концепции означает, что строительство зданий продолжается. Сейчас в нем около 2500 жителей (половина от задуманного), начальная школа расширяется, бульдозеры и экскаваторы видны на окраине, а окраина все ближе придвигается к Дорчестеру. Людям нравится то, что они видят, и то, чего не видят. Сюда продолжают приезжать из разных уголков Англии, где дела, по мнению переселенцев, идут не слишком хорошо.

Люди приезжают в Паундбери, потому что им не нравится скорость, с которой меняется их мир. Это маленькая Англия для эпохи Партии независимости Соединенного королевства^[188]. Тревожная кнопка всегда под рукой, и пожарные машины с чертежей превратились в реальность: огромное пожарное депо ныне – выдающееся сооружение города. Говорят, к его проекту приложил руку сам принц Чарльз. Как и Паундбери в целом, оно тоже вызывает жаркие споры: местным нравится, а пуристы морщат носы. Редактор журнала архитектуры и дизайна *Icon* считает, что георгианское величие спущено в канаву и называет его «Парфеноном на Бруксайте»^[189]. Он полагает, что пожарные, работающие здесь, должны «носить штаны эпохи Регентства и напудренные парики, ездить на вызовы в красных ландо, а воду держать в деревянных бадьях». А один читатель *Daily Mail*, увидев в журнале фотографии, воскликнул: «Гораздо лучше, чем современная безвкусица, которая душит нас в городских центрах!»^[190]

Даже при своей самой счастливой судьбе принц Чарльз должен понимать, что Паундбери не может удовлетворить всем вкусам. На самом деле необычность – часть его притягательности. Городок, безусловно, не в моем вкусе, но мне в любом случае больше по душе его возвышенные амбиции, чем безликая альтернатива мелкопоместных коробок. Самое странное, на мой взгляд, в следующем: будущее этого города укоренено в прошлом, но в нем чувствуется и какое-то дальновидное представление о хорошей жизни.

В конце 1980-х годов, когда Паундбери только задумывался, погруженность Запада в безумную гонку жадного желания всего и сразу казалась безграничной. Когда социальные и экологические последствия этого еще не были просчитаны, а экономику еще не постигла судьба «Бельграно»^[191], многие не видели в этом негативных сторон. Но в наши дни идея (если не реальность) Паундбери сочетается с более широким представлением об ином

образе жизни. Более спокойном, менее суетливым, где есть место задумчивости и переосмыслению целей. Кто-то понимает его как майндфулнесс, видит в популярных книжках, посвященных раскрашиванию, резьбе по дереву и в *Life-Changing Magic Tidying* («Магическая уборка»), в активизации разного рода ремесленничества, в долгосрочной заботе об окружающей среде, в журналах, посвященных стилю жизни, таких как *Kinfolk, Oak, Hole & Corner* («Родня», «Дуб», «Секреты») с их отчетливой ориентацией на вырезание деревянных ложек и скандинавский дизайн, и даже в фанатичной одержимости городских бариста. Несопоставимые в проявлениях и готовые объекты для пародий, эти силы произвольно сплетаются в то, что стало известно как движение медленной жизни и движение новых ремесел; не столько отрицание всего, что имеет отношение к скорости, сколько образ жизни, в котором ценятся явления более существенные, чем мгновенное удовлетворение и стремление к быстрым решениям.

В книге «Родной дом», имеющий подзаголовок «Интерьеры для медленной жизни», ее редакторы Натан Уильямс и Кэти Сирл-Уильямс объясняют, что «медленная жизнь – не столько стиль, сколько углубленная индивидуальная философия... Медленная жизнь – не о том, как мало нам надо для жизни, а о том, без чего наша жизнь невозможна». Цель – не праздность, а удовольствие через внимательность и терпеливость (один из примечательных аспектов медленной жизни заключается в том, что попытки ее определения часто начинаются с перечисления того, чем она не является). Как и Паундбери, движение легко пародировать и высмеивать. Сторонников медленной жизни можно упрекать в нарциссизме, ретроградстве, самодовольстве и невероятном занудстве. Есть ли в нем что-то большее, чем чистый романтизм?

Самое тяжкое оскорбление – в том, что его главные проповедники предлагают для важнейших мировых проблем решения, удовлетворяющие средний класс. Но некоторые аспекты движения имеют отношение к вопросам, выходящим за рамки локальной

доступности капусты и семян чиа. Это сознание того, что как минимум один компонент медленной жизни уже уравнивает стремление к простым удовольствиям с политикой устойчивого развития, здорового образа жизни и сохранения благополучного развития наций. Иными словами, то, что начиналось как желание иметь приятную архитектуру и более размеренный ритм жизни, все больше выглядит как приемлемый способ спасения наших душ и всей планеты.

II. Жить по-французски

Ресторан «У Панисса» (Chez Panisse) – одна из выдающихся кулинарных достопримечательностей Калифорнии – на первый взгляд не имеет ничего общего с Паундбери. Там и погода обычно лучше, и более уважительное отношение ко всему французскому. Но основные принципы на самом деле не сильно расходятся: и там, и там испытывают неприязнь к единообразию современной жизни. Кроме того, их уважаемые основатели – давние и верные друзья. Принц Чарльз – поклонник не только ресторана, но и многих политических и социальных целей, к которым стремятся его владельцы.

«У Панисса» основан в 1971 году в Беркли женщиной по имени Элис Уотерс. После хаотичного начала и множества кризисов ресторан заслужил репутацию центра американского медленного питания, а Уотерс неожиданно стала проповедницей того, что позже получило название «с фермы к столу», со всеми прилагающимися базовыми ценностями: сезонная продукция, местная продукция, минимальное использование пестицидов и химических удобрений, ничего генетически модифицированного, все экологически безопасное. Главным словом, до того, как оно стало ругательным, было «кустарное».

Уотерс родилась в Нью-Джерси, а выросла в Беркли в середине 1960-х годов, во времена свободы любви и свободы слова. Но она, в отличие от многих, позже отвернувшихся от субкультуры, которая намеревалась изменить мир, решила направить ее в новое русло. Чаще всего ее называют эльфийкой и обычно неукротимой. Писатель Адам Гопник охарактеризовал ее как «тип американской женщины, которая 100 лет назад врывалась в салуны с топором, а теперь готовит паровую свежую зеленую фасоль, но со сходными идеями».

Для Уотерс медленное питание – это кухня настроения. И эта кухня не связана с тем, как долго томится горшок в печи, потому что тарелка со свежими помидорами с семейной грядки тоже соответствует манифесту. Это продукты, приготовленные честно и приобретенные с уважением к месту происхождения. Это питание с мыслью о том, что так привыкли или могли питаться наши родители, если бы им не мешала постоянная спешка.

В 2004 году принц Чарльз по просьбе Элис Уотерс выступил на конференции в Турине, организованной сторонниками движения за медленное питание. Он тоже нашел свое определение. «Медленное питание – это традиционное питание», – заявил он на конференции под названием *Terra Madre* («Мать Земля»).

Это имеет отношение к местности, и местная кухня – один из важнейших способов идентификации себя с местом и регионом, в котором мы живем. То же самое можно сказать про архитектуру наших городов и поселков. Грамотно спланированные территории и здания, связанные с местностью и ландшафтом во времена, когда не было автомобилей, укрепляли у людей чувство общности и корней. Все это взаимосвязано. Мы больше не хотим жить в безликих бетонных коробках, которые одинаково выглядят по всему миру, и не хотим есть джанкфуд непонятого происхождения, который продается по всему миру. В целом такие ценности, как устойчивое развитие, общность людей, здоровье и вкус, важнее элементарного удобства.

Принц выразил уверенность, что важность движения за медленное питание невозможно переоценить. «В конце концов, поэтому я здесь... напомнить людям, что говорил в Англии XIX века Джон Рескин: “Промышленность без искусства – дикость”».

«На конференции присутствовали представители 151 страны, – рассказывала мне Уотерс, – и все сомневались, что он приедет и

выступит. Но в конце выступления его приветствовали стоя».

Из речи принца можно было понять, что движение за медленное питание представляет основу движения за медленную жизнь. И все-таки его лучше представить через то, чем оно не является. Оно не связано только с едой. И не имеет особенной связи со средним классом. Его корни – в политике левого толка и благополучии общины, а его зарождение на северо-западе Италии говорит о глубоком традиционном радикализме, подогреваемом специфическим сельскохозяйственным консерватизмом.

«Манифест медленного питания» был опубликован в ноябре 1987 года, хотя его идеология пережевывалась и переваривалась уже многие годы, прежде всего в городе Бра, что в итальянском регионе Пьемонт. Манифест написал эссеист и поэт Фолко Портинари. Он утверждал, что мир поражен «вирусом быстрой жизни» и критиковал тех, кто «не может увидеть разницу между эффективностью и суетой». Главное, говорилось в манифесте, что при этом теряется ощущение удовольствия; от стола ушла радость, а это означает, что жизнь лишена наслаждения. Побуждающим фактором, как это часто бывает с протестами, связанными с питанием, стало неизбежное появление годом ранее ресторана McDonald's на Испанской лестнице в Риме. Но в 1982 году произошло другое неудачное событие, которое заставило человека по имени Карло Петрини задуматься, не слишком ли большую цену мы платим за заурядную и бездушную пищу, главным достоинством которой является скорость приготовления.

Как пишет Джеф Эндрюс в книге «История медленного питания: политика и удовольствие», Петрини с друзьями был в Монтальчини, регион Тоскана, где их пригласили на ланч в городской рабочий клуб Casa del Popolo. Еда, которую там подавали, оказалась отвратительной и холодной, и по возвращении в Бра Петрини написал открытое письмо, в котором выразил свой ужас. Такая еда – оскорбление региона и оскорбление для изысканных вин региона. Письмо вызвало как поддержку, так и насмешки – последние от тех,

кто считал, что Петрини, члену местного городского совета, известному своим культурным радикализмом, следовало бы заняться более важными делами, чем возмущаться по поводу неудачного ланча. Радикализм действительно имел место: это время в Италии было началом периода стремления к гедонизму, которое способствовало возвышению Берлускони. Петрини утверждал, что нет ничего важнее еды: дело не в пасте с чили, которую ему подали в миске, а в том, что она представляет – поспешную работу без уважения к традициям, позорящую местных производителей.

Так сформировался центральный принцип медленного питания – движения, которое ныне представлено 450 региональными отделениями в 150 странах и насчитывает более 100 000 членов. За три десятилетия манифест превратился из полемического документа в руководство к действию. Среди его текущих задач: создание «Ковчега Вкуса» – паспорта каждого региона, где перечисляются и защищаются продукты местного производства; поощрение местной переработки мяса, поддержка местных фермерских хозяйств; информирование о том, что фастфуд вреден для здоровья и может стать причиной диабета и других заболеваний, лоббирование борьбы с продовольственными миями^[192] и генной инженерией. Движение откровенно протекционистское, но ориентировка на устойчивое развитие говорит и о его заботе о будущем. К примеру, на Западе в силу изменения климата начнет ощущаться нехватка определенных продуктов питания, и свой, пусть и небольшой, вклад в скорость этих изменений внесет транспортировка продуктов.

Выступая на конференции в Турине, принц Чарльз упомянул новаторскую книгу Эрика Шлоссера «Нация фастфуда». «За последние 20 лет произошла невероятная централизация и индустриализация системы питания, – сказал принц Чарльз^[193]. – Фастфуд может показаться дешевой пищей, и в буквальном смысле зачастую так оно и есть. Но это лишь потому, что в калькуляцию не включаются гигантские социальные и экологические расходы». Принц перечислил некоторые из таких расходов: рост заболеваний,

обусловленных неправильным питанием; появление новых патогенов, например *Escherichia coli* O157; повышение резистентности бактерий к антибиотикам вследствие чрезмерного применения лекарственных препаратов в корме животных; экстенсивное загрязнение воды из-за интенсивного ведения сельского хозяйства. «Эти расходы не отражаются в цене фастфуда, но это не значит, что общество их не оплачивает».

Элис Уотерс узнала о движении за медленное питание в конце 1980-х годов от Карло Петрини, который выступал с лекцией в Сан-Франциско. «Я услышала, что он хотел сказать, и мы просто упали друг другу в объятия. Я испытала огромную радость». Она стала международным вице-президентом движения и начала собственную рекламную кампанию. Но до того, как в жизни Уотерс появилась еда со вкусом политики, ее увлекало нечто более простое – любовь к еде как таковой. Изначальная страсть к гастрономии имела богатый и предсказуемый источник (и соус)^[194] – французскую кухню.

Впервые она побывала во Франции в 1965 году и именно там у нее родилась мысль создать собственное бистро. Ей нравились и мифы, и реальность французского стола – настроение материнского тепла, понимание того, что вино является неотъемлемым компонентом любого приема пищи и ощущение, что после обеда никто не испытывает особого желания возвращаться к работе. «После той поездки возвращение в нашу культуру фастфуда стало для меня полнейшим шоком», – говорила она мне.

Уотерс решила максимально перестроить жизнь на французский лад, ни много ни мало – еще раз удивить мир. Она также влюбилась во французскую моду и в *joie de vivre*^[195] французских фильмов 30-х годов Марселя Паньоля. Эти фильмы в буквальном смысле были самостоятельной страной, в которой местное время (место действия Марсель), измерялось в единицах любви, дружелюбия и провинциальных комических ссор. Одного из персонажей этих фильмов звали Панисс, другую – Фанни, в честь которой Уотерс назвала свою дочь.

На самом деле еда «У Панисса» – не только гастрономическое, но и кинематографическое удовольствие: куда ни глянь, всюду развешаны плакаты фильмов Паньоля. Уотерс редко увидишь с кастрюлей у плиты, но ее энтузиазм чувствуется всюду. Сначала меню было перенасыщено традиционными французскими блюдами: множество вариантов «птица – в птице – в птице», неизменная фламбе и огромные порции, но в конце 1970-х годов, после того, как ее покинул звездный шеф-повар Иеремия Тауэр, кухня стала полегче^[196]. В наши дни ее кухня характерно калифорнийская, душевная, солнечная от лимонов Мейера^[197], но не вычурная. К ней даже больше подходит определение не «медленное питание», а «реальное питание».

Однажды сентябрьским вечером 2015 года я побывал там и решил устроиться за столиком в кафе на втором этаже, где заметно дешевле, чем в главном зале ресторана внизу. Однако там так же выдерживаются все стандарты сезонных блюд, которые готовятся просто, но в изобилии. Никто и не догадывается о 30-летней полемике, наслаждаясь палтусом, запеченным в листьях фиговой пальмы с фенхелем, или куриной грудкой с бобами и бамией, или нектариновыми галетами с ванильным мороженым (на самом деле это курица «Ривердо фарм», нектарин «Огаст Файр», а внизу можно побывать и на ранчо Вольф, и на ранчо Джеймс, и на ферме Каннард, чтобы попробовать их помидоры, перепелов или ягнятину; человек словно питается на фермерском рынке, где у каждого ингредиента своя история, и история обычно излишняя, если просто спросить «А это вкусно?»). Единственным тревожным элементом за весь вечер оказалось наблюдение, как быстро подаются блюда медленного питания и как все не по-французски и не угрюмо. В отличие от столиков под клетчатой скатертью в *jardin* Дордоня^[198], вам потребуется пара свободных часов *après le commencement*^[199].

Уотерс долго сопротивлялась предложениям предоставить франшизу на использование своего имени и названия ресторана. «Я

не хотела заводить ресторан, чтобы зарабатывать деньги. Я хотела завести ресторан, потому что хотела познакомиться с людьми, которые здесь живут, работают и приходят сюда. Чем больше у тебя есть, тем больше это требует внимания». Тем не менее она написала несколько кулинарных книг, и они по-своему обаятельны. Самая трогательная и, наверное, более всего вызывающая тошноту у ее хулителей – это «Фанни у Панисса», которую Элис с двумя друзьями написала от имени своей дочери. В книге есть рецепты, немного разных историй, она стремится передать наивный дух философии медленного питания. «Мне нравится бывать здесь по средам, потому что в этот день привозят овощи с фермы Чино, которая находится на ранчо в Санта-Фе. У семьи Чино лучшая ферма на свете. Там сплошные грядки самых разнообразных овощей и все выглядят как драгоценности...».

Помимо ресторана и книг Уотерс продвигает важный проект, который называется «Съедобный школьный двор» – попытка, согласно названию, «превратить школьные обеды из скучного дополнения в съедобный образовательный процесс», внедрить во впечатлительные умы экосистему медленного питания. Неудивительно, что горячим ее сторонником является Джейми Оливер^[200] и проект привел в восхищение супругов Клинтон и Обама. «В душе я из тех, кто предпочитает убеждать людей, а не побеждать их, – говорит Уотерс. – Нести им нечто прекрасное, вкусное. Тогда у них исчезнет плохое настроение».

Мы разговаривали с Уотерс, которой уже за 70, накануне Рождества 2015 года, через две недели после того, как ее любимая Франция подверглась страшным атакам на культуру^[201], которой она стремилась подражать. Элис работала над мемуарами. Она сказала, что ее очень вдохновляет вера молодых людей, с которыми общается, но ее собственная вера, кажется, гаснет.

Я, как и все, на сотовом телефоне. За столом я убираю его подальше. Один из важнейших моментов в еде – это процесс

взаимного общения, но я бывала за столом с молодыми людьми, которые все сидели, уткнувшись в свои телефоны. То, что шокировало меня сорок лет назад, стало доминирующей чертой культуры. Теперь главные ценности – быстро, дешево и просто, а те ценности, которые мы связывали с едой, исчезают. Что мы улучшили? Очень мало. Мы полностью превратились в пленников этой культуры.

III. Быстрее фастфуда

Но мы торопимся, и нам нужно восстанавливать силы; у нас нет времени заказывать столик в ресторане «У Панисса» или в каком-то другом. Медленное питание, конечно, руководствуется более широкими соображениями, но у него есть своя и очень реальная Немезида. Быстрое питание, против которого оно восстало более 30 лет назад, по-прежнему предлагает альтернативное моментальное удовлетворение и по-прежнему занимается массовым производством исключительно нездоровой пищи по приемлемым ценам. Главная проблема в том, что некоторые продукты фастфуда очень вкусные. Сахар и соль, содержащиеся в них, оказывают такое же сильное воздействие на рецепторы в мозгу, как быстрота приготовления и подачи – на расписание нашей жизни. Доминирование дешевого и быстрого питания на главных улицах – сэндвичи сети Pret, суши сети Iitsu, котелки с обедами в фудтраках – отражают движение к чуть более здоровой (по крайней мере, более оригинальной) жизни, по крайней мере, в более богатых частях города. Тренд все равно в сторону скорости, хотя уровень разнообразия и изобретательности несколько повысился.

Но недавно появилась новая категория быстрого питания, на фоне которой любое быстрое питание прежних лет выглядит как приготовление пищи в дровяной печи. В наше время еда – не только продукты, но и технологии. И как случается со всеми высокотехнологичными новинками, в этой категории появился один будущий мультимиллионер, которому можно позавидовать.

В конце 2012 года Роб Райнхарт был всего лишь 20-летним дилетантом, мечтавшим совершить прорыв в каком-нибудь стартапе. Идея была связана с мобильными телефонами, и дело, разумеется, буксовало. Райнхарту пришлось экономить на еде. Он начал питаться джанкфудом^[202], стал плохо себя чувствовать, а после это решил изучить, что требуется организму для благополучного

существования. В итоге он составил список из трех десятков важнейших питательных веществ и закупил через интернет необходимые химические элементы и витамины в порошковом виде. Он смешивал все компоненты с водой и выпивал; вскоре заметил, что стал лучше себя чувствовать и завел блог на эту тему (первый пост назывался «Как я перестал есть продукты»). Друзья и читатели отнеслись к эксперименту скептически, но с любопытством. Вскоре некоторые подписчики его блога стали сочинять собственные формулы минеральных веществ, необходимых для диеты по принципу «ничего с плиты».

Прочитав роман Гарри Гаррисона «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», Райнхарт назвал свой продукт «сойлентом». Роман, написанный в 1965 году и экранизированный в 1999-м, изображает перенаселенный мир с иссякающими ресурсами; самым желанным продуктом питания там является сойлент – стейки, изготовленные из сои и чечевицы (SOYa и LENTiles). В соответствующем фильме «Зеленый сойлент» жители Нью-Йорка питаются сойлентными вафлями, которые делают не из полезных веществ, добываемых в океане, как они рекламируются, а из человеческой кожи.

Продукт Райнхарта привлек внимание, и сойлент стал хитом в области экономии времени краудфандинговой компании Tilt. Райнхарт с друзьями быстро собрали более миллиона долларов в качестве инвестиционного капитала, и сойлент постепенно стал темой международных новостных программ. Корреспондент журнала *New Yorker* Лиззи Уайдкомб посетила Райнхарта и нашла его «выглядящим здоровым, что обнадеживает», и уверенным как никогда, что он нашел источник пищи будущего. Другие продукты, даже такие, как морковь, он называл «развлекательной пищей». Сойлент не надо специально готовить, требуется 10 секунд, чтобы выпить нужную порцию, он вполне наполняет тебя силой и энергией. Какова на вкус эта желтовато-мутная жидкость? Райнхарт затруднился ответить, но Уайдкомб заявила, что по вкусу она

напоминает блинное тесто с привкусом крупы и овсянки. Сукралоза^[203] маскирует вкус витаминов.

Журналист Уилл Селф по заданию *Esquire* просидел пять дней на диете исключительно из сойлента и позже свидетельствовал, что вкус «слегка сладкий, чуть-чуть солоноватый, консистенция дешевого молочного коктейля, послевкусие чрезвычайно неприятное». Но худшее, что он смог сказать, заключалось в том, что употреблять одно и то же вещество каждый день невероятно скучно. Не считая себя большим гурманом, он написал, что это похоже на пережевывание уже пережеванной пищи и отказ от всего, что предлагает разнообразие и остроту.

Это новое питание, разумеется, и не предполагает получение удовольствия; это *польза*. «Думаю, лучшая технология – та, которая со временем исчезает, – говорил Райнхарт. – У воды нет никакого особого вкуса, но это самый популярный напиток в мире». В отличие от воды, сойлент содержит липиды из масла канولا, углеводы из мальтодекстрина и протеины из риса. Используется также рыбий жир для получения омега-3 кислот, а также определенные дозы магния, кальция, меди, йода и витаминов B₂, B₅ и B₆. На официальном видео сойлента, где показывают множество молодых людей, ведущих завидный образ жизни и пьющих этот напиток во время работы и в спортивных залах, Райнхарт говорит, что благодаря своей первоначальной профессии инженера он понял, что «все состоит из деталей, и все можно разобрать». На видео также показана солидная пара, приготавливающая сойлент на целый рабочий день: три пакета размешиваются с водой в блендере, и это представляет для них завтрак, обед и ужин. Стоит все это 9 долларов и высвобождает как минимум 2 часа в сутки.

Жидкое питание применяется довольно давно: им пользуются и в больницах, и в космических полетах. Разница в том, что сойлент не просто удобная, но основная пища. Райнхарт утверждает, что сойлент составляет 90 % его дневного рациона. Это совершенно новое представление о выживании и устойчивом развитии (об удовольствии умалчиваю). Это пища, отрывающая нас от мира, привычного нам со времен палеолита: она оставляет не у дел любителей поесть и любителей готовить, ориентируясь исключительно на конечного потребителя.

Сойлент неизбежно породил множество конкурентов из области «Сделай сам», предлагающих сходные пути ускорения жизни и деятельности пищеварительного тракта. Они также доступны онлайн и называются Soylent Red, People Chow 3.0.1, Schmoylent, Queal and Veetal, Ambro, Ketofood, Nano and Joylent. Рынок каждого продукта, похоже, растет. К началу 2016 года сойлент собрал более 25 миллионов долларов от инвесторов, уверенных, что за этим продуктом – будущее. В частности, они видят в этом способ оставить в прошлом проблему питания бурно растущего населения планеты.

Неудивительно, что сойлент стал особенно популярен в таких технологических центрах, как Пало-Альто и Маунтин-Вью^[204] – ведь если отойти на ланч от рабочего стола даже на несколько минут, это может привести к краху вашего будущего крупного стартапа. Как говорится на официальном видео, «используя в качестве ресурса сойлент, вы можете сэкономить время, которое обычно тратится на приготовление, прием пищи и уборку со стола, и использовать его в других областях вашей жизни. Сойлент дает вам свободу жить той жизнью, какой вы хотите». Тысячи человек (да, сойлент в меньшинстве) уже попробовали сойлент или его онлайн-варианты в качестве главного источника питания, и их бинарные потребности учитываются в цифровом виде. Долгосрочное влияние на здоровье еще требует дополнительного изучения.

Впрочем, непосредственный эффект уже очевиден. Без продуктов питания, которые нужно выращивать и потреблять, переключаясь на

другие дела нашей жизни, мы превратимся в другую расу: станем менее общительными (вряд ли кто-то будет устраивать застолье с друзьями, чтобы принять по порции сойлента), менее коммуникабельными и впечатлительными (мы не будем выбирать и покупать продукты, мы перестанем быть открытыми для новых ощущений), более однообразными (если и когда сойлент получит глобальное распространение, мы все будем поглощать одни и те же химические компоненты), и станем более подвержены пищевым отравлениям (эпидемии в научно-фантастических масштабах, одна искаженная продуктовая цепочка вместо тысяч). Предприятия по изготовлению питания загнутся, мы станем подобными животным, которыми мы раньше питались. Мы даже начнем вспоминать про фастфуд, как про хорошее питание. Соилент может быть началом, но может оказаться и концом: свобода никогда еще не выглядела так жидко или так искусственно.

Глава пятнадцатая

Британский музей и история всех нас

I. Часослов

Мы завершаем это исследование в солидном месте – в учреждении, которое следит за ходом времени как никакое другое.

В январе 1759 года открылся Британский музей. Через два года он опубликовал свой первый каталог. Коллекция представляла собой какофонию: книги, манускрипты, драгоценные изделия, минералы, монеты, телескопы, обувь, ископаемые останки, египетские вазы, римские светильники, этрусские горшки, ямайские сосуды для питья и мумию – отражение широких интересов и привычки брать все, что под руку подвернется, человека, который предоставил основу первоначального собрания музея, сэра Ганса Слоана^[205]. В первый год посмотреть все эти диковины в музей пришли около 5 тысяч человек. Примерно столько же нынче посещают музей в какой-нибудь дождливый вторник за один час. Вход свободный, как тогда, так и сейчас, но в те давние времена нужно было обладать особой целеустремленностью, чтобы посмотреть окаменелости. Сначала нужно было посетить музейного привратника, чтобы выразить свою заинтересованность. Привратник должен был проверить ваш адрес и благонадежность. На следующий день вам следовало вернуться за именованным билетом (если заявка будет одобрена), и только после этого в указанный день и час получить возможность насладиться экспонатами. «Помощник библиотекаря» собирал группу до пяти человек для экскурсии, которая, по сообщениям самого музея, проводилась в быстром темпе, чтобы следующий квинтет в процессе ожидания своей очереди не утратил интерес к посещению.

После вступительных слов на огромной лестнице можно было пройти в первый зал, где среди прочих объектов были выставлены коралл и заспиртованная голова стервятника. Некоторые из экспонатов напоминали посетителям «цирк уродцев» на ярмарочной площади: там были загадочная «свинья-циклоп» и рог с головы женщины по имени Мэри Дэвис. Подобные объекты искажали

генеральную цель музея, который должен был быть местом «преимущественно предназначенным для ученых мужей и студиозусов, как местных, так и иноземных, в помощь исследованиям в различных областях знаний»^[206]. Один зал, предшественник знаменитого круглого Читального зала, был предназначен, согласно первым установлениям, для того чтобы «лица, имеющие право [вести исследования], могли беспрепятственно сидеть, читать или писать», то есть заниматься благородным делом, которое еще не получило статуса научной деятельности. В первый день библиотека удостоилась внимания восьми посетителей.

Сила воли, которая требовалась, чтобы получить допуск, не шла ни в какое сравнение с усилиями, которые требовались, чтобы не обращать внимания на препоны со стороны некоторых из попечителей музея. Например, профессор риторики Джон Уорд из лондонского Грешем-колледжа переживал, что большинство представленных экспонатов слишком уникальны, чтобы их могла оценить «рядовая публика всех чинов и сословий». И были искренние опасения, что лондонские бандиты XVIII века могут просто разграбить все сокровища.

Несколько библиотекарей не смогут предотвратить различные нарушения, а лица, их совершающие, будут обвинять библиотекарей, противостоящих им, в чрезмерном контроле... Никакие особы высокого звания не пожелают приходить в такие дни, когда великое скопление рядовой публики нельзя будет призвать к порядку. Если необходимо установить дни для свободного доступа, то попечители должны будут назначить из своих рядов членов специального комитета, которые будут непременно присутствовать при участии минимум двух мировых судей и констеблей из района Блумсбери^[207].

Как опасался Уорд, музей – живое существо, в здоровом состоянии он будет привлекать самую разнообразную любопытствующую публику. Даже в момент открытия Британский музей отказался от древнегреческого представления о том, чем должен быть музей и в честь чего он получил свое наименование: это место почитания и обитания Муз, демонстрации высших культурных достижений и ценностей, представленных не только в виде объектов, но и в виде торжества силы человеческого разума. В Александрии ученым мужам платили за то, чтобы они *присутствовали* в священных галереях – подобно тому, как сейчас платят знаменитостям – «послам брендов». Но затем появились библиотеки и университеты, любопытство стало возможным удовлетворять различными способами, и исторические и символические объекты стали помещать под стекло. Таким образом у музея появилась новая роль, он стал символом и демонстрацией времени: времени прошедшего, времени отслеживаемого, времени каталогизируемого. В определенной степени специализацией музея является хронология, настойчивое желание упорядочить и объяснить события вне рамок случайностей. В Блумсбери хронологический порядок вещей чувствуется более, чем где-либо.

В 1759 году всерьез рассматривалась возможность размещения будущего Британского музея в здании Букингем-хаус, которое ныне известно как Букингемский дворец. Правительство остановила только цена: его приобретение должно было обойтись в 30 тысяч фунтов, а особняк в районе Блумсбери можно было приобрести за 10 250 фунтов. Поэтому учреждение (тогда это было скорее экспериментом) открылось в Монтегю-хаус, особняке XVII века на

Грейт-Рассел-стрит; там он и находится до сих пор. В те времена экспозиции были не намного более упорядоченными, чем рынок Портобелло; трудно было даже понять место Британии в мире, не говоря уж об идее развития духа приключений и человеческого разума.

Но каталог 1860 года, выпущенный к столетию музея, уже демонстрировал не только расширение содержания, но и наличие идеи: не просто накопление, но и цели, и порядок экспозиции. Одна из целей проявлялась в беспардонных грабежах, демонстрации силы буйствующей Империи, как собирают военные трофеи или мы потихоньку тащим вещи из отелей, заканчивая отпуска. Но расширение познаний приводило к возникновению на месте огромной кунсткамеры более четкой хронологии, упорядоченной истории. (Каталог также предполагал создание музея Естественной истории, который отделится от Британского музея лет через тридцать: наряду с Розетским камнем и мраморами Элгина первоначально в залах были представлены осиное гнездо, череп додо, змеиные шкурки, окаменевшие кости лося и игуанодона, чучела фламинго, павлина, несчастных сумчатых.) Британский музей уже осмысливал идеи Дарвина о естественном отборе, что вело к эмпирической этнографии. В конце 1850-х годов, с публикацией «Происхождения видов» и работ Альфреда Уоллеса, стало заметно, что новые залы Британского музея, в которых еще чувствовался затхлый дух древнегреческих идеалов красоты и высокого призвания, уже начинают, пусть и неосознанно, идти в ногу с развитием четких и увлекательных идей биологии. В середине XIX века стало появляться то, что более всего привлекает в музеях современных посетителей: нарратив^[208].

Структурирование времени в музее – неперенная работа его кураторов, и один из них сыграл в этом важнейшую роль. Огастес Уолластон Фрэнкс (1826–1897) был назначен куратором отдела древностей в 1851 году и быстро заслужил репутацию одного из ведущих специалистов по античности, организовав новые отделения

фарфора, стекла и др. Личный опыт коллекционера, который он считал приятным, хотя и неизлечимым наследственным увлечением, дал возможность приобрести значимые коллекции британских древностей до того, как они разлетелись на аукционах. (Его приверженность своему делу ярко проявилась, когда он приобрел для музея богато украшенный Королевский золотой кубок, заплатив 5000 фунтов из своих денег; через пару лет, признав ценность приобретения, музей возместил ему расходы).

Но величайшим достижением Фрэнкса можно считать его дружбу с коллекционером Генри Кристи (1810–1865), у которого музей приобрел более 20 000 экспонатов. Кристи заработал состояние в банковском деле и промышленности, но его подлинной страстью были антропология, палеонтология и эволюция человека. Две поездки – в музеи Стокгольма и Копенгагена – в начале 1850-х годов открыли нечто очевидное и одновременно поразительное: новый способ организации разрозненных предметов для создания повествования о том, как культуры изменяются и развиваются со временем. Британский музей в знак признательности Фрэнксу и Кристи отвел им специальные экспозиции в одном из залов на первом этаже здания. Большинство других музеев тоже многим им обязаны. На одном из информационных стендов музея говорится, что под руководством Фрэнкса коллекция Кристи была не только классифицирована и систематизирована, но и обрела свою оригинальность: «Предметы древних культур всего мира [размещены] рядом с объектами более известных цивилизаций». Сужение хронологии было своеобразным эквивалентом механического запоминания; глубокое знание приобреталось по ассоциации.

Время изменило музей. Один из его современных биографов Эдвард Джон Миллер, который проработал в нем много лет смотрителем и архивистом, полагает, что слишком много музеев является продуктом стерильных с художественной точки зрения эпох. Будучи не в состоянии сами создавать шедевры, они вынуждены иметь дело с пыльными залами, представляющими редкости более привлекательных времен. Другой биограф, У. Г. Болтон, в книге «Романтика Британского музея» (1931), отметил, что «было время, когда посещение... считалось самым сухим из всех сухих способов проведения времени в сырой день... для подавляющего большинства населения Лондона все это было столь же сухим, как сами мумии».

Но одно не изменилось. Современный Британский музей – один из главных мировых защитников и пропагандистов старинных и массивных объектов. Так же, как в большинстве музеев и художественных галерей, его экспозиции демонстрируют отчетливое завершение чего бы то ни было – художественного периода, древних цивилизаций, глухой стук институциональной санкции. Объекты в янтаре закрыты толстым защитным стеклом. Там, где когда-то царили замкнутость и высокомерие, теперь все открыто, коммерциализовано, и никто не боится грабителей. Ни портики с серыми колоннами и тяжелое величие фасада в стиле греческого возрождения, ни непочтительные школьники, устраивающие ланч в Большом зале, не мешают музею осуществлять то, что выходит за рамки собирательства, классификации и сохранения сокровищ – поддерживать традиции Фрэнкса и Кристи, отслеживая движение времени человечества в физической форме.

Музей даже создает методические руководства о том, как это делать наилучшим образом. В 38 и 39 залах представлена традиционная экспозиция разнообразных часов – от ранних башенных и домашних механических маятниковых до относительно новой модели Dan Dare компании Ingersoll (1950-е) и электронных вибрирующих часов Accutron компании Bulova (1970-е). Возможно,

скоро им компанию составят и Apple Watch. В других залах демонстрируются указывающие время объекты с менее предсказуемых позиций.

Объект № 1: резной бивень мамонта возрастом около 13,5 тысячи лет. Это один из принципов Британского музея: «в основе любой культуры лежит необходимость организовывать ближайшее и отдаленное будущее для собственного выживания». Одно из самых ранних проявлений этого представлено в виде сезонной миграции животных. На резном бивне, найденном в каменной пещере в районе французского городка Монтастрюк, изображены два плывущих оленя, причем первый – с характерной толстой осенней шерстью. Для охотника это хороший сезонный знак: олени набрали жир, а переправа по воде делает их более легкой добычей. Резной объект длиной 12,4 см мог быть наконечником деревянного копья, а этим копьём могли убить оленя посередине реки.

Объект № 2: 96-сантиметровый деревянный с нефритовой инкрустацией генеалогический жезл, или «Вакапапа» из Новой Зеландии с 18 насечками. Каждая насечка означает его владельца из народа маори, это своего рода перечень предков. Множество жезлов с множеством насечек устанавливают церемониальную связь с началом времен и в итоге с богами. Это также тактильный символ смертности. А потом наше колониальное время поглотило время маори: эти жезлы среди европейских натуралистов XIX века стали восприниматься как ценные сувениры, и сама их суть, из-за которой они и были столь желанными, исчезла.

Объект № 3: племенные и сакральные произведения искусства, создаваемые десятилетиями. В музее это резной деревянный двуглавый пес Козо. Это традиционная фигурка *нкиси* – собственность шамана из Демократической республики Конго. Шаман выслушивал просьбы члена племени об избавлении от болезни или жалобы на какие-то действия соседа, и вонзал гвоздь или другой заостренный предмет в тело *нкиси*, чтобы высвободить его силы. Чтобы растратить всю энергию скульптурки, требовались

усилия не одного поколения, и в итоге она становилась полностью утыкана шипами: то ли brutальный еж, то ли граната вуду.

Объект № 4: часослов Бедфорда. Один из уникальных иллюминированных рукописных часословов, поступивших в Британский музей (сейчас в Британской библиотеке). Это книга ежедневных христианских молитв с иллюстрациями на каждое священное событие. Манускрипт создан в Париже между 1410 и 1430 годами, принадлежал Генриху VI до того, как он взошел на трон. В нем представлено 38 библейских сюжетов, посвященных деве Марии и младенцу Иисусу (Благовещение, Поклонение волхвов и т. д. и т. п.). Восемь литургических часов отмечают время самым конкретным образом: буквальное течение времени от рассвета до заката: заутреня, перед обедней, первый час, третий час, шестой час, девятый час, вечерня и повечерие. Шикарный альбом в бархатном переплете одно время принадлежал Джону, герцогу Бедфордскому. Чтобы отметить его бракосочетание с Анной Бургундской, манускрипт слегка изменили, включив их клятвы и геральдические гербы. Часословы были почитаемым имуществом в богатой и набожной Европе – предопределяющим руководством на каждый день и спутником на всю жизнь.

И объекты № 5 и № 6: представление о конце света на двух алебастровых панелях XV века. Резные изображения представляют два предзнаменования из Апокалипсиса: на одном люди выходят из своих жилищ обезумевшие и утратившие дар речи. На другом – гибель всех живых существ. Страшный Суд и смерть всех нас – удачное место для завершения нашей экскурсии. Апокалипсические пророчества никогда не мешали самым жестоким и террористическим режимам, и бесчинства в древних городах, в ходе которых уничтожались древние святыни, означают попытку уничтожения самого времени.

Дальнейшее развитие музея будет сталкиваться с новыми сложностями, в том числе с перемещением центра интереса, обусловленным особенностями цифровой эры, но судя по

количеству посетителей, ежегодно проходящих под портиками в Блумсбери, уровень интереса к основным экспозициям не падает. Мы очень нуждаемся в своем прошлом и упорядоченном времени. Стекланный шкаф с янтарем внутри – это прошлое, соединенное с будущим, такое же романтическое и яркое, как волшебная сказка.

II. Обреченные и брошенные

В давние времена в полночь с вами могло произойти ужасное событие: ваша карета могла превратиться в тыкву. В наши дни событие подобного рода можно посчитать унижительным, но не самым страшным. В наши дни самое страшное, что может произойти в полночь – наступление конца света.

В июне 1947 года ежемесячник «Бюллетень ученых-атомщиков» (*Bulletin of Atomic Scientists*) написал, что мир может стать жертвой собственных успехов. Важнейшая дискуссия об ответственном контроле над использованием атомной энергии стала насущной проблемой всей международной политики послевоенных лет. Бюллетеню оказывал поддержку Альберт Эйнштейн, в то время председатель Чрезвычайного комитета ученых-атомщиков, а в редакционный совет входили люди, которые во время войны были заняты в Манхэттенском проекте и других атомных исследованиях. Как отметил один из его членов, «никогда не упоминалось, что ученые, создавшие бомбу, надеялись обезопасить мир от самого себя».

Но ядерное уничтожение было не единственной проблемой, которая занимала умы членов редакционного совета. Они еще размышляли о том, что поместить на обложку издания. Бюллетень родился в Чикаго в декабре 1945 года как простенькое издание на 6 страниц, а через полтора года разросся до журнала объемом 36 страниц, который получал поддержку от Бертрانا Рассела^[209] и рекламы устройств для измерения уровня радиоактивности («на новейшей стадии развития науки... чрезвычайно большое значение имеет наличие инструментов повышенной точности и надежности»). Июньский номер журнала 1947 года впервые вышел под профессионально оформленной обложкой (ранее на первой странице просто размещался текст).

Но этому предшествовала небольшая дискуссия. Было предложение изобразить большую букву U – химическое обозначение урана, а потом художница Мартил Лангсдорф, жена физика Александра Лангсдорфа, предложила нечто более сильное и убедительное. Отныне предлагалось содержание каждого номера печатать на фоне гигантского часового циферблата, такого гигантского, что на обложке можно было увидеть только его левую верхнюю четверть. Но именно здесь и происходило главное: черная часовая стрелка указывала на полночь, а белая минутная занимала важнейшее положение от нее слева. Это было грозный и жесткий образ, образ на все времена, в частности, потому, что, когда он появился впервые, часы показывали «семь минут до уничтожения».

Действительно, это оказался настолько мощный образ, что его смысл не приходилось объяснять: когда две стрелки сойдутся, произойдет нечто ужасное. В статьях, опубликованных в этом номере, обсуждалось, как этого можно избежать. В частности, были статьи «Мысли министерства обороны об атомной бомбе» и «От комитета по исследованию жертв атомного удара по Хиросиме». Редакторская статья начиналась так: «Имея дело с атомной энергией, мы не можем себе позволить отсутствие логического мышления в политике, основанной на невежестве, слухах, предубеждениях, односторонней выгоде или беспочвенных мечтаниях». Риторика была жесткой и наглядной.

Как устанавливалось время, которое показывали эти часы? Первоначальное решение было произвольным и скорее эстетическим. Мартил Лангсдорф говорила, что выбрала без семи двенадцать, «потому что это красиво выглядело» (ответ художника отделам маркетинга часовых брендов, устанавливающим стрелки на “10:10”, поскольку это хорошо раскрывает дизайн циферблата, который выглядит “улыбчивым”»). Но позже редактор журнала Евгений Рабинович^[210] взял дело в свои руки. В 1949 году, после того как Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу, он перевел время на без трех минут двенадцать.

После смерти Рабиновича в 1973 году ответственность за указание времени перешла к Совету журнала по науке и безопасности. По словам Кеннет Бенедикт, старшего советника «Бюллетеня ученых-ядерщиков», совет собирается два раза в год, чтобы обсудить положение в мире, проводит широкие консультации с коллегами в различных научных дисциплинах, «а также интересуется мнением Совета спонсоров Бюллетеня, в который входит 16 нобелевских лауреатов». И эти великие умы коллективно вносят значимые коррективы. В 1953 году, реагируя на проведенные с интервалом в шесть месяцев в США и СССР испытания термоядерной бомбы, минутная стрелка оказалась на без двух двенадцать. В 1972 году появилась возможность вздохнуть глубже: после заключения договоров ОСВ-1 и ПРО, устанавливавших паритет между государствами и условия по дальнейшему ограничению вооружений, часы Судного дня стали показывать без двенадцати двенадцать. В 1998 году они стали показывать без девяти двенадцать: после того как Индия и Пакистан провели испытания своего оружия, и появились расчеты, что в распоряжении России и Соединенных Штатов имеется 7000 ядерных боеголовок, способных полностью уничтожить обе страны за 15 минут.

«Наш “Бюллетень” можно сравнить с врачом, устанавливающим диагноз, – говорит Бенедикт. – Мы рассматриваем данные, как терапевт изучает лабораторные анализы и рентгеновские снимки... Мы учитываем максимально возможное количество симптомов, измерений и обстоятельств. Затем делаем заключение, в котором суммируется, что может произойти, если лидеры и граждане не станут принимать мер по улучшению состояния».

К 2016 году время на этих часах менялось 21 раз. Глобальное ядерное уничтожение сейчас лишь один из факторов, хотя по-прежнему критический. В 2015 году, когда Северная Корея провела испытания ядерного оружия, у редакционного совета журнала зачесались пальцы, как и у всех остальных, кто услышал эту новость.

Но в равной степени существенными являются отношения между сверхдержавами, угроза терроризма и религиозного экстремизма, общее состояние планеты с учетом опасности голода, засухи и подъема уровня океана. (В первом номере за 2016 год опубликована статья о продаже ядерных реакторов на Ближнем Востоке и два материала о связи изменения климата с технологиями в Индии и Бангладеш.)

Отвечая на обвинения в том, что часы Судного дня – страшилка, используемая в политических интересах, Кеннет Бенедикт заявляла, что минутная стрелка удалялась от полуночи не реже, чем приближалась, и «так же часто при республиканской администрации в США, как и при правлении демократов». Далее всего от полуночи, на 17 минут, стрелка отодвигалась в 1991 году, когда Джордж Буш подписал с Советским Союзом Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Впрочем, никогда не было понятно, как нужно реагировать на изменение положения минутной стрелки на часах Судного дня. Прятаться, когда она приближается к полуночи, и расслабляться, когда удаляется? Может, это средство повышения или снятия общественного ажиотажа, способ дать возможность серьезным политикам взять временную передышку? Оказывают ли эти часы существенное влияние на значительные политические решения? В лучшем случае часы – повод обсуждать вопросы жизни и смерти, которые в ином случае могут показаться слишком дорогими или сложными для рассмотрения.

Бенедикт говорит, что ее часто спрашивают: «Где можно посмотреть часы Судного дня?» Она отвечает, что это не настоящие часы, никто их не заводит и не пытается заменить механизм на кварцевый. Но легко понять, как можно ввести людей в заблуждение. В январе 2006 года на пресс-конференции в национальном пресс-клубе в Вашингтоне, связанной с объявлением нового времени часов Судного дня, они были реально представлены. В церемонии приняли участие четверо выдающихся ученых и два

бывших государственных секретаря Соединенных Штатов. Перед торжественным открытием исполнительный директор и издатель «Бюллетеня» Рейчел Бронсон объявила, что время «одновременно» увидят и в Вашингтоне, округ Колумбия, и в Стэнфордском университете, штат Калифорния. Ученые мужи приготовились снять голубую драпировку с большого картонного ящика, установленного на подставке. «Пожалуйста, приступайте!» – произнесла Бронсон, когда подошло время, и фотографы ринулись вперед, словно на представлении новой фигуры в музее мадам Тюссо. Помощники сделали, что от них требовалось. Под нарисованными на картоне стрелками была надпись: «3 МИНУТЫ ДО ПОЛУНОЧИ». Зал наполнился треском затворов фотокамер. Светила, держа в руках голубую тряпку, старались сдержать улыбки.

Реальные эти часы или нет, идут они или нет – неважно, потому что трудно придумать более яркую метафору для конца света. Часы Судного дня стоят наравне со всеми традиционными клише катастрофы. «Часики тикают» – предупреждающий тревожный звонок, который должен вывести нас из дремотного состояния. И даже если они хотя бы предполагают конкретную физическую форму для информационного повода или маркетинга – разве этого недостаточно? Есть на что посмотреть там, где ничего не увидеть. Когда 26 января 2016 года на пресс-конференции «Бюллетеня» было объявлено, что между нашим нынешним сомнамбулическим состоянием и полным беспмятством остается меньше времени, чем требуется, чтобы сварить яйцо, тема часов стала популярнейшим трендом в соцсетях. Таков ныне конец света: жить остается три минуты, но часть из них надо потратить на пост в Твиттере.

Помимо всего прочего, этот простой символ уничтожения кое-что говорит о нашем отношении к часам и страхе перед ними. Без них ничто не функционирует, от них зависят все коммуникационные и навигационные системы, равно как финансовые транзакции и почти все наши стимулирующие факторы. Альтернатива – сидеть в пещере и ждать, когда взойдет солнце.

Сценарий нашего личного конца света гораздо ближе, чем ближайшая ракетная шахта. Наш личный судный день страшит нас и надвигается со временем, время определяет нашу жизнь до такой степени, что мы, похоже, не в состоянии этому соответствовать. Или того хуже: мы соответствуем, но от этого страдает окружение. Мы всегда идем на жертвы и компромиссы. Нам не хватает времени на семью, но на работу времени тоже не хватает, как и на то, что нам кажется чрезвычайно важным, типа мечтательной перспективы полного безделья.

Мы понимаем, что в этом нет смысла, нам не нравится, во что превращается наша жизнь. Мы жаждем пунктуальности, но ненавидим дедлайны. Мы отсчитываем часы до Нового года, но можем полностью забыть несколько следующих. Мы платим за «приоритет при посадке», поэтому сидим в самолете и долго ждем, когда подтянутся остальные пассажиры, а когда приземляемся, платим, чтобы побыстрее выйти. Мы привыкли брать время на размышление, но сейчас скорость коммуникаций почти не оставляет нам времени реагировать. Рай – это пляж, бесконечные волны и хорошая книга, но тут возникает электронная почта. Зачем пользоваться картой Oyster^[211], если есть бесконтактные? А зачем бесконтактная, если есть Apple Pay? Если не пришел в канун Рождества, можешь не утруждать себя приходить на следующий день. Заказ на 1 час 27 минут с доставкой завтра. Пятнадцать минутных встреч на гламурной вечеринке длительностью два часа. Запрос в интернете словосочетания *time management* выдает «примерно» 38 300 000 результатов за 0,47 секунды. Ультравысокая скорость загрузки свыше 200 Мб в секунду по широкополосному

оптоволокну Vivid 200. За 7 часов 43 минуты можно прочитать эту книжку на вашем Kindle.

Удушающее изобретение iTime заменило фабричные часы. Мы достигли точки, где уже невозможно ощущать время независимо от технологий. Чувство безнадежности перед лицом мчащегося времени можно охарактеризовать фразой «Лихорадочный застой». Я наткнулся на нее, как и на версию притчи о египетском рыбаке, в очень влиятельной книге немецкого социолога Хартмута Розы *Beschleunigung: Die Veränderung de Zeitstrukturen in der Moderne* (2005). Основное заглавие переводится как «Социальное ускорение» и в ней автор утверждает, что мы можем попадать в периоды катастрофических застоев, причиной которых становится столкновение быстрой экспансии технологий с широко распространенным ощущением, что нам никогда не достичь поставленных перед собой целей. Чем больше мы стремимся «вырваться вперед», тем более недостижимым становится то, куда мы рвемся. Чем больше приложений и компьютерных программ мы загружаем, тем больше это становится похоже на истерический вопль. Египетский рыбак понимал это правильно, как и, на удивление, Боно: мы «бежим, чтобы встать».

Оптимизм внушает лишь то, что более легкая форма «лихорадочного застоя» встречалась и раньше. В терминологии популярных СМИ, мы с 1950-х годов живем «в беличьем колесе», а с 1970-х годов – «на беговой дорожке». Но можно заглянуть и дальше в прошлое. В феврале 1920 года Альберт Эйнштейн в письме коллеге Людвигу Хопфу жаловался, что «настолько завален вопросами, приглашениями и просьбами, что по ночам мне снится, будто я горю в аду, и дьявол в образе почтальона постоянно кричит на меня и бьет по голове пачкой новых писем, потому что я до сих пор не ответил на предыдущие».

А можно и еще дальше. «Сейчас кругом сплошные “крайности”, – писал Гете композитору Карлу Фридриху Цельтеру. – Молодые люди втянуты в водоворот времени; богатство и скорость – то, чем

восхищается мир и то, к чему все стремятся. Все средства коммуникации – это то, на что нацелен мир в стремлении обогнать сам себя». Написано в 1825 году.

К сожалению, не все ускорения проявляются в легкой форме. Роза заканчивает свою книгу прогнозом наихудшего сценария, эндшпилем, который называет «неуправляемым стремительным броском в пропасть» – смертью от времени. Причина этого – наша неспособность сбалансировать конфликт между движением и инерцией, и «пропасть может быть представлена либо как коллапс экосистемы, либо как полный распад современного общественного порядка». Могут произойти «ядерные или климатические катастрофы с невероятно быстрым распространением новых болезней, либо новые формы политического коллапса и взрывы неконтролируемого насилия, что можно отчасти ожидать там, где массы исключены из процесса акселерации и нарастает противостояние акселерированному обществу». Веселые деньки...

А можно ли рассчитать, когда возникнет этот коллапс времени, эта черная дыра нашего существования? Когда наше стремление к модернизации и развитию приведет к полному уничтожению? Через месяцы, годы или эпохи? К сожалению, у этого сценария нет определенных сроков. И, к сожалению еще раз, возможно, нас уже затягивает в этот водоворот. Страдает от этого не только изнеженный Запад; похоже, время подходит к своему страшному финалу в экологическом смысле. ИГИЛ, практически уничтожающий памятники истории в Ираке и Сирии – это уничтожение хронологии в глобальном масштабе. И даже при менее катастрофическом положении мы, судя по всему, уже добрались до конца романа или до конца истории. В принципе, все нынешние социальные, культурные и политические движения – это «пост-» или «пост-пост-», и два абсолютных «пост-пост-» явления, как это ни странно звучит – это модернизм и ирония. Акселерация вызывает эпидемию цинизма.

Книгу Хартмута Розы на английский язык перевел Джонатан Трейо-Мэтис, социальный и политический философ, который

скоропостижно скончался от рака в 2014 году в возрасте 35 лет. Он, что нехарактерно для переводчика, написал к книге пространное предисловие, где исследовал недавний инцидент, в котором само время, уже не пассивное и не благосклонное, похоже, переняло такие человеческие черты, как продажность и злорадство.

Первому дал толчок финансовый кризис 2008 года. Как известно, он произошел вследствие процесса чрезмерного кредитования и недостаточного регулирования, но он прошел быстро и в 2009 году деньги снова стали зарабатывать и продаваться в криминальных масштабах. Причиной этому стал новый способ зарабатывания денег с невиданной ранее скоростью: высокочастотная торговля.

Никогда не было столь уместно выражение Бенджамина Франклина «время – деньги». Внешний мир узнал о высокочастотной торговле днем 6 мая 2010 года, приблизительно в 14:40, когда в одно мгновение оказался потерян триллион долларов. Через 7 минут финансового свободного падения, в ходе которого индекс Доу-Джонса обвалился на 700 пунктов, на фондовых биржах включился встроенный механизм безопасности, предотвративший дальнейшую панику. «Мгновенный крах» закончился почти так же быстро, как начался, и в течение часа рынок вернул почти все свои потери. Но через четыре месяца разразился еще один подобный кризис. На этот раз энергоснабжающая компания *Progress Energy* (107 лет на рынке, 3,1 миллиона клиентов, 11 000 сотрудников) обнаружила, что стоимость ее акций за несколько секунд упала на 90 %. В данном случае «случайное нажатие клавиши» (как это потом объясняли) одним трейдером вызвало алгоритмический хаос. В обоих случаях потери происходили по той же причине, по какой возникали прибыли: почти невообразимая скорость передачи данных по оптоволоконным кабелям.

Способность компьютеров проводить транзакции в бизнесе на миллиарды долларов со скоростью, близкой к скорости света, казалась фантастическим достижением – до тех пор, пока не

выявилось обратное. Самое странное здесь то, что даже самые опытные трейдеры, скажем, компания Goldman Sachs, не могли предложить убедительного (по крайней мере, публичного) объяснения тому, что произошло или как предотвратить повторение подобного события, потому что все произошло слишком быстро. В New York Times выдвинули одну гипотезу по поводу кризиса 2010 года: это могло произойти из-за «плохо рассчитанных сделок в одном фонде взаимных инвестиций из Канзаса», но спустя пять лет в зеленом лондонском пригороде близ аэропорта Хитроу был обнаружен более неожиданный подозреваемый.

Навиндер Сингх Сарао, 36 лет, был арестован в городке Хаунслоу в апреле 2015 года по обвинению в «спуфинге»: якобы он обманным путем покупал, а затем аннулировал финансовые инструменты в таких объемах и с такой скоростью, что все алгоритмы оказывались недействительными. Дальнейший анализ состояния рынка в течение нескольких следующих месяцев показал, что такой сценарий маловероятен, но сам факт того, что хрупкость экономического здоровья западного мира была представлена как зависящая от деятельности одного трейдера, который почти мистическим образом, на бытовом компьютере, сидя в пижаме в доме своих родителей, произвел обвал рынка, вызывает тревожные мысли о том, что мы не все в состоянии контролировать. (А тот факт, что регуляторам рынка потребовалось пять лет, чтобы найти причину этого обвала, предполагает, что мы совершенно не в состоянии соответствовать темпам ускорения реального мира. Не так давно худшим, с чем приходилось иметь дело финансовым властям, была инсайдерская информация: как странно это выглядит сегодня!) На момент написания этой книги Навиндеру Сарао предъявлены обвинения по 22 случаям манипуляций на финансовом рынке, но он до сих пор не предстал перед судом.

Читатели книги «Высокочастотная революция на Уолл-стрит» (Flash Boys), захватывающего повествования о махинациях на американском финансовом рынке, автором которой является

бывший трейдер с Уолл-стрит Майкл Льюис, знакомы с некоторыми новыми явлениями времени, в частности, с тем, как микроскопический прирост от своевременного выставления на продажу или придерживания акций и определяет разницу между реактивным взлетом прибыли и самоубийственными убытками. Пожалуй, самый крупный скандал связан с телекоммуникационными компаниями Verizon и AT&T, которые варьировали скорость передачи данных между Чикаго и Нью-Йорком. Иногда передача данных занимала 17 миллисекунд при идеальной скорости 12 миллисекунд (1 миллисекунда – одна тысячная доля секунды; чтобы мигнуть, требуется 100 миллисекунд). Другим странным и тревожным изменением в современной финансовой сфере является отсутствие потребности в контроле (и потенциальном регулировании) за транзакциями со стороны человека. Это раньше мужчины в подтяжках кричали по телефонам и размахивали руками; сейчас это миллисекундные вспышки на экране и ничего больше.

По словам Льюиса, по-настоящему успешные трейдеры – те, кто находит способы манипулировать рынком в обход технологий, в «темном омуте», где транзакции скрыты от публичного внимания. «Все говорят, что дело в скорости. Надо работать быстрее», – говорит один из персонажей Льюиса, а потом поясняет, что подлинное мастерство в том, чтобы проводить некоторые транзакции медленнее. Высокочастотные трейдеры – даже самые честные – обычно не очень ориентируются на высокие нравственные принципы для получения максимальной прибыли, но в книжке, разумеется, попался один такой на все общество.

А зачем нам, собственно, знать, что происходит на финансовых рынках? Может, оставить это специализированной прессе или кино? Знать об этом надо потому, что это – зерно великих депрессий и даже хуже, причем способных возникнуть мгновенно. Сейчас, когда я пишу эту книгу, люди уже научились передавать информацию по оптоволокну со скоростью более 100 петабайтов в секунду на расстояние километра. Петабайт – это 1000 терабайтов, терабайт –

1000 гигабайтов; во всяком случае, это скорость, позволяющая загрузить 50 000 двухчасовых кинофильмов в формате HD – этого хватит, чтобы смотреть кино непрерывно в течение 11,4 года. За секунду. (Это максимальная скорость, достигнутая в оптимальных контролируемых условиях в Японии. Пока это недоступно через вашего дружелюбного, но разочаровывающего местного интернет-провайдера. Однако всему свое время). Экономические плюсы от этого – колоссальные финансовые состояния для немногих. Минусы – вероятность всемирного финансового конца света, по сравнению с которым все кризисы начиная с 1920-х годов покажутся потерей закатившейся монетки под диван.

А есть еще окружающий нас мир и проблемы, связанные с климатом. Ключевой вопрос всех дискуссий о сокращении видов животных, таянии полярных шапок, загрязнении океанов пластиком один: сколько времени нам осталось? И как скоро выяснится, что уже слишком поздно?

III. Те, кто чувствует иначе

Геологи, космологи, экологи и музейные кураторы всегда имели свой, особый взгляд на время – хронологические наслоения эпох и периодов, которые могут показаться обнадеживающе комфортными для всех, кто задумывается о неизбежном конце света: кризисы и все прочие проблемы времени продолжают громоздиться, но Земля, тем не менее, по-прежнему вертится.

Возникающее от этого ощущение безопасности может показаться ненадежным, но в таком случае где же искать утешения? Возможно, у инуитов, живущих у Северного полюса, отчасти потому, что в их родном языке инуктит нет слова, обозначающего понятие времени. Календарь, которым пользовался охотник в канадской Восточной Арктике, хорошо показывает, где лежат его приоритеты: дни помечены, и есть особые крестики для воскресных дней, появившихся после прихода миссионеров, которые принесли с собой христианство, но большое пространство в середине карты отведено рисованному подсчету карибу, полярных медведей, моржей и тюленей.

До XIX века, когда начались контакты с европейцами, а те принесли, в частности, такие сомнительные ценности, как механические часы, время определялось сезонами года, погодой, движением Солнца и Луны, миграционными маршрутами съедобных животных – примерно так же, как в Англии в дохристианскую эру. Демаркационные линии проявлялись в подвижных инуитских месяцах, которые имели названия согласно вполне практическим соображениям. Например, время гнездовья птиц или таяния морского льда. В темные зимние месяцы положение звезд указывало, когда пора покидать иглу, чтобы кормить собак и заготавливать топливо для приготовления пищи. Когда в общинах стали появляться механические часы, завезенные заготовителями пушнины, то, например, инуиты из района Киватин изначально дали

свои названия и толкования значкам на циферблате: *ulamautinguaq* («похоже на топор») означало 7 часов, 12 часов дня называлось *ullurummitavik* («время еды»), а 9 часов – *sukatirvik* («время заводить часы»). Очень многое из этого образа жизни оказалось стерто временем западной цивилизации и всем тем, что инуиты определили словом «порядок». Однако Джон Макдональд из Исследовательского института Нунавута указывал (в краткую паузу между составлением потрясающего словаря языка инуктит): «Наступление весны вызывает неудержимую потребность насладиться богатствами природы... начинается массовый исход на традиционные места рыбалки и охоты... все расписания работодателей трещат по швам, и на определенный период в свои права вступает старое время».

А может, нас привлекут механические системы времяисчисления древней Мексики, которых до вторжения европейцев в Новый Свет просто не существовало: нет свидетельств даже наличия солнечных часов, не говоря уж о склонности делить сутки на часы. И напротив, в Древней Индии была весьма сложная система: сутки состояли из 24 часов, что нам вполне знакомо, но менее известно похожее на фантастику деление на 30 *muhurta* по 48 минут или на 60 *ghatika* по 24 минуты. *Ghatika*, в свою очередь, состоит из 30 *kala* по 48 секунд или 60 *pala* по 24 секунды. Шестидесятеричный формат восходит к Древней Вавилонии и существовал до XIX века. Потом британцы заставили почти всех существовать в их ритме, и страна в 1947 году приняла Индийское стандартное время, опережающее на 5 1/2 часов Всемирное координированное время (UTC), которое связано с атомным временем, регулируемым атомами цезия. (Впрочем, Калькутта и Бомбей еще несколько лет жили в собственных часовых поясах, а Ассам продолжает неофициально и весело жить по Времени Чайных Плантаций: их владельцы переводят время на час вперед относительно стандартного, чтобы повысить продуктивность работников). По аналогичной причине в 2007 году Венесуэла перевела часы на 30 минут назад: как

утверждалось, для «более справедливого распределения восхода» (или это просто маниакальное политическое упрямство президента Уго Чавеса, который до этого уже изменил государственный флаг, конституцию и передвинул Рождество на ноябрь).

А может быть, мы поддержим эфиопскую систему, в которой Рождество приходится на январь и действуют 12-часовые циклы, при которых день начинается с восходом, а не в полночь. Возможно, скоро восторжествует менталитет жителей Ямайки, который раздражает туристов из западного мира, пока они не привыкнут к их расслабленности, но в этот момент обычно отпуск заканчивается, и пора возвращаться домой. Не исключено, кто-то втайне восхищается хронологической независимостью Северной Кореи, которая 15 августа 2015 года передвинула пхеньянское время на 30 минут назад, чтобы покончить с оскорблением, нанесенным 70 годами ранее «коварными японскими милитаристами, которые лишили Корею даже своего стандартного времени». А может, и нет.

Обещает расширить хронологические возможности современного мира фонд «Долгое настоящее» (Long Now Foundation), организация, созданная в 1996 году для внедрения долгосрочного мышления в рамках 10 000 лет. Точнее, она создана в 01996 году: дополнительный ноль, «чтобы решить проблему 10 000-летия, которая возникнет примерно через 8000 лет (так что *есть* на что надеяться!).

Идейные вдохновители фонда Дэнни Хиллис, Стюарт Бранд и Брайан Ино^[212] поставили перед собой поэтичную и достойную похвалы цель. В их лаконичном манифесте говорится, что «наша цивилизация загоняет себя в патологически краткосрочное планирование». Их цели: работать на долгосрочную перспективу, стимулировать ответственное поведение, награждать терпение, создавать союзы с конкурентами, не принимать ничью сторону, способствовать долгожительству и «мифологически глубоко мыслить».

Но фонд не только говорит и удивляет. Он также создает гигантские часы (реальные часы, в противовес часам Судного дня) в горах Западного Техаса. В 1995 году Дэнни Хиллис, инженер по вычислительной технике, задумал механизм, который будет тикать раз в год, звонить раз в столетие, а его кукушка будет высовываться и куковать один раз в тысячелетие. Запланированный срок действия часов – 10 000 лет, маятник будет приводиться в движение термальной энергией (т. е. за счет перепада температур в окружающей атмосфере). Часы, которые сооружаются в Техасе, сейчас звонят чаще, чем планировалось (посетители должны получать *какое-то* вознаграждение за то, что проделывают долгий путь в гору пешком, чтобы их просто увидеть), но принципиальная идея их изобретателя не изменилась: «Думаю, пришло время начать долгосрочный проект, который позволит людям преодолеть психологический барьер неизбежно сокращающегося будущего». Строительство часов частично финансирует Джефф Безос, основатель Amazon: симпатичный жест от человека, главной задачей компании которого является доставка вам необходимых предметов домашнего обихода в течение часа после заказа.

Фонд «Долгое настоящее» также думает об архивировании нашей текущей базы знаний, чтобы иметь возможность передавать их не просто следующему поколению, но и следующей форме жизни. Для популяризации этих долгосрочных перспектив создано также нечто типа букмекерской конторы под названием «Долгосрочное пари» (Long Bet), но ставки принимаются не на итоги ближайших выборов или результат спортивного сезона, а на события примерно полувековой перспективы. Кевин Келли, букмекер этого проекта, принимает ставки на самые разные прогнозы, например: «К 2060 году численность населения планеты сократится по сравнению с нашим временем» или «к 2063 году в мире останется только три значимых валюты, которыми будет пользоваться 95 % стран». Не потеряйте бланк ставки!

Разделяющие образ мысли организаторов фонда «Долгое настоящее» могут вступить в его члены. В середине 2016 года таких уже было более 7500 человек. Как во всяком уважающем себя клубе, там есть градация привилегий. Владелец Стальной карты платит 96 долларов в год и получает возможность посещать мероприятия и доступ к онлайн-трансляции семинаров, несколько других привилегий, а также 10 %-ную скидку в магазине Long Now. Владелец Вольфрамовой карты (960 долларов в год) получает все перечисленное выше плюс книгу Long Now и специальный компакт-диск Брайана Ино. Польза от этого, разумеется, нематериальная: вы инвестируете в долгосрочное будущее или, по крайней мере, в убеждение, что оно наступит.

Нейробиологи установили, что наше сознательное состояние отстает примерно на полсекунды от реального времени. Это зазор между тем, как мозг получает сигналы, обрабатывает, отправляет их обратно и получает сообщение о том, какие действия совершаются. Время между решением щелкнуть пальцами и увидеть и услышать это действие всегда дольше, чем нам кажется, потому что мозг редактирует этот зазор и создает собственную непрерывную историю. Мы всегда в прошлом, даже находясь в настоящем, и никогда его не догоним.

Что же делать? Существует ли более философское отношение к времени, чем часы Судного дня или бюрократическая головная боль по поводу часовых поясов? Например, Вуди Аллен, хотя и не самый большой мудрец, часто демонстрирует нивелирующий подход к подобному рода вещам. Ответом на скоротечность и мрачность жизни может стать, например, регулярный просмотр фильмов

братьев Маркс, как он делает это в фильме «Ханна и ее сестры». Его персонаж склоняется к самоубийству, пытается застрелиться, у него это не получается, и после этого в безотчетном состоянии он бредет в кинотеатр, где показывают «Утиный суп». Братья Маркс играют шлемами охранников как колокольчиками, и мир для персонажа постепенно вновь обретает смысл: почему бы просто не наслаждаться жизнью, пока есть такая возможность? Другой полуавтобиографический персонаж Аллена, Элви Сингер из фильма «Энни Холл», уже очень давно произнес, что жизнь «полна одиночества, страданий и несчастий, но все это слишком быстро заканчивается».

Спустя несколько лет Аллен в одном интервью пересмотрел свою философию, и нашел другое решение: «Я действительно думаю, что это мрачное, болезненное, кошмарное, бессмысленное существование, и единственный способ быть счастливым – говорить себе неправду, обманывать себя. Я не первый, кто говорит об этом и не самый убедительный. Об этом говорил Ницше, об этом говорил Фрейд: человеку в жизни нужны иллюзии». Противоположный подход просто невыносим или, по крайней мере, непригоден для жизни: постоянно думать, что все, что нам дорого в этой жизни, скоро исчезнет. Мы всю жизнь стремимся заработать больше денег, испытать больше любви, получить то, что считаем важным, *сделать* то, что считаем важным, исправить ошибки, помогать другим, расширять свое представление о Вселенной, развивать технологии и облегчать жизнь; если считаем себя художниками – стремимся создавать красоту и истину, и все это стремимся сделать в тот краткий промежуток времени, который доступен нам. Через каждые сто лет мы исчезаем, и другая масса людей стремится сделать все то же самое. Время – и даже не геологическое *глубокое время*, а то время, которое наступит после нашего времени – просто идет своим чередом. Это давно и хорошо представлено в негритянских спиричуэлс [\[213\]](#).

Самое яркое представление о свободе в нашей жизни неизбежно связано с представлением о застывшем времени: свободе от тирании часов. Рекламодатели не нашли более сильного единого образа блаженства, чем пустынный бесконечный песчаный пляж. В литературе этот символ представлен немецким философом Вальтером Беньямином в образе парижского фланера, который бродит по городу в мерцающих сумерках со своей черепахой на поводке и перемещается, соответственно, черепашьим шагом^[214].

Космолог Карл Саган красноречиво высказался по этому поводу в 1994 году на первых страницах своей книги «Голубая точка». В феврале 1990 года космический аппарат «Вояджер-1», покидавший пределы Солнечной системы, сделал фотографии Земли с расстояния около 6 миллиардов километров. Об этом попросил специалистов Карл Саган (знаменитая фотография называется «Бледно-голубая точка»). Наша планета, как и следовало ожидать, на фотографии выглядела не очень внушительно. Но ее истинная незначительность в сочетании с потрясающим сиянием солнечной короны оказалась неопишуемой: частичка столь малая, что ее легко было принять за пылинку на линзе фотообъектива. «Посмотрите на это пятнышко», – заклинал Саган.

Вот здесь. Это наш дом. Это мы. Все, кого вы знаете, все, кого вы любите, все, о ком вы слышали, все люди, когда-либо существовавшие на свете, провели здесь свою жизнь. Сумма всех наших радостей и страданий, тысячи устоявшихся религий, идеологий и экономических доктрин, все охотники и собиратели, герои и трусы, созидатели и разрушители цивилизаций, все короли и крестьяне, влюбленные пары, матери и отцы, дети, полные надежд, изобретатели и исследователи, моральные авторитеты, беспринципные политики, все «суперзвезды» и «великие вожди»,

все святые и грешники в истории нашего вида жили здесь – на пылинке, зависшей в луче света (...)

Эта голубая точка – вызов нашему позерству, нашей мнимой собственной важности, иллюзии, что мы занимаем некое привилегированное положение во Вселенной (...) Вероятно, ничто так не демонстрирует бренность человеческих причуд, как это далекое изображение крошечного мира^[215].

Вот уж действительно, все суперзвезды... И что хотел сказать Саган этим невероятным сжатием нашего мира и демонстрацией нашей бренности? Надо быть немного добрее друг к другу.

У физика Ричарда Фейнмана был несколько иной подход: мы только в самом начале времени существования человечества. Если мы не уничтожим себя, смысл времени, отведенного нам – сохранить время для тех, кто придет после нас. Мы оставляем им, где можем, послания, свидетельства и прогресс. Мы «атомы, наделенные любопытством», и одно это придает нам как мельчайшей крупице вещества во вращающейся Вселенной какой-то смысл. Остается только смеяться и радоваться тщетности всего этого.

Наш собственный короткий забег, та самая черточка между датами на могильном камне, – все, что мы в состоянии противопоставить своей космической незначительности. Поэтому в этой книге я говорил преимущественно о практических вещах, ключевых моментах, когда отдельные наши мимолетные размышления о времени концентрировались в нечто более существенное. Вот еще одно. В 2011 году Рэнди Ньюман, более всего известный своей музыкой к фильмам «История игрушек», но любимый также за свои грустные и мудрые притчи о жизни американских взрослых, устроил

небольшое выступление перед избранной публикой в лондонском выставочном зале компании Steinway and Sons. «Песня, которую я хочу исполнить для вас сегодня, называется «Теряя тебя», – начал Ньюман.

Не знаю, откуда берется большинство моих песен. Ну, если это только не заказ, когда мне платят для музыки к фильму или что-то в таком роде. Но этот случай особый. Мой брат был врачом, онкологом, лечил больных раком. В начале его карьеры у него был 23-летний парень, футболист, которому диагностировали рак мозга. Он умер очень быстро. Он был выдающимся спортсменом – и его не стало. Родители этого парня разговаривали с моим братом. Они, в частности, сказали: «Сорок лет назад мы потеряли семьи в лагерях уничтожения в Польше. И мы это пережили, постепенно мы это пережили. Но сейчас у нас не остается времени пережить это». И это глубокая мысль в своем роде.

Глубокая мысль, из тех, что находят отклик. Мы озабочены мельчайшими частицами времени – расписанием движения поездов, точностью хода часов, но отойти подальше и посмотреть на все это в более широкой перспективе нам почти не под силу. Не надо быть Эйнштейном, чтобы сообразить, что время – понятие относительное: его может оказаться достаточно, чтобы слишком рано потерять своих близких, или чтобы бороться с губительными последствиями тяжелых заболеваний. Жизнь слишком коротка и полна страданий, и большую часть отведенного нам времени мы тратим на то, чтобы выживать или как-то продлевать ее, ибо это единственное, чем мы несомненно обладаем.

Но есть и другое соображение. Мы никогда не видели того молодого футболиста или его родных; нам может не нравиться Рэнди Ньюман или его песни, но мы все понимаем многослойную сложность течения времени. Ньюман вложил сложность в свою

историю – как во вступление, так и в песню – потому что истории и есть лучший известный нам способ зафиксировать течение времени. Истории также лучший способ придать смысл времени, и мы начали пользоваться ими, чтобы ориентироваться в жизни, задолго до того, как время стало предметом научного изучения и уж точно намного раньше появления часов. Сознательные «иллюзии» Аллена и Фрейда – тоже своего рода истории, осмысленный уход от реальности и смертности. Именно поэтому нас привлекают не только артефакты в Британском музее, но и медленное питание, и фотографии Картье-Брессона. Поэтому продолжают покорять сердца Девятая симфония Бетховена и *Please Please Me* группы «Битлз»: за их человечностью стоит история всех нас.

На протяжении всей книги мы могли видеть, как люди – каждый по-своему – писали современную историю времени. Создатели паровозов и железных дорог привели мир в движение, но потом создатели расписаний вновь внесли в него порядок. Часовых дел мастера беспрестанно усложняли свои творения, но потом гуру времени снова все упростили. Кристиан Марклей подвинул минутную стрелку, на которой повис Гарольд Ллойд. Рут Эван революционизировала календарь, а Базз Олдрин носил часы на Луне. Роджер Баннистер рвался к славе, а Ник Ут рвался на войну.

Наша одержимость временем довела нас до края, но мы не переступили его. Древние истории содержат представления о будущем, и наша бледно-голубая точка продолжает мчаться навстречу судьбе, на которую мы способны повлиять больше, чем кажется.

Эпилог

Часы смирения

Я собирался купить новые часы. Новые для меня, во всяком случае. Эти часы сделаны в 1957 году, за три года до моего рождения, а спустя некоторое время (судя по гравировке на задней крышке), подарены одному железнодорожнику в знак признательности за 45 лет службы в компании «Лондон Мидлэнд». У них 15 камней, тонкие синие стальные стрелки и золоченые цифры. Довольно неплохая точность хода для пружинного механизма, изготовленного в Англии почти 60 лет назад, но человек, который продает их мне в магазинчике с окнами на Темзу в районе моста Блэкфрайарс, не готов отпустить меня и считает, что неточность хода недопустима. В лучшем состоянии погрешность этих часов должна составлять плюс-минус 15 секунд, но в данный момент они отстают на 72 секунды в сутки.

Измерения проводились на небольшом приборе, который называется многофункциональный таймограф. Он умножает колебания маятника и выдает результаты на цифровом дисплее. «Суть часового дела в правильном распределении силы и создании и контроле небольшого момента трения, – говорит продавец, словно описывает саму жизнь. – В ваших часах, вероятно, с одной стороны немного сбился балансир, наверное, их ударили, и в результате он сплюснулся. А с другой стороны выглядит так, словно только что выпущен с завода, правильная выпуклость, очень маленькая площадь контакта».

Завершив диагностику, он говорит, что мне следует прийти за часами через несколько дней. За это время он проведет калибровку. Когда я вернулся через неделю, он сказал: «Сейчас все по-честному. Показания очень надежные. Сами увидите».

Я поверил продавцу и стал с удовольствием их носить. Когда у меня произошел тот несчастный случай с велосипедом, они перелетели вместе со мной через руль и остались целехоньки. Часы произведены компанией Smiths of Cheltenham, которая занимается этим делом с 1860-х годов. Самый знаменательный день компании случился в мае 1953 года. Именно тогда сэр Эдмунд Хиллари стал первым человеком, поднявшимся на Эверест («Я поднимал часы на вершину, – звучало в рекламе компании. – Они работали безупречно»). После того восхождения часы стали подарком *par excellence* (преимущественно (лат.). – Прим. ред.) за многолетнюю службу, и в 1957 году уходящий на пенсию О. К. Уокер был награжден часами модели De Luxe с 15 камнями, которые теперь ношу я. Он служил своему времени, и железнодорожная компания хотела, чтобы он был уверен во времени, которое ему осталось прожить.

Продавец – 40-летний лондонец по имени Криспин Джонс. Он худощавый, жилистый, с ранней лысиной и обходительными манерами. Такая ангельская версия Джуда Лоу. Торговля винтажными часами для него – побочное занятие. Главное его дело – продавать вещи, которые дают возможность покупателям по-новому думать о времени.

Джонс учился на скульптора, потом освоил компьютерный дизайн, и через некоторое время решил объединить обе специализации. Несколько лет назад он создал канцелярский стол, который отвечает на вопросы. Вопросы примерно такого рода: «Вернется ли моя любовь?», «Что думают обо мне мои друзья?», «Найду ли я утерянный предмет?» и т. п. Вопросы были записаны на карточках, общим числом 30 штук, и чтобы получить ответ, пользователь должен был вставить карточку в металлическую щель в столе.

«Это было попыткой использовать компьютер так же, как в древних цивилизациях использовали оракулов, – пояснил Джонс. – Хитрость в том, что по мере появления ответа металлическая щель нагревалась все больше и больше». На карточке был нанесен

скрытый штрихкод. Вставив ее в приемник, вы приводили в действие электронное устройство, которое медленно выдавало ответ на точечной матрице. На вопрос «Вернется ли моя любовь?» следовал ответ: «Да... если... вы... будете... верны... своим...». К моменту, когда появлялось слово «верны», металлический приемник, в который была вставлена карточка, уже очень сильно раскалялся, но если вы отдергивали руку, система моментально начинала перезагрузку, и полного ответа вы не получали. Последним – очень горячим – словом было «идеалам».

Джонс интересуется тем, как современные технологии меняют нашу жизнь: что они дают нам и чего лишают. В 2002 году он провел один эксперимент с мобильными телефонами. Тогда этикет пользования ими еще не установился. «Тогда еще не существовало “тихих вагонов”, и все разговаривали по телефонам раздражающе громко». Джонс создал телефон, который испускал электрические импульсы разного уровня, если человек разговаривал слишком громко, и телефон, который при вызове вибрировал, а не звонил. Если звонок был просто для привлечения внимания, вибрацию можно было сделать мягкой и ненавязчивой; если звонок был срочным, биение могло быть громким и настойчивым.

А потом он начал думать о часах. «Часы – интересная вещь, – рассуждал он. – Мы не связываем их с технологиями так, как, например, телефоны или компьютеры. И они невероятно живучие: большинство технологий, которым по 10 лет, выглядят безнадежно устаревшими. Если я буду пользоваться телефоном десятилетней давности, это будет восприниматься как вызов, и я буду выглядеть большим оригиналом. Но вы носите наручные часы 50-х годов – и в этом ничего необычного». Он заметил, что в наши дни все стремятся иметь примерно одинаковые модели телефонов, а часы остаются среди немногих заметных признаков вашей индивидуальности. «Часами можно связать множество очень интересных историй и перестроить концепцию нашего отношения к времени».

В Королевском колледже искусств Джонс попал под влияние бывшего выпускника этого заведения Энтони Данна, автора книги «Сказки Герца» (Hertzian Tales), в которой звучит призыв к более обоснованной критике электронных продуктов и, в частности, к переоценке предметов повседневности с эстетической точки зрения. В 2004 году Джонс написал манифест, в котором сформулировал два вопроса: «Могут ли часы дискредитировать их владельца?» и «Могут ли часы отражать негативные черты характера их владельца?» Но самый провокационный вопрос звучал так: «Могут ли часы представлять время в ином свете?»

С помощью коллег дизайнеров – Антона Шуберта, Росса Купера и Грэма Пуллина – Джонс решил найти практические ответы. Они создали действующие прототипы нескольких часов, только одни из которых показывали точное время. Они были несколько неуклюжими, в корпусах из палисандрового дерева и стали, с электронным ЖК-дисплеем и аккумуляторными батарейками, зарядки которых хватало на пять дней. Часы были скорее прямоугольными, нежели круглыми, и выглядели как вероятный прототип Apple Watch.

Джонс сознательно дал им претенциозные латинские названия. Первыми были Summissus – «Часы смирения». Это объект, «предназначенный напоминать людям, что к смерти надо быть готовым в любой момент». У часов был зеркальный циферблат, на котором вспышками менялись показания времени, и фраза «Помни, что ты умрешь».

Затем – Avidus, «Часы стресса». Они отражают ощущение, что время бежит слишком быстро, когда мы в состоянии стресса, и замедляется, когда мы в расслабленном состоянии. Владельцу следовало нажимать два металлических контакта на лицевой части часов, и биение пульса активировало дисплей. Чем больший стресс испытывал владелец, тем быстрее изменялись показания времени, чем спокойнее он был, тем медленнее, а в медитативном состоянии время начинало двигаться в обратную сторону.

Prudens – «Часы благоразумия». Время на этих часах можно было понять, даже не глядя на них, например, на совещании или на свидании, чтобы не демонстрировать скуку или невежливость. У часов было два циферблата на верхней и нижней стороне запястья, и когда владелец поворачивал поднятую руку, пульс передавался на запястье в соответствии с точными часами и минутами.

Еще были Fallax – «Часы искренности», которые показывали честность человека. Цель многих часов – демонстрировать статус и богатство владельца, но у Fallax более чистые намерения: оснащенные двумя пальчиковыми ремешками, часы становятся детектором лжи, и на циферблате начинает вспыхивать слово «ложь», предупреждая тех кто рядом с вами, что вам, вероятно, не стоит доверять.

Adsiduus – это «Часы индивидуальности», на которых в произвольном порядке вспыхивают сообщения как позитивного, так и негативного характера: «Ты замечательный» или «У тебя нет настоящих друзей» или «Дальше будет хуже».

И, наконец, Docilis (*в оригинале – Docilus, но это, видимо, опечатка, т. к. в латинском языке такого слова нет. – Прим. перев.*) – «Часы сокровенности», передающие слабые и неприятные электрические импульсы с непредсказуемыми интервалами, что должно вести к большей интернализации времени и сокращать зависимость как от самих часов, так и от строгого слежения за временем.

В целом эти часы представляют собой прустовские мечты, которые грозят превратиться в ночные кошмары. Из всех мастеров часового дела, с которыми я общался, Джонс оставляет впечатление самого остроумного и того, кто размышляет о самых отдаленных последствиях ускорения времени. Он не сомневается, что время доминирует в нашей жизни, но является ли его господство содержательным и конструктивным? А если нет, можно ли направить его влияние в эту сторону? В 2005 году Джонс решил подготовить некоторые из своих прототипов к производству.

Мастерская фирмы Mr Jones Watches находится в Камберуэлле, на юго-востоке Лондона, в шести километрах от его магазина на Темзе. Это обнадеживающе небрежное и деловое помещение, хорошо освещенная единственная комната с подвешенным на стене велосипедом и плакатами послевоенного времени, призывающими к повышению производительности труда. Почти все горизонтальные поверхности заняты деталями часов, инструментами, станками для производства часовых деталей, регулировочными приборами, упаковочным материалом и самими часами – россыпью десятилетия изобретательства и экспериментов. В металлических ящиках под столами – все то же самое. Эта комната отчасти лаборатория, отчасти музей, отчасти – взрыв.

Первыми часами, которые сделал Джонс, стала новая версия Summissus. Он дал им новое название The Accurate («Точность», «Правильность»), разместил слово «помни» на часовой стрелке, а «ты умрешь» – на минутной. У часов такая же отражающая поверхность (владелец сталкивается с собственной смертностью), только теперь корпус круглый, что, конечно, уменьшает впечатление экспериментальных. Их задача, как и почти всех прочих дизайнерских проектов Джонса, меньше направлена на негатив и больше – на позитив: время может быть как очаровательным, так и озадачивающим, и неконтролируемым.

Следующие часы, «дающие положительные и отрицательные суждения» наподобие Adsiduus, получили название The Mantra («Мантра»). На циферблате есть узкая прорезь, и через каждые полчаса в ней появляется то или иное сообщение: «Будь лучшим», «Всегда будь один», «Ты благословен», «Оставайся тупым». В каталоге Джонс написал: «Мантра постепенно делает робких более уверенными, а грубых – более скромными». Идея часов опирается на теории французского психоаналитика Эмиля Куэ, чье «оптимистическое самовнушение» утверждало оздоравливающую силу позитивных мыслей. (Яркий пример идеи Куэ – Фрэнк Спенсер из сериала «У некоторых мамочек рождаются и такие детки»,

который утверждает: «Каждый день, буквально каждый день я становлюсь все лучше и лучше»).

Первоначальная реакция на новые часы оказалась обнадеживающей. Джонс был доволен интересом, который они вызывали, в частности, после того, как его работы засветились во влиятельном блоге The Watchismo Times, посвященном часам. В поисках нового вдохновения Джонс обратился за помощью к некоторым людям не из мира часовщиков. Велосипедист Грэм Обри, обладатель мировых рекордов в часовых трековых гонках, помог в создании часов под названием The Hour («Час»). Задачей было сопроводить каждый час каким-нибудь значимым словом и проводить его в соответствии с его смыслом. Среди слов были такие, как «ценность», «радость», «понимание», «осмысление» и «увлечение». Потом появилась модель Dawn West Dusk East («Рассвет Запад Сумерки Восток») по проекту художника Брайана Кэтлинга, которая пытается замедлить время, показывая одну точку, вращающуюся каждые 12 часов; время может быть примерно 4:15 или 4:30, но точно сказать нельзя, да и так ли уж это важно?

Сотрудничал с ним также профессор Джонатан Гершуни, один из руководителей Центра по изучению использования времени при Оксфордском университете. Модель The Average Day («Усредненный день») имеет стандартные часовую и минутную стрелки и два информационных кольца на циферблате. Цифр нет, вместо них владельцу часов сообщается, что делает средний европеец в тот или иной промежуток времени. На циферблате до полудня время с 7:30 до 8:00 называется «умывание», с 8:15 до 9:00 – «поездка», с 10 до 11 – «работа», с 11 до 12 – «совещание». После полудня на циферблате появляется, соответственно, между 12:15 и 1:00 – «ланч», между 5:15 и 6:30 – «общественная жизнь», между 8:15 и 11 – «ТВ». Мысль – заставить владельца попробовать вырваться из повседневной рутины.

Его бизнес нашел своих клиентов. Каждая модель выпускается в количестве 100 экземпляров по цене от 115 до 600 фунтов, но

основная часть – в пределах 200 фунтов. Прибыль направляется на новые проекты, станки и печатное оборудование, поэтому к весне 2015 года Джонс изготавливал и собирал сам почти все детали, за исключением кварцевых или пружинных механизмов (которые он заказывает либо на Ближнем Востоке, либо в Швейцарии). Таким образом компания Mr Jones Watches восстанавливает британскую часовую промышленность и дает возможность своим клиентам формировать оригинальное представление о времени. Одержимость остается, но эта одержимость уже несколько иного рода.

Из всех часов, которые изготавливает Mr Jones Watches, мне больше всего понравилась модель под названием The Cyclops («Циклоп»), которая, как признается ее создатель, «в принципе, содрана» с часов под названием Chromatron. Их создал мастер из Швейцарии Тиан Харлан, и они показывают время, раскрывая каждый сегмент различного цвета. «Циклоп» делает то же самое, но более тонко: черный круг медленно проходит над диском с маленькими цветными точками, расположенными по периметру циферблата. Минутная стрелка отсутствует, поэтому у владельца должно возникать смутное ощущение проходящего времени, то, что их создатель называет «расслабленной формой точности».

Это необыкновенная вещь, требующая осмысления: хронограф без минутной стрелки. Более двух веков индустриальной эпохи мы сражались с временем – гнали поезда, рвались к финишу, пытались притормозить стремительно несущийся вперед мир. Теперь появилась возможность оставить время в покое: пусть оно течет само по себе. Это все равно что оставить города и уйти пахать нивы. Кому из нас такое под силу?

Благодарности и что еще почитать Благодарности и что еще почитать

Широкое историческое повествование, подобное этому, требует серьезной поддержки, как печатной, так и персональной, поэтому я благодарен всем, кто был готов оказать помощь и высказывал предложения по ходу моей работы. Идею книги подсказала Аня Сирота, а к ее реализации (и обогащению по ходу дела) приложила большие усилия мой редактор Дженни Лорд. Заслуживает благодарности весь творческий коллектив издательства Canongate. Джеми Бинг, Дженни Тодд, Анна Фрейм, Дженни Фрай, Алан Троттер, Вики Резерфорд, Лаура Коул и Аллегра ле Фаню – всем вам большое спасибо! Шон Костелло провел скрупулезную литературную редактуру. Пит Олдингтон создал очаровательную суперобложку. Неоценимую поддержку, как всегда, оказала мой агент Розмари Скулар.

Тема времени настолько обширна, что я всегда с удовольствием воспринимал полезные мысли по поводу ее освещения. Джей Гриффитс, у которой есть собственные увлекательные работы по этой теме, первая предложила характеристики одержимости. Не все имена тех, с кем я беседовал в процессе подготовки книги, оказались представлены в окончательном варианте, поэтому хочу здесь выразить благодарность Терри Куинну, Люси Пилпин, Люси Флейшман, Дэвиду Спирсу и Кэт Гиббард. Мой друг Эндрю Бад прочитал рукопись с целью выявления ошибок, которые только он в состоянии заметить, и в очередной раз избавил меня от необходимости краснеть от стыда. За указания на полезные книги, информацию и контакты я благодарю Наоми Фрирс, Джона Фрирс-Хогга, Марка Остерфилда, Сэма Торна, Фанни Сингер, Дэниела Пика, Брэда Ауэрбаха, Джереми Эннинг и Кима Элсуорта.

Отдельные куски глав о часах и фотографии ранее публиковались в различном виде в журнале *Esquire*, и в лице Джонни Дэвиса мне повезло встретить чрезвычайно приятного редактора. Ранняя версия истории о Паундбери публиковалась в *VA High Life*, так что спасибо тебе, Пол Клеменс. Большое спасибо Кипперу Уильямсу за мухуподенку, открывающую первую главу книги.

Многими из книг, перечисленных ниже, я пользовался в Лондонской библиотеке, прекрасном научно-исследовательском учреждении, и, как всегда, премного благодарен всему ее коллективу. Прилагаемый список – не исчерпывающая библиография, а лишь рекомендация для дальнейших исследований.

Andrews, Geoff, *The Slow Food Story: Politics and Pleasure* (Pluto Press: London, 2008)

Bannister, Roger, *The First Four Minutes* (G. P. Putnam's Sons: New York, 1955)

Twin Tracks (The Robson Press: London, 2014)

Bartky, Ian R., *Selling the True Time: Nineteenth-Century Timekeeping in America* (Stanford University Press: Stanford, 2000)

Beethoven, Ludwig van, *Letters, Journals and Conversations*, edited, translated and introduced by Michael Hamburger (Thames and Hudson: London, 1951)

Brookman, Philip (ed.), *Helios: Eadweard Muybridge in a Time of Change* (Corcoran Gallery of Art Exhibition Catalogue: Washington DC, 2010)

Brownlow, Kevin, *The Parade's Gone By* (University of California Press: Berkeley, 1992)

Burgess, Richard James, *The History of Music Production* (Oxford University Press: Oxford, 2014)

Conrad, Joseph, *The Secret Agent* (J. M. Dent & Sons Ltd: London, 1907)

Crary, Jonathan, *24/7: Terminal Capitalism and the Ends of Sleep* (Verso Books: London, 2013)

Dardis, Tom, *Harold Lloyd: The Man on the Clock* (Penguin: New York, 1983)

Dohrn-van Rossum, Gerhard, *History of the Hour: Clocks and Modern Temporal Orders* (University of Chicago Press: London, 1996)

Eagleman, David, *The Brain: The Story of You* (Canongate: Edinburgh and London, 2015)

Falk, Dan, *In Search of Time: Journeys Along a Curious Dimension* (National Maritime Museum: London, 2009)

Freeman, Eugene and Sellars, Wilfrid (eds), *Basic Issues in the Philosophy of Time* (Open Court: Illinois, 1971)

Garfield, Simon, *The Last Journey of William Huskisson* (Faber and Faber: London, 2002)

Gleick, James, *Time Travel* (Fourth Estate: London, 2016)

Glennie, Paul and Thrift, Nigel, *Shaping the Day: A History of Timekeeping in England and Wales 1300–1800* (Oxford University Press: Oxford, 2009)

Griffiths, Jay, *Pip Pip: A Sideways Look at Time* (Flamingo: London, 1999)

Groom, Amelia (ed.), *Time: Documents of Contemporary Art* (Whitechapel Gallery: London, 2013)

Grubbs, David, *Records Ruin the Landscape: John Cage, the Sixties, and Sound Recording* (Duke University Press: Durham, NC, and London, 2014)

Hammond, Claudia, *Time Warped: Unlocking the Mysteries of Time Perception* (Canongate: Edinburgh and London, 2013)

Hassig, Ross, *Time, History, and Belief in Aztec and Colonial Mexico* (University of Texas Press: Austin, 2001)

Hoffman, Eva, *Time* (Profile Books: London, 2011)

Honoré, Carl, *In Praise of Slow: How a Worldwide Movement is Challenging the Cult of Speed* (Orion: London, 2004)

The Slow Fix: Lasting Solutions in a Fast-Moving World (William Collins: London, 2014)

Howse, Derek, *Greenwich Time and the Discovery of the Longitude* (Oxford University Press: Oxford, 1980)

Jones, Tony, *Splitting the Second: The Story of Atomic Time* (Institute of Physics Publishing: Bristol and Philadelphia, 2000)

Kanigel, Robert, *The One Best Way: Frederick Winslow Taylor and the Enigma of Efficiency* (Little, Brown: London, 1997)

Kelly, Thomas Forrest, *First Nights: Five Musical Premieres* (Yale University Press: New Haven, Conn., 2000)

Kern, Stephen, *The Culture of Time and Space 1880–1918* (Weidenfeld and Nicolson: London, 1983)

Klein, Stefan, *Time: A User's Guide* (Penguin: London, 2008)

Koger, Gregory, *Filibustering: A Political History of Obstruction in the House and Senate* (University of Chicago Press: Chicago, 2010)

Landes, David S., *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World* (Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, Mass., 1983)

Levine, Robert, *A Geography of Time: On Tempo, Culture and the Pace of Life: The Temporal Misadventures of a Social Psychologist* (Basic Books: London, 1997)

Lewisohn, Mark, *The Beatles – All These Years: Volume One: Tune In* (Little, Brown: London, 2013)

Macey, Samuel L., *The Dynamics of Progress: Time, Method and Measure* (University of Georgia Press: Athens and London, 1989)

McEwen, Christian, *World Enough & Time: On Creativity and Slowing Down* (Bauhan Publishing: Peterborough, New Hampshire, 2011)

Mumford, Lewis, *Art and Technics* (Oxford University Press: Oxford, 1952)

O'Malley, Michael, *Keeping Watch: A History of American Time* (Viking Penguin: New York, 1990)

Perovic, Sanja, *The Calendar in Revolutionary France: Perceptions of Time in Literature, Culture, Politics* (Cambridge University Press: Cambridge, 2012)

Phillips, Bob, *3:59.4: The Quest for the Four-Minute Mile* (The Parrs Wood Press: Manchester, 2004)

Pirsig, Robert M., *Zen and the Art of Motorcycle Maintenance* (The Bodley Head: London, 1974)

Quinn, Terry, *From Artefacts to Atoms: The BIPM and the Search for Ultimate Measurement Standards* (Oxford University Press USA: New York, 2011)

Rooney, David, *Ruth Belville: The Greenwich Time Lady* (National Maritime Museum: London, 2008)

Rosa, Hartmut, *Social Acceleration: A New Theory of Modernity* (Columbia University Press: New York, 2013)

Sachs, Curt, *Rhythm and Tempo: A Study in Music History* (Columbia University Press: New York, 1953)

Shaw, Matthew, *Time and the French Revolution: The Republican Calendar, 1793–Year XIV* (Boydell Press: Woodbridge, 2011)

Sobel, Dava, *Longitude: The True Story of a Lone Genius Who Solved the Greatest Scientific Problem of His Time* (Penguin: London, 1995)

Solnit, Rebecca, *Motion Studies: Eadweard Muybridge and the Technological Wild West* (Bloomsbury: London, 2003)

Vance, Jeffrey and Lloyd, Suzanne, *Harold Lloyd: Master Comedian* (Harry N. Abrams Inc.: New York, 2002)

Whitrow, G.J., *What Is Time?* (Thames and Hudson: London, 1972)

Young, Michael Dunlop, *The Metronomic Society: Natural Rhythms and Human Timetables* (Thames and Hudson: London, 1988)

Zimbardo, Philip and Boyd, John, *The Time Paradox: Using the New Psychology of Time to Your Advantage* (Rider Books: London, 2010)

Правообладатели иллюстраций

Автор и издатели приложили все усилия, чтобы связаться с обладателями прав на иллюстрации, но будут чрезвычайно благодарны за информацию, которую мы не смогли разыскать, и с радостью внесут поправки в последующие издания.

Иллюстрации публикуются с разрешения Kipper Williams, Simon Garfield, Case Antiques, Inc. Auctions & Appraisals, Bettmann, © 2011 The Harold Lloyd Entertainment, Inc., Timezone.com и the TimeZone Watch School, Norman Potter, Hulton Archive, Getty Images, Space Frontiers, Archive Photos, Getty Images, Tim P. Whitby, Getty Images Entertainment, Pool, Trustees of the British Museum, www.cartoonstock.com

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

САЙМОН ГАРФИЛД

Время – высшая ценность, которая у нас есть

Примечания

1

Другой дядя Литтона Стрейчи, дядюшка Бартл, написал необычную книгу, необычную, по крайней мере, для того времени – об орхидеях Бирмы. А жена дядюшки Тревоора тетушка Клементина при каждом посещении дома Литтона в Ланкастер Гейт делала чапати (индийские лепешки) на ковре в гостиной. Один из детей Тревоора и Клементины погиб, обнимая медведя.

[Вернуться](#)

2

Tasktopus – комбинация из слов task (задача) и octopus (осьминог). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

3

Имеется в виду известный парадокс, возникающий в том случае, если допустить возможность перемещения во времени: если хронопутешественник отправится в прошлое и убьет там своего дедушку, то не сможет потом родиться, а соответственно, отправиться в прошлое и убить своего дедушку. Но раз дедушка останется жив, хронопутешественник сможет родиться, отправиться в прошлое и убить его. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

4

Место неподалеку от города Кале, где в июне 1520 года проходили переговоры между королем Англии Генрихом VIII и королем Франции Франциском I. Свиты обоих королей, соперничая в роскоши и великолепии, разместились в палатках прямо на поле, которое и получило от этого свое название. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

5

В английском варианте (time flies like an arrow but fruit flies like a banana) – игра слов. Вторую часть фразы можно перевести так: плодовые мушки (fruit flies) любят (like) бананы. – *Прим. ред.*

Шутка приписывается Граучо Марксу, хотя можно провести очень приятные выходные, тщетно пытаясь найти хотя бы один случай, когда он произносил нечто подобное. Выражение, скорее всего, появилось в статье гарвардского профессора Энтони Эттингера об использовании компьютеров в науке, опубликованной в сентябре 1966 г. в журнале *Scientific American*.

[Вернуться](#)

6

Пер. Т. Ю. Бородиной. Цит. по: Сенека. Философские трактаты. СПб., 2001. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

7

Покончил с собой по приказу Нерона. Альтернативой самоубийству была смертная казнь. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

8

Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) – английский драматург и театральный режиссер. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

9

Первое издание вышло в 1974 году. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

10

Это напомнило мне старую шутку. Биг-Бен общается с Пизанской башней и говорит: «Если у тебя есть склонность, у меня есть время».

[Вернуться](#)

11

Oxford University Press проводит свои исследования по материалам интернета, справочников, газет, журналов, блогов и публикаций Hansard (*стенограммы парламентских дебатов в Великобритании и странах Содружества. – Прим. перев.*).

[Вернуться](#)

12

В 1897 году французы предприняли еще одну попытку трансформировать время, хотя и в модифицированном виде. Комиссия по децимализации времени (*Commission de décimalisation du temps*) предложила оставить 24-часовой формат суток, но перейти

на 100-минутные часы и 100-секундные минуты. Предложение пролежало под сукном три года, но осталось нереализованным.

[Вернуться](#)

13

Уильям Вордсворд (1770–1850) – английский поэт-романтик. –
Прим. ред.

[Вернуться](#)

14

Микеле Ферреро (1925–2015) – итальянский миллиардер, владелец кондитерской компании Ferrero. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

15

Главный архитектор календаря Жильбер Ромм почти через год после его принятия, 17 июня 1795 г. (он предпочел бы 29 прериаля), не желая оказаться на гильотине, в тюрьме заколол себя кинжалом.

[Вернуться](#)

16

См.: Sanja Perovic, “The French Republican Calendar”, *Journal for Eighteenth-Century Studies*, vol. 35, № 1.

[Вернуться](#)

17

Нам хорошо знакомы названия месяцев юлианского календаря: январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. В первые века новой эры римские императоры вносили в него из эгоистических соображений собственные модификации. Наибольшим оригиналом оказался некий Луций Элий Аврелий Коммод (*сын императора Марка Аврелия, единолично правил в 180–192 гг. – Прим. ред.*), который с удовольствием переименовал все месяцы в соответствии со своими многочисленными именами и прозвищами: Луций, Элий, Аврелий, Коммод, Геркулес, Непобедимый (Invictus), Благочестивый (Pius), Счастливый (Felix), Амазонский (Amazonius) и пр. В результате заговора его убили, и последующие императоры вернули прежний порядок. Впрочем, как и в революцию 1789 г., время мгновенно и, возможно, мистически, останавливалось. Немецкий философ Вальтер Беньямин в статье «О понятии истории» (1940) писал, что «вечером во время первых стычек... оказалось, что в некоторых местах Парижа одновременно и внезапно расстреляли несколько башенных часов». Вероятных причин две: выразить презрение к старому неконституционному порядку и отметить точное время его свержения. Впрочем, пули тогда летали, где угодно.

[Вернуться](#)

18

Точнее, 1 января 1873 года. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

19

Декрет Совета народных комиссаров «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был принят 26 января 1918 года. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

20

Бенджамин Новак (р. 1979 г.) – американский актер, сценарист и продюсер. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

21

Строго говоря, психоанализ, как теория и метод, был разработан только Зигмундом Фрейдом (1856–1939), поэтому никаких психоаналитиков во Франции в 1-й пол. XIX в. в принципе быть не могло. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

22

Цитату приводит Майкл Рот в эссе «Умирание прошлого», опубликованном в его труде *History and Memory, vol. 3, № 1* (Indiana University Press).

[Вернуться](#)

23

Современные болезни, имеющие отношение к времени? Их много. Например, СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности), рак, смартфонная зависимость.

[Вернуться](#)

24

Любопытная параллель. Основы издательской империи Hachette, одного из лидеров в сфере партворков, были заложены Луи Ашеттом в 1820-х годах в книжных киосках на железнодорожных вокзалах – в той же манере, что и компании W. H. Smith.

[Вернуться](#)

25

Джордж Стефенсон (1781–1848) – английский инженер и изобретатель, конструктор первых моделей паровозов. Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) – британский инженер французского происхождения, известный строительством большого количества железных дорог, железнодорожных мостов и туннелей, а также нескольких крупных паровозов. По данным опроса BBC, проведенного в 2002 году, занял 2-е место в списке «величайших британцев». Набрав 24,6 % голосов, он уступил только Уинстону Черчиллю (28,1 %), обогнав Дарвина, Шекспира и Ньютона. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

26

Mallard – «Дикая Утка»; остальные, соответственно, «Дикий Лебедь», «Серебристая Чайка», «Кайра», «Выпь» и «Чайка». – *Прим. перев.* В 2015 году, в знак 75-й годовщины со дня смерти Грезли, на Кинг-Кросс собрались установить ему памятник. Скульптор предлагал у подножия постамента изобразить утку, но возникли разногласия, и в итоге от этой идеи пришлось отказаться.

[Вернуться](#)

27

В это время мировой рекорд скорости для паровозов составлял 124,5 мили в час (200,36 км/ч). Он был установлен двумя годами ранее на участке между Гамбургом и Берлином. Среди пассажиров, радостно встретивших это достижение, были Рейнхард Гейдрих и Генрих Гиммлер. Гитлер узнал об этом от Йозефа Геббельса, который составлял список пассажиров. Рекорд представили не просто достижением немецкой инженерии, но доказательством нацистского превосходства.

[Вернуться](#)

28

На заре железнодорожного транспорта другим медленным способом перемещения были каналы, но движение по ним зависело от времени года и служили они преимущественно для грузовых перевозок.

[Вернуться](#)

29

Парафраз выражения из *Histoire d'un crime*, 1877.

[Вернуться](#)

30

Первая поездка, состоявшаяся 15 сентября 1830 года с участием герцога Веллингтонского и других высокопоставленных лиц, продлилась несколько дольше из-за смертельного случая с членом парламента от Ливерпуля Уильямом Хаскиссоном, горячим сторонником железной дороги. Физически слабый, он не смог рассчитать время, которое потребуется «Ракете» доехать до того места, где он стоял. Пассажиры, столпившиеся вокруг паровоза,

остановившегося в дороге, чтобы пополнить запас воды, не успели расступиться, и паровоз его сбил. О этот символизм прогресса! В то время так ошибиться мог каждый.

[Вернуться](#)

31

То же самое было и к северу от Лондона: в Лидсе разница с лондонским временем составляла 6 минут, в Карнфорте – 11 минут и 5 секунд, в Барроу – 12 минут и 54 секунды.

[Вернуться](#)

32

Для некоторых подобная суматоха на железнодорожных станциях представляла просто еще одно нежелательное проявление современного ускоряющегося мира. «Все эти железные дороги, пароходы, печатные станки поистине стали самой монструозной тканью нашей жизни», – писал в 1835 году Томас Карлейль из Лондона Ральфу Уолдо Эмерсону в Америку. Его приводил в ужас «ревуший призрак Времени» – намек на гетевского «Фауста». Печатный пресс, следует признать, к тому времени существовал уже 300 лет, и кем были бы без него два этих писателя...

[Вернуться](#)

33

Автор иронизирует. *Laissez-faire* (фр. *позвольте делать*) – принцип, согласно которому регулирующее воздействие со стороны государства на экономику и общественную жизнь должно быть минимальным. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

34

Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

35

Или, как говорилось в постановлении рейхстага, «законное время в Германии – среднее (истинное) солнечное время на 15-м меридиане к востоку от Гринвича».

[Вернуться](#)

36

Любопытная параллель: в XXI веке линии сверхскоростного оптоволоконного кабеля для высокочастотного обмена информацией между биржевыми трейдерами Нью-Йорка и Чикаго соответствуют телеграфным линиям вдоль железнодорожных путей, проложенным более 150 лет назад.

[Вернуться](#)

37

Он опирался на оригинальную идею К. Ф. Дауда, директора пансиона Темпл Гров для девушек в Саратогге, штат Нью-Йорк, который первым высказался за разделение континента на четыре «часовых пояса» или более.

[Вернуться](#)

38

До этой стандартизации первым сообщением, переданным по телеграфу из Балтимора в Вашингтон (около 60 километров), была фраза «Вот что творит Бог!»

[Вернуться](#)

39

В России таких ограничений не было. В период строительства Транссибирской магистрали (1891–1916) вся дорога, несмотря на огромные расстояния, работала по московскому времени. Сейчас поездка по трассе, пересекающей 7 часовых поясов, занимает 8 суток (*поезд Москва – Владивосток проходит маршрут примерно за 7 суток. – Прим. ред.*).

[Вернуться](#)

40

Цитаты приводятся по книгам: Jack Beatty, *The Triumph of Money in America 1865–1900* (New-York, 2008) и Ian R. Bartky, *Selling the True Time: Nineteenth-Century Timekeeping in America* (Stanford, 2000). Последняя особенно всесторонняя и стала для меня полезным источником для освещения американских реалий в этой главе.

[Вернуться](#)

41

Имеющие близкое отношение к фанатам железных дорог и поклонники Майкла Портилло (*британский политик и журналист, снимавшийся в качестве ведущего в нескольких документальных сериалах BBC, посвященных истории железных дорог. – Прим. ред.*) (сейчас их больше, чем раньше) знакомы с железнодорожным путеводителем Брэдшоу, который начал издаваться в Англии

в 1839 году как карманное расписание и вскоре вырос до Атласа британских железных дорог и Справочника путешественников по Европе. Он был чрезвычайно полезен и одновременно очень точен; его популярность обязывала железнодорожные компании к соблюдению пунктуальности в движении поездов. Печатные расписания требуют высокого качества услуг больше, чем что-либо иное.

[Вернуться](#)

42

Многие свидетельства подтверждают, что пунктуальность движения поездов при фашистском режиме – миф, но не может быть сомнений, что тогда возникла ранее недостижимая возможность синхронной передислокации войск.

[Вернуться](#)

43

Самым авторитетным источником опять является Йозеф Бем. «Бетховен был настолько возбужден, что не замечал, что происходит вокруг него, не обращал никакого внимания на взрывы аплодисментов; впрочем, его глухота все равно не позволяла ему их услышать. Ему каждый раз приходилось указывать, когда следует откликнуться на аплодисменты, что он делал в самой неучливой манере, какую только можно представить». Цит. по кн.: Н. С. Robbins Landon. *Beethoven: A Documentary Study* (London, 1970). См. также: R. H. Schauffler, *Beethoven: The Man Who Freed Music* (New York, 1929); George R. Marek, *Beethoven: Biography of a Genius* (London, 1970); Barry Cooper, *Beethoven* (Oxford, 2000); Thomas Forrest Kelly, *First Nights* (Yale, 2000)

[Вернуться](#)

44

Шиндлер записал это в одной из 400 «разговорных тетрадей» Бетховена, с помощью которых посетители общались с композитором, когда он окончательно потерял слух.

[Вернуться](#)

45

Есть подражания. С начала XX века музыка разделилась на такое количество жанров, что их можно различить только по тональности и темпу. Джаз нашел мириаду способов определять неопределимое: бибоп всегда означает «быстро», кул-джаз преимущественно легче. От баллад до спид-метала, определения распространяются до поп- и данс-музыки. Современный клаб-дэнс можно полностью определить высоким темпом: стиль хаус – в пределах 120–130 ударов в минуту, а стиль транс – между 130 и 150. Брейкбит располагается где-то между ними. А спидкор считается серьезным только после 180.

[Вернуться](#)

46

Первым, кто увидел бактерии в микроскоп, был Антони ван Левенгук – это произошло в 1676 г. А как наука бактериология сформировалась только во второй половине XIX века. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

47

Судя по переписке, можно предположить, что он продолжал уважительно относиться к использованию *andante*, *allegro* и прочих в качестве полезного указания если не темпа, то *характера*

исполнения. Другое замечание Бетховена свидетельствует, что композитор был хорошо осведомлен о метрономе старого стиля за несколько лет до появления усовершенствованного прибора Винкеля/Мельцеля. Он, безусловно, знал о связи между старым маятниковым метрономом и часами и мог отразить эту связь в Восьмой симфонии. Публика могла расходиться во мнении относительно его намерений, но короткая вторая часть содержит стаккато, напоминающее ритм часового механизма (тик-так). Некоторые полагают, что композитор таким образом воздал должное метроному. Впрочем, не исключено, что эта часть сочинена под влиянием 101-й симфонии Гайдна «Часы».

[Вернуться](#)

48

Точнее, над французской армией под командованием Жозефа Бонапарта (старшего брата Наполеона) и маршала Журдана. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

49

Карактус Потт – персонаж детского романа Яна (Йена) Флеминга Chitty-Chitty-Bang-Bang: The Magical Car, эксцентричный изобретатель и морской офицер в отставке. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

50

На самом деле создателем «Турка» был австрийский инженер и изобретатель Вольфганг фон Кемпелен (1734–1804). Мельцель купил автомат у наследников Кемпелена в 1805 г. – *Прим. ред.*

Слово «метроном» происходит от греческого *metron* и латинского *metrum* – «измерять». *Tempo* как мера длины и стихотворный *tempo* – того же происхождения.

[Вернуться](#)

51

Сто лет спустя, в другую музыкальную эпоху, Арнольд Шенберг мог бы согласиться с творческим желанием Бетховена контролировать темп. В 1926 году он писал: «Не имеет ли автор право указывать, хотя бы в изданиях произведений, которые он публикует *сам*, как он представляет реализацию своих идей?»

[Вернуться](#)

52

Musical Quarterly, Spring 1993.

[Вернуться](#)

53

Это приложение, опубликованное компаниями Touchpress и Deutsche Grammophon в 2013 году, потрясающая вещь. Она дает возможность слушателю следить за исполнением и сравнивать его либо с партитурой 1824 года, либо с другими оркестровыми исполнениями. Сопровождающие комментарии и интервью тоже изумительные.

[Вернуться](#)

54

Концертный зал давно снесли, на его месте сейчас отель «Захер», знаменитый своим фирменным тортом.

[Вернуться](#)

55

Кассеты начала выпускать компания Philips в 1962 году. Они стали настоящим хитом для нового поколения любителей поп-музыки и автовладельцев, но разочаровывали своей ненадежностью и ошеломительным стремлением разматываться; звукозаписывающая индустрия на некоторое время их полюбила (пока их не стали использовать для записи музыки, звучащей по радио; после этого любить стали меньше). Видеодиск, также известный как лазерный диск, отчасти тоже был разработан Philips, но стал по-настоящему популярен только среди пользовавшихся продукцией компании Bang & Olufsen – рядовых и искушенных киноманов, первых ценителей, которые оказались и последними.

[Вернуться](#)

56

Суть войн между форматами записи в основном заключалась в длительности видеокассеты. Если бы кассеты Betamax компании Sony были рассчитаны на 1 час, а кассеты VHS компании JVC – на 2 или 4, то у любителей спорта или кинофильмов не возникало бы проблем с предпочтением. Но был еще один несовместимый конкурент – формат Video 2000 (из-за него Philips и Grundig едва не остались без штанов), и, на краткое время, система VX компании Panasonic. Она представляла собой раннее и примитивное программируемое по времени устройство. Сама коробка называлась «Великая машина времени».

[Вернуться](#)

57

Студия звукозаписи в Лондоне, где записывали свои альбомы многие британские музыкальные группы, включая The Beatles, Duran Duran, Pink Floyd, U2 и др. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

58

С августа 1982 года (когда на рынке появились первые компакт-диски и плееры) и до начала 2008 года в мире было продано примерно 200 миллиардов компакт-дисков. Продукт породил CD-Rom и стал важнейшим способом хранения компьютерной информации. Затем последовали компакт-диски с возможностью записи, DVD и Blue-ray на той же платформе.

[Вернуться](#)

59

Как и во всех остальных треках альбома, авторство этой песни обозначалось «Маккартни – Леннон». Revolver – название 7-го студийного альбома группы The Beatles. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

60

Джордж Мартин (1926–2016) – британский музыкальный продюсер и композитор, работал с «Битлз» на протяжении практически всего времени существования группы. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

61

Имеется в виду регулярное снабжение продовольствием Западного Берлина по воздуху силами США и западноевропейских стран во время блокады города Советским Союзом с июня 1948 по май 1949 года. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

62

National Health Service – Национальная служба здравоохранения Великобритании. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

63

Программа экономической помощи со стороны США европейским государствам, так или иначе пострадавшим во время Второй мировой войны. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

64

Филип Ларкин (1922–1985) – британский поэт, писатель и музыкальный критик. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

65

На самом деле понятие «песенные тропы» тесно связано с мифологией аборигенов Австралии, их географическими

представлениями и практикой ориентирования в пространстве. –
Прим. ред.

[Вернуться](#)

66

Если вы Рэй Чарльз с композицией *What'd I Say* (1959, 6 минут 30 секунд), или Боб Дилан с *Like a Rolling Stone* (1965, 6:13), или Дон Маклин с *American Pie* (1971, 8:42), то вы можете, конечно, продолжать и записывать вторую часть на стороне Б. Самым известным исключением из тренда была песня «Битлз» *Hey Jude*, примечательная тем, что в 1968 году совершенствование техники записи и штамповки пластинок дало возможность записать произведение длительностью 7 минут 11 секунд на одной стороне. На стороне Б ловко появилась *Revolution*.

[Вернуться](#)

67

Mark Katz, *Capturing Sound: How Technology Has Changed Music* (University of California Press, 2004).

[Вернуться](#)

68

Связь между «знакомым» и «популярным» ярче всего проявляется на концертах живой поп-музыки. Если в прошлом посещение премьеры музыкального произведения (скажем, 9-й симфонии Бетховена) воспринималось как повод испытать эмоциональное наслаждение, то теперь это воспринимается как повод пойти в бар. Рассказывают, что Нил Янг (*канадский певец и гитарист. – Прим. ред.*) в один из своих периодов особого упрямства (т. е. в любое

время последних четырех десятилетий), объявил публике, что в первой части его концерта будут звучать новые вещи, а во второй – те, что они уже слышали. Он сыграл новое, а во втором отделении повторил все то же: ведь это они «уже слышали».

[Вернуться](#)

69

По этой и другим причинам многие композиторы и музыканты с сомнением относились к грампластинкам. Они навсегда сохраняют ошибки, они убивают элемент неожиданности. Бела Барток отмечал, что даже запись самого композитора моментально ограничивает «бесконечную вариативность» его музыки. Аарон Копланд писал, что «элемент непредсказуемости, совершенно необходимый для жизни музыки... умирает при втором прослушивании пластинки». Более всего своим неприятием грампластинок прославился Джон Кейдж (*американский композитор (1912–1992)*. – Прим. ред.) Он полагал, что это гиблая идея, и однажды заметил в интервью, что они могут «уничтожить потребность в настоящей музыке... [Пластинки] дают людям возможность думать, что они принимают участие в музыкальном событии, хотя на самом деле это не так». В 1950 году, всего через два года после появления долгоиграющих пластинок, он полусуто писал Пьеру Булезу (тот не ленился пропагандировать этого оригинала), что собирается основать «общество под названием “Капиталисты” (чтобы нас не обвинили в принадлежности к коммунистам); каждый желающий присоединиться должен доказать, что уничтожил не менее 100 музыкальных дисков или одно звукозаписывающее устройство; также каждый присоединившийся автоматически становится Президентом». (Больше узнать о Кейдже и его отношении к звукозаписи можно в книге: David Grubbs, *Records Ruin the Landscape*. Duke University Press, 2014).

[Вернуться](#)

70

Музыкальный прием, заключающийся в периодическом изменении силы, высоты или тембра звука. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

71

Цит. по: 'Produced by George Martin', BBC Arena, 2011.

[Вернуться](#)

72

Биография The Years of Lyndon Johnson должна выйти в пяти томах. К 2015 году Каро опубликовал четыре, причем первый увидел свет в 1982 году. С Линдоном Джонсоном мы еще встретимся в следующей главе.

[Вернуться](#)

73

Британские комики, выступавшие дуэтом. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

74

Бонго – небольшой сдвоенный барабан африканского происхождения, распространенный в качестве музыкального инструмента в Латинской Америке. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

75

Литл Ричард (Ричард Пенниман) (р. 1932) – американский певец, композитор и автор песен. Один из «пионеров» рок-н-ролла. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

76

Нутрициология – наука о питании. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

77

Комбинация завтрака и обеда (от слов breakfast и lunch). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

78

TED (Technology, Entertainment, Design) – американский частный некоммерческий фонд, устраивающий ежегодные конференции. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

79

Гляциология – наука, занимающаяся изучением природных льдов. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

80

Неоднозначную славу он приобрел и тем, что его вторая жена была моложе его более чем на 40 лет.

[Вернуться](#)

81

Его задача на президентских выборах 1948 года была проста (*Термонд баллотировался от Демократической партии прав штатов, созданной специально под эти выборы консервативными демократами-южанами. – Прим. ред.*): противостоять программе гражданских прав президента Трумэна. Термонд победил в четырех южных штатах и набрал 2,4 % голосов; Трумэн совершенно неожиданно для аналитиков общественного мнения прошел на второй срок, победив Томаса Дьюи (*кандидата от Республиканской партии. – Прим. ред.*), выиграв в 28 штатах и набрав 49,6 % голосов.

В 1964 году был принят важнейший в истории страны Закон о гражданских правах. Л. Джонсон, который в это время был президентом, подарил ей авторучку, которой подписал текст закона, со словами: «Вы достойны этого более, чем кто-либо другой».

[Вернуться](#)

82

Линдон Джонсон (1908–1973) – президент США от Демократической партии в 1963–1969 гг. В 1949–1961 гг. – сенатор от штата Техас. В 1961–1963 гг. – вице-президент. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

83

Биограф Термонда Надин Коходас отмечала, что реальная продолжительность его выступления стала такой же неожиданностью для Джин, как и для всех прочих: она «знала, что муж не вернется домой к ужину, но не могла представить, что не увидит его и за завтраком».

[Вернуться](#)

84

Полный текст его выступления можно почитать здесь:
http://www.senate.gov/artandhistory/history/resources/pdf/Thurmond_filibuster_1957.pdf

[Вернуться](#)

85

См.: 'The Last, Hoarse Gasp', *Time*, 9 September 1957.

[Вернуться](#)

86

Лафоллет провел два крупных филибастера: один в 1908-м, другой в 1917 году, когда Америка размышляла о вступлении в войну (он выступал против вооружения торговых судов для борьбы с германским флотом). Речь 1908 года запомнилась преимущественно стаканом молока, который он выпил в ходе выступления: работники кухни Сената, очевидно раздосадованные тем, что приходится оставаться на работе, пока Лафоллет продолжает занудствовать, тайком подмешали ему в молоко несвежее яйцо, и через 18 часов сенатор заявил, что слишком плохо себя чувствует, чтобы продолжать выступление.

[Вернуться](#)

87

От слов Dixie (название территорий Юго-Востока США, входивших во время Гражданской войны 1861–1865 гг. в состав Конфедерации) и democrats (демократы). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

88

За подробностями советую обратиться к книге: Gregory Koger, *Filibustering* (University of Chicago Press, 2010), и обширной статье: Catherine Fisk and Erwin Chemerinsky 'The Filibuster' (Stanford Law Review, vol. 49, no. 2, 1997).

[Вернуться](#)

89

Район на севере Большого Лондона. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

90

Бывают исключения, но их скорее можно расценивать как удовлетворение собственного тщеславия, не имеющие отношения к политическим тенденциям: Венди Дэвис в Техасе, или либертарианский республиканец от штата Кентукки Рэнд Пол, выступавший в сенате 13 часов за использование дронов для шпионажа (и тем самым сознательно оттягивающий вступление в должность Джона Бреннана, назначенного президентом Обамой руководителем ЦРУ). Незадолго до завершения выступления Рэнд упомянул Термонда, восхитившись прочностью его мочевого пузыря.

[Вернуться](#)

91

То есть Чарли Чаплина (1889–1977), Бастера Китона (1895–1966) и Роско Арбакла (1887–1933). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

92

Супергерой Spider-Man появился только в 1962 году, в комиксах издательства Marvel Comics.

[Вернуться](#)

93

По словам Филлипа Л. Венца (работавшего Санта-Клаусом на полную ставку в тематическом парке Санты в Иллинойсе и одного из учредителей Международного зала славы Санта-Клаусов в городе Санта-Клаус, штат Индиана), Стротер был одним из первых, кто по-настоящему выполнял все что полагается Санта-Клаусу и на основании этого стыдил всех, кто выполняет это менее строго. Стротер поднял Санту до «уровня настоящего исполнительского мастерства». Я бы с удовольствием составил ему компанию.

[Вернуться](#)

94

«Стрэнд» – дворец кино на северо-западном углу 47-й улицы и Таймс-сквер в Нью-Йорке. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

95

В фильме Кэрола Рида «Третий человек» (1949). – Прим. ред.

[Вернуться](#)

96

В фильме Альфреда Хичкока «Психо» (1960). – Прим. ред.

[Вернуться](#)

97

Термин «немое кино» – ретроним, словосочетание, возникшее в результате технологического или общественного прогресса. Ретронимами являются также «черно-белое телевидение», «книга в переплете», «жесткий диск» и «аналоговые часы».

[Вернуться](#)

98

Первый флешбэк в кинематографе был применен в фильме *Le fiabe della nonna* (1908). Там бабушка рассказывает историю, которая прерывается наплывами, чтобы подробнее показать детали. Затем очередной наплыв – и мы возвращаемся в настоящее.

Барри Салт также провел скрупулезное исследование изменений длительности сцен фильмов (т. е. времени между сменами плана) на протяжении десятилетий. Проанализировав сотни фильмов, он выяснил, что средняя продолжительность сцен в американских фильмах со стандартной скоростью проецирования в 1920-е годы варьировалась от 3,5 секунды в «Дон Жуане» до 7,5 секунды в «Маге». В Европе дело обстояло иначе. Сцены во французских фильмах «Эльдорадо» и «Рыжик» длятся в среднем по 5 секунд, а в немецких фильмах «Улица» и «Осколки» – 13 и 16 секунд соответственно. Возможно, это одна из причин, по которым

европейские фильмы часто упрекают за растянутость. В 1940-е годы Джордж Кьюкор и Ховард Хоукс увеличили среднюю продолжительность эпизода до 13 секунд. В 1990-е годы Салт заметил существенную разницу между мейнстримовыми голливудскими фильмами в жанре «экшен» (2,2 секунды на сцену в «Детройт – город рока» и 2,6 секунды в «Глубокое синее море») и многими литературными фильмами независимых режиссеров того же года (средняя продолжительность сцены в фильме Вуди Аллена «Мужья и жены» – 28 секунд, в его же фильме «Пули над Бродвеем» – потрясающие 51,9 секунды; сцены в фильме Ричарда Линклейтера с подходящим названием «Бездельник» – 34,5 секунды).

[Вернуться](#)

99

Многие ранние фильмы Д. У. Гриффита смотрятся особенно дергано по сравнению с работами его современников, потому что он специально давал указание снимать на скорости 14 кадров в секунду. Историк кино Кевин Браунлоу предположил, что он просто хотел втиснуть как можно больше в одну 300-метровую катушку: такое ограничение на его фильмы наложил его кинокомпания Biograph. Малая скорость вызывала проблему. От раскаленного проекционного фонаря пленка могла воспламениться. Проекторы оснащали специальными противопожарными колпаками, которые падали, если пленка прокручивалась медленнее, чем 12,2 метра в минуту.

[Вернуться](#)

100

Why Worry? (Зачем волноваться?) – название фильма Ллойда 1923 года. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

101

То есть после налетов немецкой авиации на Лондон во время Второй мировой войны (с сентября 1940-го по май 1941 года). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

102

Читая первый вариант этой главы, редактор оставил пометку на полях: «Как такое возможно?» Возможно, благодаря малюсеньким винтикам, пружинкам, платам, колесикам и камням, а также благодаря грузу на краях балансирующего колеса, храповому механизму, который выравнивает подачу энергии, взаимосвязанных бочонках, барабанчиках, которые создают запас энергии, и анкерной вилке, соединенной с анкерным колесом, отчего и возникает этот тикающий звук. Больше всего изумляет то, что это механическое устройство, основные детали которого – улучшенные детали механизма наручных часов, изобретенных в XVII веке. Тончайшую обработку и некоторые аспекты монтажа производят машины, но дизайн и финальная сборка – дело головы и рук. При всех разговорах об абсурдной стоимости этих часовых механизмов и безумной хитроумности приспособлений остается, все-таки, полнейшее восхищение красотой инженерной мысли. Действительно, «как такое возможно?»

[Вернуться](#)

103

В исторической перспективе задача немного упрощается. В конце концов, был Авраам Луи Бреге (1747–1843), родившийся в Швейцарии и учившийся во Франции. Был еще Антоний Патек, поляк, познакомившийся в 1845 году с французом Адриеном Филиппом. Через шесть лет они основали свою компанию. Но не существует, например, месье Убло (Hublot) и не существует мистера Ролекса (Rolex), по крайней мере, в реальной истории часового дела; это маркетинговые ходы, как и Häagen-Dazs (*американская компания, производящая дорогие сорта мороженого, основатель которой специально дал ей «иностранное» название, чтобы привлечь покупателей.* – Прим. ред.).

[Вернуться](#)

104

Купертино – один из городов Кремниевой долины в США, месторасположение штаб-квартиры компании Apple. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

105

Отсыл к так называемому эффекту бабочки. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

106

В каталоге 1900 года, где предлагались карманные часы по цене от 3 до 250 фунтов стерлингов, компания Smith & Sons заявляла, что «долговечность их часов по сравнению со швейцарскими втрое выше». Они обращали особое внимание на «антимагнитные часы», на которые никаким образом не влияет железнодорожное путешествие или нахождение рядом с источником электроэнергии – в отличие от всех прочих, которые, «к прискорбию», страдают от этого.

[Вернуться](#)

107

Турбийон – вращающаяся платформа, на которой размещаются балансирующая спираль и анкерный механизм, позволяющие нивелировать действие гравитации и повысить точность хода часов.

[Вернуться](#)

108

Военные обязательства Швейцарии значительно сократились в 1815 году с окончанием наполеоновских войн (*согласно Парижскому мирному договору 1815 г. за Швейцарией был закреплен статус нейтрального государства. – Прим. ред.*), но в революционный период производство существенно пострадало.

[Вернуться](#)

109

Впрочем, появление часов-кукушки вообще ничем нельзя объяснить.

[Вернуться](#)

110

Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) – американский предприниматель, шоумен и мистификатор, один из основателей цирка Ringling Brothers and Barnum and Bailey Circus. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

111

Том Холландер (р. 1967) – британский актер. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

112

Всемирное координированное время (UTC) представляет собой Международное атомное время (шкала состоит из примерно 400 атомных часов по всему земному шару), скоординированное с универсальным временем, или солнечным временем, которое определяется скоростью вращения Земли. UTC – стандарт времени,

принятый в большинстве стран мира и поддерживаемый в Международном бюро мер и весов (BIPM), находящемся во французском городе Севр. Оно считается официальным юридическим временем – важным стандартом, по которому определяют, например, начало и окончание действия вашего страхового полиса.

[Вернуться](#)

113

Там также содержится совет: «Может потребоваться ручное вмешательство для корректировки стандартов частоты цезиевых или рубидиевых атомных часов, а также некоторых кварцевых стандартов... в исторической перспективе добавление секунды координации создавало существенные операционные проблемы. Поправка повлияет на все величины координированного времени».

[Вернуться](#)

114

Разумеется, таких множество: люди восстанавливают в памяти моменты славы и катастроф, воспоминания о несчастных случаях и ошибочных решениях; даже поп-звезды бесконечно возвращаются к своим потрясающим, но однократным успехам в чартах – например, Терри Джекс или Норман Гринбаум в грандиозных турах со своими хитами.

[Вернуться](#)

115

После этого он не смог завоевать медаль в забеге на 1500 метров на Олимпиаде в Хельсинки в 1952 году (финишировал четвертым).

[Вернуться](#)

116

Норрису нравились рекорды. Он приобрел известность благодаря телевизионному сериалу «Рекордсмены» и как редактор (совместно с братом-близнецом Россом) «Книги рекордов Гиннесса» и ее производных. Братья Макуиртеры нередко подвозили Баннистера на соревнования на своей машине, и Баннистер говорит, что порой не мог определить, кто из них кто. Норрис известен и как политический деятель, сочетавший в себе реакционный консерватизм и либертарианство; если бы он был жив, то наверняка стал бы активным сторонником Партии независимости Соединенного королевства. Он умер 19 апреля 2004 года. Предыдущим вечером он ужинал с Баннистером; в конце вечера, в присутствии Себастьяна Коэ и прочих он повторил свое знаменитое объявление 1954 года. Росс Макуиртер был убит в 1975 году боевиками ИРА после того, как объявил награду за информацию об исполнителях и заказчиках взрывов, незадолго до этого устроенных в Лондоне.

[Вернуться](#)

117

Мировой рекорд среди женщин, установленный российской спортсменкой Светланой Мастерковой в 1996 году, равен 4.12,56.

[Вернуться](#)

118

26 мая 1969 года. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

119

Джон Пил (1939–2004) – британский радиоведущий, диск-жокей и продюсер. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

120

Видимо, имеется в виду Оскар Писториус (р. 1986) – южноафриканский бегун, шестикратный чемпион летних Паралимпийских игр, признанный в 2014 году виновным в убийстве Ребекки Стенкамп. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

121

День славы Баннистера и раньше возникал на аукционах. Известно как минимум три секундомера, зафиксировавшие время 3.59,4 (кое-кто говорит о пяти). Один из них, наряду с другими памятными вещами Баннистера, выставлен в стеклянной витрине обеденного зала Пемброк-колледжа, где он восемь лет работал директором. Часы, за которыми следит главный хранитель времени Чарльз Хилл, приобретены на аукционе романистом Джеффри Арчером в 1998 году чуть менее чем за 9 тысяч фунтов. Затем Арчер в июне 2011 года перепродал их в пользу спортивного клуба Оксфордского университета. На втором аукционе за них дали уже 97 250 фунтов. Другой секундомер, которым пользовался У. Берфитт, был выставлен на аукционе в мае 2015 года по начальной цене в 5 тысяч фунтов и ушел с молотка за 20 тысяч. В Чипинг-Нортоне я спросил Баннистера, какими часами он сейчас пользуется. Он ответил, что толком не знает, попробовал прочесть, что на них

написано, не преуспел и сказал: «Не думаю, что это какая-то знаменитая марка, но время всегда точно показывают».

[Вернуться](#)

122

Когда фотографию Ута напечатали в полный размер (чего изначально не делали), крупная фигура в правом углу кадра – явно другой фотограф, перезаряжающий камеру.

[Вернуться](#)

123

Кадр, сделанный Утом, был не первой и не единственной фотографией из Вьетнама. Среди других «сбивателей джема» (marmalade dropper – так называли публикации в утренних газетах, от которых читатели роняли свои тосты) – Эдди Адамс с фотографией 1968 года, на которой запечатлено убийство на улице вьетконговца в начале Тетского наступления (еще одно фото, удостоенное Пулитцеровской премии) и Малкольм Браун, заснявший в 1963 году, как тибетский монах Тхить Куанг Дык совершает самосожжение в знак протеста против преследований буддистов проамериканским режимом Нго Динь Дьема. (Если хотите понять, насколько мышление военных фотографов отличается от нашего с вами, пожалуйста: в 2012 году корреспондент журнала Time спросил Брауна незадолго до смерти (он прожил 81 год), о чем он думал, глядя в видоискатель на охваченного пламенем монаха. Он ответил: «Я думал только о том, что это светящийся объект и надо выставить диафрагму f/10, что-то в таком роде»).

Преимущество и влияние отдельных кадров – доля секунды, которая переживает поколение – стало одной из причин, по которым Вьетнам стал последней войной Америки, когда власти разрешали

прессе свободно перемещаться, где угодно. В дальнейшем аккредитованных репортеров обяжут быть «прикомандированными» к определенным воинским частям. Разумеется, это почти всегда подразумевает «полный контроль».

[Вернуться](#)

124

Например, 8 июня 2007 года, ровно через 35 лет с того дня, как он сфотографировал Ким Фук, Ут получил задание сфотографировать Пэрис Хилтон в ходе судебного заседания. «Две девушки в слезах от ужасных страданий», заметила New York Daily News, когда он рассказал о совпадении. «Впрочем, по поводу Пэрис никто не плакал, – разумно заметил Ут. – А вот по поводу Ким Фук плакали все».

[Вернуться](#)

125

Когда я встретился с Утом в Вецларе, у него на шее висела новейшая цифровая модель с выдержкой до 1/4000секунды. Модель M2, которой он пользовался в июне 1972 года, имела минимальную выдержку $1/1000$ секунды.

[Вернуться](#)

126

Подробнее о судьбе Ким Фук см.: cbsnews.com/news/the-girl-in-the-picture. См. также: 'How the Picture Reached the World' by Horst Faas and Marianne Fulton на digitaljournalist.org, и 'Remembering Vietnam' на vanityfair.com, 3 April 2015.

[Вернуться](#)

127

Андре Бретон (1896–1966) – французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма. Александр Родченко (1891–1956) – советский художник, график, фотограф и дизайнер. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

128

В 1958 году Жорж Брак подарил ему вдохновляющую книгу «Дзен в искусстве стрельбы из лука», вышедшую в Германии намного раньше, чем книга Роберта Пирсига «Дзен и искусство ухода за мотоциклом».

[Вернуться](#)

129

River of Shadows: Eadweard Muybridge and the Technological Wild West (Viking, 2003).

[Вернуться](#)

130

Его достижения сказались не только на искусстве фотографии и кинематографе, но и во многих других областях науки и искусства: Эдгар Дега, Марсель Дюшан, Френсис Бэкон, Сол Ле Витт и Филип Гласс признавали его влияние.

[Вернуться](#)

131

Мэйбридж поссорился со спонсором своих первых фотографий движений лошади Лейландом Стэнфордом, бывшим губернатором Калифорнии (Стэнфорду принадлежал Окцидент и другие лошади, которых фотографировал Мэйбридж в 1870-е годы). Стэнфорд заработал состояние на железных дорогах, а когда не занимался скачками, направлял довольно значительные свои средства на благотворительные цели. Часть Стэнфордского университета сейчас располагается на месте бывшей фермы в Пало-Альто, где проводил изучение лошадей Мэйбридж. Некоторые особо проницательные биографы Мэйбриджа на этом основании усматривают прямую связь между новаторской технологией его фотографий и Кремниевой долиной.

[Вернуться](#)

132

Некоторые предметы оборудования Мэйбриджа, его записные книжки и более 150 отпечатков изображений, вошедших в «Движение животных», можно увидеть на постоянной экспозиции рядом с теми местами, где он родился, – в Кингстонском музее. Он вернулся в Англию в 1890-е годы, скончался в 1904 году; на надгробии фамилия написана в последней версии – Maybridge.

[Вернуться](#)

133

Имеется в виду отсутствие на рабочем месте. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

134

George Stalk, Jr. Time – The Next Source of Competitive Advantage, *Harvard Business Review*, July 1988.

[Вернуться](#)

135

Эти новации, основанные на использовании времени, дали возможность японским и другим дальневосточным компаниям-производителям продолжать выпускать телевизоры и товары из прессованной пластмассы в три раза быстрее по сравнению с нормативами, принятыми в США. Время стало более значимым фактором, чем прочие традиционные финансовые показатели успеха. Ведущая роль в технических новшествах и дизайне, возможно, перешла сейчас к цифровой индустрии к Кремниевой долине, но наиболее эффективное массовое производство – от новейших телефонов до самых роскошных книг – сохраняют за собой азиатские предприятия.

[Вернуться](#)

136

То есть их индивидуализации, приспособлении под желания конкретного потребителя. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

137

Идея приравнивания времени к деньгам была популярна уже в Риме 2000 лет назад. Выражение «время – деньги» использовал Бенджамин Франклин в эссе «Советы молодому торговцу от старого» (1748, в составе его мемуаров). Спустя несколько лет он дал более распространенное объяснение, вспоминая свою работу печатником

в Лондоне в 1820-е годы. «Расточитель времени на самом деле транжирит деньги. Я помню достойную женщину, у которой было врожденное понимание ценности времени. Ее муж был сапожником, блестящим мастеровым, но никогда не обращал внимания на пробегающие минуты. Тщетно она пыталась внушить ему, что время – деньги...».

[Вернуться](#)

138

Сохранение национальных ресурсов было разумным стремлением и стало насущной необходимостью через шесть лет, когда Америка вступила в Первую мировую войну. Но уже тогда желание вернуть стране былое величие могло показаться затертым политическим лозунгом. Вера в лучшее прошлое неистребима. Однако кто может сказать, какое прошлое было лучше: то, что видели Тейлор и Рузвельт в 1911 году, или то, какое представлял себе Дональд Трамп в 2016-м?

[Вернуться](#)

139

Соотношение «футо-фунтов» – приблизительный показатель затрачиваемой энергии руками и ногами. Одно время это называлось человеческой «лошадиной силой». Деятельность Тейлора в этой области вскоре продолжили Фрэнк и Лилиан Гилбрет. Применение их психологических и пространственных методов работы вылилось в более глубокое изучение «времени и движений» на рабочем месте. В целом говоря, супруги Гилбрет привнесли дополнительный человеческий фактор в изучение управления организацией труда, акцентировав внимание на потенциале человеческого капитала в целом (а не только на выпуске продукции),

тем самым указав путь для более современных форм управления персоналом и «человеческими ресурсами». Они также применяли свой метод организации времени и движений в семье, в которой было 12 детей. Подробно об этом рассказывается в написанном их детьми юмористическом автобиографическом романе «Дюжиной дешевле» (*Cheaper by the Dozen*).

[Вернуться](#)

140

Знаменитое эссе Э. П. Томпсона «Время, трудовая дисциплина и индустриальный капитализм» (журнал *Past and Present*, 1967) содержит изумительный обзор распределения и использования часов и прочих механизмов, измеряющих время на рабочем месте. Он пишет, что в начале XIX века в промышленно развитой Англии поразительно большое число рабочих имело карманные часы, которые являлись, пожалуй, их самым дорогим и ценным имуществом. Но на бумагопрядильных фабриках и прочих предприятиях ими зачастую запрещали пользоваться. Рабочим не позволялось контролировать время производительности по своим часам; начальником выступало само время: хозяева нередко по вечерам переводили стрелки заводских часов назад, чтобы искусственно увеличивать продолжительность рабочего дня.

[Вернуться](#)

141

Тейлор писал, что используемый им американский термин *soldiering* («солдатская работа», симуляция) соответствует английскому *hanging it out* («прохлаждаться») и шотландскому *sa canae*.

[Вернуться](#)

142

Джеймс Уатт (1736–1819) – шотландский инженер, изобретатель универсальной паровой машины, которая положила начало промышленной революции. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

143

Чаплин говорил, что «Новые времена» – это размышления по поводу Великой депрессии и бездушности занятий, которые смогли преодолеть ее (кадры, снятые на фабрике, занимают лишь первую четверть фильма). Однако то, что многие зрители усмотрели связь с Фордом, следовало ожидать. Чаплин посещал Генри Форда и его старшего сына Эдсела в городке Хайленд-парк в пригороде Детройта в 1923 году. Сохранилась фотография, где они все стоят на фоне огромного механизма, который был бы вполне уместен в кинофильме.

[Вернуться](#)

144

Впрочем, одно из предсказаний Кейнса практически невозможно оспорить. «В конечном счете, – сказал он, – мы все умрем».

[Вернуться](#)

145

Модель Собга, выпущенная в июле 2015 года ограниченным тиражом в 88 экземпляров, имеет циферблат диаметром 57 миллиметров (поистине гигантский), и отражает тенденцию к исключительно массивным медальонам. Их создатель, испанец

Франк Вила, – самоучка и, по словам Офелии, «не оставляет ничего на волю случая».

[Вернуться](#)

146

Место, где во время Второй мировой войны располагался британский криптографический центр, занимавшийся дешифровкой немецких кодов. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

147

Аэроплан провел гораздо больше времени в контейнерах, перемещаясь на автомобилях и кораблях, чем в воздухе. Сражение за право его экспонировать сопоставимо с битвами за мраморы Элгина. Первые 13 лет после полета он провел в ящиках в ангаре в Дейтоне, штат Огайо, потом в 1916 году недолго проветрился в Массачусетском технологическом институте. В 1917–1919 годах несколько раз путешествовал на разные выставки и инженерные шоу, и все это время между Орвиллом Райтом и Смитсоновским институтом шли споры, тот ли это аэроплан, который впервые в мире поднялся в воздух.

[Вернуться](#)

148

Argos – одна из крупнейших торговых сетей в Великобритании. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

149

В оригинале – Онегин. – Прим. ред.

[Вернуться](#)

150

Журнал *New York Times*, 9 июля 1995.

[Вернуться](#)

151

Рекорд усложнений сейчас – 57. Он установлен компанией Vacheron Constantin, выпустившей в сентябре 2015 года модель Tivoli. Это карманные часы в викторианском стиле, способные имитировать звон колоколов Биг-Бена, имеющие еврейский вечный календарь со специальными уведомлениями о Йом Кипуре, долготе ночи, моментах равноденствия и солнцестояния и много чего другого. Предыдущий рекорд принадлежал модели Aeternitas Mega 4 компании Franck Muller. AM 4 до сих пор считается самыми сложными наручными часами. В них 1483 компонента и 36 усложнений, 25 из которых видимые. Они оснащены *grande sonnerie*, повторяющим звон часов на башне Вестминстерского собора, григорианским календарем, показывают фазы луны с погрешностью в 6,8 секунды за лунный месяц. Бренд Frank Muller по праву гордится своим достижением. Под заголовком «Шедевр» он хвастается: «Эти часы вызывают бесчисленные эмоции как исключительное произведение часового дела и просто уникальны в глазах ценителей искусства точной механики и роскошных творений часовых мастеров». Стоят они 2,7 миллиона долларов.

[Вернуться](#)

152

Special One – Особенный, прозвище Моуриньо. – Прим. перев.

[Вернуться](#)

153

Но к сентябрю 2015 года ситуация ухудшилась. Стоимость экспорта швейцарских часов упала на 7,9 % по сравнению с предыдущим годом. Самое сильное снижение наблюдалось в Гонконге и Соединенных Штатах. В сегменте рынка часов стоимостью от 200 до 500 швейцарских франков, который более всего пострадал от Apple Watch, новости еще хуже: там падение составило 14,5 %.

[Вернуться](#)

154

Timex позиционирует себя как «Неизменны с 1854», но в этом чисто экономический расчет. Timex Corporation основана только в 1969 году, это новое название американской Time Corporation, которая, в свою очередь, возникла на руинах Waterbury Clock Company, основанной, правда, в 1854 году. Своим успехом послевоенных лет компания обязана скромному норвежцу, бежавшему в 1940 году из оккупированной нацистами страны, Иоакиму Лемкулю. В 1942 году он стал президентом компании Waterbury в Коннектикуте, и с производства часов компания переориентировалась на изготовление предохранителей для взрывчатых устройств, поставляемых британским вооруженным силам. Но его главным достоинством оказалось то, что утратили швейцарцы: любовь к новаторству и изобретательству. В то время огромного успеха добилась американская компания Ingersoll с часами стоимостью 1 доллар, хотя и крайне ненадежными. Лемкуль не видел причин, по которым американцы не могут знать точное

время, с чем смирились, или, по крайней мере, были вынуждены смиряться до тех пор, пока не могли позволить себе приобрести другие часы за 10 долларов. Эти часы вызвали настоящий бум американского консюмеризма, подогреваемый, к тому же, патриотическими соображениями. Часы продавались не в обычных уважаемых ювелирных торговых точках, а как стиральный порошок – в сетевых магазинах F. W. Woolworth и др., а также через популярные каталоги. Это сработало.

[Вернуться](#)

155

Здесь и выше – перевод О. Варшавер и Т. Тульчинской. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

156

Многие компании претендуют на «изобретение» наручных часов – разработку, которая позволяла клиентам достать часы из кармана и закрепить их на запястье. Претензии Breguet более основательны: в их книге заказов имеется запись о том, что небольшие овальные часики с серебряным циферблатом были изготовлены для Каролины Мюрат, младшей сестры Наполеона Бонапарта, со специальным креплением для браслета.

[Вернуться](#)

157

Реклама пива «Гиннесс». – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

158

Пропагандистский слоган времен Второй мировой войны, аналогичный по смыслу советскому «Болтун – находка для шпиона!» – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

159

Британский пропагандистский слоган, появившийся в 1939 году в начале Второй мировой войны. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

160

Слоган, первоначально созданный лондонским рекламным агентством HNCL для рекламы краски и превратившийся впоследствии в идиому, подразумевающую, что описание точно соответствует тому, что оно описывает. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

161

Больше всего мне нравится реклама для Tripp Luggage. Некоторое время назад, до того, как все чемоданы обрели по четыре колеса, большим новшеством стали чемоданы, увеличивающиеся в размерах. Расстегиваешь молнию отделения и – voila! – чемодан становится на треть больше. На рекламе Leagas Delaney был изображен пухлый чемодан и текст: «Растяжимый чемодан. Теперь вы можете воровать не только туалетные принадлежности, но и банные халаты».

[Вернуться](#)

162

Armstrong – комбинация слов arm (рука) и strong (сильный). –
Прим. ред.

[Вернуться](#)

163

Speedmaster, разумеется, не первые часы, побывавшие в космосе. Когда Юрий Гагарин 12 апреля 1961 года промчался в корабле «Восток» над Землей, у него на руке были гораздо менее сложные «Штурманские», армейские часы, выпускаемые в Москве, которые после войны вручались многим советским военачальникам. Сегодня потрясающая новая модель Speedmaster обойдется вам примерно в 3500 фунтов, а специальные выпуски – еще дороже. Новую памятную версию гагаринских «Штурманских» (уже кварцевых, а не механических) можно приобрести за 100 фунтов.

[Вернуться](#)

164

Она еще и часть империи Джеймса Бонда. Их последнее создание – модифицированный Speedmaster 300 с черно-серым натовским ремешком – появилось в фильме «007. Спектр» и почти сразу же – в шикарных бутиках и журналах. Демонстрационная модель стоимостью 4785 фунтов выпущена, вполне предсказуемо, ограниченным тиражом 7007 экземпляров. Когда Кью (Бен Уишоу) передает Бонду (Дэниел Крейг) часы в неперемнной сцене с гаджетами, Бонд спрашивает: «Они что-нибудь делают?» Кью отвечает: «Они показывают время». Когда позже Бонд оказывается в затруднительном положении, часы взрываются, открывая ему путь к спасению.

[Вернуться](#)

165

Фантастика! Если у вас не найдется времени прочитать *The 12-Week Year: Get More Done in 12 Weeks Than Others Do in 12 Months* (208 страниц), доступна сокращенная версия, сохраняющая все самое ценное (34 страницы).

[Вернуться](#)

166

Безупречный источник – материал под названием ‘The Busy Person’s Guide to the Done List’ на сайте idonethis.com

[Вернуться](#)

167

Фамилию Scully можно перевести как «Быстрова». – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

168

Разумеется, появились и сопутствующие товары. Аудиокнига, которую можно было прослушивать на кассете в плеере автомобиля, первой перевалила за миллион экземпляров. Следующая книга – «Жить, используя семь навыков» – предлагает личный опыт жизни в реальном мире. А когда вы решите, что освоили все навыки, почитайте следующую: «Восьмой навык: от эффективности к величию».

[Вернуться](#)

169

Майндфулнесс (*англ.* MindFulness) – научно обоснованный метод умственной тренировки с помощью медитативных техник. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

170

«Анна из пяти городов», «Клейхэнгер»; пикша и пармезан.

[Вернуться](#)

171

Есть редкие исключения: роман Э. Б. Браунинг «Аврора Ли» выделен Беннеттом как сильное произведение с «социальными идеями». Но это роман в стихах.

[Вернуться](#)

172

Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский писатель, поэт и философ. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

173

«Выживальщика». – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

174

Оноре занимается этой темой давно. Он – автор популярного евангелия медлительности «Без суеты» (2004) – убедительного и очень логического объяснения пользы более медитативного стиля жизни. «Что вы делаете в первую очередь, просыпаясь утром? Раздвигаете занавески? Поворачиваетесь на бок, чтобы обняться с подушкой или вашим партнером? Выпрыгиваете из постели и совершаете десяток отжиманий, чтобы поднять давление? Нет, первое, что вы делаете, и первое, что делают все, – смотрите, сколько времени». Часы, утверждает он (и кто бы с ним спорил?) дают нам опору, объясняют, как реагировать. Мы рано проснулись или слишком поздно? «С самого момента пробуждения часы распоряжаются нами». Его книга отстаивает другой путь.

[Вернуться](#)

175

Он пишет, что за 20 лет, начиная с 1992 года, средняя продолжительность работы главного тренера профессиональной футбольной команды в Англии сократилась с 3,5 до 1,5 года.

[Вернуться](#)

176

Два первых примера – с сайта Dose.com, который представляет себя как «Развлечение. Нерд. Силь. Голливуд. Мир. И больше». Список «8 часов» взят с сайта компании BuzzFeed и составлен человеком по имени Джастин Абарка.

[Вернуться](#)

177

В принципе, Биг-Бен – это название самого большого колокола на часовой башне, а не самих часов с четырьмя циферблатами. Да и часовая башня сейчас официально называется Башней Елизаветы.

[Вернуться](#)

178

Зэди Смит (р. 1975) – британская писательница. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

179

Слэпстик – утрированно-комический жанр, получивший название от одноименной хлопушки (slapstick), использовавшейся для озвучивания пощечин и шлепков в немом кино. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

180

См.: theclockmarclay.wiki.com. Судя по заполненным и пустым позициям, фильм наиболее интенсивно просматривается и размечается в период между 13:30 и 19:20. Но с 19:20 и до полуночи (за исключением плотно просмотренного куса между 22:15 и 22:45) практически голая пустыня. Неужели в это время фильм никто не смотрит? Или заглядывают и засыпают? А может, их так захватывает, что никто не в силах оторваться и сделать записи?

[Вернуться](#)

181

Мы давно уже поняли, как технологии диктуют продолжительность потребления развлечений. Кинематограф предоставляет множество

опций для просмотра (много экранов на протяжении нескольких недель), но на телевидении и радио – более жесткие ограничения. Длительность программы диктуется простотой составления расписания по получасовым слотам (мало какие передачи начинаются в 20:55, еще меньше – в 9:17) и тем, что раньше считалось максимально возможным диапазоном привлечения внимания. Но потом возникли два явления, которые вырвали время из жестких тисков расписания. Появление видеомагнитофонов и потоковых мультимедиа, кажется, освободило нас от тирании экрана; мы можем организовывать свою жизнь, не беспокоясь пропустить развязку очередного эпизода захватывающего телесериала. Смотреть стриминговые программы сегодня – все равно что читать книги: зритель сам выбирает темп и длительность просмотра. А «запойное смотрение» – точная копия чтения романа, «от которого нельзя оторваться». На самом деле во многих домах сериалы полностью *вытеснили* романы. В результате мы, конечно, смотрим больше, чем раньше, и следующая серия появляется раньше, чем мы успеваем выключить телевизор («это *они* виноваты!»). На Netflix и Amazon Video появились восьми- и десятичасовые сериалы, которые изменили программирование вещания, и, скорее всего, к лучшему: сериал не обязан захватывать зрителя с самого первого эпизода, чтобы он вернулся к просмотру через неделю, и сюжет может развиваться более неспешно (если это не сериал типа «24 часа», в котором напряженные краткие вводные части встраиваются в сюжет как закрученная пружина). Но все чаще каналы на это плевать хотели, особенно в периоды праздников и отпусков: 24-часовой сериал Family Guy («Гриффины») и 24-часовой Friends («Друзья») крутятся как получасовые выпуски новостей на CNN или Sky News.

[Вернуться](#)

Фильм Сэм Тейлор-Вуд, показывающий спящего Бекхэма после тренировки в «Реал Мадрид», был представлен в Национальной портретной галерее в 2004 году.

[Вернуться](#)

183

Примечательно, что в 2014 году на кинофестивале странного кино Fringe Film and Video в китайском Шеньчжэне фильм для показа был существенно урезан – до девяти дней.

[Вернуться](#)

184

Название отсылает к эссе француза Альфреда Жарре «Комментарии и инструкция для практического создания машины времени» (1899). Это было строго научное исследование, написанное недавно появившимся языком современной физики, который популяризировал лорд Кельвин, на тему о том, как фантастическая машина времени, о которой написал Герберт Уэллс четырьмя годами ранее, может стать реальностью.

[Вернуться](#)

185

ТАРДИС (TARDIS, Time And Relative Dimension In Space) – космический корабль и одновременно машина времени из фантастического сериала «Доктор Кто». Снаружи выглядит как лондонская полицейская телефонная будка синего цвета, но обладает колоссальными внутренними размерами. – *Прим. ред.*

Поясню значение фразы «штамповать время». Ее не надо понимать буквально. Рабочий на заводской проходной вставлял

специальную карточку в электронное устройство, которое печатало на ней время прихода и ухода с работы.

[Вернуться](#)

186

С материальной ценностью проще. В 2001 году в Нью-Йорке на аукционе «Сотбис» один из его дней (FEB.27,1987) был продан за 159 750 долларов. Но некоторые дни ценятся дороже прочих: в июне 2006 года на «Сотбис» в Лондоне картины MAY.21,1985 и JULY.8,1981 продали за 209 600 фунтов стерлингов каждую. В октябре 2012 года, тоже в Лондоне, JAN.14,2011 ушел за 313 250 фунтов. А в июле 2015 на аукционе «Сотбис» в Лондоне OCT.14,1981 продали за 509 000 фунтов. Увеличение можно объяснить временем, инфляцией, ростом репутации художника, его смертью в 2014 году и общим сумасшествием. Интерес Кавары к смерти и бренности жизни нашел и другие выходы. В течение нескольких лет он ежедневно отправлял друзьям телеграммы с одно фразой: «Я ЕЩЕ ЖИВ».

[Вернуться](#)

187

Часы для Паркер изготовила часовая компания Smith of Derby, а оригинальные – производства компании Dent of London, той же, что делала часы на Биг-Бен. Впрочем, оригинальные часы совсем не являются оригинальными. Те еще в 1970-е годы собралась продать компания British Rail, чтобы выручить деньги для реконструкции вокзала (как говорили, одному американскому коллекционеру за 250 000 фунтов), но в процессе демонтажа их уронили. Фрагменты приобрел за 25 фунтов бывший машинист, пенсионер по имени Роланд Хоггард. Он более года их восстанавливал, после чего повесил на стену амбара в своем саду в Ноттингемшире (в амбаре

когда-то стоял паровой двигатель). Компания Dent, опираясь на реставрированные часы Хоггарда, создала новые и повысила точность хода. Теперь золоченые стрелки оснащены прибором GPS и контролируются ежеминутно.

[Вернуться](#)

188

Политическая партия Великобритании, выступающая за выход страны из Евросоюза. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

189

Бруксайд (Brookside) – небольшая фешенебельная улица в Лондоне. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

190

В 150-м выпуске журнала Icon опубликован список слов, которые следует запретить. В основном они связаны с культурой медленной жизни: *экология, наставничество, кустарный, ремесло, эмпирический, устойчивый, скандинавский и постоянный*. Последнее определяется так: «прилагательное. Планируемое надолго, но обреченное быть замененным через год».

[Вернуться](#)

191

Аргентинский крейсер, потопленный британской подводной лодкой во время Фолклендской войны в мае 1982 года. – *Прим.*

перев.

[Вернуться](#)

192

Расстояние, которое проходит тот или иной пищевой продукт от места его производства до конечного потребителя. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

193

На самом деле все это началось намного раньше. Сеть «Макдоналдс» появилась в Калифорнии в 1940-е годы и популяризация их бургеров через систему быстрого обслуживания помогла распространению идеи однообразного фастфуда. Но на первенство в области фастфуда претендует другая сеть – «Уайт Касл» (White Castle), возводящая свою историю к 1921 году. Это они придумали оригинальный «слайдер» – небольшой квадратный бургер с луком, который изготавливали на промышленной конвейерной линии и продавали по цене 5 центов за штуку. Посетителей первого их ресторана в Канзасе соблазняли предложением «покупать их мешками»; при заказе на вынос можно было приобрести 5 бургеров за 10 центов.

[Вернуться](#)

194

Каламбур, основанный на одинаковом звучании в английском языке слов source (источник) и sauce (соус). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

195

Радость жизни, жизнерадостность. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

196

Тауэр был полной противоположностью Уотерс, хотя она ценила его яркость и внимание, которое он уделял кухне. Он уехал в Нью-Йорк и основал ресторан «Звезды» (Stars) (*ресторан Stars был открыт Тауэром в Сан-Франциско. – Прим. ред.*), где все повара стремились перещеголять друг друга, создавая кулинарные цирковые феерии для способных оценить их искусство клиентов. Молекулярная гастрономия нашла себе благоприятное место на американской почве и породила такие таланты, как Доминик Кренн. Это было также антитезисом фастфуду: интеллектуальная, трудоемкая и близкая к искусству. Такую еду не приготовить дома. А ресторан «У Панисса» вернулся к корням: прекрасные блюда из ягнатины и курятины на открытом огне.

[Вернуться](#)

197

Цитрусовое растение, гибрид цитрона, мандарина и помело. –
Прим. ред.

[Вернуться](#)

198

Дордонь – департамент на юго-западе Франции. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

199

После начала (фр.). – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

200

Британский повар, ресторатор, автор книг по кулинарии. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

201

Имеются в виду теракты в Париже 13 ноября 2015 года, ответственность за которые взяло на себя группировка Исламское государство, запрещенная в России. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

202

Джанкфуд (*англ.* junkfood – мусорная еда) – пища, содержащая много калорий, жиров, сахара, но мало витаминов, белков, минералов и др. биологически полезных ингредиентов. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

203

Одиз из вариантов сахарозаменителя. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

204

Города Кремниевой долины в США. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

205

Слоан был врачом, специалистом по дизентерии и глазным болезням, и был лечащим врачом Сэмюэля Пипса (*британский морской чиновник и член парламента, известный главным образом как автор дневника, который стал важным историческим источником.* – *Прим. ред.*) и трех английских монархов. Он также известен достижениями в области прививок от оспы и изобретением шоколадного молока – все это он привез с собой из дальних странствий. Он дожил до 92 лет, что большая редкость для XVIII столетия и, соответственно, имел много времени для коллекционирования. Скончался Слоан в 1753 году. Перед смертью он согласился продать свою коллекцию Короне с условием, что после его смерти семье будет выплачено 20 000 фунтов. В Лондоне территорией его врачебной ответственности был район Челси; в его честь названа площадь Слоан-сквер и несколько переулков в районе Найтсбридж.

[Вернуться](#)

206

Законы и правила попечителей, 1757 год.

[Вернуться](#)

207

Цит. по: Edward J. Miller, *That Noble Cabinet* (London, 1974).

[Вернуться](#)

208

Повествование – самое главное, как во времена начала существования музея, так и для нынешних поколений. Люди не будут стоять в бесконечных очередях на Тутанхамона, чтобы просто посмотреть золото; они хотят быть участниками повествования об открытии. То же самое с Грейсоном Перри (*современный британский художник. – Прим. ред.*): здесь нарратив в эксцентричности художника и крайней непредсказуемости его кураторства.

[Вернуться](#)

209

Бертран Рассел (1872–1970) – британский математик, философ и общественный деятель, известный своими антивоенными взглядами. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

210

Евгений Рабинович (1898–1973) – американский биохимик. Родился в Санкт-Петербурге, в 1920 году эмигрировал из Советской России вместе с родителями. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

211

Пластиковая карта для платы за пользование общественным транспортом в Лондоне. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

212

Уильям Дэниел Хиллис (р. 1956) – американский инженер, математик и предприниматель. Стюарт Бранд (р. 1938) – американский эколог, писатель, общественный деятель, издатель журнала «Каталог всей Земли» (The Whole Earth Catalog). Брайан Ино (р. 1948) – британский композитор, работающий в жанре электронной музыки. – *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

213

Глубокое время – геологический эквивалент рекламы Patek Philippe: на самом деле вы не живете на Земле, вы просто бережете ее для следующих поколений или нового ледникового периода. Термин показывает различие между нашим временем (временем в Швейцарии, временем на наших смартфонах) и несколько более продолжительным, например временем существования Земли (примерно 4,45 миллиарда лет). Грустное различие: если слишком долго думать о несущественности нашего пребывания на планете, можно никогда не вставать с постели.

[Вернуться](#)

214

Мы уже встречались с Вальтером Беньямином в примечаниях ко второй главе. Образ черепахи появляется в его «Проекте Аркада» – эссе, написанных между 1927 и 1940 годами, в которых автор наблюдает на улицах аутентичную, как ему кажется, жизнь Парижа. Образ фланера восходит к Бодлеру, который жил на сто лет раньше. А связь между черепахой и временем восходит к Эзопу. Но самая уместная выражена в концовке анекдота, который приводит Стивен Хокинг в своей не очень понятной книге «Краткая история времени». Автор рассуждает об абсурдности космологии и логичности мира. Мир, как полагает «маленькая пожилая леди», случайно попавшая на лекцию знаменитого ученого (по некоторым сведениям – Бертрана Рассела), утверждает, что мир плоский и стоит на спине гигантской черепахи. «Но на чем стоит черепаха?» – спрашивает ее ученый. Ответ следует незамедлительно: «Черепаха – на другой черепахе, та – тоже на черепахе, и так далее, и так далее».

[Вернуться](#)

215

Перевод О. Сивченко, цит. по: Саган К. Голубая точка. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – *Прим. перев.*

[Вернуться](#)